

ISSN 2708-1095

Государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы»

**«ДОЛГИЙ XIX ВЕК»
В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО НОВОЙ
И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ**

Сборник научных трудов

Основан в 2017 году

Выпуск 5

Минск
РИВШ
2021

Рекомендовано
редакционно-издательской комиссией
ГУО «Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 6 от 28 декабря 2020 г.)

Редакционная коллегия:	Editorial Board:
чл.-кор. НАН Беларуси, д-р ист. наук, проф. <i>И. А. Марзалюк</i> (пред.);	Corresponding Member of the NSA of Belarus, Doctor of History, Prof. <i>I. A. Marzalyuk</i> (chairman);
канд. ист. наук, доц. <i>С. Ф. Шимукович</i> (отв. за выпуск);	Doctorate in History, Associate Professor <i>S. F. Shymukovich</i> (rel. for the release);
д-р ист. наук, проф. <i>В. А. Космач</i> ;	Doctor of History, Prof. <i>V. A. Kosmach</i> ;
д-р ист. наук, проф. <i>В. С. Кошелев</i> ;	Doctor of History, Prof. <i>V. S. Koshelev</i> ;
д-р ист. наук, проф. <i>Г. Г. Лазько</i> ;	Doctor of History, Prof. <i>G. G. Lazko</i> ;
д-р истории <i>О. Мастяница-Станкевич</i> (Литва, Вильнюс);	Doctorate in History <i>O. Mastianitsa-Stankevich</i> (Lithuania, Vilnius);
д-р ист. наук, проф. <i>С. И. Никонова</i> (Россия, Казань);	Doctor of History, Prof. <i>S. I. Nikonova</i> (Russia, Kazan);
д-р ист. наук, проф. <i>И. Р. Чикалова</i> ;	Doctor of History, Prof. <i>I. R. Chikalova</i> ;
д-р ист. наук, проф. <i>В. И. Яковчук</i> ;	Doctor of History, Prof. <i>V. I. Yakovchuk</i> ;
канд. ист. наук, доц. <i>В. А. Сосно</i> ;	Doctorate in History, Associate Professor <i>V. A. Sosno</i> ;
канд. ист. наук, доц. <i>В. А. Теплова</i>	Doctorate in History, Associate Professor <i>V. A. Teplova</i>

Д64 «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы:
исследования по Новой и Новейшей истории : сб. науч. тр. Вып. 5 /
редкол.: *И. А. Марзалюк* (пред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2021. – 268 с.

Сборник научных трудов содержит научные статьи о разных аспектах развития Восточной Европы и территории современной Беларуси в период, обозначенный Э. Хобсбаумом как «долгий XIX век».

Включен ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам и археологии.

Адресован профессиональным и начинающим исследователям, преподавателям, студентам и всем, кто интересуется историей нового времени Беларуси.

РАЗДЕЛ 1. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 94(474.3)"16/18"(271.5)

ЕЖЕГОДНЫЕ ОТЧЕТЫ АРХИВА ДИНАБУРГСКОЙ КОЛЛЕГИИ ИЕЗУИТОВ В КОНТЕКСТЕ РЕКАТОЛИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИИ ЛАТГАЛИИ (XVII–XIX ВЕКА)¹

Богданович Т. В.

Институт Истории Латвии, Рига, Латвия

В статье анализируются документы архива Динабургской коллегии иезуитов, опубликованные в 1940–1941 гг. в Риге. Автор ставит две задачи: определить специфику опубликованных источников и раскрыть информативный потенциал документов, акцентируя внимание на вопросах, связанных с рекаатолизацией Латгалии в XVII–XVIII вв. Рассматриваются две группы документов архива динабургских иезуитов. Первая группа – «Historia Residentia Dineburgensis S. J.» – это деловые отчеты, содержащие информацию по таким вопросам, как характеристика территории Латгалии, экономическая деятельность ордена, храмы ордена иезуитов и их внутреннее убранство. Вторая группа – «Litterae annuae Residentiae Dinaburgensis S. J.» – отчеты о духовной деятельности иезуитов. Этот тип отчетов содержит в основном статистические данные – количество прихожан, принявших святыя таинства: крещение, исповедь, Евхаристию, миропомазание, брак и благословение помазания, за определенный год. Тематический анализ документов из архивов Динабургской иезуитской коллегии выявил многогранный характер информации по вопросу рекаатолизации населения территории Латгалии в XVII–XVIII вв. Документы позволяют изучить условия, в которых происходила рекаатолизация, ее темпы, методы и способы борьбы иезуитов с протестантскими конфессиями и языческими культурами. Информация, извлеченная из документов, также косвенно указывает на восприятие местным населением распространения католической веры.

Ключевые слова: Динабург; иезуиты; архив иезуитов; рекаатолизация; Латгалия.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке программы Государственных исследований Латвийского Ученого совета в рамках проекта VPP-IZM-2018/1-0018 «Взаимодействие между человеком, обществом и государством в процессе истории Латвии: противоречивые ценности и формирование общих ценностей в исторические поворотные моменты».

ANNUAL REPORTS OF THE ARCHIVE OF THE DINABURG COLLEGE OF JESUITS IN THE CONTEXT OF THE RECATOLIZATION OF THE TERRITORY OF LATGALE (17th–19th CENTURIES)²

Bogdanovica T.

Institute of Latvian History, Riga, Latvia

The article analyses the documents of the archives of the Dinaburg College of the Jesuits, published in 1940–1941 in Riga. The author puts forward two tasks: the first is to determine the specifics of the published sources, the second is to reveal the informative potential of the documents, emphasizing the issues related to the re-catholicization of Latgale in the 17th – 18th centuries. The article discusses two groups of documents of the archives of the Dinaburg Jesuits. The first – «Historia Residentia Dunenburgensis S. J.» is business reports. This group of documents contains information on such issues as the characteristics of the territory of Latgale, the economic activity of the order, the temples of the Jesuit order and their interior decoration. The second group of documents – «Litterae annuae Residentiae Dunenburgensis S. J.» represents reports on the spiritual activities of the Jesuits. This type of reports contains mainly statistical data – the number of parishioners who received holy sacraments: baptism, confession, Eucharist, chrismation, marriage, and blessing of anointing, for a certain year. A thematic analysis of documents from the archives of the Dinaburg Jesuit Collegium revealed the multifaceted nature of information on the issue of recatholicization of the population of the territory of Latgale in the 17th – 18th centuries. The documents make it possible to study the conditions in which the recatholicization took place, its pace, methods, and ways of the Jesuits' struggle against Protestant confessions and pagan cults. The information extracted from the documents also indirectly indicates the perception of the local population of the spread of the Catholic faith.

Keywords: Dinaburg; Jesuits; archives of the Jesuits; recatholicization; Latgale.

Архив Динабургской коллегии иезуитов был опубликован в Риге в 1940–1941 гг. в двух частях [6, с. 242–459; 7, 349–381]. Основная часть документов архива относится к самому малоизученному периоду истории Латгалии³ – XVII–XVIII вв., что обусловлено сложностями в выявлении источников. По утверждению латвийского историка Болеслава

² This article was prepared with the financial support of the State Research Program of Latvian Council of Science within the framework of the project VPP-IZM-2018/1-0018 «Interaction between the individual, the society and the state in process of the history of Latvia: conflicting values and formation of shared values during historical turning points».

³ Восточная часть Латвии в рассматриваемый период входила в состав Речи Посполитой под названием Княжество Инфлянтское.

Брежго, большая часть документов, относящихся к вышеупомянутой территории, была уничтожена или пропала без вести в результате революций 1905 и 1917 гг. [4, с. 6]. В связи с этим архив Динабургской коллегии иезуитов приобретает исключительное значение в исследовании исторических процессов, происходивших на территории Латгалии в XVII–XVIII вв.

Несмотря на свою уникальность и доступность для широкой аудитории⁴, комплекс документов иезуитского архива до сих пор остается мало изученным. В своих исследованиях латвийские историки главным образом ссылались и продолжают ссылаться на введение, написанное составителем сборника иезуитом Йозефом Клейентенсом, игнорируя опубликованные в данном издании первоисточники [5, с. 168; 10, с. 148–149]. Такой подход привел к укоренению в латвийской историографии двух не вполне корректных тезисов. Первый – орден иезуитов являлся основным агентом рекатолизации Инфлянт⁵ [5, с. 168]. Второй – иезуиты в Инфлантах столкнулись с агрессивной оппозицией лютеран [10, с. 148–149]. Однако анализ документов архива Динабургской коллегии иезуитов, проводимый в 2018–2021 гг. в рамках программы Государственных исследований Латвийского Ученого совета, опровергает упомянутые тезисы [1, с. 49]. Вышесказанное убеждает в необходимости проведения источниковедческого анализа комплекса документов архива Динабургской коллегии иезуитов. В связи с этим перед автором данной статьи стоят две задачи: первая – определить специфику опубликованных источников, вторая – выявить информативный потенциал документов, акцентируя вопросы, связанные с рекатолизацией Латгалии в XVII–XVIII вв.

Территория Латгалии вошла в состав Речи Посполитой в 1569 г. Поскольку этноконфессиональную основу данной территории составляли лютеранское немецкое дворянство и латышские крестьяне, формально являющиеся лютеранами, но в реальности придерживающиеся языческих традиций, актуальным для правящей элиты Речи Посполитой стал вопрос о рекатолизации населения Латгалии. В конце XVI в. иезуитом Антонио Посевино был разработан план по возвраще-

⁴ Сборник документов Динабургской коллегии иезуитов опубликован в формате pdf на странице: <http://lingua.id.lv/LatinPages/Dunaburgensis.pdf> (Дата доступа: 11.05.2021).

⁵ Территория бывшей Ливонской конфедерации, включавшая северную, центральную и восточную части современной Латвии.

нию жителей данной территории в лоно Римско-католической церкви [2, с. 53]. Реализация данного плана возлагалась на орден иезуитов [5, с. 184]. Первая иезуитская коллегия на территории Латвии была основана в 1583 г. в Риге. Согласно плану Антонио Посевино и Стефана Батория, она должна была стать опорным пунктом по рекатолизации не только территории бывшей конфедерации Ливонии, но и Московского государства [5, с. 185].

Однако в ходе польско-шведской войны Рига в 1621 г. была взята шведскими войсками, в результате чего иезуитам пришлось покинуть город. Часть братьев вернулась в Вильнюс, другая же отправилась в Венден⁶, где в 1614 г. была основана резиденция иезуитов [3, с. 29]. Здесь они продолжали свою деятельность до момента захвата города шведами в 1625 г. [3, с. 29]. После закрытия резиденции в Вендене руководством ордена было принято решение основать миссию в восточной части территории Латвии, которая все еще оставалась в составе Речи Посполитой [3, с. 29]. Документы динабургского архива свидетельствуют о том, что трое иезуитских братьев в 1625 г. отправились в сторону Динабурга, Луцина⁷ и Режицы⁸ [6, с. 435]. Ознакомившись с ситуацией на месте, они приняли решение обосноваться в Динабурге [6, с. 435]. Здесь иезуиты нашли поддержку в лице польской католической знати, таким образом миссия получила экономическую основу для дальнейшего развития, что поспособствовало присоединению ей в 1643 г. статуса резиденции, а в 1761 – коллегии [1, с. 43–44].

Все институции ордена иезуитов – миссии, резиденции, коллегии имели свой домашний архив. До 1809 г. архив Динабургской коллегии находился в Динабурге, однако в вышеупомянутом году он вместе с коллегией иезуитов был перемещен в Индрицу, где полностью сгорел во время пожара в начале XIX в. [10, с. 125]. К счастью, в соответствии с правилами делопроизводства ордена иезуитов все отчеты составлялись в трех экземплярах – один хранился в домашнем архиве, второй отсылался провинциалу, а третий – в Рим в центральный архив курии ордена иезуитов [6, с. 5]. Подобная система делопроизводства позволила голландскому иезуиту Й. Клейентенсу, служившему в приходах Латвии в межвоенный период, отыскать копии документов и опубли-

⁶ Современное название – Цесис.

⁷ Современное название – Лудза.

⁸ Современное название – Резекне.

ковать их [6, с. 5]. В поисках документов составитель сборника посетил архивы и библиотеки нескольких стран: Ватикана, Польши, Литвы, а также Голландии, где на то время располагалась главная курия ордена [6, с. 5]. По словам Й. Клейентенса, ему удалось просмотреть и опубликовать весь комплекс доступных на то время материалов, относящихся к истории Динабургских иезуитов, недоступными для него были лишь архивы и библиотеки России, где, по его данным, хранилось немалое количество документов, касающихся деятельности ордена на территории Латвии [6, с. 5]. Каждый опубликованный документ имеет ссылку на местонахождение – указаны страна, название архива и номер фонда. К сожалению, со временем названия и нумерация фондов претерпели изменения, поэтому на данный момент определить нынешнее местонахождение оригиналов опубликованных документов не является возможным. Небольшая часть фотокопий оригиналов архива хранится в фонде Б. Брежго в Латвийском историческом архиве [8].

Все документы опубликованы на языке оригинала – латинском без перевода. Й. Клейентенс составил обширное введение, которое, по сути, является изложенной на основе публикуемых документов историей коллегии иезуитов в Динабурге [6, с. 143–260] и до сих пор является основным источником информации по деятельности ордена иезуитов на территории Латгалии. Связано это с тем, что среди латвийских историков на данный момент нет специалистов по латинскому языку раннего нового времени, что затрудняет изучение материалов указанного архива. К концу 2021 г. благодаря финансовой поддержке, полученной в рамках проекта фундаментальных и прикладных исследований Латвийского научного совета «Прибалтийские немцы Латгалии в контексте социально-этнических отношений XVII – начала XX века», документы архива иезуитской коллегии Динабурга будут переведены на латышский и русский языки и опубликованы на домашней странице Института истории Латгалии Даугавпилского университета по адресу: <https://latgalesdati.du.lv/>.

Архив иезуитской коллегии Динабурга содержит следующие группы документов: ежегодные отчеты *Litterae annuae Residentiae Dunaburgensis S. J.* и *Historia Residentia Duneburgensis S. J.*, различные акты, письма, персоналии. Наибольшее значение в изучении процесса рекализации имеют ежегодные отчеты. Составление отчетов в ордене иезуитов подчинялось строгим правилам, которые предусматривали максимальную степень подробности, объективности и непредвзятости

в описании событий [3, с. 30]. Умышленная фальсификация или сокрытие фактов являлось недопустимым. Введение строгой отчетности позволило руководству ордена создать эффективную систему контроля над всеми подразделениями. Учитывая строгую дисциплину, которая существовала в рядах ордена, можно утверждать, что опубликованные документы домашнего архива Динабургских иезуитов обладают высокой степенью достоверности относительно информации о жизненных реалиях.

Несмотря на вышеизложенное, следует подчеркнуть, что при анализе отчетов Динабургской резиденции, необходимо учитывать два фактора: подчиненность идеологии Римско-католической церкви (поэтому все, что связано с протестантизмом и язычеством, в документах описывается как негативное явление) и цензуру, которую проходили все публикуемые материалы ордена (издание любого документа являлось невозможным без санкционирования со стороны руководства ордена), поэтому не стоит исключать вероятность умалчивания или даже искажения информации. В связи с этим стоит упомянуть интересный факт. Во введении Й. Клейентенс утверждает о том, что в отчетах за 1634 г. пишется о присвоении иезуитскому приходу официального статуса миссии Динабурга «*missio Duneburgensis in Livonia*» [6, с. 244]. Однако после изучения всех документов за 1634 г. и даже 1635 и 1636 гг. данный факт не подтвердился. Это вызывает ряд вопросов: о каком документе идет речь? Был ли он опубликован? Возможно ли, что часть информации, опубликованной за 1634 г., была по какой-то причине скрыта? К сожалению, не имея оригиналов, ответить на данные вопросы не представляется возможным.

Первая группа отчетов – *Historia Residentia Duneburgensis S. J.* («История Динабургской резиденции Общества Иисуса») – представляет собой записи, касающиеся хозяйственных дел коллегии [6, с. 261–340]. В распоряжении исследователей имеются отчеты за период с 1634 по 1769 г. Однако следует отметить, что в собрании документов отсутствуют отчеты за 1643–1649 гг., а также за период с 1651 по 1669 г. Составитель сборника в примечании пишет, что документы за упомянутые периоды не были найдены [6, с. 264]. Отсутствие материалов за 1656–1660 гг. может быть обусловлено сложной военно-политической ситуацией: в 1656 г. Динабург был захвачен русскими войсками. Большая часть горожан бежала в соседнюю Курляндию, а вместе с ними покинули город и иезуиты [5, с. 231]. В связи с этим можно было бы предположить, что

резиденция прекратила свое существование на период захвата города, поэтому не подавала курии ежегодные отчеты. Однако в другом виде архивных документов резиденции Динабурга – персональных каталогах – указываются имена братьев, служивших в резиденции в 1658 и 1660 гг. [7, с. 352]. Этот факт дает возможность предположить, что, несмотря на захват Динабурга русскими войсками, резиденция все-таки продолжала существовать, вероятнее всего, она была перемещена на территорию Курляндии в Илуксте [3, с. 30].

Хозяйственные отчеты архива Динабургской коллегии содержат информацию по таким темам, как:

1. *Общая характеристика территории Латгалии.* В документах описываются природная среда, состояние инфраструктуры и ее развитие, населенные пункты, особое внимание уделяется Динабургу и его окрестностям. Данные аспекты имеют отношение к предпосылкам рекатолизации. Природная среда, а также развитие инфраструктуры, в особенности дорог, определяют возможности внутренней коммуникации, которая, в свою очередь, являлась важным условием проникновения иезуитов в глубь территории Латгалии. Наличие дорог делало возможным создание регулярных миссий, что способствовало распространению католического вероисповедания. Так, например, в районах Динабурга, Луцина и Режицы, где имелась развитая сеть дорог, миссии возникли уже в 30-х гг. XVII в., в свою очередь центральная часть Латгалии, где, согласно описанию иезуитов, дороги были в плачевном состоянии и к тому же проходили через болотистые места, оставалась не затронутой иезуитами вплоть до начала XVIII в. [6, с. 267].

Помимо природной среды и инфраструктуры, в отчетах дается характеристика этноконфессиональных групп. Судя по документам, состав территории Латгалии уже в начале XVII в. был полиэтничным. Здесь проживали немцы, латыши, литовцы, поляки, русские, татары [6].

Стоит отметить, что существовала определенная специфика в наименовании этнических групп – этнонимы употреблялись в связке с определенной конфессиональной принадлежностью. Так, немцы именуются лютеранами (*lutherani*), русские – староверами (*ritus roxolanus*), латыши – язычниками (*paganus*), литовцы (скорее всего жители белорусских земель) – схизматиками (*shismatus*) т. е. православными, в отдельных случаях – кальвинистами (*calvinista*) [6].

Наибольшее внимание иезуиты в отчетах уделяют немецкому дворянству, особенно вопросу их конфессиональной принадлежности. Так,

иезуиты фиксируют каждый акт конвертации [6, с. 344–432]. Повышенный интерес к немецкому дворянству объясняется тем, что иезуиты, находясь в известной степени для себя на чужой территории, были заинтересованы в получении разного рода поддержки, прежде всего материальной, со стороны высшего слоя.

2. *Хозяйственная деятельность ордена на территории Латгалии.* Документы содержат информацию о количестве поместий, разнообразных хозяйственных постройках, а также выращиваемых культурах и скота. Причем в распоряжении историков имеются данные за разные годы существования ордена на территории Латгалии. Данная информация позволяет осуществить сравнительный диахронический анализ, выявить динамику развития имущественного состояния иезуитов.

Стабильность и эффективность хозяйственной жизни коллегии была важным условием распространения католического вероисповедания на территории Латгалии, потому как обеспечивала материальной базой миссионерскую деятельность дунабургских иезуитов. Так, например, осложнения, вызванные природными катаклизмами в 1676, 1684 и 1691 гг., заставили иезуитов сосредоточиться на восстановлении хозяйства, что сказалось на замедлении темпов рекатолизации (рис. 1).

Количество исповедей

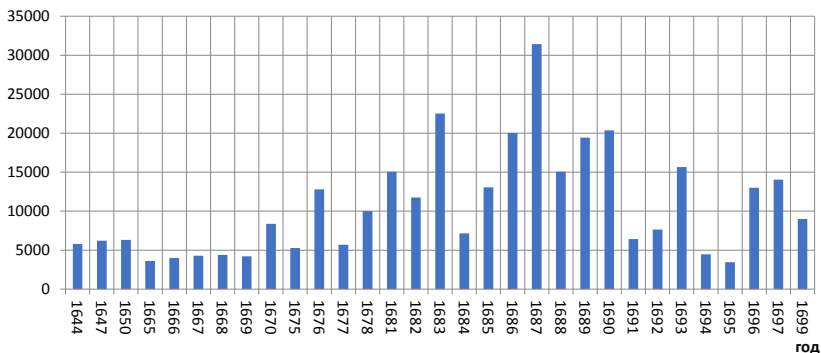

Рис. 1. Количество исповедей жителей территории Латгалии во второй половине XVII в.

3. *Храмы ордена иезуитов на территории Латгалии и их внутреннее убранство.* Хозяйственные отчеты дунабургских иезуитов содержат обширную и подробную информацию об этапах строительства церк-

вей, а также описание их интерьеров и утвари. Так, например, в отчете за 1674 г. детально описываются алтарь, скульптурные изображения святых, фрески, а также утварь недавно отстроенного храма в Динабурге [6, с. 266]. Повышенный интерес к интерьеру церкви связан с позицией Римско-католической церкви, провозгласившей в эпоху контрреформации сакральную архитектуру и искусство средством борьбы с протестантизмом [9, с. 76].

Подобного рода описания свидетельствует не только об особенностях убранства храмов, но и об распространяемых среди местного населения культах святых. Так, в результате контентного анализа отчетов можно сделать вывод, что наиболее пропагандируемым был культ св. Девы Марии, которая в 1635 г. была провозглашена покровительницей Речи Посполитой, что, по словам польского историка Я. Тазбира, помогло объединить народ в единой католической вере [11, с. 80].

Следующая группа отчетов – *Litterae annuae Residentiae Dunaburgensis S. J.* («Годовые письма Динабургской резиденции Общества Иисуса») – представляет собой отчеты по духовной деятельности иезуитов [7, с. 340–426]. В сборнике опубликованы документы за период с 1634 по 1809 г., однако отсутствуют отчеты за периоды с 1637 по 1641 г., 1642–1643, 1651–1664, 1678–1680 и 1770–1788 гг.

Этот вид отчетов содержит главным образом статистические данные – количество прихожан, принявших святые таинства: крещение, исповедь, евхаристию, миропомазание, брак и елеосвящение за определенный год. В контексте рекатолизации территории Латгалии наиболее значимыми являются данные о количестве принявших таинство исповеди (рис. 1–3), поскольку таким образом иезуиты подсчитывали общее количество прихожан.

Однако, анализируя упомянутые данные, следует учитывать особенности ведения иезуитами подсчета исповедей – он велся на Пасху, т. е. на наиболее посещаемый праздник [3, с. 32]. Кроме того, иезуиты в отчетах неоднократно подчеркивали, что латышские крестьяне христианскую религию воспринимали формально, после посещения храма и принятия таинств они зачастую возвращались к своим языческим обрядам [6, с. 340, 342]. Итак, можно сделать вывод, что данные статистики не отражают в полной мере реальное положение вещей, однако могут быть использованы для выявления динамики рекатолизации на территории Латгалии.

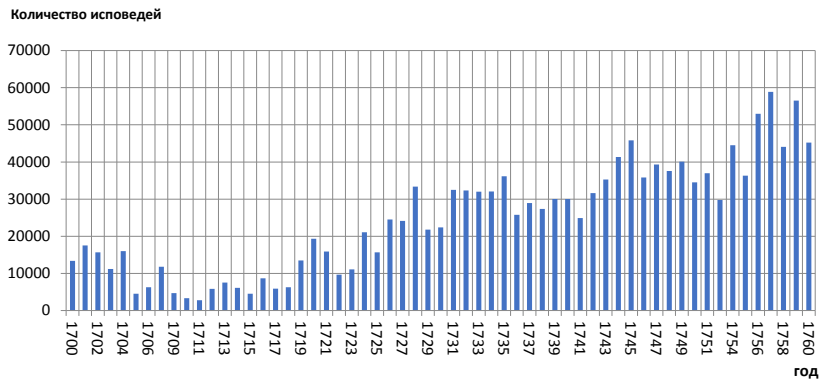

Рис. 2. Количество исповедей жителей территории Латгалии в первой половине XVIII в.

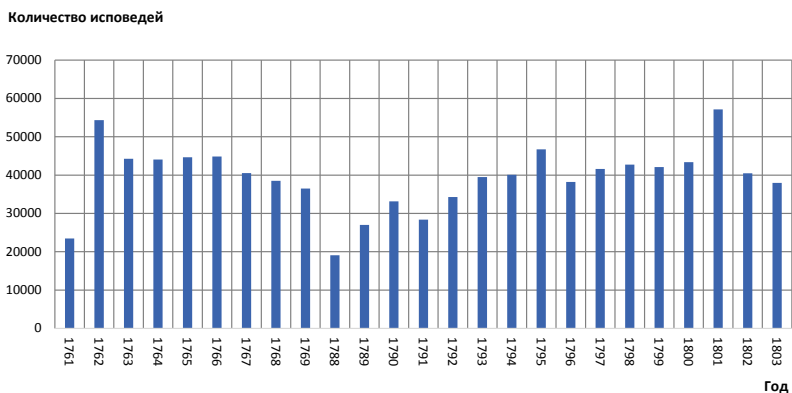

Рис. 3. Количество исповедей жителей территории Латгалии во второй половине XVIII – начале XIX в.

При анализе информации, представленной на рис. 1, может сложиться впечатление, что со второй половины XVII в. иезуиты достигают успехов в рекаголизации населения Латгалии. Однако наибольший прирост прихожан приходился именно на годы активных миссий (1676, 1679, 1683, 1685–1687, 1690, 1691, 1701–1704). Если исключить эти данные, то средний показатель будет равняться примерно 5000 прихожан. Этот показатель останется практически неизменным до 20-х гг. XVIII в. (см. рис. 2). Таким образом, статистические данные ставят под сомнение успешность работы иезуитов по рекаголизации населения Латгалии

и еще раз подтверждают тезис о том, что иезуиты не являлись основным агентом распространения католического вероисповедания на указанной территории.

Документы рассматриваемой группы отчетов кроме статистических данных содержат информацию о религиозных представлениях латышского крестьянства. Иезуиты подробно описывают обряды и суеверия, среди которых наиболее распространенными были подношения священным рощам и камням [6, с. 267–269]. Братья коллегии прилагали большие усилия в борьбе с языческими культурами, но те не теряли своего значения вплоть до XIX в., что свидетельствует о поверхностной христианизации латышей [6, с. 424–432].

Таким образом, тематический анализ документов архива Динабургской коллегии иезуитов выявил многоаспектность информации по вопросу рекатолизации населения территории Латгалии в XVII–XVIII вв. Документы позволяют исследовать условия, в которых проходила рекатолизация, ее темпы, методы и способы борьбы иезуитов с протестантскими конфессиями и языческими культурами. Сведения, извлеченные из документов, также косвенно указывают на восприятие местным населением распространяемого католического вероисповедания. В силу объема и разнообразия информации вышеупомянутый комплекс документов является незаменимым в изучении вопроса рекатолизации.

Список использованных источников

1. *Bogdanoviča, T.* Dinaburgas jezuītu misijas un rezidences dibināšanas apstākļi / T. Bogdanoviča // *Vēsture: avoti un cilvēki*. XXVI Starptautiskie zinātniskie lasījumi. – 2018. – Lpp. 43–49.
2. *Bogdanoviča, T.* Infantijas rekatoļizācija 1582–1629. gads / T. Bogdanoviča // *Latvijas arhīvi*. № 3. – 2015. – Lpp. 52–62.
3. *Bogdanoviča, T.* Infantijas rekatoļizācijas procesa reprezentācija jezuītu mājas arhīva dokumentos / T. Bogdanoviča // *Vēsture: avoti un cilvēki*. XXVI Starptautiskie zinātniskie lasījumi. – 2017. – Lpp. 29–36.
4. *Brežgo, B.* *Latgolas Pagotne* / B. Brežgo. – Daugavpils: IV. Loča izdevniecība, 1943. – Lpp. 65.
5. *Dunsdorfs, E.* *Latvijas vēsture 1600–1710* / E. Dunsdorfs. – Stokholma: Appelbergs Boktryckeri AB Uppsala, 1962. – Lpp. 588.
6. *Kleijntjens, J.* *Latvijas vēstures avoti: Latvijas vēstures avoti jezuītu ordeņa arhīvos* / J. Kleijntjens (sast.). – Rīga: Apgāds Latvju Grāmata, 1940. – Lpp. 242–459.

7. *Kleijntjens, J.* Latvijas vēstures avoti: Latvijas vēstures avoti jezuitu ordeņa archīvos / J. Kleijntjens (sast.). – Rīga: Apgāds Latvju Grāmata, 1941. – Lpp. 349–381.

8. Latvijas Valsts Vēstures arhīvs. – F. 6984 Apr. 1. Lieta 5. – Boļeslava Brežgo fond.

9. *Ogle, K.* Societas Jesu ieguldījums Latvijas arhitektūras un tēlotājas mākslas mantojumā / K. Ogle. – Rīga: Latvijas Mākslas akadēmija, 2007. – Lpp. 270.

10. *Strods, H.* Latvijas katoļu baznīcas vēsture 1075–1995 / H. Strods. – Rīga: Poligrāfists, 1996. – Lpp. 123–185.

11. *Tazbir, J.* Kultura szlachecka w Polsce. Rozkwit – upadek – relikiy / J. Tazbir. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1978. – S. 80.

(Дата поступления: 12.05.2021).

.

УДК УДК 002.2(=161.3)(470+571)"1900/1914"+025.171(476-25)

ЦНБ НАНБ

БЕЛОРУССКИЕ КНИГИ НАЧАЛА XX ВЕКА (1900–1914) В ФОНДАХ ЦНБ НАН БЕЛАРУСИ

Денисенко Е. П.

Центральная научная библиотека имени Я. Коласа

Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Рассматриваются издания периода 1900–1914 гг. на белорусском языке, вышедшие на территории Российской империи, представляющие на современном этапе библиографическую и музейную ценность.

Ключевые слова: Российская империя; книгоиздательства; памятники печатной белорусской культуры; фонды ЦНБ НАН Беларуси; коллекция книг на белорусском языке.

BELARUSIAN BOOKS FROM THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY (1900–1914) IN THE COLLECTION OF THE CENTRAL SCIENCE LIBRARY OF NAS OF BELARUS

Denisenko E.

The Yakub Kolas Central Science Library of the National Academy
of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

The article deals with the books in the Belarusian language printed in 1900–1914 within the territories of the Russian Empire, that are nowadays regarded as bibliographic and museum valuables.

Keywords: Russian Empire; book publishing industry; artifacts of the Belarusian book publishing; collections of the Central Science Library of NAS of Belarus; Belarusian language books.

В истории белорусского книговедения отдельной группой стоят издания периода 1900–1914 гг., вышедшие на белорусском языке, которые сегодня представляют библиографическую и музейную редкость. В целом ряде работ белорусских литературоведов (С. Х. Александровича, А. П. Грицкевича, А. И. Мальдиса, А. С. Лиса, В. И. Мархеля, К. А. Цвирко и др.) дан глубокий анализ историко-просветительской значимости этих книг. Вопросы истории развития белорусского книгопечатания начала XX в. неоднократно освещались в монографиях и отдельных публикациях сотрудников Национальной академии наук Беларуси.

В силу сложившихся исторических условий на территории Беларуси библиографический учет этих изданий (коллекционирование первых белорусских печатных изданий начала XX в., их научное описание) начался довольно поздно. В 1929 г. Ю. И. Бибило, сотрудница Государственной библиотеки БССР имени В. И. Ленина, составила библиографический указатель «Летапіс беларускага друку» (1835–1916), в котором нашла отражение книжная продукция белорусских издательств, действовавших в 1900–1917 гг.

В отделе редких книг и рукописей Центральной научной библиотеки имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси (далее – ЦНБ НАН) коллекции книг на белорусском языке XX–XXI вв. хранятся экземпляры, вышедшие в 1900–1914 гг. При исследовании этих изданий задача книговеда – прежде всего раскрыть их бытование, обратить внимание на художественное оформление, полиграфическое исполнение издания. По прямым и косвенным владельческим признакам (владельческим записям, штампам частных коллекций, учреждений, экслибрисам, дарственным надписям, маргиналиям в тексте или на полях) мы можем установить бытование экземпляра, его миграцию от одного лица к другому.

В коллекции книг на белорусском языке XX–XXI вв. отдела редких книг и рукописей ЦНБ НАН Беларуси большая часть экземпляров со штампами культурно-просветительных, литературных, учебных учреждений и организаций, сыгравших немаловажную роль в становлении белорусской национальной культуры в начале XX в. Штампы на книгах раскрывают местонахождение некоторых экземпляров в «Беларускім навуковым таварыстве» (Вильно), в редакции газеты «Наша Ніва», гимназиях и школах белорусских городов, в Виленском белорусском музее имени Ивана Луцкевича, а в первые годы Советской власти – в библиотеке Инбелкульту, Белорусском государственном университете. Книги со штампами библиотек из владельческих собраний деятелей культурного и национального движения Беларуси свидетельствуют о том, что их владельцами были как малоизвестные, так и широко известные в истории белорусской литературы и культуры деятели: Адам Богданович, Ромуальд Земкевич, Язеп Дроздович, Иван Луцкевич, Бронислав Эпимах-Шипило и др.

Российская империя на рубеже XIX–XX вв. представляла собой многонациональное государство, в котором приоритет русской народности и православной веры был законодательно закреплён. Посколь-

ку это означало ущемление прав других народов, населяющих страну, обострялись социально-политические противоречия национального характера и остро стоял национальный вопрос. В качестве общих требований народностей, населявших Россию, выдвигались такие требования, как уравнивание всех народностей в правах, обучение на родном языке, свобода вероисповеданий. 12 декабря 1904 г. был подписан царский указ, отменивший некоторые ограничения, существовавшие в области языка, школы, религии. Снятие цензурных ограничений дало толчок для развития белорусской культуры. Были отменены ограничения в использовании «местного» языка в печати в девяти губерниях Российской империи – Волынской, Виленской, Витебской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Могилевской, Минской, Подольской. Следующим указом от 1 мая 1905 г. был снят запрет на использование латинского шрифта в печати Северо-Западного края. Все эти «мероприятия» царского правительства значительно ускорили легализацию и возрождение белорусского печатного слова [10, с. 104]. Как следствие, белорусские книги и периодические издания получили в царской России право на легальное существование. Возникают первые белорусские издательства – в Петербурге и Вильно – культурном центре Северо-Западного края.

В начале XX в. стало печататься много книг на белорусском языке, однако их издание не носило планомерной, определенной системы. Часть экземпляров выходила в целях просвещения, агитации, другие знакомили читателя с русской и зарубежной литературой. Белорусские книги печатались кириллицей (для белорусов-православных) и латинкой (для белорусов-католиков). Издания предназначались для малограмотной публики и были написаны на простом, доступном народу языке. Книги печатались в виде дешевых тонких брошюр. В их художественном оформлении практически единственным средством украшения были разнообразные шрифты на титульном листе и виньетки на последней странице книги. Тиражи составляли от одного до пяти тысяч экземпляров [5, с. 130].

Первые белорусские книги стали выходить в издательстве «Круг беларускай народнай прасветы», которое было организовано студентами-белорусами Санкт-Петербурга. Первой в легальной печати вышла книга Янки Лучины «Вязанка» (1903)⁹. Чтобы обойти цензуру, запрещавшую

⁹ Экземпляр издания «Вязанка» Я. Лучины из фондов ЦНБ НАН Беларуси – с владельческой надписью белорусского писателя, академика АН БССР П. Ф. Глебки.

печать на белорусском языке, сборник лирики Я. Лучины, составленный еще в 1891 г., был издан под видом книги на болгарском языке. В 1904 г. в этом же издательстве вышли «Казки», их авторство приписывают Казимиру Костровицкому. Помимо двух легальных изданий, «Круг беларускай народнай прасветы» выпустил отпечатанные на гектографе два нелегальных сборника – «Калядная пісанка» (1903) и «Велікодная пісанка» (1904) [10, с. 102].

Наибольший вклад в развитие белорусского книгоиздательства в этот период внесло Петербургское издательское товарищество «Загляне сонца і ў наша ваконца» (1906–1914), созданное в мае 1906 г. по инициативе Б. И. Эпамах-Шипило (1859–1934), профессора Петербургского университета, уроженца Витебской губернии. Товарищество выпустило 38 изданий общим тиражом свыше 100 тыс. экземпляров [1, с. 241]. Все их можно разделить по отраслям знания, читательскому назначению, видам издания (учебники, научно-популярная литература, произведения классиков отечественной и зарубежной литературы).

Одними из первых изданий товарищества были первые учебники белорусского языка для детей, среди которых «Biełarúski lementár ábo Piérszaja nawúka czytańnia» (Петербург, 1906), «Pierszaje czytannie dla dzietak biełarusóŭ» (Петербург, 1906), составленный Алоизой Пашкевич (1876–1916, псевд. Цётка). Учебники были напечатаны в частной типографии К. П. Пентковского. До марта 1908 г. были изданы книги белорусских писателей XIX в. в серии «Народныя песняры» – «Дудка беларуская»¹⁰, «Смык беларускі» Ф. Богушевича, «Гапон» В. Дунина-Марцинкевича и перевод двух былин поэмы А. Мицкевича «Пан Тадэвуш». Все издания были напечатаны латинкой. Хранящиеся в ЦНБ НАН Беларуси экземпляры этих книг с владельческими знаками. Например, на обложке книги Адама Мицкевича «Pan Tadeusz...» владельческая запись белорусского писателя, академика АН БССР Михася Лынькова, помеченная датой «1946 г.».

Кроме отдельно изданных произведений белорусской художественной литературы, товарищество «Загляне сонца і ў наша ваконца» в 1912–1913 гг. выпустило три тетради художественно-литературного альманаха «Maładaja Biełaruś/Маладая Беларусь», которые были отпечатаны

¹⁰ В сборнике стихотворений «Дудка беларуская» («Dudka Biełaruskaja») автор подписался под псевдонимом Матей Бурачок, в сборнике «Смык беларускі» («Smyk biełaruski») – под псевдонимом «Symon Reŭka s pad Barysowa».

в типографии К. Пентковского. Все издания представлены в коллекции библиотеки. По подбору материалов (статьи, художественные произведения, рецензии), формату и объему (159 страниц плюс семь страниц объявлений) сборник оформлен как журнал. Альманах, несмотря на небольшое количество выпусков, оставил глубокий след в истории национальной литературы, на его страницах впервые были опубликованы произведения классиков белорусской литературы (драматическая поэма Я. Купалы «Сон на кургане», некоторые повести в стихах Я. Коласа, сборник повестей З. Бядули «Abrazki», рассказ «Asieñnije listy», рассказ Тётки (Ciotki) «Zialonka», стихи Т. Гартнага, Ф. Чернышевича, А. Гурло, К. Буйло, Я. Журбы, П. Петрашкевича).

Еще одной стороной деятельности товарищества «Загляне сонца і ў наша ваконца» был выпуск переводов на белорусский язык произведений русской и зарубежной литературы. В ЦНБ НАН Беларуси представлены следующие книги из коллекции: драматическая поэма А. Мицкевича «Пан Тадэвуш» (1907), отдельные произведения Э. Ожешко – рассказ «У зімовы вечар: Сцэна з сялянскага жыцця» (1910), повесть «Хам» (1912), М. Крапивницкого «Па рэвізіі» (1911), «Пашыліся ў дурні: Жарцік...» (1910), А. Чехова «Мядзведзь: жарт...» (1913), научно-популярная брошюра «Гутарки аб небы і зямлі. На беларускую мову перэвярнулі К. Костровицкі і С. Шаўлоўскі» (1907)¹¹ и др.

Значимая роль в издании белорусских книг в этот период принадлежит деятелю белорусской культуры, собирателю белорусского музыкального фольклора, издателю, педагогу Антону Антоновичу Гриневичу (1877–1937). В 1910 г. в Петербурге им было основано частное «Издательство Антона Гриневича», в котором выходили произведения белорусской литературы и музыки. В его издательстве вышли две книги Янки Купалы – поэма «Адвечная песня» (1910) и сборник стихов «Huślar» (1910). В 1913 г. были напечатаны книги Якуба Коласа «Тоўстае палена», «Нёманаў дар» (пад псеўданімам «Тарас Гушча»), «Прапаў чалавек»; «Апавяданні» Владислава Голубка, «Пракленашы» Л. Гвозда, «Аб чым шапацелі лісця» Тавруса. Всего на протяжении 1910–1913 гг. было издано 11 книг (общий их тираж составил 28 200 экземпляров). Книги были отпечатаны в типографиях К. Пентковского и А. Колинса (бывшая типография Ю. Эрлиха) [2, с. 85].

В отделе редких книг и рукописей ЦНБ НАН Беларуси хранится книжное наследие Антона Гриневича – двадцать три книги, вышедшие

¹¹ Орфография текста заглавия дается в оригинале.

за период 1910–1925 гг. Книги поступали в отдел редких книг и рукописей на протяжении 1965–1975 гг. Самое раннее издание – «Biełaruskije pieśni z notami» (Т. 1–2, 1910, 1912 гг. – латинкой) – библиотека приобрела в 1965 г. В первый том сборника вошли двадцать пять песен. На одном из трех экземпляров первого тома содержится владельческая запись белорусской поэтессы Ларисы Гениуш (1910–1983). Книга была приобретена в отдел вместе с рукописным архивом Ларисы Антоновны Гениуш (фонд № 31 «Ларыса Гениюш» – 1095 ед. хр.), который передал в ЦНБ НАН Беларуси сын поэтессы.

Второй том «Biełaruskije pieśni z notami» вышел в 1912 г. В него вошли двадцать восемь песен, собранные в экспедициях Антоном Гриневичем и Александром Астромвичем (Андреем Зязюлем). «Biełaruskije pieśni z notami» были изданы в Типо-литографии К. Л. Пентковского в Петербурге. Среди исследователей есть расхождения относительно тиражности этого издания. Белорусский литературовед С. Х. Александрович, ссылаясь на рукописный архивный документ (счет типографии на издание первого тома песенника), указывает на тираж в 2500 экземпляров [3, с. 184], в то время как в библиографическом указателе «Летапіс беларускага друку» (Ч. 2) фиксируется другая цифра – тираж в 2000 экземпляров [4, с. 12].

Незаконную литературу в Петербурге в 1906–1907 гг. на белорусском языке издавала типография белорусского нелегального издательского товарищества «Грамада». Деятельность этого издательского товарищества, печатавшего агитационную литературу (оригинальную и переводную) революционного характера, была запрещена царской цензурой. До нашего времени дошли шесть брошюр, среди них: «Як мужыку палепшыць сваё жыццё» (латинкой и кириллицей), «Ці будзе для ўсіх зямлі?», «Што такое свабода?» (перевод с украинского языка), «Забастоўка» (латинкой), «Гутарка аб тым, куды мужыцкія грошы ідуць» [5, с. 154–155].

В коллекции книг на белорусском языке XX–XXI вв. хранится одна брошюра издательского товарищества «Грамада» – «Гутарка аб тым, куды мужыцкія грошы ідуць» (1907). Это тоненькое скромное издание представляет библиографическую редкость для коллекционеров, как и все остальные брошюры издательства, вышедшие малым тиражом.

Наряду с Петербургом в первые десятилетия XX в. центром белорусской книги был Вильно. Здесь в редакции общественно-политической и литературной еженедельной газеты «Наша Ніва» (первый номер вы-

шел в 1906 г.) издавались брошюры, календари и сборники на белорусском языке. Эти издания выходили как дополнительный материал к газете в виде оттисков. Большая их часть была напечатана в виленской типографии Мартина Кухты, типографа и издателя, активного сторонника национально-освободительного движения. М. Кухта сотрудничал со многими белорусскими издательствами, в том числе издательством «Наша хата», «Беларускае выдавецкае таварыства», «Палачанін».

В коллекции отдела редких книг и рукописей хранятся все издания белорусских календарей «Нашай Нівы» за 1910–1913 гг. Они оформлены в виде книжного издания, по 86–120 страниц, выходили тиражом 4–8 тысяч экземпляров, напечатаны кириллицей и латинкой. Календари состоят из нескольких разделов: общего, статистического, юридического; в рубриках публиковались материалы на разные темы – советы для хозяйственника под рубриками «Работа ў полі вясной», «Садок каля хаты»; «Школа і прышчэпкі» и др.

В 1912 г. в издательстве газеты вышло два «Зборника «Нашай нівы» (кириллицей и латинкой). На его страницах печатались произведения Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича, Тётки, Т. Гартного, Ядвига Ш., Г. Левчика, З. Бядули, А. Гурло, В. Голубка и других авторов, которые публиковались на страницах газеты в другие годы.

В этот период при участии издательства «Наша Ніва» в типографии Мартина Кухты были напечатаны «Вянок» (1913) М. Богдановича, «Колядная пісанка» (1913), «Адам Гоноры Кіркор (біографічна-бібліографічны нарыс у 25-летнюю гадаўшчыну сьмерці)» (1911), «Jan Barščeŭski...» (1911), «Ян Баршчэўскі...» (1911) Р. Земкевича. В коллекции хранятся четыре экземпляра книги Р. Земкевича «Ян Баршчэўскі: першы беларускі пісьменьнік XIX сталецця: (успамін у 60-летнюю гадаўшчыну сьмерці)» (Вільня: Друкарня Марціна Кухты, Татарская, д. № 20, 1911 г.). На одном из экземпляров стоит автограф с дарственной надписью: «Грамадзяніну | Марьяну Пецюкевічу | на добрую памяць | інж. Рамуальд Земкевіч | Варшава | 2.XII.1929 г.».

«Наша Ніва» совместно с издательством «Минчук»¹² в типографии Мартина Кухты выпустила книгу с рассказом Э. Ожешко «Гэдали»

¹² Издательское товарищество «Минчук» (существовало на протяжении 1906–1909 гг. в Минске) сотрудничало с виленским издательством «Наша Ніва», их совместный проект – издание книги Э. Ожешко «Гэдали». Также был подготовлен к печати сборник Я. Купалы «Жалейка», но из-за недостатка финансирования был издан в Петербурге в 1908 г. [9, с. 66].

(1907, «Выданне «Нашае Нивы» и суполки «Минчук»). В ЦНБ НАН Беларуси хранятся два экземпляра этого издания, один из них – из коллекции белорусского писателя П. Ф. Глебки с его владельческой надписью на титульном листе.

В этот период белорусские книги выпускали и другие виленские издательства. Среди них издательские товарищества «Наша хата» и «Палачанін». В издательстве «Наша хата» вышло шесть книг общим тиражом 15 тыс. экземпляров. Из них три книги для детей с иллюстрациями – «Дым» (1909) М. Конопницкой, «Архіп і Лявонка» (1910) М. Горького, «Дзядзька Голад» (1911) С. Виткевича. На белорусский язык перевод был выполнен Зязюляй (Т. Гарделовской). На титульных листах этих изданий помечено: «Коштам Т. Г.» и «Перэтлумачыла Зязюля», или – «З расейскага перэлажыла Зязюля»¹³. Также совместно с издательством товарищества «Загляне сонца і ў наша ваконца» и издательством товарищества «Наша хата» вышло «Другое чытанне: для дзяцей беларусаў» (1909) Я. Коласа.

Издательское товарищество «Палачанін» выпустило в типографии Мартина Кухты всего две книги: сборник юмористических стихов Альберта Павловича «Снапок» (1910) и поэму Тараса Шевченко «Кацярына» (1911) в переводе с украинского языка Х. Чернышевича и под редакцией Янки Купалы.

Новый подъем в издании белорусских книг начался с деятельности «Беларускага выдавецкага таварыства ў Вільні» (официальное название товарищества) (1913), которое печатало все свои издания в типографии Мартина Кухты. Свою деятельность издательство начало с того, что выкупило (со скидкой в 40 %) в «Нашай Ниве» все белорусские книги, которые имелись на складе. Одновременно были выкуплены нераспроданные экземпляры «Беларускага календара» за прошлые годы и материалы к календарю за 1914 г. На протяжении 1914 г. было издано 12 книг тиражом 40 тыс. экземпляров. «Беларускае выдавецкае таварыства ў Вільні» было единственным белорусским издательством, которое платило авторам гонорар, хоть и небольшой. Логотипом издательства был рисунок с изображением белого лебедя в круглой рамке,

¹³ Тереза Гарделовская – меценатка, на ее средства издавались белорусские книги. Выступала в печати под псевдонимом «Зязюля», переводила на белорусский язык произведения М. Горького, М. Конопницкой, С. Жаромского и др. [5, с. 144].

расположенный на титульном листе под заглавием. Книги, на которых помещался этот логотип, издавались на средства меценатки Магдалены Радзивилл¹⁴ [7, с. 53].

Одна из особенностей издания книг товарищества – их объемность [6, с. 220]. В библиотеке хранятся следующие экземпляры: сборник Якуба Коласа «Родные зьявы» (под псевдонимом Тарас Гушча, 1914), сборник Максима Горецкого «Рунь» (1914)¹⁵, сборник рассказов Ядвигина Ш. «Васількі» (1914), «Arawiedańnia I lehiendy wieršam roznych aŭtoroŭ» (1914, латинкой), «Беларускі каляндар на 1914 год», «Biełaruski calendar na 1914 hod», сборник произведений Констанции Буйло «Курганная кветка» (1914).

Из-за начавшейся в 1914 г. Первой мировой войны «Беларускае выдавецкае таварыства ў Вільні» приостановило свою деятельность. В 1915 г. были изданы еще две книги товарищества – рассказ С. Бирило «Стражник» и «Biełaruski calendar na 1916 hod» (латинкой).

Наряду с продукцией вышеназванных издательств («Загляне сонца і ў наша ваконца», «Наша Ніва», «Беларускае выдавецкае таварыства ў Вільні» и др.) Петербурга и Вильно белорусские книги издавались и в других городах – Витебске, Харькове, Киеве, Варшаве, Кракове, Львове, Смоленске, Полоцке, Борисове, Пинске, Лондоне [10, с. 104]. Например, выпуском агитационной литературы на белорусском языке (по решению Польской Партии Социалистической в Литве – ППС) занимался Витольд Наркевич-Иодко. В 1903 г. в Лондоне в типографии этой организации («Выданьне Польской Партыи Соцыялістычнай у Литве»¹⁶) были напечатаны три агитационные брошюры (на белорусском языке). Одна из них хранится в коллекции книг на белорусском языке XX–XXI вв. – «Як зрабіць, каб людзям стала добра на свеце» (Лондан: Б.в., 1903).

Таким образом, в коллекции книг на белорусском языке XX–XXI вв. отдела редких книг и рукописей ЦНБ НАН Беларуси среди многочисленных экземпляров хранятся издания, которые вышли в 1900–1914 гг.

¹⁴ Магдалена Радзивилл (1861–1945) – меценатка. Финансировала издательство «Загляне сонца і ў наша ваконца», «Беларускае выдавецкае таварыства ў Вільні». На титульных листах книг, выданных на ее средства, было помещено изображение Лебедя – герба рода Завиши [8, 68 с.].

¹⁵ В сборнике Якуба Коласа «Родные зьявы» 239 страниц, в сборнике «Рунь» М. Горецкого – 135 страниц.

¹⁶ Соблюдена орфография оригинала.

Большей частью они представлены художественной литературой, которая выходила в Петербурге и Вильно, культурных центрах Российской империи. Издания этого периода, выходявшие в других городах, представлены наименьшим числом, количество этих книг невелико. Коллекция книг на белорусском языке XX–XXI вв. начала формироваться в 1960-х гг. На сегодняшний день в ее составе около 9000 экземпляров. Книги приобретались в основном в букинистических магазинах, что-то было подарено библиотеке частными лицами, а также передано Публичной библиотекой имени А. М. Горького (ныне Президентская библиотека Республики Беларусь), получено из дублетных фондов библиотек других республик бывшего Советского Союза. Непрерывно идет пополнение коллекции новыми экземплярами. Последние поступления книг начала XX в. датируются 2019 г., среди изданий – книги 30–40-х гг. XX в. На многих экземплярах стоят владельческие знаки (штампы, владельческие записи, автографы, дарственные надписи, экслибрисы), которые позволяют отследить их бытование.

На современном этапе исследование книг на белорусском языке актуально не только для книговедов, но и для литературоведов, искусствоведов, историков. Коллекция книг на белорусском языке XX–XXI вв. – не только источник для будущих исследований ученых и книговедов, но и памятник печатной белорусской культуры.

Список использованных источников

1. Нікалаеў, М. В. Беларускі Пецярубург / М. В. Нікалаеў. – СПб.: Агентство «ВіТ-прінт», 2009. – 535 с.
2. Доўнар, Л. Выдавецтвы Антона Грыневіча і «Грамады» / Л. Доўнар // Роднае слова. – 2006. – № 8 (224). – С. 85.
3. Александровіч, С. Х. Гісторыя і сучаснасць: літ.-крытыч. арт. / С. Х. Александровіч. – Мінск: Беларусь, 1968. – 255 с.
4. Летапіс беларускага друку. – Менск: Выд. Беларус. дзярж. б-кі, 1929. – Ч. 2: Паасобныя выданьні на беларускай мове (з дадаткам проклямацый і адозваў 1863 і 1905 г.) 1835–1916 гг. – 38 с. – (Матэрыялы і каталогі).
5. Александровіч, С. Х. Пуцявіны роднага слова: праблемы развіцця беларус. літаратуры і друку другой паловы XIX – пачатку XX ст. / С. Х. Александровіч. – Мінск: Выд. БДУ, 1971. – 247 с.
6. Александровіч, С. Пуцявіны роднага слова / С. Александровіч // Полымя: літаратурна-мастацкі і грамадска-палітычны часопіс. – Мінск, 1967. – № 8 (460), жнівень. – С. 220.

7. Гісторыя беларускай кнігі: у 2 т. / пад агул. рэд. М. В. Нікалаева. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2011. – Т. 2: Кніжнасць новай Беларусі (XIX–XXI стст.) / М. В. Нікалаеў [і інш.; навук. рэд. тома: В. В. Антонаў, М. В. Нікалаеў; мастак Г. І. Мацур]. – 435 с.

8. Хурсік, В. У. Белы лебедзь у промнях славы: Магдаліна Радзівіл: [Гіст. нарыс] / В. У. Хурсік; рэд. У. Содаль. – Мінск: Пейго, 2001. – 105 с.

9. Доўнар, Л. І. Кніжная справа ў Мінску (канец XVIII – пачатак XX стагоддзя): манаграфія / Л. І. Доўнар; М-ва культуры Рэсп. Беларусь, Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў. – Мінск: БДУКМ, 2015. – 695 с.

10. Доўнар, Л. І. Гісторыя беларускай кнігі: вучэб. дапам. для студэнтаў выш. навуч. устаноў па спецыяльнасці 1-23 01 11 Бібліятэказнаўства і бібліяграфія (па напрамках) / Л. І. Доўнар; М-ва культуры Рэсп. Беларусь, Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў. – Мінск: БДУКМ, 2012. – 250 с.

(Дата поступления: 10.12.2020).

УДК 930(476)"13/15"

JAGIELLONICA ЯК ГІСТАРЫЯГРАФІЧНАЯ ПРАБЛЕМА Ў ПРАЦАХ АЎТАРАЎ XIX – ПАЧАТКУ XX СТАГОДДЗЯ

Любы А. У.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

У артыкуле аўтар прасочвае зараджэнне і асноўныя змены падыходаў у гістарыяграфіі Цэнтральнай і Усходняй Еўропы XIX – пачатку XX ст. навуковай праблематыкі, прысвечанай эпосе Ягелонаў у гісторыі Вялікага Княства Літоўскага

Ключавыя словы: Ягелоніка; гістарыяграфія гісторыі Беларусі; гістарыяграфія Вялікага Княства Літоўскага XIX – пачатку XX ст.

JAGIELLONICA AS A HISTORIOGRAPHICAL PROBLEM IN THE WORKS OF AUTHORS OF THE 19th – EARLY 20th CENTURIES

Liuby A.

Belarusian State University, Minsk, Belarus

In the article the author traces the origin and changes in the historiography of Central and Eastern Europe of the XIX – early XX centuries such scientific issues as the Jagiellonian era in the history of the Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: Jagiellonica; historiography of the history of Belarus; historiography of the Grand Duchy of Lithuania of the XIX – early XX centuries.

Што такое Ягелоніка? Прапануем спыніцца на такім абагульненым вызначэнні, як даследчыцкі накірунак у гістарыяграфіі гісторыі Цэнтральнай і Усходняй Еўропы, звязаны з панаваннем дынастыі Ягелонаў і фарміраваннем асаблівай геапалітыкі і культуры. Храналагічныя рамкі эпохі Ягелонаў адрозніваюцца ў залежнасці ад дзяржавы. Так, для Вялікага Княства Літоўскага прадстаўнікі дынастыі ўзыходзяць на прастол у 1440 г. і паступова перадаюць сваю ўладу выбарным каралям, звязаным з Ягелонамі матрыманіяльна, толькі пасля 1572 г.

Дынастычнае вымярэнне гістарычнага працэсу ў гістарыяграфіі складаецца яшчэ ў эпохах Асветніцтва і Рамантызму ў нашай частцы Еўропы пад уплывам пераважна французскай і прускай школ гістарыяпісання. У 1780-я гг. да вырашэння праблемы дзяржаўнага і манархічнага ў гісторыі Рэчы Паспалітай спрабаваў звяртацца пры

стварэнні афіцыйнага гістарычнага наратыву ўраджэнец Піншчыны і выхаванец Ліонскага ўніверсітэта Адам Нарушэвіч [1, с. 404, etc.]. Праўда, наконт «дому Ягелонаў» у аснову яго рэчпаспалітаўскага наратыву былі б пакладзены высновы дзеяча Адукацыйнай камісіі і рэктара Кракаўскага ўніверсітэта Гуга Калантая [2, с. 12]. Аднак дынастычнае пераасэнсаванне гісторыі XV–XVI стст. у традыцыях індывідуалізаванага гістарызму адбываецца толькі ў працах па гісторыі Вялікага Княства Літоўскага прафесара Віленскага імператарскага ўніверсітэта Іахіма Леявеля. Лекцыі ім былі прачытаны ў Вільне ў 1820-я гг., але тэксты апублікаваны ўжо ў эміграцыі і пасля яго смерці [3; 4]. Традыцыя «дынастычнай» перыядызацыі (вылучэнне эпохі Ягелонаў, перыядызацыя, характарыстыка, праблематыка) у нацыянальным наратыве з’яўляецца ў межах Кракаўскай і Львоўскай школ гісторыі Польшчы ў сярэдзіне – канцы XIX ст. (напрыклад, наратыў Міхала Бабжыньскага) [5, с. 10–11]. Канчатковае вылучэнне самастойнай эпохі Ягелонаў і вывучэнне яе як прадмета даследавання афармляецца ў працах 1910–1930-х гг. пад уплывам персанальных даследаванняў Оскара Халецкага і Людвіга Каланскоўскага [6; 7].

Гістарыяграфія Ягелонікі прайшла своеасаблівы доўгі шлях асэнсавання сучаснікамі, уключэння ў гістарычны нацыянальны наратыў: ад «ліцвінскага» першай трэці XIX ст. і «польскага» другой паловы XIX ст. да складання нацыянальных гісторый міжваеннага часу дзяржаў Цэнтральнай і Усходняй Еўропы. У дадзенай працы спынімся на гістарыяграфіі гісторыі Вялікага Княства Літоўскага і Польскага каралеўства XIX – пачатку XX ст. Гэты перыяд важны з пазіцыі ацэнкі працэсаў інстытуалізацыі Ягелонікі ў гістарычнай навуцы рэгіёна, уплыву і інтэлектуальнага супраціўлення, якое праяўлялася ў выбары праблематыкі і яе паступовым уключэнні ў гісторыю той ці іншай нацыі.

Аналіз «віленскага» перыяду даследавання праблемы практычна адсутнічае ў гістарыяграфіі. Гэта звязана з цікаўнасцю пераважна да біяграфій вучоных-гісторыкаў Віленскага імператарскага ўніверсітэта і іх па-за віленскімі кар’ерамі [8]. Выключэннем можа быць асоба І. Леявеля і яго навуковая спадчына [9; 10]. Jagiellonica ў польскім гістарычным наратыве XIX – пачатку XX ст. была часткова прааналізавана ў спецыяльных працах па гісторыі дынастыі (У. Баркоўска, Я. Тэнгоўскі) [5; 11], унутранай і знешняй палітыцы (Х. Лаўмяньскі, Л. Каланкоўскі) [12–14]. Для беларускага нацыянальнага наратыва, як, зрэшты, і для

літоўскага і ўкраінскага, ацэначных прац гістарыяграфічнай з’явы ў XX і пачатку XXI ст. не склалася [15; 16].

Фактар дынастыі Ягелонаў у перыядызацыі гісторыі Вялікага Княства Літоўскага і Польскага каралеўства

Гістарыяграфія XIX ст. пачынае адкрываць комплексы наратыўных крыніц, што абумовіла развіццё як самой гістарычнай навукі, так і спецыяльных гістарычных дысцыплін. Першая палова XIX ст. прадстаўляе два матыватары для пошуку новых крыніц і ўвядзення іх у навуковы зварот. Па-першае, гэта фарміраванне калекцый старажытнасцяў: ад актавых і наратыўных крыніц (пераважна летапісаў і хронік, а таксама дзяржаўных і прыватных архіваў зніклых дзяржаўных фарміраванняў), кніжнай рукапіснай і друкаванай старыны да візуальных і археалагічных крыніц пра папярэднія эпохі. Па-другое, ва ўмовах ліквідацыі Рэчы Паспалітай як дзяржавы некалькіх палітычных народаў папярэдняя гісторыя рэгіёна раскладаецца таксама на некалькі гісторый. Ва ўмовах Віленскай вучэбнай акругі і ў структурах Віленскага імператарскага ўніверсітэта адбываецца адраджэнне (ці інстытуцыйнае нараджэнне) даследаванняў Вялікага Княства Літоўскага – дзяржавы, храналагічна ўпісанай у два працэсы – адыход ад агульнай «рускай» гісторыі (пасля 1240-х гг.) і ўключэнне ў гісторыю Рэчы Паспалітай у 1569 г.

Працэс асэнсавання ўласна «літвінскай» гісторыі абдываўся вельмі імкліва і не быў завершаны да 1826 г. стварэннем віленскай інстытуцізаванай гістарычнай школы, хаця ўсе перадумовы былі – кафедра гісторыі, навуковае кола, выдавочны лідар у асобе І. Леявеля. Аднак палітычная сітуацыя другой паловы 1820-х гг. не спрыяла развіццю ні акадэмічнай супольнасці Віленскага ўніверсітэта, ні далейшаму захаванню навуковых кадраў у межах Беларусі і Літвы. Прафесура, як і большасць актыўнай студэнцкай моладзі, пасля падаўлення паўстання 1830–1831 гг. вымушана была пакінуць межы былога Вялікага Княства і прысвяціць сябе іншай праблематыцы, якая больш адпавядала новым месцам працы і крыніцавым зборам, не звязаным з Вялікім Княствам Літоўскім XV–XVI стст. [17, с. 32–35].

Перыядызацыя ў гістарыяграфіі

Гісторыя Вялікага Княства Літоўскага і Польскага каралеўства была падзелена І. Леявелем на два макраперыяды, якія адпаведна

ўказвалі на панаванне ў дзяржаве дзвюх супрацьпастаўленых дынастый (Гедымінавічаў і Ягелонаў і Пястаў і Ягелонаў адпаведна) [9; 10; 18; 19]. Нягледзячы на агульнае паходжанне, дынастыя Ягелонаў, якая ўсталявалася ў Вялікім Княстве з увакняжання каралевіча Казіміра Ягелончыка, атаясамлялася з польскай дынастыяй і, адпаведна, страчваннем Вялікім Княствам Літоўскім сваёй самастойнасці ў выніку шэрагу заключаных уній. Эпоха Ягелонаў для Вялікага Княства раскрывалася як эпоха пераходнага тыпу ад самастойнай дзяржавы да яе ліквідацыі ў выніку далучэння да Рэчы Паспалітай у 1569 г. (ці смерці Стэфана Баторыя).

Да пытання ўвядзення абгрунтаваных гістарычнымі працэсамі храналагічных рамак эпохі Ягелонаў звярнуўся кракаўскі гісторык Юзаф Шуйскі, калі займаўся асобай Людовіка Анжуйскага і яго палітычнай спадчынай [12; 20]. Яго падыходы да эпохі Ягелонаў як пашырэнне польскасці ў рэгіёне знайшло ўвасабленне ў атаясамленні працэсаў уній Вялікага Княства з Польскім каралеўствам у канцы XIV–XVI ст. і трансфера польскай культуры на Усход [2, с. 60].

Датай пачатку кіравання дынастыі Ягелонаў у рэгіёне першапачаткова быў прапанаваны 1386 год. Як адзначае ў сваім аглядзе рэгіянальнай гісторыі прадстаўнік львоўска-кракаўскага гістарычнага асяродку Тадэвуш Вайцэхоўскі, пачатак эпохі аднолькава важны для двух дзяржаўных утварэнняў – Польскага каралеўства і Вялікага Княства Літоўскага [21, с. 10]. Для Т. Вайцэхоўскага было прынята паказаць, што польская дзяржава змагла канструктыўна пашырацца на Усход дзякуючы ўніі з ВКЛ («галоўная эпоха») [21, с. 8], займаець новых супернікаў на наступныя войны: татараў і маскавітаў (прынамсі такой ацэнцы інагурацыйнага выступу новага рэктара *Wszelchnicy Lwowskiej* 1884 г. прытрымліваўся Х. Лаўмянскі) [21, с. 6, 8, etc.; 12, с. 1–2]. Што тычыцца гісторыі ўласна Вялікага Княства Літоўскага, то Т. Вайцэхоўскі адзначае, што магчыма вылучыць две эпохі – да уніі з Польшчай і пасля (тут аўтар разумеў два фарматы трансляцыі культуры на ўсход – палітычнай і рэлігійнай) [21, с. 8, 10].

Асэнсаванне завяршэння эпохі прыйшлося чакаць яшчэ два дзесяцігоддзі – у пачатку XX ст. працамі Ф. Канечнага і О. Халецкага быў сфармуляваны канец эпохі, звязаны з пераменамі ў форме абрання манарха, знешняй палітыцы і прававых адносінах у складовых частках Рэчы Паспалітай [22; 23].

Персанальны і калектыўны вобраз Ягелонікі ў гістарыяграфіі

Створаны І. Леявелем падчас працы прафесарам Віленскага імператарскага ўніверсітэта гістарычны наратыў Вялікага Княства Літоўскага на некаторы час заставаўся адзіным завершаным наратывам гэтай дзяржавы. Менавіта І. Леявель змог абгрунтаваць перыядызацыю эпохі Ягелонаў (ад Ягайлы да Жыгімонта Аўгуста), абумоўленую праблемай знешняй пагрозы і заключэннем уніі Вялікага Княства Літоўскага з Польскім каралеўствам [24, с. 25, etc.]. У гісторыі Вялікага Княства прафесар вызначыўся з падыходамі да розных этапаў развіцця, якія дазволілі даследчыку-рамантысту параўноўваць развіццё дзяржавы і ацэньваць тыя ці іншыя этапы па якаснаму прынцыпу. У сваіх даследаваннях гісторыі Вялікага Княства І. Леявель абапіраецца на супрацьпастаўленне дасягненняў эпохі Ягелонаў у ВКЛ і папярэдняга перыяду. Эпоха Ягелонаў уяўляе для І. Леявеля перыяд развіцця інстытутаў шляхецкай дэмакратыі, залаты час прававой культуры. Схільнасць да параўнанняў паступова выпрацоўвалася ў школе даследчыка і дала свае парасткі ў яго паліаграфічных пры развіцці польскай гістарыяграфіі другой паловы XIX – пачатку XX ст. [25, с. 118–119].

Гістарычны наратыў Вялікага Княства Літоўскага ў І. Леявеля падзяляўся на дзве буйныя эпохі і вызначаўся дзейнасцю прадстаўнікоў манаршых дынастый – Ягелонаў і «да-Ягелонаў» (назавем іх Гедымінавічамі). У ацэначных катэгорыі павінна была быць пастаўлена знешняя палітыка, развіццё права і кваліфікацыя законаў, стварэнне і трансфармацыя органаў і інстытутаў улады. У вобразе своеасаблівага нацыянальнага героя маглі выступаць асобныя прадстаўнікі дынастыі. І, адпаведна, дынастычнае вымярэнне гісторыі заставалася асноўным пры ацэнцы дасягненняў дзяржавы. Галоўнае, што дала эпоха Ягелонаў, – гэта аб'яднанне асобных частак у адзіную дзяржаву пры Жыгімонце Аўгусте [10, с. 135–136].

Трэба ўлічыць, што і персана І. Леявеля, і само становішча і развіццё Віленскага імператарскага ўніверсітэта заўсёды выклікалі розначытанні ў спецыяльнай літаратуры. Дзейнасць выпускніка ўніверсітэта (1808 г.), прафесара і загадчыка кафедры (1815–1824 гг.) неаднаразова станавілася прадметам даследавання гістарыяграфіі Цэнтральнай і Усходняй Еўропы [10; 26; 27].

Адным з першых да персоны І. Леявеля як даследчыка Вялікага Княства Літоўскага Ягелонскай эпохі звярнуўся выпускнік Віленскага

ўніверсітэта імя Стэфана Баторыя і стваральнік персанальнай навуковай школы ў Познаньскім універсітэце імя А. Міцкевіча Хенрык Лаўмяньскі [26]. У 1950–1960-я гг. пры Польскай акадэміі навук была створана група даследчыкаў і перапрацавана спадчына Леявеля ў шматтомным выданні «Joachim Lelewel. Dzieła». Пазней біяграфія Іахіма Леявеля неаднаразова станавілася ілюстрацыяй да вобраза героя эпохі 1830-х гг. Так, яго прэзентавалі ў калектыўнай манаграфіі «Польскія гісторыкі», а Стэфан Кеневіч прысвяціў яму асобную працу «Іахім Леявель», якая была выдадзена па-руску ў папулярнай серыі «ЖЗЛ» [28; 29]. У канцы ХХ – першым дзесяцігоддзі ХХІ ст. І. Леявель разглядаецца інтэрнацыянальнай персонай у гістарыяграфіях Цэнтральнай і Усходняй Еўропы. Яго творчасць трапляе ў абагульняючыя працы па гістарыяграфіі ХІХ ст.

Пэўнай стратай для гістарычнага наратыву стала эвалюцыя да творчай кар’еры Юзэфа Ігнацыя Крашэўскага, адыход ад даследаванняў Вялікага Княства і сярод іншых выпускнікоў Віленскага імператарскага ўніверсітэта. Фактычна да другой паловы ХІХ ст. гісторыя беларускіх і літоўскіх зямель былога Вялікага Княства разглядалася толькі сыходзячы са спадчыны І. Леявеля, якая актыўна друкавалася з 1840-х гг. у Заходняй Еўропе – Парыжы ці Брусэлі. Яго архіў фактычна атрымае сваё другое нараджэнне дзякуючы даследаванням антрапалогі польскай гістарыяграфіі ў другой палове ХХ ст.

Наколькі наратыў І. Леявеля мог уплываць на даследчыкаў Вялікага Княства эпохі Ягелонаў у сярэдзіне – другой палове ХІХ ст.? У Расійскай імперыі Вялікае Княства становіцца спачатку «незапатрабаванай» дзяржавай. Толькі ў апошняй трэці ХІХ ст. адбываюцца спробы яе інтэграцыі ў гісторыю Расіі ў якасці рэгіянальнай гісторыі.

Цікаваць да Ягелонаў і Вялікага Княства Літоўскага становіцца своеасаблівым кантрастам пры асэнсаванні працэсаў ва Усходняй Еўропе ў XV і XVI стст. Параўнанні праводзіліся найперш з папярэдняй эпохай «Гедымінавічаў», калі адбывалася збіранне рускіх зямель пад уладай Вільні, што разглядалася як магчымасць стварэння Вялікага Княства як спадчынніка Кіеўскай Русі (напрыклад, працы М. К. Любаўскага, Д. Ілавайскага) [30; 31]. Відавочнай мяжой паміж самастойнай эпохай і эпохай падпарадкавання становіцца палітыка дынастыі вялікіх князёў, накіраваная на дзяржаўны і ваенны саюз з Польскім каралеўствам, якую запачаткаваў вялікі князь Уладзіслаў-Ягайла і якая актыўна працягвалася ў другой палове XV і праз

XVI ст. прадстаўнікамі яго роду. Такім чынам, заняпад самастойнасці і антырускі ва ўсіх разуменнях – ад міжнароднай актыўнасці да этнічнай і рэлігійнай палітыкі ўнутры дзяржавы – характар палітыкі Вялікага Княства Літоўскага ўказвае на працэсы, якія прывялі да страты дзяржаўнасці падчас Люблінскай уніі. Да такіх высноў прыходзяць аўтары маскоўскай школы, якія бачылі ў дынастыі Ягелонаў дэградууючы элемент для самастойнага Вялікага Княства Літоўскага.

У 1880-я гг. Кіеўскі ўніверсітэт імя Св. Уладзіміра становіцца своеасаблівым альтэрнатыўным агрэгатарам для стварэння лакальных (нацыянальных) наратываў унутры агульнай гісторыі Расійскай імперыі. Тут варта вылучыць ураджэнца Рэчыцы Мітрафана Віктаравіча Доўнар-Запольскага, які ў канцы XIX ст. стварае эканамічны наратывы Вялікага Княства Літоўскага эпохі Ягелонаў [32]. У яго дысертацыі закранаюцца пытанні арганізацыі дзяржаўнай гаспадаркі і даецца аналіз падатковай сістэмы Вялікага Княства. Свае абагульненні па перыяду М. Доўнар-Запольскі выклаў у пачатку 1920-х гг. на старонках абагульняючай працы «Гісторыя Беларусі», якая стала даступна шырокаму колу чытачоў толькі ў 1994 г. [33]. Нават ацэнка перыяду панавання Ягелонаў у Вялікім Княстве давалася адрозная. Так, асоба Казіміра Ягелончыка і яго праўленне ацэньваецца як элемент стабілізацыі дзяржавы пасля смерці Вітаўта [33, с. 62, etc.]. Як прадстаўнік напрамку эканамічнай гісторыі М. Доўнар-Запольскі звязваў працэсы развіцця грамадскай сістэмы і дзяржаўнай актыўнасці ў XVI ст. менавіта з пераўтварэннямі гаспадаркі і сацыяльна-эканамічнага ўкладу Вялікага Княства, адрознага ад Расійскай дзяржавы таго ж перыяду [34].

У польскай гістарычнай думцы другой паловы XIX ст. над пытаннямі перыядызацыі гісторыі дзяржавы, у тым ліку і па вылучэнні эпохі Ягелонаў, напрыклад, у развіцці ваеннай гісторыі, працаваў ураджэнец Мінска Тадэвуш Корзан. Перыяд Ягелонаў акрэслены дзвюма датамі – 1386 і 1572 гг. і характарызуе не толькі пералік ваенных кампаній, але і прынцыпы агульнай ваеннай палітыкі, пераход да наёмнага войска і іншыя змены, якія характэрны для фарміравання вайскавай справы ў дзяржаве Ягелонаў [35, с. 107, etc.]. У «Гісторыі войнаў і вайскавай справы» аўтар прытрымліваецца супрацьпастаўлення дзвюх дынастычных эпох – Пястаў і Ягелонаў.

Над праблематыкай эпохі і ўпісаннем у польскі нацыянальны гістарычны наратывы прадстаўнікоў дынастыі Ягелонаў пачынаюць

задумвацца ў апошняй чвэрці XIX ст. у навуковых асяродках Львова і Кракава, у межах Аўстра-Венгерскай імперыі. Стварэнне навучальных устаноў і планаванне навучальнага працэсу падштурхоўвае да стварэння спецыяльных гістарычных наратываў, сістэматызацыі ведаў пра нацыянальную польскую гісторыю. У гэтых планах эпосе Ягелонаў, як, зрэшты, і самім прадстаўнікам дынастыі, адводзілася асаблівая роля. Калі папярэднікі Ягелонаў Пясты былі дынастыяй польскай, то Ягелоны разглядаліся як прышлыя на польскім прастоле. Адпаведна паразы і страты, якія адбыліся ў іх час, запісваліся ў адмоўныя вынікі кіравання.

Замест заключэння

Напярэдадні Першай сусветнай вайны і на працягу 1918–1921 гг. адбывалася станаўленне нацыянальных наратываў у Цэнтральнай і Усходняй Еўропе, у тым ліку беларускага, літоўскага, украінскага – спадчыннікаў Рэчы Паспалітай, створанай Ягелонамі [36]. Чаму ж Ягелоніка не патрапіла ў нацыянальны гістарычны наратыв? Стагоддзі XV і XVI устойліва сталі асацыіравацца з двума маркёрамі эпохі: палітычнымі уніямі з Польшчай і войнамі з Расійскай дзяржавай, – што прывяло ў сукупнасці да страты самастойнай дзяржавы. Развіццё наратываў у 1920–1930-я гг. прыўнесла яшчэ адзін маркёр з адмоўнай канатацыяй – класавы антаганізм, пры якім дынастычнае вымярэнне гістарычнага працэсу стала непрэзентабельным.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Grabski, A. F. Dzieje historiografii / A. F. Grabski; wpraw. Rafał Stobiecki. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2011. – Wyd. 3. – XIX, 866 s.*
2. *Smoleński, W. Szkoły historyczne w Polsce: główne kierunki poglądów na przeszłość / W. Smoleński. – Warszawa: Gebethner i Wolff, 1887. – 86 s.*
3. *Lelewel, J. Histoire de la Lithuanie et de la Ruthénie, jusqu'à leur union définitive avec la Pologne: conclue à Lublin en 1569 / J. Lelewel; traduit par E. Rykaczewski, avec les notes du traducteur. – Paris et Leipzig, 1861.*
4. *Lelewel, J. Wykłady kursowe z historii powszechnej w Uniwersytecie Wileńskim, 1822–1824 / J. Lelewel; oprac. M. H. Serejski // Dzieła / Joachim Lelewel. – Warszawa: PWN, 1959. – T. 3. – 797, [3] s.*
5. *Borkowska, U. Dynastia Jagiellonów w Polsce / U. Borkowska. – Warszawa: PWN, 2011. – 630, [2] s.*
6. *Любы, А. Ул. Jagiellonica паміж Оскарам Халецкім, Аляксандрам Гейштарам і Ежы Гедройцам: паняццёвыя асновы трансфармацыі сучаснай*

гістарыяграфіі Цэнтральнай і Усходняй Еўропы / А. Ул. Любы // Исследование истории Восточной Европы: сб. науч. ст. – Минск: РИВШ, 2018. – Вып. 18. – С. 206–220.

7. Любы, А. Ул. «Jagellonum Universum» Оскара Халецкага і яго ўплыў на гістарыяграфію канца XX – пачатку XXI стагоддзя / А. Ул. Любы // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого- педагогические науки: сб. науч. ст. – Минск: РИВШ, 2017. – Вып. 17. – С. 256–264.

8. Litwinowicz-Drozdziel, M. O starożytnościach litewskich. Mitologizacja historii w XIX-wiecznym piśmiennictwie byłego Wielkiego Księstwa Litewskiego / M. Litwinowicz-Drozdziel // Biblioteka Literatury Pogranicza. – Kraków: Universitas, 2008. – Т.17. – 227 s.

9. Lelewel, J. Historia polska do końca panowania Stefana Batorego / J. Lelewel; oprac. Z. Kolankowski // Dzieła / Joachim Lelewel. – Warszawa: PWN, 1962. – Т. 6. – 540 s.

10. Lelewel, J. Dzieje Litwy i Rusi aż do unii z Polską w Lublinie 1569 zawartej / J. Lelewel; oprac. J. Ochmański; wstępem poprzedził H. Łowmiański // Dzieła / J. Lelewel. – Warszawa: PWN, 1969. – Т. 4. – 254 s.

11. Тęговски, J. Genealogia Jagiellonów w historiografii / J. Тęговски // Genealogia Jagiellonów i Domu Wazów w Polsce / Z. Wdowiszewski. – Kraków: Avalon, cop. 2005. – S. 5–18.

12. Łowmiański, H. Polityka Jagiellonów. Wydanie drugie / H. Łowmiański. – Poznań: Wyd. Poznańskie, 2006. – 673 s.

13. Kolankowski, L. Polska Jagiellonów: dzieje polityczne / L. Kolankowski. – Lwów: Skł. gł. w Księgarni Gubrynowicz i Syn, 1936. – 374 s.

14. Kolankowski, L. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów / L. Kolankowski. – Warszawa: Skład Główny Kasa im. Mianowskiego, 1930. – Т. 1: 1377–1499. – IX, [1], 474 s.

15. Карев, Д. В. Белорусская и украинская историография конца XVIII в. – начала 20-х гг. XX в. в процессе генезиса и развития национального исторического сознания белорусов и украинцев / Д. В. Карев. – Вильнюс: ЕГУ, 2007. – 310 с.

16. Василенко, В. Політична історія Великого князівства Литовського (до 1569 р.) в східнослов'янських історіографіях XIX – першої третини XX ст.: монографія / В. Василенко. – Дніпропетровськ: Нац. гірн. ун-т, 2006. – 659 с.

17. Błachowska, K. Wiele historii jednego państwa. Obraz dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego do 1569 r. w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX wieków / K. Błachowska. – Warszawa: Neriton, 2009. – 410 s.

18. Lelewel, J. Początkowe prawodawstwa polskie cywilne i kryminalne do czasów jagiellońskich [Электронны рэсурс] / J. Lelewel // Polona: Biblioteka Narodowa. – Рэжым доступу: <https://polona.pl/item/poczatkowe-prawodawstwa-p->

olskie-cywilne-i-kryminalne-do-czasow-jagiellonskich,MTQ2NzU3/3/#info:metad
ta. – Дата доступу: 10.05.2021.

19. *Lelewel, J.* Dzieje Polski Joachim Lelewel potocznym sposobem opowiedział, do nich dwanaście krajobrazów skreślił / J. Lelewel. – Warszawa: W drukarni J. We
skiego. 1829. – 332 s. [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://www.wbc.poznan.pl/dlibra/show-content/publication/edition/82446?id=82446>. – Дата доступу: 10.05.2021.

20. *Szujski, J.* Dzieje Polski podług ostatnich badań / J. Szujski. – Lwów: nakła
dem K. Wilda, 1862. – Т. 2: Jagiellonowie / spisane przez J. Szujskiego. – VI, 340 s.

21. *Wojcechowski, T.* Podział i zakres dziejów polskich: odczyt Tadeusza Wojcie
chowskiego w sali inauguracyjnej Wszechnicy Lwowskiej przy otwarciu roku szkolne
go 1884/85 / T. Wojcechowski. – Lwów: [s.n.], 1884 (Lwów: W. Łoziński). – 17 s.

22. *Koneczny, F.* Dzieje Polski za Jagiellonów / F. Koneczny. – Kraków: Krakowski
Towarzystwo Oświaty Ludowej, 1903.

23. *Halecki, O.* Dzieje Unii Jagiellońskiej / O. Halecki. – Kraków: Akademia
Umiejętności; nakł. Funduszu Nestora Buczewicza, 1919–1920. – Т. 1–2. – 482;
385 s.

24. *Czerniecka-Haberko, A.* Unie polsko-litewskie w historiografii polskiej /
A. Czerniecka-Haberko. – Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2013. – 341 s.

25. *Grabski, A. F.* Zarys historii historiografii polskiej / A. F. Grabski. – Wyd. 2. –
Poznań: Wyd. Poznańskie, 2003. – 277 s.

26. *Łowmiański, H.* Lelewel jako historyk Litwy i Rusi / H. Łowmiański //
Z badań nad pracami historycznymi Joachima Lelewela: referaty i głosy dyskusyjne
z sesji naukowej UAM zorganizowanej ku uczczeniu setnej rocznicy śmierci. – Poznań:
Un-t im. Adama Mickiewicza, 1962.

27. *Grabski, A. F.* Badania nad Joachimem Lelewelem w Polsce współczesnej
(1945–1960) / A. F. Grabski // Kwartalnik Historyczne [Электронны рэсурс]. –
RCIN: Repozytorium Cyfrowe Instytutów Naukowych. – Рэжым доступу: http://rcin.org.pl/Content/28392/WA303_41882_A52-KH-R-68-1_przeglady.pdf. – Дата
доступу: 10.05.2021.

28. *Kieniewicz, S.* Joachim Lelewel / S. Kieniewicz. – Warszawa: Książka i Wie
dza, 1990. – 248 s.

29. *Кеневич, Я.* Лелевель / Я. Кеневич. – М.: Молодая гвардия, 1970. – (Се
рия: «Жизнь замечательных людей»).

30. *Любавский, М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до
Люблинской унии включительно. С приложением текста хартий, выданных
князеству Литовскому и его областям / М. К. Любавский. – М.: Моск. худ. пе
чатня, 1915. – 312 с.

31. *Иловайский, Д. И.* Московско-Литовский период, или Собиратели
Руси / Д. И. Иловайский. – 2-е изд. – М.: Типо-лит. Высоч. утв. Товарищества
И. Н. Кушнерев и К., 1896. – Т. 2: Века XIV и XV. – 528, 75 с.

32. *Довнар-Запольский, М. В.* Государственное хозяйство Великого Княжества Литовского при Ягеллонах / М. В. Довнар-Запольский. – Киев, 1901. – 807 с. (Мінск: Беларус. навука, 2013. – 759 с.)

33. *Доўнар-Запольскі, М. В.* Гісторыя Беларусі / М. В. Доўнар-Запольскі. – Мінск: БелЭн, 1994. – 510 с.

34. *Довнар-Запольский, М.* Западнорусская семейная община в XV веке / М. В. Довнар-Запольский. – СПб., 1897.

35. *Korzon, T.* Dzieje wojen i wojskowości w Polsce / T. Korzon. – Kraków: Akademia Umiejętności, 1912. – Т. 1: Epoka przedrozbiorowa; z il. Wykonanemi podług pomników przez Bronisława Gembarzewskiego i mapą narysowaną przez Jadwigę z Prószyńskich Rogową. – VII, [1], 387 s.

36. *Любы, А. Ул.* Дынастыя Ягелонаў у гістарыяграфіі Цэнтральнай і Усходняй Еўропы: станаўленне нацыянальных наратываў міжваеннага час / А. Ул. Любы // Сацыяльны інстытуты ў Вялікім Княстве Літоўскім у ранняй Новай час: матэрыялы міжнар. навук. кругл. стала, Мінск, 2 снеж. 2020 г. / БДУ, Гіст. фак., Каф. гісторыі Беларусі старажыт. часу і сярэд. вякоў; [пад рэд. А. У. Любага]. – Мінск: БДУ, 2020. – С. 7–11.

(Дата паступлення: 14.05.2021).

УДК 930(47:316.344.42)"18/19"

ПРОФЕССУРА И СТУДЕНЧЕСТВО XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА В РОССИЙСКИХ ДИССЕРТАЦИЯХ: ПОИСК БЕЛОРУССКОГО СОДЕРЖАНИЯ

Шимукович С. Ф.

Республиканский институт высшей школы, Минск, Беларусь

В статье рассматриваются современные российские исследования по истории профессорского сообщества и студенчества в Российской империи в XIX – начале XX в. Предметом анализа выступают авторефераты диссертаций по гуманитарным наукам, которые были защищены в 1990–2010-х гг. в России. Автор прослеживает динамику роста зашит, изменения в тематике исследований, обозначает контент, представляющий интерес для белорусской историографии. Отмечается рост интереса среди исследователей российской истории имперского периода к проблеме высшего образования и трансформации академического сообщества.

Ключевые слова: профессура; студенчество; белорусская интеллектуальная элита; университеты Российской империи; российская историография о XIX в.

PROFESSOR AND STUDENTS 19th – EARLY 20th CENTURIES IN RUSSIAN DISSERTATIONS: SEARCH FOR BELARUSIAN CONTENT

Shymukovich S.

National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus

The article analyzes modern Russian research on the history of the professors' community and students in the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries. The subject of the analysis is the author's abstracts of dissertations in the humanities, which were defended in the 1990s – 2010s in Russia. The author analyzes the dynamics of the growth of defenses, changes in research topics, identifies content of interest to Belarusian historiography. There is a growing interest among researchers of Russian history of the imperial period to the problem of higher education and the transformation of the academic community.

Keywords: professorship; students; Belarusian intellectual elite; universities of the Russian Empire; Russian historiography about the XIX century.

В современной исторической науке динамично развивающимся направлением является изучение истории развития научной инфраструктуры и высшего образования. Популярность данного направления можно объяснить его генетической связью с исследованиями по исто-

рии элит. Предметами научного анализа здесь выступают научная и образовательная инфраструктуры, предоставляющие условия для воспроизводства всех видов элит и самореализации элит интеллектуальных, а также интеллектуальная элита как специфическая социальная группа, непосредственно занятая в данном процессе.

Предметом нашего интереса в рамках данной статьи является профессорское сообщество и студенчество российских учреждений высшего образования, в первую очередь императорских университетов, в XIX – начале XX в. Интерес к данным социальным группам обусловлен тем, что среди профессуры было много уроженцев западных губерний (или белорусских земель), которые выстраивали свои научные карьеры за пределами родного региона. Таким образом, «белорусское содержание», заявленное в названии статьи, получает скорее географическое наполнение, поскольку о национальном не представляется возможным говорить в силу значительного разнообразия в проявлении вариантов и уровней идентичностей среди интересующих нас уроженцев белорусских земель. В свою очередь студенчество, в рядах которого также было много уроженцев западных губерний, мы рассматриваем как ресурсную базу воспроизводства региональных и имперских элит. Нас интересуют обстоятельства, которые сопровождали процессы социализации и унификации данных социальных групп в контексте политики империи в отношении западного региона. Этим вопросам посвящены работы [1; 4; 16].

Мы принимаем положение, согласно которому интеллектуальные элиты играют определяющую роль на всех стадиях реализации конкретного национального проекта, в частности, в формировании научного обоснования данного проекта [2, с. 67–69]. При этом мы опираемся на концепцию известного современного историка и социолога Майкла Манна, который утверждает, что наибольший национализм был свойственен государственным карьеристам, карьеристам в сфере высшего образования и профессионалам [3, с. 234]. Их национализм мог идентифицироваться как с формирующейся на базе империи нацией-государством, так и строиться на идентичностях локально-региональных либо религиозных общин. Таким образом, возникающее идеологическое гражданство и национализм могли сильно различаться. Одновременно М. Манн отмечает, что лица, которые зависели от образования, были наиболее лояльными к централизующему светскому государству [3, с. 216–218].

Исходя из обозначенной роли преподавательского корпуса и высших учебных заведений и обучавшихся в них студентов, представлявших специфические группы интеллектуальных элит, нас интересуют современные российские исследования, в которых можно найти информацию прямого характера либо имеющую косвенное отношение к сведениям об уроженцах западных губерний – профессорах и студентах учреждений высшего образования Российской империи, их активности, позволяющей выявить формы и уровни идентичности. Мы исходим из того, что историческая наука вынуждена прибегать к практике междисциплинарных исследований в изучении данных вопросов, поскольку она должна решить для себя широкий круг задач, связанных с пониманием объекта и предмета научного интереса. Это требует от историка обращаться к методам исследований из социологии, юриспруденции, политологии, непосредственно элитологии как самостоятельного направления научного знания и т. д. Историков в большей степени интересуют состоявшиеся процессы, имеющие большой срок давности, но объясняющие многие современные проблемы в развитии того либо иного общества. В этой связи интерес к изучению интеллектуальных элит на разных отрезках исторического развития представляет особый интерес и актуальность.

В нашем исследовании установлены следующие границы хронологического периода: весь XIX – начало XX в., характеризующиеся сворачиванием инфраструктуры высшего образования в Западном крае Российской империи, что значительно затруднило процессы воспроизводства региональных элит на белорусских землях и отрицательно сказалось на продвижении белорусского национального проекта [4, с. 77–80].

С учетом данного предмета научного интереса нами были выявлены и описаны научные работы в первую очередь современных российских представителей исторической науки¹⁷ и смежных гуманитарных наук, посвященные профессуре и студенчеству в период с начала XIX и до начала XX в. в университетских городах Российской империи. Достаточно полное представление о направлениях исследовательской работы и количестве реализованных исследовательских проектов в виде защищенных диссертаций позволяет получить Единый электронный каталог Российской государственной библиотеки (РГБ), где аккумулируются авторефераты диссертаций на соискание соответствующих

¹⁷ Интерес представляли исследования, выполненные после 1990 г.

ученых степеней [5]. Мы исходим из того, что РГБ получает экземпляр автореферата по обязательной рассылке, в связи с чем можно полагать, что каталог данной библиотеки представлен довольно полной подборкой данных документов. Поиск по ключевым словам позволяет сформировать объективное представление о подготовленных и защищенных научных работах, а также провести их анализ по ряду параметров: хронологическому (динамика защит за последние десятилетия), территориальному (места проведения исследований) и тематическому (популярная проблематика). В нашем случае ключевыми словами для поиска информации стали «профессора», «студенты», «XIX век», «императорский университет», «Российская империя».

Сразу отметим, что среди выявленных диссертаций нет ни одной работы, посвященной Виленскому императорскому университету. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что данный университет не считается в российской исторической традиции «своим», он рассматривается скорее как «польский университет» и в связи с этим исключен из сферы интересов историков, изучающих историю высшего образования в Российской империи. Авторы в одной из монографий, посвященной университетам в России в первой половине XIX в., характеризуют это учреждение высшего образования следующим образом: «...далекий (выделено нами. – Ш. С.) Виленский университет, жизнь которого развивалась по собственным, отличным от остальной Российской империи законам» [6, с. 306]. Географически город Вильно был намного ближе к Петербургу, чем Харьков и тем более Казань, но ментально бывшую столицу ВКЛ и столицу Российской империи в начале XIX в. действительно разделяла пропасть.

Из значительного числа представленных электронным каталогом позиций автором отобрано 40 работ, соответствующих требованиям к типу работы (авторефераты диссертаций), хронологическому периоду (XIX – начало XX в.) и тематике исследования (профессора и студенты в университетах Российской империи, их профессиональная деятельность и повседневная жизнь). Большинство из них содержит указание на интересующий нас объект исследования – профессуру и студенчество – уже в самом названии, часть исследований посвящена проблемам, непосредственно связанным с деятельностью образовательной инфраструктуры, ее академического и ученического сообществ.

Кроме этого, было выявлено около 150 диссертаций, посвященных другим аспектам истории высшего образования в Российской империи:

формированию и изменениям законодательства о высшей школе; тенденциям развития и реформирования высшего образования в XIX – начале XX в.; становлению негосударственной системы высшего образования; трансформации процедуры присуждения ученых и академических степеней; развитию разных направлений научного знания и научных школ и методик образовательной деятельности в высшей школе; подготовке кадров для разных отраслей; педагогическим приемам в построении образовательного и воспитательного процесса в вузах империи и т. д. Из исследований, посвященных непосредственно анализу студенчества, можно отметить 17 работ и 24 исследования, в которых рассматривается профессорско-преподавательский состав императорских университетов. Именно на них мы и сосредоточим внимание. Необходимо отметить, что авторефераты диссертаций не дают полного представления обо всем объеме фактуры, приводимой в текстах диссертаций, использованных авторами источников и другой важной для поиска «белорусского» контента информации.

Использованная нами методика поиска не претендует на строгую научность с точки зрения правил и законов социологии, это скорее анализ, построенный на подходах неформального исследования (по принципу «воспользоваться удобным случаем»). Полученные результаты не обладают полной точностью, поскольку не учитывают все исследования в данной сфере. Однако они позволяют сформировать более-менее общую картину, а также выявить основные направления и закономерности в формировании тематики исследований и ряд иных тенденций современной российской исторической науки.

Исследования по истории студенчества были достаточно обычны для советской исторической науки с учетом доминирования марксистской методологии и поднимавшейся проблематики – участия учащейся молодежи в революционной деятельности. По этой же причине отсутствовали исследования о профессуре, так как отношение к интеллигенции имперского периода у советской науки было основано на классовом подходе и имело преимущественно критическую окраску [7, с. 6]. Среди исследований, посвященных студенчеству и выполненных в советский период, на наш взгляд, интерес представляет диссертация М. В. Борисенко «Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг.», защищенная в 1984 г. в Ленинграде [8], которая отходит от канонического марксистского рассмотрения студенчества как революционного резерва большевиков. Она была подготовлена на материалах студенческих самопереписей

1909–1912 гг., при этом стоит отметить, что данные опросы не только дают информацию о политических пристрастиях студентов, но и впервые позволяют проследить его национальный состав, поскольку до этого официальный учет обращал внимание исключительно на конфессиональную принадлежность обучающихся [9, с. 213–219]. Определенный интерес представляет диссертация О. А. Рафальского «Межнациональные революционные связи студенчества на Украине (1895–1914 гг.)», выполненная на закате советского режима в Киеве. В ней можно проследить и белорусский компонент ввиду значительного числа студентов из западных губерний в Харьковском, Киевском и Новороссийском университетах. Так, по подсчетам историка, к 1914 г. на украинских землях Российской империи находилось 33,8 % всех вузов империи, в которых получали высшее образование 35,2 тысячи студентов, что составляет более 36 % от общероссийского количества [10, с. 2]. Этими цифрами можно объяснить развитость и силу украинского национального проекта в конце XIX – начале XX в., который опирался на мощные интеллектуальные региональные элиты, подготовка (студенты) и деятельность (профессора) которых осуществлялась в университетах на украинских землях. Автор указывает на наличие интернационального содружества студенческой молодежи Украины, Армении, Грузии, Молдавии, отмечает участие болгарского и польского студенчества в общероссийском революционном движении в рамках университетов на украинских землях, отмечает активность в вузах партий грузинских социалистов-федералистов, польских социалистов, армянских дашнаков, азербайджанских мусаватистов, поалей-ционистов, Бундовцев, но никак не обозначает институциональной активности белорусского студенчества [10, с. 7–8, 14]. Мы полагаем, что отсутствие белорусских студенческих структур в университетах можно объяснить слабым развитием собственной национальной идентичности и, как следствие, включенностью «белорусского» студенчества в деятельность польских, украинских, российских и еврейских организационных структур.

В 1990-х гг. постсоветская историческая наука осваивает новые методологические подходы, становятся доступными новые источники и исследования, расширяется тематика исследований и увеличивается их число. Так, в 1990-х гг. в России защищено 4 диссертации по студенческой проблематике и в самом конце десятилетия – 2 диссертации по профессуре. В следующем десятилетии (2000-х гг.) было защищено 6 диссертаций по проблеме студенчества и 12 – по профессорам универ-

ситетов. В последнее десятилетие (2010-е гг.) интерес к проблематике сохранился, что подтверждается следующими данными: 7 диссертаций по студенчеству и 10 – по профессуре. Некоторые работы посвящены одновременно и студентам, и профессорам, а также комплексному изучению истории конкретного университета во всей специфике его жизнедеятельности [11–13].

Города, в которых университеты были открыты еще в имперский период, логично доминируют среди мест, где выполняются исследования по проблеме студенчества и профессуры в XIX – начале XX в. Так, лидирует Москва, в образовательных и научных учреждениях которой подготовлено 8 диссертаций по истории студенчества и 8 – по профессуре императорских университетов (прежде всего Московского университета). В Петербурге выполнено 5 диссертаций по студенчеству и 3 – по профессуре, в Казани – 1 работа по студенчеству и 5 – по профессуре, в Томске – 1 по студенчеству и 4 – по профессуре. По одной диссертации о студенчестве выполнено в Омске и Тюмени, по одной диссертации о профессуре – в Саратове, Челябинске, Ставрополе и Тамбове. При этом необходимо отметить, что многие диссертации на сегодняшний день доработаны исследователями и изданы в качестве научных монографий.

Если рассматривать содержательно-тематический аспект исследований, посвященных истории студенчества, то можно выделить диссертации, анализирующие источниковую базу и вопросы историографии проблемы. Все эти работы представляют интерес, поскольку среди студентов всех университетов России было значительное число уроженцев западных губерний. Так, диссертация С. А. Ежовой посвящена изучению мемуаров воспитанников Казанского университета XIX в. как исторических источников [14]. Для нас представляют интерес как сведения о профессорах – уроженцах белорусских земель (а их на протяжении XIX – начала XX в. в Казани было более 30 человек), так и информация о студентах из Западного края, их учебе и общественной активности. Также интерес представляет работа Ю. К. Рачковской, в которой исследователь изучает специфику освещения авторами либерального направления деятельности студенчества вузов российских столиц в конце XIX – начале XX в. [15]. Стоит отметить, что среди студентов столичных университетов традиционно был большой процент уроженцев белорусских земель, и они еще с середины XIX в. представляли собой достаточно активную группу [16, с. 26–28].

По этой же причине для белорусской исторической науки может быть интересна диссертация О. А. Вахтеровой «Отечественная дореволюционная историография студенческого движения в России в конце XIX – начале XX века» [17]. Все три перечисленные выше диссертации были выполнены в 1990-х гг.

Традиционно популярным направлением исследований является изучение форм и методов студенческой активности, которая носила преимущественно протестный характер и проявлялась в политических антиправительственных акциях. В подобных исследованиях преодолена долгое время доминировавшая марксистская методология, современными исследователями используются социально-психологические и культурно-антропологические методы, подходы в рамках междисциплинарных исследований, позволяющие всесторонне рассмотреть феномен участия студенчества в общественно-политической жизни империи. Это действительно очень важная научная проблема, ведь, как отмечал А. С. Изгоев в статье «Об интеллигентной молодежи (заметки о ее быте и настроениях)», вышедшей в 1909 г. в нашумевшем сборнике «Вехи», до 1905 г. именно студенчество было едва ли не единственной группой образованных людей, думавших не только о личных интересах, но и об интересах всей страны [18, с. 476]. Это утверждение не помещало А. С. Изгоеву подвергнуть российское студенчество очень жесткой критике и требовать от него основное внимание уделять своим непосредственным обязанностям – приобретению знаний.

Высокий уровень активности в российских университетах наблюдался у уроженцев западных губерний. В этой связи интересны диссертации О. В. Ищенко, П. В. Краснова, В. Н. Филянова [19–21]. В диссертации В. Л. Маркина анализируется участие в общественно-политической жизни России начала XX в. студентов и преподавателей Московского университета, среди которых было много уроженцев белорусских земель [12].

Небольшую группу (всего 4 диссертации) составляют работы, посвященные характеристике студенчества как социальной группы в разных императорских университетах в разные периоды их деятельности. В этих работах раскрываются национальность, вероисповедание, территориальное происхождение, социальная активность студентов, что позволяет выявить присутствие уроженцев белорусских земель в университетах и проанализировать их как специфическую группу среди всех обучающихся. Особый интерес для нас представляют та-

кие работы, как «Формирование студенческого состава Московского университета в первой половине XIX века: государственная политика и общественный интерес» А. Н. Феребова, «Социально-экономическое положение томских студентов в конце XIX – начале XX вв. (1888 – февраль 1917 гг.)» Л. И. Смокотиной [22; 23]. В диссертации «Студенчество Санкт-Петербургского университета в первой половине XIX в.» К. С. Казаковой, доработанной и изданной в качестве монографии, содержится очень важный и интересный материал об уроженцах белорусских земель в Петербургском университете. Автор отмечает, что с закрытием Виленского университета число студентов из западных губерний в столичном университете быстро выросло. Правда, К. С. Казакова относит их к «польскому» сообществу, которое вместе с уроженцами Царства Польского составляло до трети от всех студентов университета, при этом приводится интересная и богатая фактура участия «польских» студентов в общественно-политической жизни [24; 25, с. 241].

Значительный интерес представляют исследования, посвященные анализу деятельности разнообразных студенческих объединений в университетах империи. Из четырех диссертаций наиболее явно «белорусское присутствие» обозначено в двух работах: «Этноконфессиональные и региональные организации студенчества Санкт-Петербургского университета: 1884–1917 гг.» Д. А. Баринава [26] и «Студенческие научные общества Санкт-Петербургского университета в конце XIX – начале XX в.» Д. А. Завьялова [27]. Так, в своей диссертации, подготовленной в 2015 г., Д. А. Баринев выявил 3 (из 15 действовавших в университете) научных белорусских кружка: Кружок изучения Гродненской губернии, Белорусское научно-литературное общество и Кружок изучения Витебской губернии [26, с. 243–244]. На наш взгляд, уроженцы белорусских земель в соответствии со своими идентичностями могли также принимать участие и в деятельности Польского научного кружка, Кружка польского права, Кружка польской словесности, Кружка литовведения. Многие студенты – уроженцы белорусских земель католического вероисповедания прибегали к помощи Кассы студентов-поляков и участвовали в работе национальной корпорации «Польская “Сарматия”», которая являлась наследницей польских объединений, известных в середине XIX в., о которых в своем исследовании писала К. С. Казакова [25, с. 258–262].

Д. А. Баринев выявил 14 (из 184) землячеств, представлявших западные губернии: Бобруйское, Брест-Литовское, Вилейское, Виленское,

Витебское, Гомельское, Гродненское, Двинское, Минское, Могилевское, Невельское, Пинское, Полоцкое и Слуцкое [26, с. 245–251]. Он также отметил важное значение белорусских студенческих институций в деле образования первой белорусской национальной политической партии – БСГ [26, с. 7]. По мнению историка, «...белорусские кружки были одними из наиболее представленных среди национально ориентированных научных обществ...» [26, с. 180], в их работе активное участие принимали такие известные в дальнейшем деятели белорусского движения, как И. Воронко, А. Смолич, П. Алексюк, Е. Хлебцевич, Б. Тарашкевич и др. Обобщая деятельность белорусских научных организаций университета, Д. А. Баринов отметил, что «...они сыграли значительную роль в формировании национальной интеллигенции, становлении многих известных ученых и политических деятелей» [26, с. 185]. Более ранняя диссертация (2006 г.) Д. А. Завьялова, посвященная изучению форм и методов деятельности студенческих научных обществ Петербургского университета, также представляет существенный интерес для белорусских исследователей [27].

Достаточно узкому и специфическому аспекту учебной деятельности студентов в Российской империи – книгоизданию – посвящена диссертация А. В. Зайцевой «Студенческое учебное книгоиздание в Москве: вторая половина XIX – начало XX в.» [28]. В диссертации А. А. Рогозина «Российские студенты в Германии на рубеже XIX–XX вв. в современной немецкой историографии» исследуется такой интересный аспект, как изучение процесса обучения студентов из Российской империи в немецких университетах на рубеже XIX–XX вв. [29]. Интересен тот факт, что еще в 1990 г., на исходе советской эпохи, в украинском Ужгороде С. В. Морозенко была подготовлена похожая диссертация о российских студентах в Германии, где в традициях марксизма рассматривается их участие в революционной борьбе в 1880–1914 гг. [30].

Диссертации о российско-европейских связях в высшем образовании (в первую очередь с германскими университетами) имеются и в «профессорской» группе исследований. Так, А. Ю. Трохимовский в 2007 г. подготовил исследование «Заграничные командировки учёных Московского университета в 1856–1881 гг.», а поскольку среди профессоров названного университета было много уроженцев белорусских земель, там можно найти соответствующую фактическую информацию [31].

Среди диссертаций, посвященных профессуре императорских университетов, необходимо отметить значительную группу исследований,

изучающих вклад конкретных персоналий в развитие российской науки и высшего образования. Это 11 диссертаций (чуть менее половины от всех, посвященных профессуре), в которых оценивается вклад таких известных лиц, как В. О. Ключевский (автор – Н. В. Гришина), Н. И. Пирогов (Е. М. Бакушкина), С. Н. Трубецкой (Е. Э. Семерикова), В. И. Ламанский (О. В. Саприкина), В. И. Герье (Т. Н. Иванова), В. М. Флоринский (И. А. Дубнинский), М. Т. Каченовский (Ю. В. Евдошенко), Э. Д. Grimm (О. М. Беляева), профессиональная деятельность которых осуществлялась в тесном взаимодействии с коллегами-профессорами, среди которых были и уроженцы западных губерний.

Но более интересными, на наш взгляд, являются диссертации, посвященные непосредственно уроженцам западных губерний либо университетским профессорам, научные интересы которых напрямую касались белорусских земель. В первую очередь обращает на себя внимание диссертация А. М. Скворцова «Научная школа в отечественном антиквоведении: М. С. Куторга и его ученики», в которой рассмотрена профессиональная карьера уроженца Мстиславского уезда Могилевской губернии. Однако в автореферате нет ни слова о происхождении ученого-историка. Автором отмечены его заслуги для исторической науки (М. С. Куторга создал школу антиквоведения, впервые ввел семинарскую систему преподавания), описан процесс формирования научной школы и специфика взаимоотношений с учениками [32 с. 1–20]. Среди учеников историка упоминается М. М. Стасюлевич. Вероятнее всего, это представитель фамилии из Западного края, которая в начале XIX в. обосновалась в столице империи.

Схожая ситуация наблюдается и в диссертации Т. В. Слепцовой, посвященной научной деятельности известного археографа Н. К. Шильдера, уроженца Витебской губернии [33]. Автор подробно останавливается на научных достижениях данной личности, в частности, на разработке им современных подходов к археографическим приемам публикации источников и введении в оборот значительного числа источников по отечественной истории. И хотя Т. В. Слепцова отмечает, что объектом исследования выступает «жизнь и творческая деятельность» Н. К. Шильдера, и, соответственно, хронологические рамки диссертационного исследования охватывают весь его жизненный путь, в том числе и детство, тем не менее, о происхождении этой личности в автореферате ничего не говорится, отмечается только, что род Шильдеров был близок к политическим кругам Польши [33,

с. 11–12, 20]. Стоит предположить, что в диссертации Т. В. Слепцовой данный аспект личной биографии историка представлен более точной и детальной информацией.

Необходимо указать на диссертацию Т. Н. Иванова, посвященную научной деятельности В. И. Герье и становлению науки всеобщей истории в России [34]. В исследовании часто упоминается М. С. Куторга, который вместе с В. И. Герье, Т. Н. Грановским, С. В. Ешевским учились у европейских профессоров во время зарубежных стажировок и в дальнейшем способствовали формированию научных школ в российских университетах. Так, Т. Н. Иванов отмечает, что М. С. Куторга непродолжительное время занимал кафедру в Московском университете и «...его относительно недолгая преподавательская деятельность в Московском университете <<...> дала позитивные плоды, способствуя расширению антиквведческих знаний и методических приемов в преподавании» [34, с. 32].

В диссертации Ю. Н. Ермолаева анализируется научная и административная карьера известного историка и ректора Московского университета М. К. Любавского [35]. Он не был уроженцем западных губерний, однако сфера его научных интересов непосредственно связана с историческими формами государственности на белорусских землях. М. К. Любавский являлся крупнейшим в империи специалистом по истории Великого Княжества Литовского. По мнению одного из основателей белорусской исторической науки В. И. Пичеты, белорусская историография идет по пути, проложенном М. К. Любавским [35, с. 5]. В этой связи представляют интерес ответы на довольно простые вопросы: чем был вызван научный интерес этого историка к ВКЛ? Кто способствовал формированию этого интереса? Автореферат диссертации содержит ответ только на один вопрос. Ю. Н. Ермолаев отмечает, что интерес к истории ВКЛ сформировался у историка под влиянием его учителей Н. А. Попова и В. О. Ключевского [35, с. 17]. Какие обстоятельства послужили предпосылками для формирования данного научного интереса у этого талантливого историка, в материалах автореферата диссертации не говорится. Более того, автор отмечает, что к 1900 г. у М. К. Любавского изменяются научные приоритеты, история ВКЛ уступает место истории западных славян, которая, однако, рассматривается в связи с историей «Литвы» [35, с. 18].

Значительную группу диссертаций представляют исследования, в которых дается характеристика профессорско-преподавательского

корпуса конкретных университетов (с выделением хронологических рамок исследования) и в целом анализируется профессура как особая социальная группа российского общества. Так, в докторской диссертации М. В. Грибовского анализируется профессура императорских университетов в период с 1884 по 1917 г. Исследователь поднимает широкий круг вопросов, в том числе отмечает, что преподавательский корпус в этот период в полной мере затронул национальный вопрос, особенно в так называемых «западных» университетах империи, однако автореферат не дает представления о формате проявления данного вопроса в высшей школе [7, с. 10, 23]. Исследование посвящено в большей степени общим тенденциям трансформации преподавательского корпуса высшей школы империи на рубеже веков, в нем рассматриваются роль профессуры в становлении гражданского общества, отношения профессуры и студенчества, формирование политических предпочтений профессуры и их реализация в общественно-политической активности данной социальной группы, анализируются социальный статус, семейное положение, профессиональные идентичности и т. д. Полагаем, что в диссертации можно получить более подробную фактическую информацию с указанием конкретных персоналий и учреждений.

Анализ профессорско-преподавательского состава Томского университета представлен в докторской диссертации С. А. Некрылова. В работе подробно анализируются научно-педагогические кадры университета, среди которых есть и уроженцы белорусских земель. Так, в автореферате исследователь отмечает А. С. Догеля, И. В. Михайловского, М. А. Рейснера, что позволяет предположить о наличии более подробных сведений об этих лицах в тексте диссертации [13, с. 28, 31, 39]. Тем не менее данные лица упоминаются в контексте деятельности научных обществ, формирования научных школ, профессиональной академической деятельности в Томском университете без указания их происхождения, национальности и иной информации личного характера.

В диссертации В. Л. Маркина «Студенты и преподаватели Московского университета в общественно-политической жизни России начала XX века» историк ставит задачи, которые предполагают выявление конкретных лиц и определение их степени вовлеченности в политическую жизнь империи. В качестве одного из основных источников автор использует материалы переписи студентов Московского университета 1902–1904 гг. [12, с. 9, 11]. Исходя из материалов автореферата, нацио-

нальный вопрос в исследовании не рассматривался, хотя общественно-политическая жизнь Российской империи в начале XX в., особенно после революции 1905–1907 гг., была насыщена национальной проблематикой. В автореферате есть единичное упоминание о В. И. Пичете (будущем первом ректоре БГУ) в контексте увольнения либеральных профессоров из Московского университета в 1911 г. в знак протеста против политики министра просвещения Л. А. Кассо [12, с. 23].

На схожую тематику – о московской профессуре – выполнена диссертация Н. Н. Никс [36]. Исследователь определила в качестве задачи составление просопографических анкет на всех профессоров Московского университета, преподававших во второй половине XIX – начале XX в. [36, с. 5]. Среди важных индикаторов обозначены социальные показатели и национальная принадлежность. Однако Н. Н. Никс национальную принадлежность профессуры выявляет через их профессиональную принадлежность, и в этом, на наш взгляд, заключается серьезная методологическая ошибка. Конфессиональная принадлежность не является надежным признаком для определения национальности. В этой связи некорректно ассоциировать православных исключительно с русскими, а лютеран и католиков только с «немцами» [36, с. 8]. Тем более такая «классификация» непозволительна для рассматриваемого хронологического периода, когда проходят активные процессы становления современных наций – украинцев, белорусов, литовцев и т. д., конфессиональная картина которых далеко не однозначна.

Определенный интерес для белорусской историографии представляет диссертация А. В. Гатиловой «Научные династии польских профессоров и преподавателей в Казанском университете: XIX – начало XX вв.» [37]. В своем исследовании автор объединяет в единую группу «польских» профессоров уроженцев Царства Польского и всех уроженцев западных губерний (не только католического вероисповедания), а это, как было нами отмечено выше, является методологической ошибкой. По замечанию А. В. Гатиловой, многие поляки-профессора являлись сосланными в Казань выпускниками Виленского университета [37, с. 17–19]. Однако в Вильно обучались преимущественно уроженцы белорусских и частично украинских земель, а уроженцы Польши получали высшее образование преимущественно в Варшавском университете. Несмотря на то, что цель диссертации предполагала понимание специфики «польской» ссылки [37, с. 11], материал автореферата говорит о том, что эта специфика исследователем понята не была. При этом автор упоми-

нает исследование В. А. Павлова, посвященное «польским» ссыльным, в котором автор четко разделяет сосланных в Поволжье «поляков» из Царства Польского и западных губерний на две группы, отмечая совершенно разные паттерны их поведения [38, с. 20]. Опираясь на этот уже доказанный тезис, можно было избежать некоторых некорректных утверждений. Принадлежность к польской культурной традиции, использование польского языка и католическое вероисповедание не являются явными признаками принадлежности к польской этнокультурной нации. Действительно, наследие Речи Посполитой проявлялось в польском культурном доминировании на «непольских» территориях, но это не делает литовские, белорусские и украинские земли частью Польши, а лиц, родившихся на этих землях, этническими поляками. Идентификация данных лиц требует понимания сложных процессов формирования и трансформации многоуровневых идентичностей (гражданских, этнических, региональных и т. д.) в зонах так называемых «фронтиров» и предполагает избегать применения далеких от науки стереотипов, схематизации, шаблонирования и упрощений [16, с. 26].

Некорректным в диссертации, на наш взгляд, является отнесение всех «польских» профессоров в число «иностранного» сектора профессорско-преподавательского состава университета [37, с. 3]. Нам не совсем понятно, как уроженцы белорусских (и украинских) земель попали в число «иностранцев» в Российской империи. Также автор не решила проблему идентификации династии Догелей, поскольку выявилось «...непризнание современными потомками *известного исторического факта* (?) о польских корнях династии» [37, с. 13]. В результате историк предположила их *литовское* (sic!) (выделено нами. – Ш. С.) происхождение. На наш взгляд, автор диссертации не сделала главного – не обозначила четких, недвусмысленных критериев отнесения конкретных лиц к «польской» группе профессоров. Это значительно снижает научную и методическую ценность данного исследования, хотя его актуальность сохраняется в связи с перечнем выявленных персоналий и использованных источников, интерпретация которых, однако, требует несколько иных, более научных подходов.

Пожалуй, одной из наиболее ценных научных работ с точки зрения выявления «белорусского» компонента является докторская диссертация Е. А. Ростовцева «Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России: 1884–1917», которая была издана в виде монографии в 2017 г. [9; 11]. В этой работе представлена

системная реконструкция истории университета, анализируют условия формирования и профессиональная деятельность профессорского сообщества, формы проявления учебной, научной и социальной активности студенчества, присутствует богатый фактический материал об уроженцах западных губерний.

Исследования, в которых рассматривается повседневная жизнь профессуры императорских университетов, анализируются системы мотивационных установок, определяющих поведение (например, правовая культура), представлены диссертациями Л. А. Сазановой, Т. В. Костиной, А. В. Баранова, М. В. Торопова [39–42]. Полагаем, что данные исследования потенциально содержат интересную информацию об уроженцах белорусских земель.

Таким образом, необходимо отметить значительный интерес в среде современных российских историков к самым разным вопросам развития и трансформации системы высшего образования в Российской империи, к деятельности академического сообщества – профессоров университетов и институтов, к разным аспектам студенческой активности и иным проблемам высшего образования периода XIX – начала XX в., который в исторической науке получил название «долгий XIX век». Динамика защит исследований, связанных с проблемами высшего образования, позволяет судить о росте интереса к истории науки и образования, к деятельности конкретных исторических лиц и в целом интеллектуальных элит, о формировании соответствующих научных направлений в региональных научных и образовательных центрах российского государства. В данных исследованиях можно найти интересные и важные сведения об уроженцах белорусских земель, которые активно проявляли себя как в профессиональной сфере, так и в общественной жизни университетских центров Российской империи.

Список использованных источников

1. Шимукович, С. Ф. Научная элита родом из белорусских земель в российских университетах в «долгом XIX веке»: проблемы изучения и интерпретации / С. Ф. Шимукович // Долгий XIX век в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории: сб. науч. тр. / редкол.: И. А. Марзалюк (пред) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2019. – Вып. 3. – С. 192–206.

2. Лінднэр, Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX ст. / Р. Лінднэр; пер. з ням. Л. Баршчэўскага; нав. рэд. Г. Сагановіча. – 2-е выд. – СПб.: Неўскі прасцяг, 2005. – 540 с.

3. Манн, М. Источники социальной власти: в 4 т. / М. Манн; пер. с англ. А. В. Лазаревича; под науч. ред. Д. Ю. Карасева. – М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – Т. 2: Становление классов и наций-государств, 1760–1914 годы (кн. 2). – 520 с.

4. Шимукович, С. Ф. Процессы нацистроительства и проблема воспроизводства элит в белорусском регионе в период «долгого XIX века» / С. Ф. Шимукович // Беларусь у эпоху геапалітычных і сацыяльных зрухаў Новага і Навейшага часу. Да 25-годдзя кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта: матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 22 ліст. 2019 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэд-кал.: А. Г. Каханойска (старш.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2019. – С. 76–81.

5. Официальный сайт Российской государственной библиотеки: Единый электронный каталог [Электронный ресурс]. – М.: РГБ, 1999–2017. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/search>. – Дата доступа: 20.04.2021.

6. Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX века / под общ. ред. А. Ю. Андреева, С. И. Посохова. – М.: РОССПЭН, 2012. – 671 с.

7. Грибовский, М. В. Профессорско-преподавательский корпус императорских университетов как социально-профессиональная группа российского общества: 1884 г. – февраль 1917 г.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / М. В. Грибовский; Том. гос. ун-т. – Томск, 2018. – 43 с.

8. Борисенко, М. В. Студенчество Петербурга в 1907–1914 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М. В. Борисенко. – Л., 1984. – 218 с.; прил. 160 с.

9. Ростовцев, Е. А. Столичный университет Российской империи: учение сословие, общество и власть (вторая половина XIX – начало XX в.) / Е. А. Ростовцев. – М.: Полит. энцикл., 2017. – 903 с.

10. Рафальский, О. А. Межнациональные революционные связи студенчества на Украине (1895–1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / О. А. Рафальский; Киев. гос. ун-т. – Киев, 1990. – 22 с.

11. Ростовцев, Е. А. Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России: 1884–1917: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Е. А. Ростовцев; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2017. – 37 с.

12. Маркин, В. Л. Студенты и преподаватели Московского университета в общественно-политической жизни России начала XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. Л. Маркин; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2009. – 29 с.

13. Некрылов, С. А. Томский университет – первый научный центр в Азиатской части России: середина 1870-х гг. – 1919 г.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.10 / С. А. Некрылов; Том. гос. ун-т. – Томск, 2009. – 47 с.

14. Ежова, С. А. Мемуары воспитанников Казанского университета как исторический источник (XIX век): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. / С. А. Ежова. – Казань, 1995. – 18 с.

15. *Рачковская, Ю. К.* Студенчество Петербурга и Москвы в освещении авторов либерального направления: конец XIX – начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ю. К. Рачковская. – СПб., 1999. – 19 с.

16. *Шимукович, С. Ф.* Студенты из западных губерний в российских университетах в 1860-х гг. / С. Ф. Шимукович // Современная научная мысль. – 2021. – № 2. – С. 23–35.

17. *Вахтерова, О. А.* Отечественная дореволюционная историография студенческого движения в России в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / О. А. Вахтерова; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 1998. – 22 с.

18. *Изгоев, А. С.* Об интеллигентной молодежи (заметки о ее быте и настроениях) / А. С. Изгоев // Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков: антология / сост.: А. Ю. Андреев, С. И. Посохов. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 468–480.

19. *Ищенко, О. В.* Студенческая и учащаяся молодежь в общественном движении и культурной жизни Сибири: конец XIX – начало XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / О. В. Ищенко; Ом. гос. пед. ун-т. – Омск, 2011. – 43 с.

20. *Краснов, П. В.* Департамент полиции МВД и студенческое движение в России в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / П. В. Краснов; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2008. – 23 с.

21. *Филянова, В. Н.* Политическая субкультура учащейся молодежи России второй половины XIX века: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / В. Н. Филянова; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2005. – 25 с.

22. *Феребов, А. Н.* Формирование студенческого состава Московского университета в первой половине XIX века: государственная политика и общественный интерес: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. Н. Феребов; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2013. – 32 с.

23. *Смокотина, Л. И.* Социально-экономическое положение томских студентов в конце XIX – начале XX вв. (1888 – февраль 1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Л. И. Смокотина; Том. гос. ун-т. – Томск, 1994. – 16 с.

24. *Казакова, К. С.* Студенчество Санкт-Петербургского университета в первой половине XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / К. С. Казакова; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2010. – 23 с.

25. *Жуковская, Т. С.* Anima universitatis: студенчество Петербургского университета в первой половине XIX века / Т. С. Жуковская, К. С. Казакова. – М.: Новый хронограф, 2018. – 576 с.

26. *Баринов, Д. А.* Этноконфессиональные и региональные организации студенчества Санкт-Петербургского университета: 1884–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Д. А. Баринов; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2015. – 253 с.

27. *Завьялов, Д. А.* Студенческие научные общества Санкт-Петербургского университета в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Д. А. Завьялов; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2006. – 25 с.

28. *Зайцева, А. В.* Студенческое учебное книгоиздание в Москве: вторая половина XIX – начало XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 05.25.03 / А. В. Зайцева; Моск. гос. ун-т печати им. Ивана Федорова. – М., 2016. – 27 с.

29. *Рогозин, А. А.* Российские студенты в Германии на рубеже XIX–XX вв. в современной немецкой историографии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / А. А. Рогозин; РУДН. – М., 2015. – 29 с.

30. *Морозенко, С. В.* Российские студенты в Германии: учеба, участие в революционной борьбе (1880–1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / С. В. Морозенко. – Ужгород, 1990. – 23 с.

31. *Трохимовский, А. Ю.* Заграничные командировки учёных Московского университета в 1856–1881 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.00, 07.00.02 / А. Ю. Трохимовский; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2007. – 26 с.

32. *Скворцов, А. М.* Научная школа в отечественном антиквоведении: М. С. Куторга и его ученики: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / А. М. Скворцов; Ин-т всеобщ. истории РАН. – М., 2012. – 24 с.

33. *Слепцова, Т. В.* Н. К. Шильдер – археограф и историк: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Т. В. Слепцова; РУДН. – М., 2016. – 30 с.

34. *Иванова, Т. Н.* Владимир Иванович Герье и формирование науки всеобщей истории в России: 30-е гг. XIX – начало XX века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 / Т. Н. Иванова; Казан. (Приволж.) федер. ун-т. – Казань, 2011. – 48 с.

35. *Ермолаев, Ю. Н.* Ректор Московского университета М. К. Любавский: научная и административная деятельность: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Ю. Н. Ермолаев; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2003. – 28 с.

36. *Никс, Н. Н.* Московская профессура второй половины XIX – начала XX вв. Социокультурный аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Н. Н. Никс; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 2004. – 18 с.

37. *Гатилова, А. В.* Научные династии польских профессоров и преподавателей в Казанском университете: XIX – начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. В. Гатилова; Казан. (Приволж.) федер. ун-т. – Казань, 2012. – 23 с.

38. *Павлов, В. А.* Польская политическая ссылка в Казанской губернии во второй половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В. А. Павлов; Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. – Чебоксары, 2004. – 23 с.

39. *Сазонова, Л. А.* Повседневность университетского профессора Казани 1863–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Л. А. Сазонова; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2009. – 25 с.

40. *Костина, Т. В.* Мир университетского профессора Казани: 1804–1863: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Т. В. Костина; Казан. гос. ун-т. – Казань, 2007. – 26 с.

41. Баранов, А. В. Инакомыслие в высшей школе пореформенной России: 60-е – начало 90-х гг. XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. В. Баранов; Моск. пед. гос. ун-т. – М., 1999. – 19 с.

42. Торопов, М. В. Правовая культура российской либеральной профессуры в 1860–1870-е годы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / М. В. Торопов; НИУ-ВШЭ. – М., 2011. – 28 с.

(Дата поступления: 05.05.2021).

РАЗДЕЛ 2. ИДЕНТИЧНОСТИ И КУЛЬТУРА ЭЛИТ И НАСЕЛЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

УДК 796.01

КАНЦЕЛЯРИЯ В. Н. ВОЕЙКОВА И ПРОБЛЕМА ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЯХ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Бусько С. И.

Белорусский государственный университет физической культуры,
Минск, Беларусь

Статья посвящена новым тенденциям в сфере физической культуры Российской империи в начале XX в. На материалах белорусских губерний автор рассматривает деятельность канцелярии Главного наблюдателя за физическим развитием народонаселения Российской империи. Уделено внимание первым попыткам систематизации данных о физическом развитии учащихся, методам сбора информации, проведен анализ опросных листов по Минской губернии. Выделены основные проблемы становления новой модели управленческой структуры в физкультурно-спортивной деятельности в 1912–1916 гг.

Ключевые слова: физическое воспитание; Главный наблюдатель; спортивные общества; гимнастика; опросный лист.

OFFICE V. N. VOEYKOV AND THE PROBLEM OF PHYSICAL EDUCATION OF THE POPULATION IN BELARUSIAN PROVINCES IN THE EARLY 20th CENTURY

Busko S.

Belarusian State University of Physical Culture, Minsk, Belarus

The article is devoted to new trends in the field of physical culture of the Russian Empire at the beginning of the XX century. Based on the materials of the Belarussian provinces, the author examines the activities of the office of the Chief inspector of the physical development of the population of the Russian Empire. Attention is paid to the first attempts to systematize data on the physical development of students, methods of collecting information, an analysis of questionnaires in the Minsk province is carried out. The main problems of the formation of a new model of the administrative structure in physical culture and sports activity in 1912–1916 are highlighted.

Keywords: physical education; a chief inspector; sports societies; gymnastics; questionnaire.

Начало XX ст. в Российской империи характеризовалось сложной внутренней и внешней политической обстановкой. Экономический кризис, русско-японская война, обострение отношений на Балканах, нарастание революционных настроений, начало Первой мировой войны – все это наложило отпечаток на жизнь страны, затронув и физкультурно-спортивное движение. Дореволюционный спорт в 1908–1914 гг. находился на подъеме: расширялась география связей, создавались Всероссийские лиги по отдельным видам спорта, был учрежден Российский олимпийский комитет. Даже белорусские губернии в эти годы демонстрируют рост спортивных обществ и количество людей, которые занимаются физической культурой.

Трудами многих ученых закладывались концепции физического развития, основы спортивной тренировки. Новые социальные группы приходили к осознанию практической пользы от физической культуры и спорта в повседневной жизни. Заметно увеличилось число спортивных журналов: общественное движение за развитие спорта широко освещалось в журналах «Самокат», «Русский спорт», «Сокол», «К спорту», «Циклист», в книгах В. Игнатьева, А. Бутовского, П. Лесгафта и др. [3]. На страницах «Педагогического вестника» росло количество публикаций по проблемам физической культуры, например, полнотекстовые публикации в 1914 г. о конгрессе специалистов по физической культуре в Дании. В учебных заведениях проходили активные дискуссии о роли преподавателя в сфере физической культуры, в Полоцком кадетском корпусе несколько лет обсуждали, какой из преподавателей предпочтительнее: гражданский или военный: «успех обучения и находится в прямой зависимости от степени интеллигентности и авторитетности преподавателей, а равно от основательного усвоения им общих требований педагогики» [8, л. 1].

Многочисленные факты свидетельствуют, что у истоков отечественного спорта, его отдельных видов стояли представители интеллигенции – энтузиасты с широким диапазоном знаний и интересов. К примеру, в Минске это был Я. К. Чапский, в Могилеве – Ф. Стангль, в Гомеле – И. Максимов, в Гродно и Вильно – А. Пигулевский и И. Глебов и др. В конце XIX в. их энтузиазма было достаточно. В начале XX в. рост общественного запроса на физическую культуру и спорт со стороны

города и государства меняет ситуацию. Очевидно, что к 1910–1912 гг. дальнейшее качественное развитие сферы физической культуры и спорта было возможно только при соответствующем внимании и поддержке государства [5, с. 50].

Анализируя итоги Игр V Олимпиады в Стокгольме, руководители Российской империи пришли к очевидному выводу, что выступление на Олимпийских играх является серьезным делом и отношение к подготовке сборной команды страны должно быть соответствующим. Неудачное выступление российских спортсменов навело Николая II на мысль «создать орган для объединения в России всех вопросов, связанных со спортом», а Высочайшим повелением от 7 декабря 1912 г. генералу В. Н. Воейкову было поручено подготовить письменный проект по организации физического воспитания народонаселения Империи [1, с. 15]. 11 июня 1913 г. император Николай II учредил Канцелярию Главного наблюдателя за физическим развитием народонаселения Российской империи, руководителем которой назначил генерала В. Воейкова [4, с. 46].

Неудача на V Олимпиаде – лишь одна из самых очевидных причин. Стоит согласиться с А. Суником, что создание такого управленческого органа диктовалось всем ходом развития российского спортивного и физкультурного движения в предшествующие годы, заметным повышением социальной роли и значения спорта, физического развития в жизни российского общества под воздействием процессов модернизации. Была объективная потребность в создании всероссийского органа управления, который бы мог выполнять координирующую роль в области физического воспитания, создавать благоприятные условия и предпосылки для развития этой социальной сферы [12, с. 469].

В 1912–1916 гг. создается новый тип управленческой структуры Российской империи, в которой соединяются государственные и общественные формы руководства российским физкультурно-спортивным движением в лице Канцелярии Главного наблюдателя за физическим развитием народонаселения Российской империи (1913), Временного совета – совещательного органа при Канцелярии Главного наблюдателя (3 марта 1914 г.) и союзов по отдельным видам спорта. 3 января 1914 г. Особый журнал Совета Министров опубликовал информацию о создании Канцелярии и Временного Совета (49 человек), указав их цели: правильная постановка физического развития с дошкольного возраста и дальнейшая планомерная работа в учебных заведениях; разработка

и проведение в жизнь методов физического развития в соответствии с педагогическими и научными требованиями [12, с. 470]. Достижение целей предполагалось за счет решения нескольких задач: разработка и проведение в жизнь методов физического развития в соответствии с научными требованиями и условиями быта населения; подготовка учебного персонала по вопросам физического развития и наблюдение за общим успехом физического развития в школе; общее ведение и объединение деятельности общественных гимнастических и спортивных организаций с целью поднятия общего уровня физической мощи населения и нравственного оздоровления [6, л. 3].

В процессе обсуждения первоочередных целей постановили, что необходимо выяснить реальное состояние развития физической культуры и спорта в Российской империи. К 1912 г. руководящие органы как губернского, так и имперского уровня не имели представления о состоянии физической культуры и спорта в Российской империи, количество организаций, которые относились к сфере физической культуры и спорта, оценивалось с большой погрешностью [13]. На первый взгляд, количество организаций было достаточно просто установить, возложив это на Министерство внутренних дел и отправив соответствующие запросы в губернские жандармские управления. Однако этот метод не принес результатов. Еще в мае 1913 г. первую попытку сделал Российский олимпийский комитет и получил итоговую цифру в 506 спортивных обществ и кружков! Эта цифра не соответствовала действительности: только Москва, Санкт-Петербург, Киев и Рига в это время насчитывали те же 500 организаций [12, с. 474]. Даже белорусские губернии на 1913 год представляли более полусотни организаций.

Канцелярия Главного наблюдателя за физическим развитием сразу столкнулась с проблемой качественных и содержательных характеристик: чем занимаются в существующих спортивных организациях, какой объем физических упражнений и по какой системе предлагают общества содействия физическому развитию, есть ли вообще занятия по физическому воспитанию в учебных заведениях. Спорт и физические упражнения в армии, модель подготовки, проблема с кадрами, идеологический аспект упражнений и многое другое сразу определили первые мероприятия новой правительственной структуры.

Необходимость таких исследований и формирование статистических баз данных для дальнейшего изучения в динамике осознавали не только в ведомстве В. Воейкова. Например, 7 августа 1912 г. в Санкт-

Петербурге было зарегистрировано Общество охранения здоровья еврейского населения (ОЗЕ). В параграфе 2 среди целей общества указывалось «собирает и разрабатывает данные по вопросам медицины, гигиены, физического воспитания» [9, с. 24]. В докладе профессора М. С. Шварцмана на первом общем собрании ОЗЕ прозвучало, что в качестве одного из главных механизмов достижения поставленной цели необходимо создать статистическую комиссию, и «эта деятельность должна составить основной базис для всех наших работ» [9, с. 36].

Канцелярия Главного наблюдателя за физическим развитием, еще не получив финансирования и штаты, не дожидаясь оформления Временного Совета, начинает использовать административный ресурс для получения информации. В. Воейков в своем обращении в Императорское человеколюбивое общество отмечал, что предпринимаемые в сфере физического воспитания правительственными и общественными учреждениями меры, не соотносящиеся с какой-либо твердо установленной системой, страдают от отсутствия правильного планирования. Например, идея создания упрощенного типового устава для обществ физического развития и спорта будет реализована только в феврале 1916 г. [14, л. 2]. По согласованию с генералом В. Воейковым «Перечень вопросов, необходимых для выяснения полной картины постановки дела физического развития в учреждениях Императорского человеколюбивого общества» был более детализирован, включал уже двадцать два детально проработанных раздела. В том числе опросный лист содержал варианты гимнастических систем на выбор, перечень из летних и зимних видов спорта (среди них хоккей, футбол, гребля); интерес вызывали система оплаты и материального поощрения за занятия по физической культуре и спорту [7, л. 44].

4 июня 1913 г. Министерство внутренних дел уведомляет витебского и минского губернаторов о том, что «Государь возложил на генерал-майора Воейкова общее наблюдение за постановкой упомянутого дела, и ближайшее руководство в этом вопросе» [11, л. 365]. В начале августа 1913 г. в канцелярию минского губернатора А. Ф. Гирса поступают опросные листы. Уже 13 августа 1913 г. опросные листы были разосланы по Минской губернии. В отличие от более поздних развернутых по содержанию образцов 1914 и 1915 гг., данные опросники более скромные по количеству вопросов и проблем, которые необходимо раскрыть. Требования по заполнению не были четко прописаны, что привело к некоторым отличиям в подаче данных. Это затрудняло дальнейший анализ

полученных результатов в Канцелярии Главного наблюдателя за физическим развитием.

Опросный лист включал несколько разделов:

- 1) число учебных заведений, в которых занимаются физическими упражнениями;
- 2) число учащихся, которые занимаются физическими упражнениями;
- 3) какие физические упражнения используются в учебном заведении, сколько человек занимается;
- 4) наличие регулярного курса гимнастики, данные и квалификация педагога или руководителя; составители опросника указали необходимость отметить, по какой программе идет обучение, продолжительность занятий, количество занятий в неделю и год;
- 5) наличие или отсутствие надзора врача во время проведения упражнений;
- 6) требовались данные о влиянии занятий на физическое и нравственное развитие учащихся [11, л. 358].

Заполненные опросные листы по Минской губернии были присланы в канцелярию минского губернатора в течение нескольких недель. Содержание ответов, детализация по предложенным вопросам характеризуются большими расхождениями. Рассылку делали не по конкретным учебным заведениям или обществам, а по территориальным уездным и городским администрациям. Такая практика была не везде. Например, упомянутое выше Императорское человеколюбивое общество рассылку опросных листов делало по конкретным учреждениям, что позволило получить более четкие и развернутые результаты [7, с. 47].

Ответы из белорусских городов (Минска, Пинска, Мозыря, Борисова) более детальные и развернутые; уездные исправники предоставляли более схематичную и разрозненную информацию. Так, минский полицмейстер Д. А. Соколов предпочел изложить материалы по спортивным обществам города, не останавливаясь на учебных заведениях города. Данные о спортивных обществах (особенно «Сокол») регулярно отправляли в Министерство внутренних дел. Этот доклад и стал основой ответа на опросный лист. Однако были и новые данные: по информации полицмейстера, физической культурой в обществе «Сокол» на момент исследования занималось 150 человек, разбитые на четыре возрастные группы (7–10, 10–14, 14–20 и 20–30 лет). Еженедельный график

занятий – 2 урока в неделю, примерно 130 занятий в год по календарному плану (на вопрос анкеты, по какой программе занимаются, данные отсутствуют) [11, л. 344]. Примерно в таком же стиле представлена и остальная информация, например, по «Минскому обществу любителей спорта». В докладной записке указана инфраструктура данного общества: велосипедный трек в Губернаторском саду, площадки для игры в лаун-теннис (полицмейстер подчеркнул, что плата за пользование умеренная), бесплатная площадка для крокета. Отдельно отмечено наличие возле трека в сосновой роще детской площадки с песочным покрытием, на которой размещались детские кегли, гигантские шаги, лодка-качели [11, л. 344 об]. За пределами отчетов и опросных листов оставались десятки нереализованных городских инициатив [10, л. 1].

Вопрос взаимодействия спортивных обществ и учебных заведений включался в большинство опросных листов Канцелярии Главного наблюдателя за физическим развитием. В опросных листах о состоянии водных видов спорта в учебных заведениях Витебской губернии фигурирует вопрос о стоимости занятий и экскурсий по воде, а также указано, что «занятия организованы самостоятельно или есть взаимодействие со спортивными обществами» (вопрос 19) [2, л. 149].

Точка зрения Главного наблюдателя за физическим развитием об отсутствии системных занятий физической культурой за пределами крупных административных центров хорошо подтверждается полученными опросными листами уездных исправников Минской губернии. Каждый из них демонстрирует печальную картину положения в отрасли. Рапорт Игуменского уездного исправника гласил: «В вверенном мне уезде нет занятий физической культурой и спортом» [11, л. 350]. Его позицию разделял Бобруйский уездный исправник Д. И. Бураков: «В Бобруйском уезде не имеется учебных заведений с правильными занятиями физическими упражнениями. Начальных училищ в уезде 125, лишь в нескольких в 1913 г. нерегулярно были занятия по физической культуре» [11, л. 347]. Заведения, подчиненные Военному министерству или Министерству внутренних дел, отправляли свой ответ на опросные листы отдельно; но в отдельных случаях их данные попадали и в общую уездную базу данных. Минский уездный исправник П. Л. Тяляковский отмечал, что на территории уезда нет учебных заведений МВД, а в учебных заведениях других ведомств учащиеся никакими физическими упражнениями не занимаются. В качестве исключения приводились данные по Раковской церковно-приходской школе, где гимнастика преподавалась

старшим полицейским стражником Басовым с разрешения минского губернатора (эту информацию исправник получил напрямую от Минского епархиального училищного совета) [11, л. 345]. Схожая ситуация на 1913 г. была и в оставшихся уездах Минской губернии.

Наиболее полный ответ по опросным листам в Минской губернии был представлен в Канцелярию пинским полицмейстером И. В. Купцовым. Он дает характеристику почти всех учебных заведений города с необходимой информацией. В его рапорте, например, отмечено, что в Пинском реальном училище занятия гимнастикой проходили под руководством офицера уездной стражи поручика В. фон Панцера (стандартная продолжительность – часовой урок; в соответствии с рабочим планом за 1913 г. было проведено почти 480 уроков); гребной спорт в училище преподавал Р. Юргенсон (с такой же продолжительностью – около часа). В правительственной женской гимназии – полчаса под руководством учительницы гимнастики. В двух высших начальных училищах – один час в неделю (118 и 180 в год соответственно). Во 2-м и 3-м пинских приходских училищах, по данным полицмейстера, доминирует гимнастика военного строя, занятия проходят два раза в неделю под руководством фельдфебеля Полищука. Первое мужское железнодорожное училище в 1913 г. проводило гимнастику военного строя два раза в неделю (при этом обязанности преподавателя гимнастики выполнял сам директор К. М. Боровский). Опросные листы из Пинска немногие, где указаны ответы на 5-й и 6-й вопросы: указано полное отсутствие врачебного надзора; роль физической культуры оценивается как значимая в военном и нравственном аспектах [11, л. 354].

В советской спортивной периодике 1960-х гг. приводились данные о низких показателях среди лиц, которые занимались физической культурой и спортом накануне Первой мировой войны [12, с. 475]. Эта оценка ошибочная, ее истоки лежат в плоскости слабой спортивной статистики и прерванной из-за войны деятельности Канцелярии В. Воейкова по сбору данных.

Таким образом, в 1912–1916 гг. как итог закономерного развития физической культуры и спорта создается новый тип управленческой структуры Российской империи – Канцелярия Главнаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской империи (1913), в которой соединяются государственные и общественные формы руководства российским физкультурно-спортивным движением. Одна из первых задач – изучение статистических показателей в сфере физи-

ческой культуры и спорта – была решена лишь частично. Однако даже неполностью проведенные статистические опросы позволяют сделать выводы о ключевых проблемах физического воспитания в белорусских губерниях (диспропорция занимающихся между губернскими и уездными центрами, отсутствие системности в занятиях, кадровая проблема на уровне уездных учебных заведений и др.).

Список использованных источников

1. *Воейков, В. Н.* С царем и без царя: воспоминания последнего дворцового коменданта государя Николая II / В. Н. Воейков. – М.: Воениздат, 1995. – 431 с.
2. Документы по истории развития водного спорта на территории Витебской губернии // Нац. архив Респ. Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 1583. Оп. 1. Д. 149.
3. *Дюпперон, Г. А.* Библиография спорта и физического развития. Систематическая роспись всех книг, брошюр, журналов, вышедших в России по 1913 год включительно / Г. А. Дюпперон. – Петроград: Тип. Н. И. Фёдорова, 1915. – 354 с.
4. *Князев, М. А.* Государственная деятельность В. Н. Воейкова в контексте российской истории начала XX века / М. А. Князев // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2019. – № 6. – С. 43–51.
5. *Мельникова, Н.* Спорт в России накануне октября 1917-го и в первые годы советской власти / Н. Мельникова, А. Трескин, Д. Левин // Вестн. Рос. междунар. олимп. ун-та. – 2017. – № 1. – С. 50–63.
6. Об образовании при Главнаблюдающем за физическим развитием народонаселения Российской Империи Временного Совета по касающимся такого развития делам // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 1276. Оп. 20. Д. 70.
7. Об образовании при Главнаблюдающем за физическим развитием народонаселения Российской империи Временного совета по касающимся такого развития делам и об участии в этом совете представителя Императорского человеколюбивого общества // РГИА. – Ф. 768. Оп. 2. Д. 1118.
8. Об организации временных гимнастических курсов при ГУВУЗ, о командировании на них полковника Чижа // Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Ф. 2613. Оп. 1. Д. 78.
9. *Позин, Г. М.* Общество охранения здоровья еврейского населения. Документы. Факты. Имена / Г. М. Позин. – СПб., 2007. – 228 с.
10. По отношению председательницы Правления общества нуждающихся учащихся об отводе в городском саду участка земли для детских игр и физических упражнений // НИАБ. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 5794.
11. Сведения о состоянии физического воспитания в учебных заведениях // НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 8248.

12. Суник, А. Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX – XX веков / А. Суник. – М.: Сов. спорт, 2004. – 764 с.

13. Хмельницкая, И. Б. Спортивные общества и досуг в столичном городе начала XX века. Петербург и Москва / И. Б. Хмельницкая. – М.: Новый хронограф, 2011. – 336 с.

14. Циркуляр губернатора об учреждении общества физического развития и спорта и устав общества // НИАБ. – Ф. 2496. Оп. 1. Д. 1700.

(Дата поступления: 23.04.2021).

УДК 93/94(476):796/799

ЯЎРЭЙСКІЯ СПАРТЫЎНЫЯ ТАВАРЫСТВЫ НА ТЭРЫТОРЫІ УСХОДНІХ КРЭСАЎ У СКЛАДЗЕ ПОЛЬСКОЙ РЭСПУБЛІКІ Ў 1920–1930-Я ГАДЫ

Ляневіч А. С.

Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, Мінск, Беларусь

У артыкуле разгледжаны яўрэйскія спартыўныя арганізацыі на беларускіх землях, так званых Усходніх Крэсах, якія ўваходзілі ў склад Польскай Рэспублікі ў міжваенны перыяд, іх удзел у агульнапольскіх, нацыянальных і міжнародных спаборніцтвах.

Ключавыя словы: спартыўныя таварыствы; яўрэйскія арганізацыі; Усходнія Крэсы; спорт; Польская Рэспубліка.

JEWISH SPORTS ASSOCIATIONS ON THE TERRITORY OF THE EASTERN BORDERS IN THE COMPANY OF THE POLISH REPUBLIC IN 1920–1930'S

Lianeovich A.

National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus

The article examines the topic of Jewish sports organizations in the Belarusian lands, the so-called Uschodnija Kresy, which were part of the Republic of Poland in the interwar period, their participation in national, national and international competitions.

Keywords: sports societies; Jewish organizations; Uschodnija Kresy; sports; Polish Republic.

Пасля падзей першай паловы ХХ ст. і падпісання Рыжскай дамовы паміж Польскай Рэспублікай, РСФСР і УССР у 1921 г. былі вызначаны межы Польшчы. У яе склад увайшлі тэрыторыі Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны, якія атрымалі назву Усходніх Крэсаў (Kresy Wschodnie). Акрамя тытульнай польскай нацыі, тут пражывалі прадстаўнікі ўкраінскага, яўрэйскага, беларускага, рускага, літоўскага народаў, а на захадзе краіны – нямецкага, нацыянальныя меншасці складалі каля 35 %, у сваю чаргу яўрэяў – 10 % ад агульнай колькасці насельніцтва краіны [14].

Такім чынам, значная іх частка прымала ўдзел ў грамадска-палітычным, культурным і спартыўным жыцці Другой Рэчы Паспалітай 1920–1930-х гг. Спрыяў гэтаму і прыняты праз польскі Сейм 28 красавіка 1919 г. так званы «Трактат нацыянальных меншасцяў»

(Traktat mniejszościowy), згодна з якім абвяшчаліся роўнасць у правах усіх жыхароў і неабмежаваныя магчымасці развіцця ўласнай культуры, веры і мовы [5; 19].

Стварэнне першых яўрэйскіх спартыўных таварыстваў адбывалася яшчэ да Першай сусветнай вайны. Найбольш актыўнае ўцягванне яўрэяў у сферу фізічнай культуры пачалося ў пачатку XX ст., калі лекар, пісьменнік, палітык Макс Нардаў (Max Nordau) у 1898 г. заклікаў надаць большую ўвагу развіццю яўрэйскага спорту як аднаму з асноўных кампанентаў, якія спрыяюць не толькі фізічнаму, але і духоўнаму развіццю і росту нацыянальнай самапавагі. Ім жа была сфармулявана думка аб выхаванні «мускульнага яўрэя»; дадзены аспект выклікаў вялікі рэзананс у грамадстве [12].

Адным з першых таварыстваў, створаных у 1900 г. па закліку М. Нардаў, быў бяллінскі гімнастычны клуб «Бар-Кахба». Па яго прыкладу з 1911 г. пачынае развівацца макабіянскі рух, створаны ў Палестыне, які затым распаўсюдзіўся ў Еўропе праз стварэнне таварыстваў «Макабі».

Першыя спартыўныя арганізацыі пачалі з'яўляцца яшчэ на тэрыторыі Расійскай і Аўстра-Венгерскай імперыі. У ліку першых былі створаны кракаўскае, лодзкае і варшаўскае аб'яднанні «Макабі» ў 1909, 1912 і 1915 гг. адпаведна. Годам раней у Львове пачало сваю дзейнасць гімнастычнае таварыства «Дрор» (ŻTGŚ Dror), укладзенае па прыкладу пражскага «Сокала», і спартыўны клуб «Гасманя» (ŻKS Hasmonaea), што дало штуршок далейшаму распаўсюджванню яўрэйскіх спартыўных таварыстваў у розных гарадах і мястэчках [11; 16].

У сваю чаргу гімнастычны гурток пры пецяўбургскім Таварыстве аховы здароўя яўрэяў (Общество здравоохранения евреев) у 1916 г. быў мадэрнізаваны ў спартыўны клуб «Ахдут». Па прыкладу расійскай сталіцы ў красавіку 1917 г. адкрыты спартыўны клуб «Макабі» ў Адэсе, які фактычна стаў штаб-кватэрай цэнтральнага камітэта Усерасійскага саюза яўрэйскіх спартыўных клубаў «Макабі», дзе старшынёй быў Якаў Граноўскі. Да 1917 г. на тэрыторыі імперыі дзейнічала каля 125 макабіянскіх гурткоў, у тым ліку ў Мінску, Віцебску, Гомелі, Рэчыцы і інш. Спрыяла гэтаму дзейнасць сіянісцкай студэнцкай арганізацыі «Хе-Хавер», асабліва пасля правядзення VI з'езда, які адбыўся ў Петраградзе ў красавіку 1917 г., дзе было агучана аб неабходнасці стварэння па ўсёй краіне сеткі яўрэйскіх спартыўных клубаў «Макабі». Сама арганізацыя пасля аб'яднання ў сакавіку 1924 г. з Таварыствам

сіянісцкіх студэнтаў Украіны і беларускім «Кадыма» атрымала назву «Адзінае ўсерасійскае таварыства сіянісцкай моладзі», якое актыўна ўзаемадзейнічала з макабянскім рухам [1].

Асноўным відам спартыўных заняткаў, якія практыкавалі ў большасці аб'яднанняў, была гімнастыка. Дадзеная акалічнасці была абумоўлена вялікай роляй, якую надавалі ў грамадстве менавіта фізічнаму выхаванню на аснове гімнастычных практыкаванняў. Акрамя таго, прыкладам для стварэння яўрэйскіх таварыстваў стала актыўнае развіццё і распаўсюджванне чэшскага, а затым і агульнаславянскага «Сокала», дзе таксама ў асноўным практыкавалася культура цэла праз разнастайныя заняткі: скокі, бег, працу з гантэямі і гірамі і інш. Звычайна яны праводзіліся ў памяшканнях, альбо на адкрытых пляцоўках, ці пры выездах на прыроду, якія ладзілі звычайна летам.

Між іншым грамадска-палітычныя і ваенныя падзеі першай паловы ХХ ст. безумоўна паўплывалі на далейшае развіццё яўрэйскага руху. На тэрыторыі, якая была ўключана ў склад Савецкай дзяржавы, спартыўныя таварыствы сутыкнуліся з ідэалагічным і адміністрацыйным ціскам з боку ўлады. У канцы 1920-х гг. іх актыўная дзейнасць фактычна спынілася, а ў 30-я гг. зусім знікла. Дзяржаўная палітыка была засяроджана на пабудове грамадства на сацыялістычных прынцыпах, выхаванага на ідэях пралетарскай дыктатуры і класавасці, што замацоўвалася ў Канстытуцыі СССР, дзе адзначалася, што грамадства складаецца з двух дружальных адзін аднаму класаў, з рабочых і сялян, у аснове ўлады стаіць менавіта працоўны клас, а дзяржаўнае кіраўніцтва грамадствам належыць рабочаму класу як перадавому класу грамадства [3]. Гэта датычылася і спартыўных аб'яднанняў, якія пачалі стварацца на платформе працоўных калектываў, навучальных устаноў, вайсковых частак і т. п. Такім чынам, вузканацыянальныя таварыствы станавіліся не адпавядаючымі агульнасаюзнай сістэме фізічнага выхавання.

Беручы пад увагу тую акалічнасць, што большасць яўрэйскіх клубаў падтрымлівала цесныя сувязі з нацыянальна-арыентаваным сіянісцкім рухам, яны фактычна станавіліся варожымі для савецкай класовай сістэмы. У 20-я гг. разгарнулася кампанія па барацьбе з сіянісцкім уплывам, у тым ліку сярод маладзёжных арганізацый, да якіх адносіліся як культурніцкія, так і спартыўныя, якія практычна былі ліквідаваны ўжо да пачатку 1930-х гг. [2; 4].

У той жа час на землях, што ўвайшлі ў склад Польскай Рэспублікі, шэраг яўрэйскіх таварыстваў, якія існавалі да 1921 г., не толькі

працягвалі сваё існаванне, але і ствараліся новыя клубы ў Гродна, Баранавічах, Пінску, Лунінцы, Беластоку і інш. Разам з тым сваю працу аднавіў створаны яшчэ ў 1918 г. Цэнтральны Саюз яўрэйскіх спартыўна-гімнастычных таварыстваў (Centralny Związek Żydowskich Towarzystw Gimnastyczno-Sportowych), які пасля пераводу штаб-кватэры ў Варшаву артымаў назву «Яўрэйскай Рады фізічнага выхавання Польскай Рэспублікі» (Żydowska Rada Wychowania Fizycznego Rzeczypospolitej Polskiej). Структура мусіла каардынаваць дзейнасць яўрэйскага спорту на ўсёй тэрыторыі Польшчы, якая была падзелена на акругі і аб'ядноўвала найбольш буйныя гарады з актыўнымі спартыўнымі асяродкамі.

У сваю чаргу органамі, што рэгулявалі міжнацыянальныя адносіны ў Другой Рэчы Паспалітай, развіццё спорту і фізічнай культуры, займаліся Міністэрства па пытаннях рэлігіі і народнай асветы (Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego), а таксама Дзяржаўная Рада фізічнага выхавання і фізічнай культуры (Rada Wychowania Fizycznego i Kultury Cieleśnej) [6; 13; 15].

Безумоўна, вядучую ролю ў распаўсюджванні здаровага ладу жыцця сярод яўрэйскага насельніцтва на польскіх землях, у тым ліку Усходніх Крэсаў, гралі таварыствы «Макабі». Асабліва гэта было адзначана на XII Сусветным сіянісцкім кангрэсе ў чэшскіх Карлавых Варах, дзе Асамблея яўрэйскіх спартыўных асацыяцый змяніла сваю назву на Сусветны саюз Макабі. Згодна з прынятым Статутам, мэтай арганізацыі з'яўлялася фізічнае і маральнае выхаванне яўрэяў для адраджэння, захавання і абароны яўрэйскай зямлі. Таксама была прынята праграма, скіраваная ў першую чаргу на маладое пакаленне. У праграме акрамя вывучэння іўрыта і гісторыі была адзначана неабходнасць развіцця спорту і фізічнай культуры [10].

Як адзначалася вышэй, макабіянскія клубы з'явіліся на разглядаемай тэрыторыі яшчэ ў першай палове XX ст., і ў польскай дзяржаве яны ізноў аднавілі сваю дзейнасць. Да іх можна аднесці віленскае гімнастычна-спартыўнае таварыства «Макабі», створанае яшчэ ў 1916 г., дзе акрамя футбольнай каманды функцыянавалі легкаатлетычная, веласіпедная, лыжная, шахматная і вяслярская секцыі. Апошняя, між іншым, мела ўласную прыстань і месціла каля 50 чоўнаў, з'яўляючыся адной з буйнейшых у Вільні. Але вядучым аддзелам была футбольная каманда, якая прымала ўдзел у нацыянальных спаборніцтвах па футболе, выступаючы ў класе А Віленскага акруговага футбольнага

саюза, і складала галоўную канкурэнцыю вядучай гарадской камандзе вайскоўцаў «Сміглы» (WKS «Śmigły» Wilno). Стаўшы чэмпіёнам акругі ў 1938 г., «макабіянцы» прынялі ўдзел у праве выхаду ў вышэйшы дывізіён краіны, але саступілі канкурэнтам з Луцка, Гродна і Брэста [7]. Больш значным поспехам адзначыліся віленскія атлеты – у штурханні ядра Соня Левін-Шмуклер (Sonia Levin-Schmuckler) стала чэмпіёнкай Польшчы, а ўсталяваны ёй рэкорд не быў пабіты наступныя 25 год. Таварыствам арганізаваліся перыядычныя гімнастычныя курсы для інструктараў, на якія прыязджалі прадстаўнікі з Свянцян, Глыбокага, Ліды і інш.

У рэгіянальных лігах і гарадскіх першынствах выступалі іх аднаклубнікі з Гродна, Беластока, Пінска, Ліды, Брэста і іншых гарадоў і мястэчак. Больш значных поспехаў на агульнапольскай арэне змаглі дасягнуць прадстаўнікі Львова, дзе з 1908 г. існавала адна з буйнейшых каманд ва Усходнім рэгіёне – «Гасманэя» (Żydowski Klub Sportowy «Hasmonea» Lwów). Добрая матэрыяльная база забяспечвалася не толькі за кошт клубных узнёскаў, але і яўрэйскай грамады Львова, што дазволіла клубу пабудаваць уласны стадыён, які змяшчаў да 10000 гледачоў, і даволі паспяхова развіваць секцыі настольнага і вялікага тэніса, бокса, лыжнага спорту, веласпорту, легкаатлетычную, плавання, мотаспорту, хакея [16; 8].

Маючы неблагую матэрыяльную базу і адміністрацыйны рэсурс, «хашманаім» (прозвішча ігракоў «Гасманэі») удала канкурыравалі з іншымі камандамі горада – «Лехія» (LKS «Lechia» Lwów), «Чарні» (I. Lwowski Klub Sportowy «Czarni») і флагманам польскага футбола «Пагоняй» (LKS «Pogon» Lwów), а таксама клубамі Кракава, Варшавы і інш. У 1927, 1928 гг. футбалісты прынялі ўдзел у вышэйшым дывізіёне чэмпіяната Польшчы, дзе занялі 11-е і 13-е месцы адпаведна, стаўшы з кракаўскай «Ютшэнкай» (ŻTS «Jutrzenka» Kraków) адзінымі прадстаўнікамі сярод яўрэйскіх футбольных таварыстваў, якія дасягнулі падобнага ўзроўню. Акрамя таго, хакейнае дружына станавілася неаднаразовым пераможцам львоўскай акругі, баксёры Рубін Карсовер (Rubin Korsower), Маркус Шырак (Markus Schirak) з'яўляліся лепшымі ў Львове, а Філіп Страўс (Filip Strauss) меў тытул віцэ-чэмпіёна Польшчы [16].

Прымалі ўдзел яўрэйскія спартсмены і ў асобных турнірах, арганізаваных як папулярнымі спартыўнымі штотыднёвікамі таго часу (Кубак газеты «Przełąd Sportowy»), ці штогадовыя спаборніцтвы на

ўзнагароды выдання «Dziennik Nowy»), так і таварыствамі-юбілярамі. Напрыклад, з нагоды 12-годдзя беластоцкага Яўрэйскага спартыўнага клуба быў праведзены матч з аднаклубнікамі з Вільні. Гэтак жа і на 10-годдзе віленцаў былі запрошаны футбалісты з іншых каманд. Таксама арганізоўваліся асобныя пяршынствы: з верасня 1927 г. у Кракаве ладзіліся Агульнапольскія спаборніцтвы яўрэйскіх клубаў (Ogólnopolskie Zawody Klubów Żydowskich), у якіх прымалі ўдзел атлеты львоўскай «Гасманэі», «Дрора», «Ютшэнкі», кракаўскага і варшаўскага «Макабі» і інш. [8; 17].

Акрамя таго, большасць яўрэйскіх каманд падтрымлівала цесныя сувязі з еўрапейскімі прадстаўнікамі і на працягу міжваеннага перыяду перыядычна арганізоўвала таварыцкія сустрэчы з замежнымі камандамі ў Польшчы, ладзіла выяздныя матчы. Варта адзначыць, што прыезд клубаў з-за мяжы выклікаў вялікі рэзананс і цікавасць тагачасных гледачоў. У 1924 г. у Вільню з Вены прыехаў віцэ-чэмпіён Аўстрыі каманда «Хакоах» (SC «Hakoah» Wien). Па сведчаннях, гасцей на вакзал прыйшлі сустракаць сотні чалавек і аркестр, а падчас гульні трыбуны былі цалкам запоўнены. Падобная сітуацыя была і ў Гродна з прыездам літоўскай каманды L.G.S.F. з Каўнаса, а таксама адной з мацнейшых каманд Венгрыі «Кішпешт» (Kispesti AC) з Будапешта [7].

Немалаважнай акалічнасцю ў развіцці яўрэйскага спорту ва Усходніх Крэсах было ўключэнне мясцовых таварыстваў у міжнароднае спаборніцтва «Макабіяда», у якой прымалі ўдзел яўрэйскія атлеты з усяго свету. Першае з іх прайшло ў Тэль-Авіве ў 1932 г., дзе дэлегацыя Польшчы заняла першае месца, заваяваўшы 8 залатых медалёў. На другім, у 1935 г., яна стала пятай. Сярод удзельнікаў двухразовым віцэ-чэмпіёнам гульні ў Вільні Соня Левін. Не менш паспяховымі былі і Зімовыя Макабіяды, якія пачалі праводзіцца з 1935 г. Першыя праходзілі ў Закапанэ, а другія ў 1936 г. у чэскай Баньска Быстрыцы. Акрамя турніру, Сусветным саюзам «Макабі» ладзіліся зборы, на якіх у тым ліку былі прадстаўнікі Львова, Перамышля, Вільні і іншых гарадоў [18; 9].

Між іншым некаторыя яўрэйскія спартсмены займелі права выступаць за нацыянальныя каманды Польшчы. Сярод іх баксёр Шапа Ротальц (Szapsa Rotholc), шахматыст Акіба Рубінштэйн (Akiba Rubinstain), плывец Ілія Шрайбман (Ilija Szrajbman), тэнісіст Эрнэст Вітман (Ernest Wittmann), аўтар першага забітага мяча за футбольную зборную Юзэф Клоц (Józef Klotz), а таксама галкіпер хакейнай збор-

най, алімпійскі чэмпіён, ураджэнец Пінска Тадэуш Сахс (Tadeusz Sachs) і інш. Падобная актыўнасць і станючыя вынікі спрыялі папулярызацыі здаровага ладу жыцця і спорту ўвогуле сярод яўрэяў, робячы з яго самы арганізаваны і буйны спартыўны рух сярод нацыянальных меншасцяў Польскай Рэспублікі. У 1937 г. колькасць макабіянскіх таварыстваў склала каля 250 арганізацый і каля 45 000 членаў па ўсёй краіне, яшчэ каля 5000 з'яўляліся сябрамі іншых яўрэйскіх клубаў («Гасманэі», «Ютшэнкі», «Хапаэля» і інш.).

Такім чынам, распачаты ў першай палове XX ст. накірунак на стварэнне і распаўсюджванне арганізацый, якія выходзілі культуру цела сярод яўрэйскага насельніцтва, займаў свой працяг не толькі ў заходнееўрапейскіх дзяржавах, але і ў Польшчы, у тым ліку на землях Заходняй Беларусі і Украіны. Некаторыя з іх былі створаны ў перыяд Расійскай і Аўстра-Венгерскай імперый, але пасля 1921 г. таварыствы, што апынуліся на тэрыторыі Савецкага Саюза, былі цягам дзесяцігоддзя фактычна ліквідаваны. У сваю чаргу ў Другой Рэчы Паспалітай многія з іх не толькі працягвалі існаваць, але і за кошт удзелу ў агульнанацыянальных і міжнародных спаборніцтвах зрабілі свой унёсак у развіццё рэгіянальнага і польскага спорту.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Базаревіч, А.* Организация сионистской работы среди еврейской молодёжи Беларуси в конце 1910-х и в 1920-е годы / А. Базаревіч // Беларусь у XIX–XXI стагоддзях: этнакультурнае і нацыянальна-дзяржаўнае развіццё: зб. навук. арт. / рэдкал.: В. А. Міхедзька (адк. рэд.) [і інш.]; М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Гом. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель: ГДУ імя Ф. Скарыны, 2015. – С. 86–92.

2. *Даніловіч, В. В.* Яўрэйскія маладзёжныя арганізацыі Савецкай Беларусі / В. В. Даніловіч // Вес. Нац. акад. навук Беларусі / С. А. Усанаў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Выдавец. дом «Беларуская навука», 2015. – № 2. – С. 54–62.

3. *Кузнецов, Д. В.* Советские Конституции. Хрестоматия: в 4 ч. / Д. В. Кузнецов. – Благовещенск: Благовещ. гос. пед. ун-т, 2015. – Ч. 2: СССР, 1922–1936 гг. – С. 9–33.

4. *Симонова, А.* Сионистское движение в Советской России в 20-е годы / А. Симонова // Российский сионизм: история и культура: материалы науч. конф., 22–23 окт. 2001 г. / редкол.: О. Будницкий [и др.]. – М.: Дом еврей. кн., 2002. – С. 278–287.

5. *Balcerak, W.* Mniejszości – rewizjonizm / W. Balcerak // Mazowieckie Studia Humanistyczne / red. A. Koryn. – Łowicz: 2008. – № 1–2. – С. 75–91.

6. Dekret o utworzeniu Ministerstw: Spraw Zewnętrznych, Spraw Wojskowych, komunikacji i aprowizacji: [o utworzeniu Ministerstw] // *Monitor Polski*. – 1918. – 2 list. – S. 1.
7. *Gowarzewski, A.* Kolekcja klubów / A. Gowarzewski. – Katowice: GiA, 1997. – T. 4: Lwów i Wilno w ekstraklasie. Dzieje polskiego futbolu kresowego. – S. 182–190.
8. *Górko, J.* Piłkarskie dzieje Podlasia: 80 lat historii piłki nożnej w regionie podlaskim: 1929–2009 / J. Górko. – Wysokie Mazowickie: Sendsport, 2010. – S. 10–30.
9. *Kozłowski, M.* Naród Wybrany – Cracovia Pany. Z wielokulturowej historii polskiego sportu / M. Kozłowski. – Kraków: Drukarnia Poligraf, 2015. – S. 41–45.
10. *Kowieska, U.* Działalność żydowskich klubów sportowych w II Rzeczypospolitej / U. Kowieska // *Wychowanie fizyczne i sport* / red.: K. Mazurek. – Warszawa: Wydawnictwo AWF. – 1991. – № 1–2. – S. 87–93.
11. *Luberda, M.* Machabeusze Sportu Sport żydowski w Krakowie / M. Luberda, P. Figiela [i inni]. – Kraków: Belda M, 2012. – S. 69–194.
12. *Nordau, M.* Zionistische Schriften. Hrsgs. vom Zionistischen Aktionskomitee / M. Nordau. – Köln: Jüdischer Verlag, 1909. – S. 380–381.
13. O utworzeniu Rady Naczelnej Wychowania Fizycznego i Przystosowania Wojskowego oraz Wojewódzkich i Powiatowych Komitetów Wychowania Fizycznego i Przystosowania Wojskowego: Rozporządzenie Rady Ministrów z dnia 25 kwietnia 1925 r. // *Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej*. – 1925. – № 45. – S. 633–635.
14. *Polski wiek XX. Tom I* / red.: K. Persak [I in.]. – Warszawa: Bellona. – 2009. – S. 51–232.
15. *Przystosowanie Wojskowe* / Komitet W. F. i P. W.; red. F. Waluszewski. – Przemysł: Drukarnia Jana Łazora, 1928. – S. 5–10.
16. *Steisel, A.* ŻKS Hasmonaea Lwów 1908–1933 / A. Steisel. – Lwów: Sztuka, 1933. – S. 3–47.
17. *Sport. X-cio lecie Ż.T.G.S. Makkabi*: [o sporcie] // *Słowo*. – 1926. – № 246. – S. 4.
18. *Szuchta, R.* 1000 lat historii Żydów polskich. Podróż przez wiek / R. Szuchta. – Bydgoszcz: Drukarnia Multigraf, 2015. – S. 184–186.
19. *Wojtycza, J.* Państwowy Urząd Wychowania Fizycznego i Przystosowania Wojskowego jako element koordynacji system bezpieczeństwa w II RP w latach 1927–1939 / J. Wojtycza // *Bezpieczeństwo. Teoria i praktyka* / red. K. Budzowski. – Kraków, 2012. – № 2 (VII). – S. 81.

(Дата паступлення: 25.04.2021).

УДК 94(=112.2)(476)«17/19»

**«ПРАМЯНИСТАЯ ЗОРКА НА ГАРЫЗОНЦЕ ЧАЛАВЕЦТВА»:
РОД НЕМЦАЎ ГІНДЭНБУРГАЎ У ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ**

Снапкоўскі Ю. М.

Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі, Мінск, Беларусь

Беларускія землі з'яўляліся адным з самых тракатых у этнаканфесійным плане рэгіёнаў Расійскай імперыі, што актуалізуе праблему наяўнасці ў складзе тагачаснага беларускага соцыуму розных этнаканфесійных груп, іх узаемадзеяння, узаемакультурнага ўплыву і ўкладу ў развіццё рэгіёна. У межах гэтых груп, у сваю чаргу, назіраецца прысутнасць прышлага (ініяземнага) насельніцтва. Працэс сацыяльнай адаптацыі былых ініяземных (прускіх) падданных і замацавання іх у пэўных саслоўных колах беларуска-літоўскіх губерняў добра прасочваецца на прыкладзе некалькіх пакаленняў немцаў-лютэран Гіндэнбургаў, якія праявілі сябе як адны з лепшых прадстаўнікоў мясцовага службылага дваранства, адыграўшы прагрэсіўную ролю ў грамадстве.

Ключавыя словы: Гіндэнбургі (Гінтэрбургі); немцы; ініяземцы; насельніцтва; Рэч Паспалітая; Расійская імперыя; беларускія землі; беларуска-літоўскія губерні; Мінск; Мінскі навет; Мінская губерня; евангелічна-лютэранская царква; Мінскі дваранскі дэпутацкі сход; фальсіфікацыя дакументаў; шляхецкі вывад; сацыяльная мабільнасць; міграцыя; дабрачыннасць; шляхта; дваранскія роды; памешчыкі; службовыя асобы; рамеснікі; лекары; лютэране; 1790-я гады; мяжа XVIII–XIX стст.; XIX ст.

**«A SHINING STAR ON THE HORIZON
OF THE HUMANKIND»: GERMAN HINDENBURG FAMILY
IN THE HISTORY OF BELARUS**

Snapkouski Y.

National Historical Archives of Belarus, Minsk, Belarus

Belarusian lands had one of the most diverse ethnical and confessional landscapes among regions of the Russian Imperia. It actualizes the question about presence inside of those Belarusian social context different ethnical and confessional (religious) groups, their intercommunion, mutual cultural influences, their contribution to the development of the region. Inside of the local ethnic and confessional groups can be noticed the presence of newcomers from other countries. The article illustrates the process of the social adaptation of former foreign citizens (from Prussia) and their entrench at concrete social class of Belarusian-Lithuanian provinces. The example that was described by the author of the article was the German-Lutheran Hindenburg family in several generations. They manifested themselves as one of the best representers of the local noble-officials and played a progressive role in the society.

Keywords: the Hindenburg (Hinterburg) family; Germans; foreigners; population; Polish-Lithuanian Commonwealth; Russian Empire; Belarusian lands; Belarusian-Lithuanian provinces; Minsk; Minsk District; Minsk Province; Evangelical Lutheran Church; Minsk Assembly of Noble Deputies; falsification of documents; proof of nobility; social mobility; migration; philanthropy; shliakhta; noble families; landlords; officials; artisans; doctors; Lutherans; 1790s; the turn of the XVIII–XIXth centuries; XIXth century.

Насельніцтва беларускіх зямель, якія ў выніку трох падзелаў Рэчы Паспалітай увайшлі ў склад Расійскай імперыі, яскрава вылучалася сваёй поліэтнічнасцю і поліканфесійнасцю. Не з’яўлялася яно аднародным і па больш дынамічнай прымеце – сацыяльнай. Гэта неаднароднасць у значнай ступені падтрымлівалася, трэба думаць, разнастайнымі міграцыйнымі працэсамі ва ўсходнееўрапейскім рэгіёне. Адным з самых складаных і малавывучаных пытанняў застаецца наяўнасць у структуры насельніцтва новаўтвораных беларуска-літоўскіх губерняў этнаканфесійных груп, прадстаўнікі якіх мелі іншаземнае паходжанне. Айчынная гістарыяграфія на працягу двух апошніх дзесяцігоддзяў зрабіла першыя крокі ў вывучэнні толькі асобных дваранскіх родаў і постацяў іншаземнага паходжання, якія пакінулі свой след у жыцці Беларусі [1; 16; 17; 68; 72; 74; 86].

Выдадзены ў 2012 г. Нацыянальным гістарычным архівам Беларусі зборнік дакументаў «Иностранные подданные в Беларуси (конец XVIII – начало XX в.)» [21] не толькі адкрыў навуковай грамадскасці цэлыя дакументальныя комплексы па зададзенай праблематыцы, але і паспрыў асэнсаванню ў межах яе новых накірункаў і перспектыв даследавання. Між іншым, гэта выданне падкрэсліла неабходнасць усведамлення таго, што агульная маса іншаземцаў, якія аселі на землях былога Вялікага Княства Літоўскага, сама не была аднароднай ні па этнічнай, ні па канфесійнай, ні па сацыяльнай прыметах.

Пасля падзелаў Рэчы Паспалітай іншаземцы (як іншаземныя падданыя, так і расійскія падданыя іншаземнага паходжання) разам з усімі катэгорыямі аўтахтоннага насельніцтва беларускіх зямель былі інкарпараваны ў сацыяльна-прававы кантэкст расійскай гісторыі. Адным з прыярытэтных напрамкаў унутранай палітыкі царскіх улад з’яўлялася скарачэнне тут шматлікага прывілеяванага саслоўя – шляхты. Для большасці шляхецкага насельніцтва, якое вылучалася беззямельным становішчам і малапісьменнасцю, гэтыя абмежавальныя мерапрыемствы, безумоўна, павінны былі абярнуцца сапраўднай сацыяльнай

катастрофай, калі прадстаўнікі шляхецкіх колаў гублялі свае старыя прывілеі і залічваліся ў падатны стан. Выйсце з такой сітуацыі дробная шляхта пры актыўнай і ўзаемавыгаднай падтрымцы з боку афіцыйна створаных органаў мясцовай дваранскай карпарацыі – дваранскага дэпутацкага сходу і інстытута губернскага і павятовых маршалкаў – знайшла ў фальсіфікацыі дакументаў, на падставе якіх дамагалася быць зацверджанай у дваранскай годнасці. Агульнаімперская працэдура доказу высакароднага паходжання не абмінула і іншаземцаў, што імкнуліся замацавацца ў складзе расійскага дваранства. Улічваючы сацыяльную неаднароднасць тых груп іншаземцаў, якія ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. легітымізуюваліся праз дваранскія дэпутацкія сходы беларускалітоўскіх губерняў, умоўна вылучым сярод іх наступныя катэгорыі:

1) знатныя роды, якія карысталіся правамі прывілеяванага саслоўя яшчэ да пераезду ў Рэч Паспалітую ці Расійскую імперыю;

2) нязнатныя роды, якія атрымалі дваранства падчас службы ў Рэчы Паспалітай ці Расійскай імперыі;

3) нязнатныя роды, якія дамагаліся дваранства ў Расійскай імперыі на падставе сфальсіфікаваных дакументаў.

У гістарычнай літаратуры размова звычайна ідзе толькі пра дзве першыя з трох названых катэгорый. Пытанне пра магчымасць фальсіфікацыі дакументаў, якія падаваліся прадстаўнікамі родаў іншаземнага паходжання ў доказ дваранства, не ставіцца нават у спецыялізаваных крыніцазнаўчых працах [17]. Верагоднасць рэтраспектыўнай інфармацыі ў вывадовых дэкрэтах і дваранскіх справах, на жаль, часта апрыйёры ўспрымаецца даследчыкамі бясспрэчнай, без належнага крытычнага аналізу крыніц. Разам з тым трэба адзначыць, што пэўны баланс у гэтым накірунку цягам апошняга дзесяцігоддзя ўсё ж быў дасягнуты аўтарамі пяці тамоў «Гербоўніка беларускай шляхты» [7–11], дзе разам з пакаленнымі роспісамі прадстаўлены глыбокі крыніцазнаўчы аналіз дакументацыі Мінскага дваранскага дэпутацкага сходу.

Выдавочна, што сацыяльнае паходжанне дбаючых аб дваранстве нязнатных іншаземцаў з'яўлялася для іх асноўным камнем спатыкнення на шляху да інкарпарацыі ў прывілеяваны стан, бо менавіта ад гэтага крытэрыю залежаў не толькі характар шляхецкіх вывадаў, але і само іх правамоцтва. Каб разумець наяўнасць і сутнасць разглядаемай праблемы, неабходна як уважлівае кампаратыўнае вывучэнне матэрыялаў дваранскіх дэпутацкіх сходаў і іншых незалежных ад вывадавай

дакументацыі крыніц, так і прыняцце ў разлік некаторых сацыяльна-культурных і дэмаграфічных асаблівасцяў беларуска-літоўскіх губерняў канца XVIII – пачатку XIX ст.

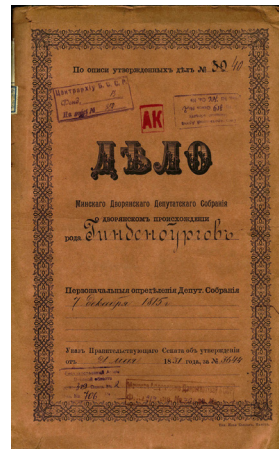
Для іншаземцаў, якія асядалі на беларускіх землях, працэс сацыяльнай адаптацыі праходзіў без асаблівых цяжкасцяў, тым больш калі ўлічыць іх выразную лацальнасць да расійскай адміністрацыі. Нягледзячы на пераломны характар перыяду айчыннай гісторыі (падзелы Рэчы Паспалітай), многія іншаземцы апынуліся тут у даволі спрыяльных умовах для прымянення сваіх прафесійных здольнасцяў і павышэння ўзроўню матэрыяльнага дабрабыту. На тэрыторыі беларуска-літоўскіх губерняў, у прыватнасці Мінскай, асядалі цэлыя сем’і замежных (нямецкіх, французскіх і інш.) купцоў, вучоных і рамеснікаў (механікаў, архітэктараў, аптэкараў, зэгармайстраў, сталяроў, гарбароў, краўцоў, пекараў, каўбаснікаў, півавараў і інш.) [21, с. 390–397]. Пры гэтым далёка не кожны з прадстаўнікоў адпаведных колаў мясцовага насельніцтва мог канкурыраваць з гэтымі замежнікамі па майстэрству, здольнасцям і стракатасці спецыялізацыі. Тутэйшыя памешчыкі, а таксама прадстаўнікі органаў дзяржаўнай улады і гарадскога самакіравання запрашалі іншаземных спецыялістаў весці праектна-будаўнічыя работы, паляпшаць вытворчасць прадпрыемстваў і ўсяляк удасканальваць умовы жыцця ў новаўтворанай Мінскай губерні і яе адміністрацыйным цэнтры. Больш за тое, становішча іншаземцаў у значнай ступені паляпшала тая акалічнасць, што пасля другога падзелу Рэчы Паспалітай яны, паводле кантрактнай сістэмы, разам з мясцовымі купцамі і рамеснікамі на некалькі год вызваліліся ад прамога падаткаабкладання [35, арк. 1; 91, с. 367].

На мяжы XVIII–XIX стст. паслугі замежных спецыялістаў і рамеснікаў аказаліся настолькі запатрабаванымі, што некаторыя з наймальнікаў ператвараліся ў іх даўжнікоў, не маючы належных сродкаў, каб своєчасова заплаціць ім за працу. У асобных выпадках землеўладальнікі былі вымушаны сваім замежным наймітам перадаваць па эксдывізіі частку ўласных маёнткаў. Карыстаючыся момантам, некаторыя здольныя і рашучыя замежныя спецыялісты ў пачатку XIX ст. сталі ўкладваць заробленыя грошы ў нерухомую маёмасць і нават набываць сялянскія душы. Такое квітнеючае становішча гэтай катэгорыі замежнікаў адкрывала для іх новыя гарызонты. Маючы зямлю, грошы і пэўны аўтарытэт у мясцовым асяроддзі, яны маральна ўжо былі гатовыя да таго, каб пры першай магчымасці раз і назаўсёды

пазбавіцца свайго падатнага стану і любымі сродкамі замацавацца ў вярхах сацыяльнай лесвіцы, забяспечыўшы сваіх дзяцей годнай будучыняй. У юрыдычным сэнсе гэта азначала набыццё дваранства, што для іх магчыма было зрабіць праз мясцовы дваранскі дэпутацкі сход толькі шляхам фальсіфікацыі адпаведных дакументаў і стварэння міфалагізаванага шляхецкага радаводу. Як справядліва адзначае гісторык А. І. Сяліцкі, трэба прызнаць, што акрамя тых асоб, якія пасля падзелаў Рэчы Паспалітай законна прэтэндавалі на пацвярджэнне свайго шляхецтва, да паслуг канцылярскіх «махляроў» маглі звяртацца і незаконныя прэтэндэнты з іншых саслоўяў [67, с. 115]. Таму распачатая расійскімі ўладамі ўніжальная для мясцовай знаці працэдура доказу шляхецкага паходжання мела і адваротны бок, калі яна адчыняла «шырокі шлях для папаўнення дваранства прадстаўнікамі ніжэйшых саслоўяў, што было амаль немагчыма зрабіць афіцыйна ў часы Рэчы Паспалітай» [67, с. 109].

Адным з самых ярскіх прыкладаў такой сацыяльна-прававой метамарфозы з'яўляецца, на наш погляд, справа аб дваранстве Гіндэнбургаў – рамеснікаў з Прусіі, якім пашчасціла быць запісанымі ў самую элітную – шостую – частку дваранскай радаводнай кнігі Мінскай губерні як «старажытны дваранскі род».

У той жа час гісторыя Гіндэнбургаў дэманструе і тая асобныя выпадкі сацыяльнай эскалацыі сярод насельніцтва беларускіх земляў, у выніку якіх фарміраваліся цэлыя генерацыі службылага дваранства, адметныя сваёй прагрэсіўнай роляй у грамадстве. У службовай біяграфіі нашчадкаў (у 2, 3 і 4-м каленах) прускага рамесніка мы сустракаем пасады як павятовага і гарадскога ўзроўняў (павятовы скарбнік, акцызны наглядчык, участковы і гарадскі судовыя следчыя, гараднічы, галоўны доктар бальніцы і інш.), так і губернскага (акушэр урачэбнай управы, прэзідэнт таварыства лекараў, канцылярскі чыноўнік пры губернатарах, таварыш пракурора акруговага суда, чыноўнік па судовай частцы пры губернскім

Мал. 1. Вокладка справы Мінскага дваранскага дэпутацкага сходу аб дваранскім паходжанні роду Гіндэнбургаў

акцызным упраўленні, член губернскай прысутнасці, член аддзялення Дзяржаўнага дваранскага зямельнага банка, чыноўнік палаты дзяржаўных маёмасцяў, загадчык спраў люстрацыйнай камісіі і інш.)¹⁸. Яго старэйшы сын Вільгельм Данілавіч (акушэр) і ўнук Леапольд Вільгельмавіч (хірург і тэрапеўт) Гіндэнбургі ўвогуле сталі выбітнымі лекарамі, якіх за высокі прафесіяналізм, ахвярную самаадданасць і вельмі чулыя адносіны да хворых сучаснікі называлі «двайнікамі» «святога доктара» Гааза [3, с. 382; 62, с. 319; 66, с. XIII], а першым з іх захапляўся нават рускі пісьменнік Ф. М. Дастаеўскі [4, с. 107–120, 145].

«Механік, гідраўлік, архітэктар»: Даніэль Паўлавіч Гінтэрбург-Гіндэнбург (каля 1761 – пасля 1833)

Знойдзеныя намі нешматлікія архіўныя дакументы толькі скупымі штрыхамі малююць дакладныя эпізоды ранняй гісторыі роду Гіндэнбургаў. Аднак з моманту нашых апошніх публікацый пяцігадовай даўніны [70; 71], паводле якіх родапачынальнік – Даніэль Гінтэрбург (Гінтэнберг) – быў млынавым майстрам і будаваў у 1794–1796 гг. у горадзе Мінску на замову млыны, нам удалося яшчэ крыху прасунуцца ў высвятленні абставін і часу з’яўлення на Міншчыне гэтага немца. У прыватнасці, у метрычных кнігах Каралішчавіцкага Марыінскага касцёла намі быў знойдзены запіс аб нараджэнні 9 жніўня 1791 г. у бацькоў «германскай нацыі лютэранскай канфесіі» Даніэля і Даратэі, народжанай Флік (Flick), Гінтэрбургаў (Hinterburg) з эканоміі Ельніца сына Самуэля-Багуміла-Лаўрэнція, якога праз пяць дзён, 14 жніўня, хрысціў настояцель Каралішчавіцкай парафіі ксёндз Антоні Сакалоўскі [49, арк. 9]. Хроснымі бацькамі запісаны «высокаблагародны пан» Станіслаў Прушынскі, генерал-ад’ютант караля Рэчы Паспалітай, і яго жонка Ганна, а ў ліку прысутных на хрышчэнні – іх дачка Альжбета.

З гэтага лаканічнага метрычнага запісу вынікае некалькі цікавых і важных акалічнасцяў.

Па-першае, немцы Гіндэнбургі (Гінтэрбургі) з’явіліся на тэрыторыі Мінскага краю яшчэ пры Рэчы Паспалітай (паміж 1-м і 2-м яе падзеламі).

Па-другое, што асабліва важна, адно з першых (калі не першапачатковае) месцаў пражывання Гіндэнбургаў у Рэчы Паспалітай звязанае з эканоміяй Ельніца, якая знаходзілася ў складзе буйнога памешчыцкага маёнтка Каралішчавічы Мінскага павета. Гэты маёнтак

¹⁸ Гл. падрабязна: [71].

належаў прадстаўніку элітных колаў службылай арыстакратыі Рэчы Паспалітай Станіславу Юзафавічу Прушынскаму (1753–1800), суддзі Галоўнага Трыбунала Вялікага Княства Літоўскага (у 1779–1780 гг.), генерал-ад’ютанту апошняга польскага караля Станіслава Аўгуста Панятоўскага, ігуменскаму павятоваму маршалку (з 1797 да 1800 г.).

Той факт, што ён, сам уладальнік маёнтка, і яго жонка Ганна Гектараўна, народжаная графіня Камароўская, як хросныя бацькі разам з іх старэйшай 12-гадовай дачкой Альжбетай, будучай жонкай тайнага саветніка Вікенція Іванавіча Гячэвіча, мінскага цывільнага губернатара (з 1818 да 1831 г.) і сенатара (з 1831 да 1840 г.), прысутнічалі на хрышчэнні дзяцей Даніэля Гінтэрбурга, сведчыць аб даволі блізкіх і цёплых стасунках паміж гэтым немцам і сям’ёй Прушынскіх. Можна нават выказаць думку, што адораны спецыяліст (механік і архітэктар) Даніэль Гінтэрбург трапіў у Рэч Паспалітую як іншаземны найміт Станіслава Прушынскага дзеля будаўнічых работ у яго квітнеючым маёнтку. Наша меркаванне выглядае небеспадстаўным, асабліва ў святле знойдзеных намі ў рэвізскіх сказках звестак аб пражыванні ў 1795 г. «паводле кантракту з уладальнікам» на тэрыторыі маёнтка Каралішчавічы – як раз у вёсцы Ельніца – трох сем’яў «заможных французаў» лютэранскага веравызнання [45, арк. 171 адв. –172].

Па-трэцяе, метрычны запіс падае нам самы ранні варыянт прозвішча родапачынальніка – «Hinterburg». І менавіта гэты варыянт трэба разглядаць як найбольш дакладны, і не толькі з-за таго, што перад намі фактычна першая пісьмовая згадка пра род Гіндэнбургаў, але і таму, што такая ж форма прозвішча фігуруе, у тым ліку ў рускай транслітарацыі («Гинтербург»), у афіцыйных дакументах 1795–1797 гг. ужо пры Расійскай імперыі [33, арк. 57 адв.; 34, арк. 1; 47, арк. 18, 49]. Асобныя дакументы за 1795–1800 гг. паслядоўна ўтрымліваюць таксама наступныя варыянты прозвішча: «Hiintemburg» [35, арк. 22], «Гитенберг» [26, арк. 37–37 адв.], «Гентенберг» [33, арк. 130], «Гинтенбург» [28]. У больш позніх крыніцах – за 1810 і 1811 гг. – прозвішча трапляецца ў формах «Hitemberg» [38, арк. 40 адв. –42 адв.], «Hitenburch» [65, арк. 265] і «Гинтенбурх» [65, арк. 265].

Дарэчы, нас не павінны здзіўляць тыя абставіны, што лютэране хрысціць сваё дзіця ў рымска-каталіцкім касцёле. У 1790-я гг. Мінская лютэранская супольнасць, нямецкая па сваім нацыянальным абліччы, толькі фарміравалася і доўгі час не мела свайго пастаяннага пастара. Таму, каб пахрысціць сваіх нованароджаных дзяцей, мінскія лютэране

былі вымушаны альбо вазіць іх у бліжэйшыя пратэстанцкія цэрквы (лютэранскія кірхі ў Вільні і Слуцку ці рэфармацкі збор у Койданава), альбо, што было больш зручным, хрысціць іх у мясцовых рымска-каталіцкіх касцёлах Мінска і Мінскага павета. Вядома, што ў 1796 г. у Мінску часова служыў былы пастар Слуцкай (з 1793 да 1795 г.) і Магілёўскай (з 1795 да 1796 г.) лютэранскіх цэркваў Карл-Людвіг Гэмэрых (Hemmerich) [23, с. 57, 59, 60; 93]. І толькі з прызначэннем у 1798 г. сюды ў якасці пастаяннага пастара Самуэля Карштадта (Karstadt, Karstaedt), які раней (з 1790 да 1793 г.) служыў у горадзе Няміраве Падольскага ваяводства, была ўтворана асобная Мінская евангелічна-лютэранская парафія [23, с. 56–57; 94]. Набажэнствы ў Мінску лютэране тады праводзілі ў старым драўляным будынку былой уніяцкай царквы «на Замчышчы» (у раёне сучаснай станцыі мятро «Няміга») [22, с. 90]. Пастар Карштадт узначальваў Мінскую евангелічна-лютэранскую парафію больш за 30 гадоў (з 1798 да 1831 г.) і з сям’ёй Гіндэнбургаў, аб чым сведчаць архіўныя дакументы, ён падтрымліваў вельмі цесныя стасункі. Як адзначае расійская даследчыца В. В. Курыла, «аб’яднальным пачаткам для нямецкага насельніцтва, што пражывала ў чужым нацыянальным і канфесійным асяроддзі, рабілася лютэранскае веравызнанне, якога прытрымлівалася большасць расійскіх немцаў» [24, с. 77].

Нешматлікае, але даволі збітае канфесійнае брацтва немцаў-лютэран ужо на мяжы XVIII–XIX стст. адыгрывала значную ролю ў жыцці губернскага Мінска. Немцаў паводле этнічнага паходжання і адначасова лютэран паводле веравызнання можна было сустрэць тут сярод прадстаўнікоў розных сацыяльных пластоў і сфер дзейнасці – ад рамеснікаў да чыноўнікаў мясцовага апарата ўлады. З ліку апошніх вылучаюцца фігуры мінскага цывільнага губернатара Германа-Густава Іванавіча фон Радынга (von Rading), губернскага пракурора Івана Пятровіча фон Шуца (von Schütz), губернскага архітэктара Фрыдрыха Хрысціянавіча фон Крамэра (von Cramer), асэсара казёнай палаты Фёдара Данілавіча фон Аларда (von Allard), якія належалі да дваранскага саслоўя і нароўні з Даніэлем Гіндэнбургам ідэнтыфікавалі сябе з членамі «евангелічнай супольнасці ў Мінску» («Die Evangelische Gemeinde in Minsk») [51, арк. 1 адв., 5.].

Спачувальную пазіцыю ў адносінах да мінскіх лютэран займаў выхадзец «з дваран нацыі нямецкай» секунд-маёр Пётр Іванавіч Цэйс (Zeiß) – першы мінскі гараднічы (з 1793 да 1795 г.), а затым (з 1797 г.) саветнік Мінскай казёнай палаты [40, арк. 13 адв. – 16]. У канцы 1801 г.

ён прадаў лютэранскай супольнасці пад царкву і іншыя будыніны «ў вечнае і спадчыннае валоданне» ўласны драўляны дом на каменным падмурку з сумежнай зямлёй за 2500 руб. сярэбранай манетай [50, арк. 7–7 адв.]. З таго часу ў мінскіх лютэран быў свой будынак царквы, які размяшчаўся па вуліцы Дамініканскай (сёння – вуліца Энгельса) побач з перасячэннем з вуліцай Захар’еўскай (сёння – праспект Незалежнасці).

У працяг размовы пра новыя крыніцы адносна пачаткаў роду Гіндэнбургаў у Беларусі трэба сказаць, што запісы аб нараджэнні яшчэ некаторых дзяцей лютэраніна Даніэля Гінтэрбурга намі таксама былі знойдзены ў метрычных кнігах рымска-каталіцкага касцёла, але ўжо Мінскага Марыінскага (з 1798 г. – кафедральнага). Так, 1 мая 1795 г. у бацькоў «лютэранскай канфесіі» Даніэля і Даратэі Гінтэрбургаў (прозвішча фігуруе ў форме «Hinterburch») нарадзілася дачка Алена-Ганна і была хрышчана ў гэтым касцёле на трэці дзень [47, арк. 18]. 24 чэрвеня 1797 г. у іх жа, бацькоў «германскай нацыі», нарадзіўся сын Іяган-Фердынанд, якога на наступны дзень хрысціў вікарыі Мінскага Марыінскага касцёла Фабіян Чарняўскі [47, арк. 49]. Калі ў першым з гэтых двух метрычных запісаў дакладнае месца нараджэння дзіцяці не пазначана, то ў другім выпадку месцам нараджэння названа Ляхаўка (прадмесце Мінска). Таму, улічваючы, што Даніэль Гінтэрбург спецыялізаваўся на будаванні млыноў для горада, можна выказаць меркаванне аб яго ўдзеле ў фарміраванні тапаграфічнага аб’екта, які на распрацаваным і зацверджаным у гэты час першым праектным плане Мінска зафіксаваны як «Ляхаўскія млыны» [2].

Перапіс іншаземных жыхароў Мінска за 1795 г. больш дакладна акрэслівае геаграфічнае паходжанне Даніэля Паўлавіча Гінтэмбурга (Hinterburg) – з Прусіі, упершыню называе яго ўзрост – 34 гады (каля 1761 г. нар.), узрост яго жонкі Дароты Даніэлеўны – 25 год (каля 1770 г. нар.), а таксама разгорнута вызначае яго спецыялізацыю – «механік, гідраўлік, архітэктар, які практыкуе і пражывае ў горадзе Мінску паводле кантракту» [35, арк. 22]. Калі ўлічыць, што ў 1796–1800 гг. Даніэль Гіндэнбург арандаваў у Пінскага Багаяўленскага манастыра ўчастак зямлі з цагельным заводам (былая ўласнасць Мінскага Петрапаўлаўскага мужчынскага манастыра) пры фальварку Пярэспа Мінскага павета [28], то становіцца зразумелым, што ён быў не проста рамеснікам, але сапраўдным спецыялістам шырокага профілю, бо, маючы ўласны рэсурс (цэглу), мог узяць на сябе выкананне ўсяго спектра праектных і будаўнічых работ пры ўзвядзенні новых млыноў. Мяркуючы з усяго,

паслугі гэтага вучонага немца ў нядаўна заснаванай губернскай сталіцы і яе ваколіцах не засталіся незапатрабаванымі, і за дзесяцігоддзе сваёй прафесійнай дзейнасці прадпрымальны Даніэль Гіндэнбург, відаць, набіраў значнае багацце, што дазволіла яму ў 1805 г. не толькі атрымаць паводле эксдывізіі з памешчыцкага маёнтка Прылепы Мінскага павета (уласнасць мінскага павятовага казначэя Аўласа Фёдаравіча Мяжэніна) фальварак Вільгельмаўку (названы ім так, трэба думаць, у гонар старэйшага сына), але і набыць там чатыры душы прыгонных мужчынскага полу. Таму ў рэвізскай сказцы ад 15 снежня 1811 г. ён зафіксаваны ўжо як «дзедзічны ўладальнік», які, акрамя таго, арандуе ў веляціцкага старосты графа Юзафа Міхалавіча Тышкевіча фальварак Высокае Мінскага павета з 35 рэвізкімі душамаі мужчынскага полу (паводле рэвізіі 1795 г.) [65]. Вясной 1815 г. Гіндэнбург набывае ў былога лоўчага мінскага Тадэвуша Варанца засценак Стадолішча Мінскага павета і пачынае скупаць у жонкі капітана расійскіх войскаў Юстыны Янкоўскай прылеглыя да гэтага засценка землі [12, арк. 10 адв. – 11; 57, арк. 549 адв. – 550].

У выніку такой паспяховай сацыяльна-маёмаснай эскалацыі ўчарашняму прускаму рамесніку заставалася толькі сфальсіфікаваць звесткі аб сваім «знатным» паходжанні, таму ў 1815 г. «высакародны» («urodzony») жыхар Мінскага павета Даніэль Гіндэнбург (Hindenburg) пачаў «адшукванне» свайго шляхецтва, падаўшы ў Мінскі дваранскі дэпутацкі сход (відаць, не без паслуг канцылярскіх «махляроў» самога сходу) дакументы на зацвярджэнне яго сям'і ў дваранскай годнасці

Мал. 2. Герб дваранскага роду Гіндэнбургаў «Брохвіч I», 1815 г.

[42, арк. 16–19]. У шляхецкім вывадзе ён называе ў якасці родапачынальніка Гіндэнбургаў свайго бацьку Паўла, нібыта шляхціца герба «Брохвіч I», які ў сярэдзіне 1780-х гг. пераехаў з Германіі ў Хэлмскае ваяводства, а сам Даніэль у той жа час аддзяліўся ад бацькі і прыбыў на сталае месцажыхарства ў Мінскае ваяводства. Свае довады ён падмацаваў пісьмовым пасведчаннем чыноўнікаў і шляхты Мінскай губерні аб яго шляхецкім паходжанні. У выніку дваранскі дэпутацкі сход сваёй пастановай ад 7 снежня 1815 г. унёс Гіндэнбургаў як іншаземны род гер-

ба «Брохвіч I» (герб меў наступнае апісанне: «Чырвоны алень у белым полі, які ўстаў на дыбкі, нібы для хуткага бегу, на яго шыі карона, над шлемам паўлінава пер'е» [42, арк. 16–16 адв.]) у чацвёртую частку дваранскай радаводнай кнігі Мінскай губерні [57, арк. 549–550 адв].

Менавіта з гэтага моманту прозвішча набывае і сталае ўжыванне ў форме «Гіндэнбург» («Hindenburg»). Зрэшты, пры чарговым перапісу Гіндэнбургаў зафіксавалі ў рэвізскай сказцы ад 16 ліпеня 1816 г. як дваран Мінскага павета, якія ва ўласным маёнтку Стадолішча валодаюць 14 душама прыгонных [64, арк. 1337].

Стаўшы «тыповым памешчыкам» і будучы ўжо не маладым чалавекам, Даніэль Гіндэнбург адышоў ад звыклых яму заняткаў млынавага майстра. Але да канца жыцця яго лёс быў цесна звязаны з Мінскай лютэранскай супольнасцю, у дзейнасці якой ён іграў не апошняю ролю. Пастар Мінскай евангелічна-лютэранскай царквы Самуэль Карштадт незадоўга да сваёй смерці ў 1831 г. даручыў Гіндэнбургу быць выканаўцам яго духоўнага тастамента, паводле якога пастарскае жалаванне завяшчалася на карысць кірхі [44]. Відаць, праз некалькі год, дзесьці да сярэдзіны 1830-х гг., у сваім загарадным маёнтку Стадолішча памёр і сам Даніэль Гіндэнбург. Пасля яго засталіся другая жонка Крысціна, якая была значна маладзейшая за яго [58; 64], і дзеці ад першага шлюбу (першая жонка Даратэя Даніэлеўна памерла дзесьці паміж 1806 і 1816 гг. [71, с. 372]): малодшыя сыны Вільгельм (1799 г. нар.) і Самуэль (1806 г. нар.), пра якіх мы яшчэ скажам ніжэй; дачкі Караліна (каля 1802 г. нар.), жонка кандыдата філасофіі і ўладальніка аптэкі ў Мінску Карла Фрыдрыхавіча (Іванавіча) Кухэнбэкера (Kuchenbeker) [31, арк. 54–55], і Амалія (каля 1805 г. нар.), жонка доктара медыцыны і мазырскага павятовага лекара Вільгельма Хрыстафоравіча Крумзіга (Krumstieg) [83]. Старэйшыя сыны Даніэля Гіндэнбурга Самуэль-Багуміл-Лаўрэнцій (1791 г. нар.) і Іяган-Фердынанд (1797 г. нар.), пра якіх мы ўжо згадвалі як хрышчаных у касцёле, хутчэй за ўсё, памерлі ў дзіцячым узросце.

Далей мы не будзем засяроджваць увагу на падрабязных біяграфіях усіх прадстаўнікоў роду Гіндэнбургаў, якім раней мы ўжо прысвячалі пэўныя публікацыі [69; 71; 72]. Абмяжуемся толькі невялікімі нарысамі і даведкамі, каб можна было пабачыць прафесійны і геаграфічны размах іх служэння і ацаніць уклад у развіццё нашых зямель.

**«Выдатны акушэр і вялікай дабрыні чалавек»:
Вільгельм Данілавіч¹⁹ Гіндэнбург (1799–1877)**

Вільгельм-Павел, адзін з малодшых сыноў Даніэля Паўлавіча і Даратэі Даніэлеўны, народжанай Флік, Гіндэнбургаў, нарадзіўся 17 ліпеня 1799 г. у горадзе Мінску і быў хрышчаны 24 ліпеня лютэранскім пастарам Самуэлем Карштадтам [5; 57, арк. 549 адв.; 60, арк. 14]. Пасля сканчэння ў 1821 г. медыцынскага факультэта Імператарскага Віленскага ўніверсітэта са ступенню лекара 1-га аддзялення займаўся на працягу чатырох гадоў вольнай урачэбнай практыкай у Мінскай губерні [82, арк. 7 адв. –8]. Прыняўшы рашэнне паступіць на дзяржаўную службу, ён у 1825 г. атрымаў прызначэнне на пасаду павятовага лекара ў горад Ельню Смаленскай губерні [48], дзе лёс звязаў яго з маладым Міхаілам Іванавічам Глінкам, будучым вядомым кампазітарам, аўтарам опер «Жыццё за цара» і «Руслан і Людміла». Вобраз спагадлівага лекара Гіндэнбурга запамніўся яму на ўсё жыццё, і незадоўга да смерці Глінка ў сваіх мемуарах ахарактарызаваў яго як «добрага нашага павятовага доктара» [19, с. 69]. Паралельна (з 1828 г.) Гіндэнбург дармова працаваў настаўнікам гігіены і лекарам пры Мінскай парафіяльнай рымска-каталіцкай духоўнай семінарыі [82, арк. 9 адв. – 10].

У лютым 1830 г. Вільгельму Гіндэнбургу «паводле выслугі гадоў» надаюць званне штаб-лекара [75, арк. 16 адв. –17]. У канцы восені 1832 г. ён паспяхова здае ў Імператарскім Маскоўскім універсітэце экзамен на званне акушэра ўрачэбнай управы [89], а праз два месяцы міністр унутраных спраў прызначае яго акушэрам у Мінскую ўрачэбную ўправу – галоўную медыка-адміністрацыйную ўстанову Мінскай губерні [82, арк. 7 адв. –8]. Акрамя акушэра, у нешматлікі штат урачэбнай управы ўваходзілі яшчэ два медыцынскія чыноўнікі – інспектар («фізік») і хірург («аператар»). Пасаду інспектара ўправы тады займаў доктар Данііл Восіпавіч Спасовіч, які карыстаўся «павагай і любоўю ўсяго мінскага краю» [92, с. 144]. На працягу шмат гадоў акушэр Гіндэнбург з ім плячо ў плячо служыў сваім суайчыннікам [20, с. 332–333].

У жніўні 1834 г. Вільгельм Гіндэнбург у тым жа Маскоўскім універсітэце трымае чарговы экзамен, па выніках якога яго прызнаюць

¹⁹ Адносна імені ў крыніцах назіраецца рознапісанне: у якасці ўласнага імя захоўваецца форма «Даніэль», але ў якасці імя па бацьку («Данілавіч») заўсёды выкарыстоўваецца форма «Данііл».

годным звання інспектара ўрачэбнай управы [90]. З гэтага ж часу пачынаецца яго дзейнасць як члена Мінскага губернскага папачыцельнага аб турмах камітэта [43, арк. 49]. На працягу чатырох дзесяцігоддзяў, да сваёй смерці, Гіндэнбург заставаўся ледзь не самым перакананым і адданым удзельнікам гэтай турэмна-дабрачыннай арганізацыі, крэда якой заключалася ва ўсебаковай духоўнай і фізічнай дапамозе «існым у кайданых» [72, с. 96]. У канкрэтна-практычным сэнсе гэта азначала, акрамя іншага, тое, што галоўны пенітэнцыярыі губерні – Мінскі турэмны замак, які дзесяцігоддзем раней шатландскі місіянер-падарожнік Роберт Пінкертон ахарактарызаваў як перапоўнены «вялізны драўляны барак» у антысанітарных умовах [97, р. 88–89], – на доўгія гады трапляў пад пільны прыцэл апекі спагадлівага лекара Гіндэнбурга.

Вільгельм Данілавіч Гіндэнбург болей за ўсіх праславіў свой род. Сучаснікі, якія добра ведалі яго асабіста, былі шчодрыя на самыя ўзнёслыя эпітэты ў яго адрас: «Хіба гэта не метэор, не прамяністая зорка на гарызонце чалавецтва?» [63, с. 92]. Гіндэнбург быў адным з самых перадавых лекараў-філантропаў Расійскай імперыі і адным з самых яркіх прадстаўнікоў мясцовай практычнай медыцыны, прайшоўшы паўвекавы шлях ад вольнапрактыкуючага доктара да прэзідэнта Таварыства мінскіх лекараў. Больш за трэць стагоддзя ён праслужыў акушэрам у Мінскай урачэбнай управе (з 1833 да 1867 г.) і ўрачэбным аддзяленні Мінскага губернскага праўлення (з 1867 да 1870 г.) [55, с. 24, 43, 112; 77], набыўшы сярод мінчан рэпутацыю «выдатнага акушэра і вялікай дабрыні чалавека» [96, с. 49], а затым да самай смерці (з 1870 да 1877 г.) добраахвотна і дармова нёс служэнне штатнага лекара бальніцы пры Мінскім турэмным замку [5; 54, с. 15, 35, 37–38; 56, с. 26]. Да сваіх хворых Гіндэнбург адносіўся з бацькоўскай апекай і стараўся прымяняць самыя эфектыўныя меры па іх ачунванні (напрыклад, паспяхова выкарыстоўваў рвотны камень пры лячэнні запалення лёгкіх [46, арк. 151 адв.]), а апошнія тыдні свайго жыцця прысвяціў адчайнай барацьбе з эпідэміяй тыфойднай гарачкі, якая ўспыхнула ў турэмным замку [5, с. 67; 15; 27, арк. 1–1 адв.]. У 1871 г. яму надаюць ганаровае членства ў Імператарскім Віленскім медыцынскім таварыстве, а ў лістападзе 1875 г. большасцю галасоў яго абіраюць прэзідэнтам Таварыства мінскіх лекараў [69, с. 77–78]. Асоба доктара Гіндэнбурга была настолькі папулярнай сярод жыхароў Мінска, што яны заснавалі пры губернскай гімназіі стыпендыю ў яго гонар [95, с. 171]. Сучаснікі

фіксавалі кранальныя гісторыі пра яго самаахвярную дапамогу хворым і няшчасным людзям [3, с. 382; 4, с. 107–108; 63, с. 90–91].

Мал. 3. Доктар Вільгельм Данілавіч Гіндэнбург (1799–1877). Фотаздымак прыблізна 1871 г.

Мал. 4. Будынак Мінскай евангелічна-лютэранскай царквы. Паштоўка пачатку XX ст.

Шматгадовая дзейнасць Гіндэнбурга, які даслужыўся да чына стацкага саветніка (1865), была адзначана «манаршай ласкай» за барацьбу ў 1848 г. з эпідэміяй халеры ў Мінску (1850) [76, арк. 5 адв. – 6], ордэнамі Св. Ганны 3-й ступені (1858), Св. Станіслава 2-й ступені (1863), Св. Уладзіміра 4-й ступені (1864), Св. Ганны 2-й ступені з імператарскай каронай (1871) і знакам узнагароды «За XL гадоў бездакорнай службы» (1867) [59; 71, с. 373].

Значную ролю Вільгельм Гіндэнбург іграў і ў канфесійным жыцці губернскай сталіцы. У 1844–1863 гг. ён быў членам царкоўнага савета Мінскай евангелічна-лютэранскай парафіі, пасля вялікага пажару 1835 г. прымаў арганізацыйны і фінансавы ўдзел у аднаўленні Мінскай кірхі²⁰, якая потым, паводле сведчання тагачаснага беларускага этнографа П. М. Шпілеўскага, з’яўлялася адной з прыгажэйшых пабудов Мінска [92, с. 149].

Доктар Гіндэнбург таксама атрымаў вядомасць як памешчык і домаўладальнік. Бацькоўскі маёнтак Стадолішча ён перадаў у 1846 г. свайму малодшаму брату Самуэлю [30; 73, с. 39], а сам праз два гады набыў у Канстанціна і Яна Апалінарыевічаў Кялчэўскіх маёнтак Магазінак (Магазінка) Мінскага павета [37]. Акрамя таго, у 1854 г. ён набыў у Леапольда Восіпавіча і Каміліі Іванаўны Эстэрэйхераў маёнтак Давідпаль (Зацішша) Мінскага павета [36]. З 1855 да 1864 г. арандаваў у Пінскага Багаяўленскага

²⁰ Гл. пра гэта больш падрабязна: [72, с. 97–101].

манастыра 24 моргі зямлі ва ўрочышчы Міхалынка Мінскага павета [29]. У Мінску Гіндэнбург у 1842 г. набыў у мяшчанкі Цемы Хаімаўны Паляковай зямлю па Юр'еўскай вуліцы (знаходзілася ў раёне сучаснай Кастрычніцкай плошчы, паралельна вуліцы Інтэрнацыянальнай), дзе праз 10 гадоў пабудоваў уласны каменны дом [71, с. 373], у якім пасяліўся і жыў да самай смерці. Паводле афіцыйных дадзеных за 1876 г., у маёнтках Магазінкі і Давідполь яму належалі 274 і 703 дзесяціны зямлі адпаведна [73, с. 39].

77-гадовы Гіндэнбург фактычна «згарэў» на службе. Руплівая і самаадданая праца лекара пры губернскай турме канчаткова знясіліла яго. У нямецкамоўнай метрычнай кнізе аб памерлых Мінскай кірхі мы знаходзім запіс аб смерці стацкага саветніка доктара Вільгельма-Паўла фон Гіндэнбурга, якая сталася 6 лютага 1877 г. у Мінску а 9-й гадзіне раніцы ў выніку запалення лёгкіх («Lungenentzündung») [52, арк. 14 адв. – 15, № 3]. «На працягу невялікага прамежку часу, – тлумачыць сучаснік, – высокапаважаны стары чатыры разы хварэў на запаленне лёгкіх – і чацвёрты раз увагнаў яго ў магілу» [63, с. 92].

11 лютага 1877 г. у абец Гіндэнбург быў пахаваны на Мінскіх лютэранскіх могілках [52, арк. 14 адв. – 15, № 3]. «Я не памятаю ў Мінску пахавання больш урачыстага за пахаванне доктара Гіндэнбурга, – сведчыць генерал-маёр барон Васіль Аляксеевіч фон Роткірх, які, будучы начальнікам Мінскага жандарскага паліцэйскага ўпраўлення чыгункі, жыў у Гіндэнбургаў на кватэры. – Тысячныя масы народу, што суправаджалі пахавальны картэж, плакалі наўзрыд. Непрытворныя слёзы гэтых беднякоў, абадранцаў, жабракоў красамоўна, без слоў, гаварылі, чым быў Гіндэнбург для мінскага народанасельніцтва» [63, с. 89]. Другі сведка пахавання, Адам Ягоравіч Багдановіч, бацька вядомага беларускага паэта, падае больш дакладную статыстыку: «Колькасць тых, хто суправаджаў труну, была велізарнай – з дзесяткаў тысяч чалавек...» [3, с. 382]. Маладая яўрэйская дзяўчына Соф'я Яфімаўна Лур'е, дачка ўплывовага мінскага банкіра, «пад свежым уражаннем пахавальнага маршу» напіша ў сталіцу ліст свайму знаёмаму – пісьменніку Ф. М. Дастаеўскаму, паведаміўшы пра Гіндэнбурга, між іншым, наступнае: «Ён быў доктар і акушэр; яго імя пяройдзе тут у патомства, аб ім ужо склаліся легенды, увесь просты народ зваў яго бацькам, любіў, абажаў і толькі з яго смерцю зразумеў, што ён згубіў у гэтым чалавеку. <...> Затое хавалі яго як святога. Усе беднякі зачынілі крамы і беглі за труной. У яўрэяў ёсць хлопчыкі, якія

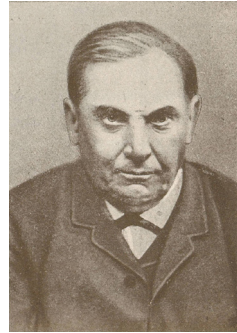
пры пахаваннях распяваюць псалмы, але забараняецца праводзіць іншаверца гэтымі псалмамі. Тут перад труной, падчас працэсіі, хадзілі хлопчыкі і гучна распявалі гэтыя псалмы. Ва ўсіх сінагогах маліліся за яго душу, таксама званы ўсіх цэркваў званілі ўвесь час працэсіі. <...> Над яго магілай трымалі слова пастар і яўрэйскі рабін, і абодва плакалі, а ён сабе ляжаў у старэнькім, сцёртым віцмундзіры, старой хусткай была абвязана яго галава, гэтая мілая галава, і здавалася, ён спаў, такі свежы быў колер яго твару...» [14, с. 97–98].

Ф. М. Дастаеўскі настолькі быў уражаны светлым вобразам «агульнага чалавека» Гіндэнбурга, які з’яднаў над сваёй труной прадстаўнікоў усіх нацыянальнасцей і канфесій губернскага Мінска, што прысвяціў яму цэлыя два раздзелы трэцяй главы «Дзённіка пісьменніка» за сакавік 1877 г. [14, с. 96–101]. Пахаванне доктара Гіндэнбурга ён успрыняў як феномен межэтнічнага катарсіса. «Гэты горад М[інск], – пісаў Дастаеўскі, – гэта вялікі губернскі горад у заходнім краі, і ў гэтым горадзе мноства яўрэяў, ёсць немцы, рускія канешне, палякі, літоўцы, – і ўсе якраз, усе гэтыя народнасці прызналі праведнага старэнькага кожная за свайго. Сам жа ён быў пратэстант, і менавіта немец, цалкам немец... <...> Пяцьдзесят восем гадоў служэння чалавецтву ў гэтым горадзе, пяцьдзесят восем гадоў нястомнай любові з’ядналі ўсіх хоць раз над труной яго ў агульным захапленні і ў агульных слязах. <...> Што ў тым, што, парасходзіўшыся, кожны прымецца за старыя забабоны: капля камень точыць, а вось гэтыя якраз “агульныя чалавекі” перамагаюць свет, з’ядноўваючы яго; забабоны будуць бляднець з кожным адзінкавым выпадкам і нарэшце зусім знікнуць» [14, с. 98, 100–101]. Барон В. А. фон Роткірх, які добра ведаў Гіндэнбурга асабіста, сведчыў пра яго не менш узнёсла: «Гэта быў сумленнейшы і найдабрэйшы чалавек, аптыміст, ідэаліст; ён нават не падазраваў у чалавеку нічога дурнога, але бачыў у ім адну беззаганнасць, чыстае стварэнне, што выйшла з рук Божых для шчасця сабе падобных» [63, с. 92].

У фамільным некропалі Гіндэнбургаў на Мінскіх лютэранскіх могілках Вільгельм Данілавіч быў пахаваны пятнаццатым [5, с. 67]. Ад першага шлюбу з Юліяй Граф (памерла паміж 1833 і 1844 гг.) ён меў сыноў Фрыдрыха-Крысціяна (каля 1826 г. нар.), Адольфа-Вільгельма (1831 г. нар.), Эдуарда-Карла (1832 г. нар.) і Леапольда-Даніэля (1833 г. нар.), але першыя тры з іх памерлі ў вельмі маладым узросце (паміж 1833 і 1846 гг.), а чацвёрты сын Леапольд, апэратар-кансультант (з 1881 да 1896 гг.) і галоўны доктар (1897) Стара-Екацярынінскай

бальніцы ў Маскве [78; 88], «па сваіх душэўных якасцях – другі доктар Гааз» [66, с. XIII], роўна на 20 гадоў перажыў бацьку, раптоўна (пры абыходзе хворых) сканаўшы 9 лютага 1897 г. у званні доктара медыцыны і з «генеральскім» чынам правадзейнага стацкага саветніка [25; 62, с. 319; 87].

Пасля смерці Вільгельма Гіндэнбурга застаўся яго другая жонка Разалія Аляксандраўна, народжаная Лінэбург (1815–1900), і трое дзяцей ад гэтага шлюбу: сын Вільгельм-Генрых (1851–1907), судовы следчы горада Мінска (з 1878 да 1882 г.), таварыш пракурора Мінскага акруговага суда (з 1882 да 1887 г.), чыноўнік па судовай частцы пры Мінскім (з 1887 да 1896 г.) і Віленскім (з 1896 да 1907 г.) губернскіх акцызных упраўленнях, стацкі саветнік (1890) [32; 85], «багабойны і лепшы лютэранін», які за два тыдні да смерці па ўласнай унутранай перакананасці далучыўся да праваслаўя з імем «Васілій» [18, с. 477–478; 53, с. 293; 61, с. 284, 289–290]; дачкі Алена-Эмілія (1845 г. нар.) і Юлія-Эліза (1856 г. нар.), якая была замужам за аўстрыйскім падданым (славакам) і выкладчыкам старажытных моў Слуцкай мужчынскай гімназіі Іванам Пятровічам Далякам [39]. Вільгельм і Разалія Гіндэнбургі мелі яшчэ двух дачок – Ганну (каля 1844 г. нар.) і Марыю (1853 г. нар.), але яны памерлі ў дзіцячым узросце [71, с. 374–375].

**Мал. 5. Доктар
Леопольд
Вільгельмавіч
Гіндэнбург
(1833–1897).
Фота канца XIX ст.**

Канцылярскі і фінансавы чыноўнік: Самуэль Данілавіч Гіндэнбург (1806–1873)

Самуэль быў самым малодшым з усіх вядомых нам дзяцей Даніэля Паўлавіча і Даратэі Даніэлеўны Гіндэнбургаў, нарадзіўся 10 снежня 1806 г. у горадзе Мінску і праз два дні хрышчаны там лютэранскім пастарам [13, арк. 50 адв. –51, № 58; 60, арк. 16]. Ён быў цесна звязаны з асяроддзем канцылярскіх чыноўнікаў Мінска і адыграў вырашальную ролю ў юрыдычным замацаванні роду Гіндэнбургаў у самых вярхах сацыяльнай лесвіцы. У адрозненне ад свайго старэйшага брата Вільгельма, ён не атрымаў вышэйшай адукацыі, скончыўшы толькі Мінскую губернскую гімназію. Патрэбныя веды ён здабываў ужо, відаць,

у Канцылярыі мінскага цывільнага губернатара, куды ўладкаваўся канцылярыстам у 1827 г.

Бюракратычныя бар'еры мікалаеўскіх часоў пры пацвярджэнні шляхецтва ў мясцовых дваранскіх дэпутацкіх сходах і Дэпартаменце Герольдыі Сената аказаліся толькі на руку квітнеючым і знаходлівым немцам Гіндэнбургам, хоць і рамеснікам паводле сацыяльнага паходжання, бо менавіта чарговая працэдура шляхецкіх доказаў дазволіла ім трапіць у найвышэйшую катэгорыю дваранскіх родаў. Самуэль Гіндэнбург, які працягнуў дваранскую справу сваёй фаміліі, у 1830 г. быў вымушаны зрабіць дадатковы вывад шляхецтва, у якім змянілася не толькі генеалагічная схема роду [6], але і самі доказы [42, арк. 25–32]. На гэты раз радавая легенда Гіндэнбургаў дасягае свайго апагея, як і махлярскае мастацтва канцылярскіх чыноўнікаў дваранскага дэпутацкага сходу.

З прадстаўленых у доказ шляхецтва дакументаў, у пераважнай большасці сфальсіфікаваных, вынікала, што родапачынальнікам Гіндэнбургаў (цяпер ужо «Пасторыусаў-дэ-Гіндэнбургаў») з'яўляецца вядомы польскі гісторык, тэолаг, лекар і педагог каралеўскі сакратар Іахім Пасторыус-дэ-Гіртэнбэрг (1611–1681), які ў 1662 г. атрымаў ад караля Яна-Казіміра індыгінат (прывілей на шляхецтва). Пры гэтым Павел Гіндэнбург (родапачынальнік Гіндэнбургаў у вывадзе ад 1815 г.) выводзіўся яго прамым нашчадкам у чацвёртым пакаленні і нібыта валодаў спадчынным маёнткам Калдова, ці Гронава, у Члухоўскім павеце Паморскага ваяводства і меў чын оберштэрлейтэнанта літоўскіх войскаў, а сын Паўла Даніэль (млынавы майстар) называўся адстаўным маёрам тых жа войскаў і нават сваяком вядомага генерала Леапольда Рэйбніца, да якога пасля падзелаў Рэчы Паспалітай ён прыбыў з Паморскага ваяводства ў маёнтак Храноў Навагрудскага павета, адкуль ужо потым пераехаў у Мінскі павет²¹ [12; 60]. У якасці доказаў Самуэлем Гіндэнбургам таксама былі пададзены сфальсіфікаваныя (шляхам інтэрпаляцыі) метрыкі аб хрышчэнні яго і брата Вільгельма, дзе іх бацька Даніэль Гіндэнбург фігуруе не проста як немец-лютэранін, але як «высакародны дваранін Мінскага павета» з прозвішчам «Пасторыус-дэ-Гіндэнбург» [60, арк. 15, 16].

У выніку Мінскі дваранскі дэпутацкі сход сваёй пастановай ад 22 студзеня 1830 г. зноў прызнае Гіндэнбургаў у дваранстве, праўда, ужо

²¹ Больш падрабязны аналіз вывадавай дакументацыі Гіндэнбургаў з пералікам пададзеных імі дакументаў гл.: [71, с. 378–379].

як «Пасторыусаў-дэ-Гіндэнбургаў», з унясеннем іх спачатку ў першую, а потым у шостую частку дваранскай радаводнай кнігі Мінскай губерні [12, арк. 9–12; 42, арк. 27–30 адв., 34]. Усе сфальсіфікаваныя доказы для Сената прагучалі пераканаўча, і ўжо 21 мая 1831 г. ён зацвердзіў род Гіндэнбургаў у дваранстве з унясеннем яго менавіта ў шостую (самую прэстыжную) частку дваранскай радаводнай кнігі [42, арк. 34–35].

Зрэшты, у самім фальсіфікацыйным механізме шляхецкага вываду Гіндэнбургаў за 1830 г. было мала арыгінальнага. Самуэль Гіндэнбург, а дакладней канцылярскія «махляры», якім ён, відаць, плаціў грошы, прымяняў тыповыя для таго часу схемы фальсіфікацыі, у прыватнасці, такую, калі фальсіфікуюцца не столькі дакументы, колькі самі сваяцкія сувязі з вядомымі дзеячамі польскай гісторыі XVII ст. дзякуючы сугучнасці прозвішчаў («Гіндэнбург» – «Гіртэнбэрг») [70, с. 129–130].

У Канцылярыі мінскага цывільнага губернатара Самуэль Гіндэнбург працаваў да 1832 г., пасля чаго на тры гады быў абраны засядальнікам Мінскага ніжняга земскага суда [41], служыў канцылярыстам Мінскай казённай палаты (1836), барысаўскім павятовым скарбнікам (з 1836 да 1841 г.) [79; 80], балцкім (1841) і камянецкім (з 1841 да 1842 г.) земскім спраўнікам, вушыцкім гараднічым (з 1842 да 1845 г.) у Падольскай губерні, акцызным наглядчыкам у Ігуменскім павеце (з 1854 да 1862 г.), даслужыўся да чына калезскага асэсара (1858) і ў 1863 г. выйшаў у адстаўку «з прычыны хваробы». Пазней, праўда, на непрацяглы час, ён быў зноў прыняты ў Канцылярыю мінскага цывільнага губернатара ў якасці канцылярскага чыноўніка [84].

Памёр Самуэль Данілавіч Гіндэнбург 23 снежня 1873 г. ад знясілення арганізму («Auszehrung») і быў пахаваны праз чатыры дні на Мінскіх лютэранскіх могілках [13, арк. 50 адв. –51, № 58]. Ён знаходзіўся ў шлюбе з каталічкай (паводле больш позніх звестак – лютэранкай) Эміліяй Янаўнай Рагальскай (каля 1816 г. нар.), дваранкай, і меў ад яе двух дзяцей – сына Вільгельма-Іосіфа (1832 г. нар.), канцылярскага чыноўніка Мінскай (з 1855 да 1857 г.) і Кіеўскай (з 1857 да 1868 г.) палат дзяржаўных маёмасцяў, выканаўцу работ па складанні люстрацыйных актаў у Кіеўскай губерні (з 1868 да 1892 г.), калезскага саветніка (1873) [81], і дачку Сабіну (1838 г. нар.), жонку Васілія Іванавіча Даніэля.

Усяго фамільны некропаль Гіндэнбургаў на Мінскіх лютэранскіх могілках к пачатку XX ст. павінен быў налічваць некалькі дзясяткаў пахаванняў, але да нашага часу ён не дайшоў, бо ў канцы 1970-х гг.

гэтыя старыя і запущаныя «нямецкія» могілкі ў Мінску зраўнавалі з зямлёю, а на іх месцы (па вуліцы Карла Лібкнехта – былой Нямецкай, ці Мала-Лютэранскай) разбілі сквер, які адносна нядаўна атрымаў назву «Лютэранскі».

У заключэнне трэба падкрэсліць, што вывучэнне генезісу і генеалогіі дваранскіх родаў іншаземнага паходжання на беларускіх землях, а таксама службовай дзейнасці іх асобных прадстаўнікоў істотна пашырае і канкрэтызуе нашы ўяўленні аб этнасацыяльнай дынаміцы ў гэтым рэгіёне ў часы Расійскай імперыі. Род немцаў Гіндэнбургаў з’яўляецца яркаватым прыкладам не толькі сацыяльнай эскалацыі некаторых катэгорый іншаземцаў, але і фарміравання тут устойлівых груп службылага дваранства.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Аўчыннікава, Р. І.* Магнус Гедэман – назіральнік за надвор’ем Палесся / Р. І. Аўчыннікава. – Мінск: Выд. В. Хурсік, 2018. – 44 с.

2. *Бегун, Р. А.* Планы Минска кон. XVIII – первой трети XIX вв. как источники по социальной топографии города / Р. А. Бегун // Genesis: исторические исследования. – 2020. – № 3. – С. 39–59.

3. *Богданович, А. Е.* Я всю жизнь стремился к свету: в 2 кн. / А. Е. Богданович. – Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2012. – Кн. 1: Мои воспоминания / сост. А. Ващенко. – 544 с.

4. *Букчин, С.* Откровения юных душ. Ф. М. Достоевский и его корреспонденты. Две повести в письмах и комментариях / С. Букчин. – [New York]: Franc-Tireur, [2017]. – 154 с.

5. Вильгельм Данилович Гинденбург: некролог // Навукова-даведачная бібліятэка Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі. – № 182: «Минские губерньские ведомости» за 1877 г. – № 6. – Часть неофициальная. – С. 66–67.

6. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей – НГАБ). – Ф. 319 (Мінскі дваранскі дэпутацкі сход). Воп. 1. Спр. 1162. – Генеалагічная табліца дваранскага роду Гіндэнбургаў герба «Брохвіч» ад 22.01.1830 (польск.). Арк. 2 адв.–2а. № 2.

7. Гербоўнік беларускай шляхты. Т. 3: В / Дз. Матвейчык [і інш.]; навук. рэд. А. Рахуба. – Мінск: Беларусь, 2014. – 648 с.

8. Гербоўнік беларускай шляхты. Т. 4: Г / Д. Ч. Матвейчык [і інш.]; навук. рэд. А. Рахуба. – Мінск: Беларусь, 2016. – 960 с.

9. Гербоўнік беларускай шляхты. Т. 5: Д / Я. С. Глінскі [і інш.]; навук. рэд. А. Рахуба. – Мінск: Беларусь, 2018. – 848 с.

10. Гербоўнік беларускай шляхты. Т. 6: Е, Ё, Ж / Я. С. Глінскі [і інш.]; навук. рэд. А. Рахуба. – Мінск: Беларусь, 2020. – 544 с.

11. Гербоўнік беларускай шляхты. Т. 7: З, І / Я. С. Глінскі [і інш.]; навук. рэд. А. Рахуба. – Мінск: Беларусь, 2020. – 800 с.

12. НГАБ. – Ф. 319. Воп. 1. Спр. 162. – Дадатковая пастанова Мінскага дваранскага дэпутацкага сходу аб дваранскім паходжанні роду Пасторушаў-дэ-Гіндэнбургаў герба «Брохвіч 1-шы» ад 22.01.1830 (польск.). Арк. 9–12.

13. Дзяржаўны гістарычны архіў Латвіі. – Ф. 292 (Дакументы царкоўных устаноў за межамі Латвіі). Воп. 1. Спр. 43. – Метрычныя кнігі аб народжаных, пабраных шлюбам і памерлых Мінскай евангелічна-лютэранскай царквы за 1868–1874 гг. (ням.). 75 арк.

14. *Достоевский, Ф. М.* Собрание сочинений: в 9 т. / Ф. М. Достоевский. – М.: Астрель; АСТ, 2004. – Т. 9, кн. 2: Дневник писателя. – 528 с.

15. *Дрозд, Д.* Доктор Гинденбург и эпидемия тифа в Минском тюремном замке [Электронный ресурс] / Д. Дрозд. – Режим доступа: <https://bydc.info/news/311-epidemiya-tifa-v-minskom-tyuremnom-zamke>. – Дата доступа: 20.04.2021.

16. *Елинская, М. М.* Белорусские ветви в генеалогии дворянских родов западноевропейского происхождения / М. М. Елинская // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навуковы зборнік. Вып. 4 / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2008. – С. 246–257.

17. *Елинская, М. М.* Источники о дворянских родах западноевропейского происхождения в белорусских губерниях конца XVIII – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / М. М. Елинская. – Минск, 2005. – 152 л.

18. Епархиальная хроника // Минские епархиальные ведомости. – 1907. – № 15. – Часть неофициальная. – С. 475–478.

19. Записки М. И. Глинки. – М.: Гареева, 2004. – 448 с.

20. *Зеленков, В.* Род Спасовичей в Минске / В. Зеленков // Асоба і час: Беларускі біяграфічны альманах. Вып. 5 / уклад. А. Фядута; пад навук. рэд. Т. Я. Аўтуховіч, З. В. Шыбека. – Мінск: Лімарыус, 2013. – С. 328–344.

21. Иностранные подданные в Беларуси (конец XVIII – начало XX в.) / сост. И. Л. Вернер; редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск: Типография Макарова и К, 2012. – 528 с.

22. *Иванова, Л. С.* Лютеранская кірха ў Мінску ў XIX – пачатку XX ст. / Л. С. Иванова // Мінск і мінчане: дзесяць стагодзяў гісторыі (да 510-годдзя атрымання Менскам магдэбургскага права): матэрыялы Міжнар. навук-практ. канф. (Мінск, 4–5 вер. 2009 г.). – Мінск: Беларус. навука, 2010. – С. 90–94.

23. *Князева, Е. Е.* Лютеранские церкви и приходы в Белоруссии, Молдавии, Закавказье и Средней Азии XVIII – XX вв. Исторический справочник. Ч. III / Е. Е. Князева. – СПб.: Литера, 2006. – 200 с.

24. *Курило, О. В.* Лютеране в России. XVI–XX вв. / О. В. Курило. – [М.]: Фонд «Лютеранское наследие», 2002. – 400 с.

25. Михайлов, Н. Л. В. Гинденбург. Некролог / Н. Михайлов // Врачебные записки. – 1897. – Т. IV. – С. 89–91.

26. НГАБ. – Ф. 24 (Минская гарадская дума). Воп. 1. Спр. 2. – Журналы пасяджэнняў Мінскай агульнай і шасцігласнай думы за 1796 г. 129 арк.

27. НГАБ. – Ф. 29 (Мінскі губернерскі папячыцельны аб турмах камітэт). Воп. 1. Спр. 383. – Справа аб з'яўленні тыфознай гарачкі ў Мінскім турэмным замку. 04.01.1877–10.02.1878. 41 арк.

28. НГАБ. – Ф. 136 (Мінская духоўная праваслаўная кансісторыя). Воп. 1. Спр. 6953. – Справа паводле прашэння паверанага Пінскага Багаяўленскага манастыра Л. Даневіча аб выдаче яму выпісаў з прыходна-расходных кніг аб унясенні жыхаром г. Мінска Д. Гінтэнберкам (Гінтэнбургам) грошай за арэнду з 1795 да 1801 гг. манастырской зямлі з цагельным заводам пры фальварку Пярэспа Мінскага павета. 03.11.1825–12.11.1825. 5 арк.

29. НГАБ. – Ф. 136. Воп. 1. Спр. 30856. – Справа аб здачы ў арэнду двараніну Я. С. Александровічу ўчастка зямлі Пінскага Багаяўленскага манастыра ва ўрочышчы Міхалынка Мінскага павета. 24.08.1864–21.12.1864. 13 арк.

30. НГАБ. – Ф. 142 (Мінскі губернерскі камітэт для разгляду і складання інвентароў памешчыцкіх маёнткаў). Воп. 1. Спр. 812. – Інвентар маёнтка Стадолішча Мінскага павета памешчыка Д. П. Гіндэнбурга. 17.01.1845–08.11.1847. 23 арк.

31. НГАБ. – Ф. 146 (Мінская палата грамадзянскага суда). Воп. 1. Спр. 34. – Крэпасная кніга (польск., рус.). 19.10.1832–22.12.1832. 130 арк.

32. НГАБ. – Ф. 147 (Мінская злучаная палата крымінальнага і грамадзянскага суда). Воп. 4. Спр. 33184. – Справа аб службе судовага следчага г. Мінска В. В. Гіндэнбурга. 13.03.1872–18.05.1882. 132 арк.

33. НГАБ. – Ф. 149 (Мінскі гарадавы магістрат). Воп. 3. Спр. 6. Журналы пасяджэнняў прысутнасці магістрата за 1796 г. 548 арк.

34. НГАБ. – Ф. 149. Воп. 3. Спр. 7а. – Справа паводле паведамлення мінскага гараднічага Р. С. Пастухоўскага аб забойстве служачай у немца Д. Гінтэнбурга дзеўкай Г. Р. Макарэвіч яе незаконнанароджанага дзіцяці. 05.03.1796–10.03.1796. 4 арк.

35. НГАБ. – Ф. 149. Воп. 6. Спр. 1. – Рэвізскія сказкі жыхароў г. Мінска за 1795–1800 гг. (польск.). 92 арк.

36. НГАБ. – Ф. 159 (Мінскі павятовы суд). Воп. 1. Спр. 3553. Справа аб уводзе ў валоданне маёнткам Давідполь калежскага саветніка В. Д. Гіндэнбурга. 06.04.1854–28.12.1856. 8 арк.

37. НГАБ. – Ф. 159. Воп. 1. Спр. 5131. – Справа аб уводзе ў валоданне маёнткам Магазінак надворнага саветніка В. Д. Гіндэнбурга. 20.07.1848–28.08.1849. 6 арк.

38. НГАБ. – Ф. 179 (Мінскі губернерскі межавы апеляцыйны суд). Воп. 1. Спр. 72. – Рашэнне таксатарска-экспедытарскага суда ў маёнтку Прылепы Мінскага павета памешчыка Т. Гарадзенскага ад 09.12.1810 (польск.). 122 арк.

39. НГАБ. – Ф. 299 (Мінскае губернскае праўленне). Воп. 2. Спр. 16102. – Справа аб адчужэнні нерухомай маёмасці ў маёнтку Давідполь (Зацішша) Сёмкава-Гарадзецкай воласці Мінскага павета, які належыць аўстрыйскай падданаі Ю.-Л. В. Даляк. 15.03.1915–20.04.1916. 51 арк.

40. НГАБ. – Ф. 299. Воп. 7. Спр. 2. – Фармулярныя спісы чыноўнікаў судовых, паліцэйскіх і фінансавых устаноў Мінскай губерні. 28.06.1797–15.12.1797. 258 арк.

41. НГАБ. – Ф. 299. Воп. 7. Спр. 999. – Справа аб прызначэнні на пасаду засядальніка Мінскага ніжняга земскага суда службоўца Канцылярыі мінскага цывільнага губернатара калежскага рэгістрара С. Д. Гіндэнбурга. 30.01.1832–03.02.1832. 5 арк.

42. НГАБ. – Ф. 319. Воп. 2. Спр. 706. – Справа аб дваранскім паходжанні роду Гіндэнбургаў (польск., рус.). 16.03.1816–21.05.1909. 89 арк.

43. НГАБ. – Ф. 320 (Канцылярыя мінскага губернскага маршалка). Воп. 2. Спр. 54. – Справа аб дзейнасці Папячыцельнага турэмнага камітэта ў г. Мінску. 12.11.1832–20.06.1835. 85 арк.

44. НГАБ. – Ф. 333 (Мінская казённая палата). Воп. 3. Спр. 515. – Справа аб выдачы памешчыку Мінскага павета Д. П. Гіндэнбургу як выканаўцы духоўнага тастамента нябожчыка лютэранскага пастара С. Карштадта пастарскага жалавання, завешчанага на карысць Мінскай евангелічна-лютэранскай царквы. 29.03.1831–25.08.1833. 16 арк.

45. НГАБ. – Ф. 437 (Мінская часовая павятовая рэвізская камісія). Воп. 2. Спр. 2. – Рэвізскія сказкі шляхты, памешчыцкіх і духоўных сялян, свяшчэнна-і царкоўнаслужыцеляў, іншаземцаў Мінскага павета за 1795–1796 гг. (польск., рус.). 301 арк.

46. НГАБ. – Ф. 502 (Таварыства мінскіх лекараў). Воп. 1. Спр. 3. – Прагаколы пасаджэнняў Таварыства мінскіх лекараў. 11.10.1871–06.03.1881. 359 арк.

47. НГАБ. – Ф. 741 (Мінскі кафедральны Марыінскі касцёл). Воп. 1. Спр. 6. – Метрычныя кнігі аб народжаных, пабраных шлюбам і памерлых Мінскага кафедральнага касцёла (лац.). 07.06.1793–23.12.1801. 133 арк.

48. НГАБ. – Ф. 1297 (Канцылярыя генерал-губернатара віцебскага, магілёўскага і смаленскага). Воп. 1. Спр. 950. – Справа аб прызначэнні на пасаду павятовага лекара ў г. Ельню Смаленскай губерні вольнапрактыкуючага лекара В. Гіндэнбурга. 08.09.1825–12.04.1826. 10 арк.

49. НГАБ. – Ф. 1547 (Каралішчавіцкі Марыінскі касцёл). Воп. 1. Спр. 36. – Метрычныя кнігі аб народжаных Каралішчавіцкага касцёла. 18.10.1784–31.12.1824; выпісы з метрычных кніг уніяцкіх цэркваў Мінскага і Ігуменскага паветаў аб хрышчэнні парафіян Каралішчавіцкага касцёла (лац.). 18.08.1760–11.06.1827. 174 арк.

50. НГАБ. – Ф. 1952 (Евангелічна-лютэранскія цэрквы Беларусі). Воп. 1. Спр. 6. – Перапіска Савета Мінскай евангелічна лютэранскай царквы з Мінскім губернскім праўленнем і мінскім па следчых справах прыставам

аб прыналежнасці Савету зямельнага ўчастка пад лютэранскімі могілкамі ў г. Мінску; даравальны акт і купчыя крэпасці на гэты ўчастак (ням., польск., рус.). 25.04.1799–07.09.1844. 21 арк.

51. НГАБ. – Ф. 1952. Воп. 1. Спр. 7. – Кніга прыходу грошай ад членаў Мінскай евангелічна-лютэранскай супольнасці (ням.). 1800–1871 гг. 39 арк.

52. НГАБ. – Ф. 1952. Воп. 8. Спр. 3. – Метрычныя кнігі аб народжаных, пабраных шлюбам і памерлых Мінскай евангелічна-лютэранскай царквы за 1877 г. (ням.). 17 арк.

53. *Павский, Д., свящ.* Речь, сказанная при погребении Василия Вильгельмовича Гинденбурга / свящ. Д. Павский // Минские епархиальные ведомости. – 1907. – № 16. – Часть неофициальная. – С. 290–294.

54. Памятная книжка Минской губернии 1875 года. – Минск: Мин. губ. тип., 1875. – Ч. 1: Адрес-календарь должностных лиц в губернии по всем ведомствам. – 192 с.

55. Памятная книжка Минской губернии на 1870 год. – Минск: Тип. губ. правления, 1870. – 290 с.

56. Памятная книжка Минской губернии на 1871 год. – Минск: Тип. губ. правления, 1871. – 248 с.

57. НГАБ. – Ф. 319. Воп. 1. Спр. 62. – Пастанова Мінскага дваранскага дэпутацкага сходу аб дваранскім паходжанні роду Гіндэнбургаў герба «Брохвіч 1-шы» ад 07.12.1815 (польск.). Арк. 549–550 адв.

58. НГАБ. – Ф. 319. Воп. 1. Спр. 234. – Пасямейны спіс двараніна 1-га разраду Мінскага павета Д. П. дэ Гіндэнбурга за [1833 г.]. Арк. 16 адв.–17. – № 52.

59. Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў (далей – РДГА). – Ф. 1297 (Медыцынскі дэпартамент МУС). Воп. 253. Спр. 180. – Справа аб узнагароджанні былога акушэра ўрачэбнага аддзялення Мінскага губернскага праўлення стацкага саветніка штаб-лекара В. Д. Гіндэнбурга з нагоды 50-гадовага юбілею яго службы. 1871 г. 29 арк.

60. РДГА. – Ф. 1343 (III Дэпартамент Сената). Воп. 19. Спр. 1707. – Справа аб дваранстве роду Гіндэнбургаў (Мінская губерня). 84 арк.

61. Речь, произнесенная о протоиереем А. Юрашкевичем при отпевании Василия Вильгельмовича Гинденбурга // Минские епархиальные ведомости. – 1907. – № 16. – Часть неофициальная. – С. 284–290.

62. *Розанов, В. Н.* Из воспоминаний / В. Н. Розанов // Московская Екатерининская городская больница – родоначальница городской и общественной медицины. 1776–1926: Юбилейный сборник. – М.: Изд-во Мосздравотдела, 1929. – С. 318–322.

63. *[Роткирх В. А., фон].* Памяти доктора Гинденбурга / [В. А. фон Роткирх] // Воспоминания Теобальда. – Вильна: Тип. М. Р. Ромма, 1890. – Ч. 2: Виленские воспоминания. – Гл. X. – С. 88–92.

64. Рэвізская сказка двараніна Мінскага павета Д. П. Гіндэнбурга ад 16.07.1816 // НГАБ. – Фонд 333. – Воп. 9. – Спр. 107. – Арк. 1337.

65. НГАБ. – Ф. 333. Воп. 9. Спр. 196. – Рэвізская сказка дзедзічнага ўладальніка фальварка Вільгельмаўка Мінскага павета Д. П. Гіндэнбурга ад 15.12.1811. Арк. 265.

66. *Рябинкин, В. Н.* Роль больницы имени проф. Бабухина в истории Московской городской медицины и научной мысли / В. Н. Рябинкин // *Московская Екатерининская городская больница – родоначальница городской и общественной медицины. 1776–1926: Юбилейный сборник.* – М.: Изд-во Мосздраотдела, 1929. – С. V–XVI.

67. *Селицкий, А. И.* Польская шляхта в социально-правовой системе Российской империи / А. И. Селицкий // *Поляки в России: XVII–XX вв.: материалы Междунар. науч. конф. (Краснодар, 10–11 июля 2002 г.) / науч. ред. и сост. А. И. Селицкий.* – Краснодар: Кубанькино, 2003. – С. 105–128.

68. *Снапковский, Ю. Н.* Бароны Меллер-Закомельские герба собственно-го: опыт поколенной росписи / Ю. Н. Снапковский // *Архіварыус: зб. навук. паведамлен. і арт.* – Мінск: НГАБ, 2013. – Вып. 11. – С. 160–192.

69. *Снапковский, Ю. Н.* Штаб-лекарь и акушер Вильгельм Данилович Гинденбург / Ю. Н. Снапковский // *Здравоохранение.* – 2014. – № 1. – С. 72–80.

70. *Снапкоўскі, Ю.* Аб фальсіфікацыі шляхецкіх вывадаў іншаземцаў у XIX стагоддзі (на прыкладзе роду Гіндэнбургаў) / Ю. Снапкоўскі // *Архівы і справаводства.* – 2016. – № 1. – С. 123–131.

71. *Снапкоўскі, Ю.* ГІНДЭНБУРГІ, ПАСТОРЫУСЫ дэ ГІНДЭНБУРГІ (HINDENBURG, PASTORYUS de HINDENBURG) герба «БРОХВІЧ I» / Ю. Снапкоўскі // *Гербоўнік беларускай шляхты.* Т. 4: Г / Д, Ч. Матвейчык [і інш.]; навук. рэд. А. Рахуба. – Мінск: Беларусь, 2016. – С. 372–379.

72. *Снапкоўскі, Ю.* Доктар Гіндэнбург і лёс евангелічна-лютэранскай супольнасці губернскага Мінска ў XIX ст. / Ю. Снапкоўскі // *Евангельская Царква Беларусі: гісторыя і сучаснасць (да 600-годдзя Евангельскай Царквы ў Беларусі): зб матэрыялаў Міжнар. навук.-практ. канф. (Мінск, 7 снеж. 2013 г.) / уклад.: А. І. Бокун, А. У. Унучак, Ю. А. Бачышча; рэдкал.: П. І. Асененка і інш. – Мінск: Пазітыў-цэнтр, 2014. – С. 87–110.*

73. *Список землевладельцев Минской губернии за 1876 год.* – Минск: Тип. губ. правления, 1877. – 214 с.

74. *Урублеўскі, В. В.* Род галандскіх дваран Гартынгаў на Беларусі / В. В. Урублеўскі // *Архіварыус: зб. навук. паведамленняў і арт.* – Мінск: БелНДДАС, 2009. – Вып. 7. – С. 258–266.

75. НГАБ. – Ф. 134. Воп. 1. Спр. 160. – Фармулярны спіс аб службе акушэра Мінскай урачэбнай управы калежскага саветніка штаб-лекара В. Д. Гіндэнбурга за 1855 г. Арк. 1, 15 адв.–19.

76. НГАБ. – Ф. 299. Воп. 3. Спр. 2044. – Фармулярны спіс аб службе акушэра Мінскай урачэбнай управы калежскага саветніка В. Д. Гіндэнбурга ад 22.06.1862 Арк. 3–8.

77. РДГА. – Ф. 1297. Воп. 253. Спр. 180. – Фармулярны спіс аб службе акушэра ўрачэбнага аддзялення Мінскага губернскага праўлення стацкага саветніка штаб-лекара В. Д. Гіндэнбурга за 1869 г. Арк. 14–21.

78. Цэнтральны дзяржаўны архіў горада Масквы (далей – ЦДА Масквы). – Адзел захоўвання дакументаў да 1917 г. (далей – АЗД да 1917 г.). – Ф. 179 (Маскоўскія гарадскія дума і ўправа). Воп. 50. Спр. 67. – Фармулярны спіс аб службе апэратара-кансультанта і спраўляючага пасаду старшага лекара Стара-Кацярынінскага аддзялення бальніцы для чорнарабочых ў Маскве правадзейнага стацкага саветніка Л. В. Гіндэнбурга ад 31.10.1887. Арк. 21–28.

79. НГАБ. – Ф. 299. Воп. 7. Спр. 86. – Фармулярны спіс аб службе барысаўскага павятовага скарбніка С. Д. Гіндэнбурга за 1836 г. Арк. 75 адв.–76.

80. НГАБ. – Ф. 333. Воп. 4. Спр. 1382. – Фармулярны спіс аб службе барысаўскага павятовага скарбніка С. Д. Гіндэнбурга за 1838 г. Арк. 127–128.

81. НГАБ. – Ф. 183. Воп. 1. Спр. 740. – Фармулярны спіс аб службе выканаўцы прац па складанні люстрацыйных актаў Кіеўскай губерні калежскага саветніка В. С. Гіндэнбурга ад 05.06.1884. Арк. 19–34.

82. НГАБ. – Ф. 134. Воп. 2. Спр. 14. – Фармулярны спіс аб службе і годнасці акушэра Мінскай урачэбнай управы надворнага саветніка штаб-лекара В. Д. Гіндэнбурга за 1845 г. Арк. 7 адв.–10.

83. НГАБ. – Ф. 134. Воп. 2. Спр. 14. – Фармулярны спіс аб службе і годнасці мазырскага павятовага лекара доктара медыцыны калежскага саветніка В. Х. Крумзіга за 1845 г. Арк. 22 адв.–26.

84. НГАБ. – Ф. 299. Воп. 7. Спр. 210. – Фармулярны спіс аб службе канцылярскага чыноўніка Канцылярыі мінскага цывільнага губернатара калежскага асэсара С. Д. Гіндэнбурга за 1864 г. Арк. 137 адв.–144.

85. НГАБ. – Ф. 466 (Мінская мужчынская гімназія). Воп. 1. Спр. 501. – Фармулярны спіс аб службе чыноўніка па судовай частцы пры Віленскім акцызным упраўленні стацкага саветніка В. В. Гіндэнбурга за 1896 г. Арк. 3–8.

86. Хурсік, В. У. Род Офенбергаў у гісторыі Беларусі / В. У. Хурсік // Беларускі гістарычны часопіс. – 2002. – № 6. – С. 38–45.

87. ЦДА Масквы. – АЗД да 1917 г. – Ф. 179. Воп. 50. Спр. 5882. – Справа аб выключэнні са спісаў службоўцаў галоўнага доктара Стара-Кацярынінскай бальніцы Л. В. Гіндэнбурга ў сувязі са смерцю. 10.02.1897–19.02.1897. 10 арк.

88. ЦДА Масквы. – АЗД да 1917 г. – Ф. 179. Воп. 50. Спр. 84. – Справа аб выклапатанні пенсіі на службе ў поўным акладзе апэратару-кансультанту і спраўляючаму пасаду старшага лекара Стара-Кацярынінскага аддзялення бальніцы для чорнарабочых ў Маскве правадзейнаму стацкаму саветніку Л. В. Гіндэнбургу. 18.10.1888–05.08.1889. 17 арк.

89. ЦДА Масквы. – АЗД да 1917 г. – Ф. 418 (Імператарскі Маскоўскі ўніверсітэт). Воп. 1. Спр. 298. – Справа аб допуску ельнінскага павятовага лекара Смаленскай губерні штаб-лекара В. Д. Гіндэнбурга да экзамену на званне акушэра. 21.09.1832–16.11.1832. 7 арк.

90. ЦДА Масквы. – АЗД да 1917 г. – Ф. 418. Воп. 3. Спр. 5. – Справа аб допуску акушэра Мінскай урачэбнай управы штаб-лекара В. Д. Гіндэнбурга да экзамену на званне інспектара ўрачэбнай управы. 28.12.1833–28.08.1834. 11 арк.

91. *Чапко, В. У.* Развіццё Мінска ў 1793–1861 гг. / В. У. Чапко // Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Мінска: у 4 кн. / рэдкал.: Г. К. Кісялёў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БЕЛТА, 2001. – Кн. 1 / уклад. А. А. Ляўшэвіч, В. С. Семянякоў; навук. рэд. Г. В. Штыхаў. – С. 367–378.

92. *Шпилевский, П. М.* Путешествие по Полесью и белорусскому краю / П. М. Шпилевский. – Минск: Беларусь, 2004. – 256 с.

93. Hemmerich, Karl Ludwig // Erik-Amburger-Datenbank: Ausländer im vorrevolutionären Russland [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=94864>. – Дата доступу: 20.04.2021.

94. Karstadt, Samuel // Erik-Amburger-Datenbank: Ausländer im vorrevolutionären Russland [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <https://amburger.ios-regensburg.de/index.php?id=94990>. – Дата доступу: 20.04.2021.

95. *Koźmiński, S.* Słownik lekarzów polskich obejmujący oprócz krótkich życiorysów lekarzy polaków oraz cudzoziemców w Polsce osiadłych, dokładną bibliografią lekarską polską od czasów najdawniejszych aż do chwili obecnej / S. Koźmiński. – Warszawa: Nakład autora, 1883. – 684 s.

96. *Kowalewska, Z.* Obrazki mińskie. 1850–1863 / Z. Kowalewska. – Wilno: Nakład Księgarni Józefa Zawadzkiego, 1912. – 128 s.

97. *Pinkerton, R.* Russia: or, Miscellaneous observations on the past and present state of that country and its inhabitants. Compiled from notes made on the spot, during travels, at different times, in the service of the Bible Society, and a residence of many years in that country / R. Pinkerton. – London: Seeley & Sons, 1833. – 512 p.

(Дата паступлення: 10.05.2021).

УДК 930(47)"1870/1932"

КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ ХАРЛАМПОВИЧ (1870–1932): ЖИЗНЬ ИСТОРИКА НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ

Теплова В. А.

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

В статье на основе изучения научного наследия историка делается попытка воссоздания его биографии и исторических взглядов на роль и значение православия в исторических судьбах населения Восточной Европы, выявляется вклад ученого в развитие конфессиональной истории Беларуси.

Ключевые слова: конфессиональная история; православие; историография; исторические взгляды; Литовская духовная семинария; Санкт-Петербургская духовная академия; Казанский университет; Украинская академия наук.

KONSTANTIN VASILIEVICH KHARLAMPOVICH (1870–1932): THE LIFE OF A HISTORIAN ON THE FRACTURE OF ERAS

Теплова В.

Belarusian State University, Minsk, Belarus

Based on the study of the historian's scientific heritage, the article attempts to recreate his biography and historical views on the role and significance of Orthodoxy in the historical fate of the population of Eastern Europe, reveals the scientist's contribution to the development of the confessional history of Belarus.

Keywords: confessional history; Orthodoxy; historiography; historical views; Lithuanian Theological Seminary; St. Petersburg Theological Academy; Kazan University; Ukrainian Academy of Sciences.

Вряд ли среди исследователей, занимающихся изучением истории православной церкви и культуры белорусско-украинских земель XVI–XVIII вв., найдется историк, не знающий работ К. В. Харламповича, научное наследие которого насчитывает более 250 изданий и представлено публикациями не только по белорусско-украинской проблематике, но и по истории православия Поволжья (Татарстан, Чувашия) и Сибири. В Украине историку установлен бюст, его портрет украшает стены Казанского университета, на родине – в Беларуси – его имя предано забвению.

Среди работ, посвященных жизни и научному наследию К. В. Харламповича, приоритет принадлежит украинской историографии, пер-

вой поднявшей имя ученого из небытия [1; 4; 8; 10]. Предметом изучения украинских историков стало выявление влияния Украины на церковно-исторические процессы Восточной Европы.

Иной ракурс в рассмотрении личности К. В. Харламповича избрали российские исследователи, обратившие внимание на содержание исторической концепции историка и возможности ее применения в развитии современной российской истории [2; 12].

Особое место в исследовании жизни и деятельности К. В. Харламповича принадлежит историкам Татарстана. Благодаря их кропотливой работе восстановлена трагическая страница в жизни ученого – период 1917–1928 гг., исключение из Казанского университета, арест и ссылка [6; 9; 13].

К большому сожалению, белорусская историография прошла мимо имени К. В. Харламповича, уроженца Беларуси, на формирование мировоззрения и исторических взглядов которого определяющее влияние оказала белорусская действительность второй половины XIX в.²² Таким образом, число работ, посвященных исследованию научного наследия К. В. Харламповича, невелико. Гораздо лучше изучена его биография. Но и в ней имеются значительные пробелы, прежде всего относящиеся к белорусскому периоду его жизни. Эти «белые пятна» требуют возвращения к осмыслению личности и анализу научного наследия историка, публициста и общественного деятеля.

Константин Васильевич Харлампович родился 18 (30) июля 1870 г. в деревне Рогачи Брестского уезда Гродненской губернии в семье православного священника Василия Харламповича. Начальное образование получил под руководством отца, законоучителя Рогачского народного училища, и в Виленском духовном училище (1884). Большое влияние на формирование мировоззрения К. В. Харламповича оказало время обучения в Литовской духовной семинарии (1884–1890), одном из лучших учебных заведений белорусско-литовского края, образование в котором могли получить выходцы из малоимущих слоев населения. Возглавлявший в это время Литовскую кафедру архиепископ Алексей (Лавров-Платонов) сумел собрать во вверенном ему учебном заведе-

²² Исключением является диссертация иерея И. В. Лопыко «Константин Васильевич Харлампович (1870–1932). Жизнь и научное наследие», выполненная в Минской духовной академии. Однако она не опубликована и остается известной лишь ограниченному кругу читателей.

нии сильную ученую корпорацию. Среди преподавателей, оказавших заметное влияние на формирование мировоззрения и исторических взглядов К. С. Харламповича, следует назвать П. Н. Жуковича, благодаря влиянию которого К. В. Харлампович не только принял решение продолжить образование в Санкт-Петербургской духовной академии, но и сделал окончательный выбор научной проблематики – история становления и развития православного образования на белорусско-украинских землях. Первым результатом сотрудничества К. В. Харламповича с П. Н. Жуковичем стало появление в 1892 г. в «Церковном Вестнике» статьи под названием «Следы латинства и унии в православном населении западного края», подписанная псевдонимом «Западнорус» [14]. В этой публикации рассмотрены особенности религиозно-общественной жизни населения белорусских земель, которые, с точки зрения историка, появились в результате многовекового господства католической Польши. Пользуясь этническим маркером «Западнорус», автор, скорее всего, подчеркивал свою национальную принадлежность и отличие как от польского, так и великорусского этносов.

Духовную академию будущий историк закончил в 1894 г. со степенью кандидата богословия, защитив диссертацию «Западнорусские, по преимуществу, православные школы XVI и начала XVII века». В своем отзыве на работу П. Н. Жукович писал: «В методе исторического изучения Харламповича нельзя не отметить его очень внимательного отношения к различным мнениям, высказанным по тем или иным вопросам, касающимся его темы. Эта кропотливость в работе дала ему возможность внести немало поправок в труды его предшественников по различным частным вопросам. Вообще сочинение Харламповича заслуживает не только степени кандидата, но и особого внимания Совета» [3]. Суждение историка, даже учитывая традиционную комплиментарность научного руководителя, было подтверждено автором всеми последующими исследованиями.

Несмотря на стремление стать преподавателем исторических и богословских дисциплин в семинариях запада или юга России, К. В. Харлампович был назначен преподавателем Казанской духовной академии, в которой с февраля 1895 г. приступил к преподаванию латинского языка [7]. В то же время молодой ученый продолжает работу над магистерской диссертацией «Западнорусские православные школы XVI и начала XVII в., отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви», успешная защита

которой состоялась 20 марта 1899 г. Диссертация К. В. Харламповича вызвала большой интерес со стороны научного исторического сообщества конца XIX в. В российских периодических изданиях появились отзывы на монографию, вышедшую перед защитой диссертации. Большинство из них носило положительный характер. По словам одного из оппонентов диссертанта профессора П. Ф. Николаевского успех молодого исследователя был определен «обширным исследованием рукописных и печатных источников», что позволило диссертанту «...изложить историю западнорусских школ с особой обстоятельностью и документальной точностью, исправить и основательно дополнить уже существующие о них научные труды» [3, с. 200–220]. Однако наиболее престижными оказались две премии: Карповская от «Общества истории и древностей российских» Московского университета и Уваровская от Академии наук.

Успешная защита магистерской диссертации положила начало публикации серии работ историка, раскрывающих специфику православного образования на украинских и белорусских землях Речи Посполитой: «Острожская православная школа: Историко-критический очерк» [15], «К истории западнорусского просвещения. Виленская братская школа в первые полвека своего существования» [16], «К вопросу о просвещении на Руси в домонгольский период» [17], «Борьба школьных влияний в допетровской Руси» [18; 19], и дала возможность для приглашения К. В. Харламповича в Казанский университет, в котором историк с 1900 г. читал факультативные курсы по истории Русской православной церкви.

Одной из научных проблем, интересовавших К. В. Харламповича в Казанской период его жизни, становится тема православной миссии в Поволжье, Сибири и Казанском крае. Это направление в научном творчестве историка скорее всего было вызвано миссионерской традицией в деятельности академии, ставшей основным миссионерским научным центром дореволюционной России, влияние которого распространялось на восточные регионы Российской империи. Ее рассмотрению историк посвятил весьма значительное число работ: «Иосиф Курцевич, архиепископ Суздальский, бывший Владимирский и Брестский (1621–1642)» [20], «Известия И. Гмелина о Казани и о казанских инородцах (1733)» [21], «О миссионерских переводах на инородческие языки. Письма архимандрита Владимира, начальника Алтайской миссии, к Иркутскому архиепископу Вениамину» [22], «Архимандрит Макарий

(Глухарев), основатель Алтайской миссии и его пребывание в Казани в 1840 г.» [23], «Архимандрит Макарий (Глухарев) и тобольские декабристы» [24], «Н. И. Ильминский и Алтайская миссия» [25], «Св. Иннокентий Иркутский» [26] и др.

Помимо «миссионерской проблематики» историк активно изучал историю Казанского края и Казанской семинарии: «Материалы для истории Казанской Духовной Семинарии в XVIII веке», «PRO DOMO SUA. (По поводу конкурса 1902–1907 гг. на кафедре церковной истории в Казанском университете)», «Об изучении церковных древностей Казанской епархии», «Первая публичная библиотека в Казани» [27]. Однако, несмотря на многочисленные публикации, появление которых связано с интересом историка к региональной истории, он никогда не переставал работать над главной научной проблемой всей его жизни – влиянием традиций западной культуры и просвещения на церковную и духовную жизнь России. Глубиной проникновения в эту тему К. В. Харлампович сопоставим только с В. О. Ключевским, их позиции в определении итогов этого влияния на Россию весьма близки [11].

Работа над исследованием была завершена в начале 1914 г. Ее результатом стала монография «Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь» [28], которая легла в основу докторской диссертации историка. Исследование К. В. Харламповича охватывает период с XVI до середины XVIII в. По мнению исследователя, говорить о каком-либо западном церковно-культурном влиянии на русскую народность ранее XVI в. нет никаких оснований, так как до этого времени «оба эти народа (украинский и русский. – В. Т.) были заняты государственным строительством и отстаиванием своей политической независимости от взаимных посягательств на нее Польши-Литвы и Москвы». Соприкосновение украинской церковной культуры с русской народностью, по словам исследователя, привело к культурному сближению Москвы с Украиной и Грецией и подготовило почву к никоновской богослужебной реформе. Вместе с этим, считает ученый, украинское церковно-культурное воздействие на русское общество в первой половине XVII в. подготовило сознание двух братских народов к возможности присоединения восточной Украины к российскому государству, которое и произошло в 1654 г.²³

²³ Монография К. В. Харламповича «Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь» требует более подробного анализа, который

Монументальный труд историка был отмечен Академией наук и Обществом истории и древностей российских при Московском университете. Кроме того, это исследование привело К. В. Харламповича к избранию членом-корреспондентом Петербургской Академии наук в 1916 г. и действительным академиком Украинской Академии наук в 1919 г.

Социально-политические потрясения 1917 г. открыли новый – трагический – период в жизни историка. К. В. Харлампович не принял новую власть, систему нравственных ценностей и норм жизни. В следственном деле, которое было возбуждено против ученого в 1924 г. и которое вел помощник уполномоченного Секретного отделения Секретно-оперативной части Татарского отдела ОГПУ Шуклин, содержится характеристика историка: это «столп старины...», вся цель жизни которого – «русский народ, христианская религия, великодержавное угнетение мелких народностей». По словам Шуклина, его деятельность на постах председателя общества археологии, истории и этнографии и Музейной комиссии носила ярко контрреволюционный характер. «Харламповичу чужда национальная политика Советской власти, чужда и Татреспублика с ее нацменьшинствами...», – пишет Шуклин [9].

Гражданская война, в ходе которой Казань на непродолжительное время оказалась под властью правительства Комуча, у многих преподавателей Казанского университета вселила надежду на освобождение страны от большевизма (профессура Казанского университета в целом отрицательно отнеслась к победе большевиков). Неудивительно, что после установления в Казани власти правительства Комуча 35 членов Совета университета при одном воздержавшемся поддержали возможность перехода власти к Учредительному Собранию, а профессор Казанского университета Н. Н. Фирсов прямо выступил в газете «Народная армия» с призывом поддержать белую армию, «стремящуюся к воссозданию единой свободной России». Вероятно, К. В. Харлампович разделял эту точку зрения, поскольку принял решение о сотрудничестве с комучевской газетой.

При отступлении из Казани белогвардейцев в сентябре 1918 г. с ними ушла и значительная часть преподавателей Казанского университета. Оставшаяся часть вузовской интеллигенции, среди которой был

в рамках статьи невозможен. Частично пробел восстановлен в исследовании О. А. Фефелова [12].

и К. В. Харлампович, пыталась ужиться с новой властью, придерживаясь политического нейтралитета.

Знаменательным событием для К. В. Харламповича стало его избрание 4 июня 1919 г. действительным членом Украинской Академии наук. Избрание историка состоялось по рекомендации академика Д. И. Багалея²⁴, рецензировавшего докторскую диссертацию ученого. Принимая во внимание важность темы исследования К. В. Харламповича для развития украинской исторической науки, УАН поручила Харламповичу продолжить работу над темой, и для ее завершения предложила переехать в Киев. Однако историк не спешил с переездом, поскольку Украина в это время находилась в сложной военно-политической ситуации. На принятие решения о переезде в Киев негативно влияло и отсутствие материальных возможностей у семьи Харламповичей, которая к этому времени состояла из пяти человек – самого ученого, его жены Веры Петровны и трех взрослых детей, учившихся в Казанском университете. В письме к секретарю Украинской Академии наук академику А. Ю. Крымскому от 3 сентября 1920 г. К. В. Харлампович писал: «Хотя я лично считаю, что теперь уже окончательно судьба его (Киева) определена, но осторожные люди говорят, что и донныне положение не является достаточно постоянным. Приходится еще ожидать, тем более что Киев переживает трудности и продовольственные, и топливные. Да еще и не легкая дорога из Казани. Вот причины, через которые я все еще не отважился переехать в Украину» [4]. В то же время К. В. Харлампович не отказывался от работы в Украинской Академии наук. При всяком удобном случае историк выполнял задания УАН и сотрудничал с академическими изданиями.

Настоящей трагедией для К. В. Харламповича обернулось реформирование преподавания исторической науки, начавшееся вскоре после октябрьского переворота 1917 г. В 1919 г. в Казанском университете

²⁴ Багалея, Дмитрий Иванович (1857–1932). Окончил историко-филологический факультет Харьковского университета (1880), занимался преподаванием, научной и общественной деятельностью. В 1906–1910 гг. был ректором Харьковского университета. С 1918 г. Д. И. Багалея избирается председателем историко-филологического отделения Украинской Академии наук и членом Президиума УАН. Его главные работы: «Очерки по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства» (1887), «Магдебургское право в Левобережной Малороссии» (1892), «Украинская старина» (1896), «История города Харькова» (1905–1906), «Український мандрівний філософ Г. С. Сковорода» (1926) и др.

упразднили историко-филологический факультет и создали на его базе факультет общественных наук (1921). Решение о штате педагогов нового факультета состоялось 18 августа 1921 г. Среди них К. В. Харламповича не было.

В защиту историка выступил профессор Казанского университета П. П. Миндалев, который предложил педагогической корпорации факультета общественных наук «принять меры к удержанию Харламповича в составе профессоров Казанского университета как знатока культурной истории Малороссии, истории образования в России, междуплеменных религиозных влияний, заслужившего своими научными трудами признание русской и европейской критики, почтенного Академией наук в 1916 г. званием члена-корреспондента и удостоившегося избрания Украинской Академией наук ее членом» [5].

Предложение П. П. Миндалева было поддержано всеми преподавателями факультета общественных наук, принявшими на заседании факультета 9 сентября 1921 г. решение обратиться к Совету университета с просьбой возбудить ходатайство о зачислении К. В. Харламповича преподавателем истории Малороссии и истории религий на факультет общественных наук Казанского университета. Рассмотрев данную просьбу профессоров факультета общественных наук, Совет университета «по единогласному постановлению своему от 10 сентября обратился в отдел Высших Учебных Заведений Главного комитета профессионально-технического образования (Главпрофобр) «об утверждении К. В. Харламповича профессором факультета общественных наук».

Одновременно Совет университета единогласно одобрил постановление факультета общественных наук о временном поручении К. В. Харламповичу чтение лекций на этом факультете. Данное решение Совета университета вызвало со стороны Главпрофобра недовольство. 26 октября 1921 г. ректор Казанского университета обратился в деканат факультета общественных наук с уведомлением о том, что Отдел социально-экономического образования Главпрофобра считает совершенно недопустимым чтение лекций К. В. Харламповичем и предлагает немедленно запретить историку преподавать на факультете общественных наук.

Окончательное решение по этому делу было принято не в пользу историка. Правление Казанского университета было вынуждено уволить историка.

Увольнение К. В. Харламповича из Казанского университета не привело к прекращению педагогической деятельности ученого. Перебиваясь мизерными заработками, ученый преподавал в течение 1921–1922 гг. математику в Казанской военной школе и латинский язык в фармацевтическом техникуме.

Одновременно с этим историк продолжал усиленно работать над вторым томом монографии «Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь». Научные поиски привели ученого к необходимости научной командировки в Москву для сбора архивного материала. Отсутствие у К. В. Харламповича материальных средств для этой поездки заставило историка подать 3 января 1921 г. ходатайство в Научный отдел Народного комиссариата просвещения РСФСР о предоставлении ему финансовой субсидии на поездку в Москву. В своем обращении историк писал: «Несколько лет тому назад я приступил к выполнению огромной научной работы – выяснению влияния малорусской культуры на великорусскую. Труд, который был задуман в объеме одного тома, вырос в процессе накопления материалов к таким размерам, что I-й том его, который вышел в 1914 г., занял 878 страниц большого формата, кроме 24 страниц предисловия и 66 страниц указателей... Но это только начало моей работы. Том II, для которого уже собран огромный материал, ожидает редакторской обработки и издания... Придется еще раз побывать в Москве для дополнения его данными из рукописей, которые вновь поступили в московские архивы, библиотеки и музеи... Одновременно будет собираться материал и для III тома исследования... Это достаточно своевременно и диктуется неотложной потребностью» [4].

В финансировании научной командировки в Москву К. В. Харламповичу было отказано. Нехватка материальных средств, а также арест историка в 1924 г. и последовавшая затем трехлетняя ссылка в г. Тургай Оренбургской губернии прервали работу ученого над исследованием, которое так и осталось незавершенным

Новым и незнакомым направлением в деятельности ученого в это время была работа по спасению казанских музейных фондов, архивов и библиотек. После окончательного установления большевистской власти в Казани в сентябре 1918 г. архивы и библиотеки многих упраздненных дореволюционных учреждений подверглись разорению и уничтожению. Осенью 1918 г. документы Казанского губернского архива были изъяты из хранилищ и выброшены на улицу. Архивная документация

была спасена профессором Казанской духовной академии И. М. Покровским и профессорами Казанского университета Н. Ф. Катановым и К. В. Харламповичем.

В сентябре 1919 г. К. В. Харлампович стал членом Казанского губернского подотдела по делам музеев и охраны памятников, подчинявшегося Казанскому отделу главного комитета по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы при Народном комиссариате просвещения РСФСР. В 1922 г. историк был назначен на должность заместителя председателя подотдела.

Руководить Казанским подотделом К. В. Харламповичу выпало в тяжелое время. В полном разгаре в Казани шла кампания по изъятию церковных ценностей. В связи с этим большой интерес для властей представляли казанские музеи, в которых хранилось немало церковной утвари, имевшей значительную материальную ценность. Понимая, что для быстрого и успешного изъятия церковных ценностей из музеев необходимо полное отсутствие какого-либо сопротивления со стороны музейных сотрудников, казанские большевики надеялись встретить в лице К. В. Харламповича как руководителя Казанского подотдела человека, готового на полное сотрудничество с большевистской властью. Чиновники рассчитывали и на то, что ученый после изгнания из университета будет более сговорчивым и пойдет на любые уступки советской власти. Однако возглавив Казанский подотдел, ученый приложил максимум усилий, чтобы сохранить музейные фонды в целостности (насколько это было возможно). Ученый пытался установить связь с Москвой, в частности, с заведующей музейным отделом Народного комиссариата просвещения РСФСР Н. И. Троцкой (Седовой), возглавлявшей до 1928 г. центральный орган по охране памятников. В письмах к ней историк настаивал на необходимости координации совместных усилий по сохранению «отеческого культурного достояния». В апреле 1922 г. К. В. Харлампович писал Н. И. Троцкой (Седовой): «Между тем время такое, что связь Москвы с местами необходима. Наступили критические для музеев дни: их осматривают с целью извлечения наиболее ценных вещей. В печати не было декрета о предоставлении кому бы то ни было права опустошать музеи, собиравшего десятки лет, и делают только глухие ссылки на какие-то секретные циркуляры. Имеется сверх того Ваше кратенькое запрещение... отдавать кому то ни было вещи из музеев. Оно давало понять, что затевается поход против музеев, но не указывало, как противостоять ему» [13]. По мнению ученого, работа

по экспертизе и отстаиванию церковных ценностей художественного и исторического значения – «работа, требующая много времени, физических сил и нравственного напряжения, делается вдвое тяжелее при наличии того разобщения с центром, которое тяготит Казанский отдел вот уже четыре месяца. Невольно опускаются руки при мысли, что и самый музейный отдел в Москве потерял интерес к дорогому для нас делу, сдал свои позиции и не может при новой экономической политике государства отстаивать те культурные ценности русского народа, которые с такой любовью, с такими затратами собирали предшествующие поколения музейных деятелей» [13]. К. В. Харлампович надеялся, что тесное сотрудничество с Москвой поможет ему приостановить рвение местных органов власти в деле изъятия церковных ценностей и тем самым избежать разграбления музеев. Активная позиция ученого по спасению казанских музейных фондов принесла положительные результаты. Только благодаря позиции членов Казанского подотдела удалось спасти от уничтожения некоторые замечательные образцы православной культуры края.

В июле 1922 г. К. В. Харлампович занял должность председателя Казанского отдела главного комитета по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы при Народном комиссариате просвещения РСФСР (далее – Музейная комиссия Татнаркомпроса). В период кампании экспроприации церковных ценностей основной деятельностью Музейной комиссии была оценка культурно-исторической значимости всех изымаемых предметов церковного обихода. Если, по мнению Музейной комиссии, тот или иной экспроприруемый предмет церковного назначения представлял значимость, то он переходил в распоряжение комиссии, которая на свое усмотрение либо передавала этот предмет в музей как памятник старины, либо оставляла его на хранение в православном храме.

Действуя как председатель Музейной комиссии, К. В. Харлампович неоднократно спасал от уничтожения православные святыни и церковную утварь. По свидетельству того же Шуклина, к ученому часто обращались священнослужители с просьбой «такое-то имущество спасти от ликвидации, такие-то ценности от изъятия или, признав некоторые ценности памятниками старины, оставить их в храмах на хранение; Харлампович как истинный христианин оказывал «всевозможное содействие». Так, историк ходатайствовал перед Главным комитетом по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы при

Народном комиссариате просвещения РСФСР о выделении денежных средств на реставрацию старинных икон Успенской и Троицкой церквей Свяжского женского монастыря [13].

Благодаря деятельности К. В. Харламповича на посту председателя Музейной комиссии многим православным храмам Казани удалось сохранить свою богослужебно-приходскую жизнь. Оставленные Музейной комиссией в казанских храмах православные святыни и церковная утварь позволяли настоятелям этих храмов совершать полноценные богослужения, что способствовало усилению сплоченности прихожан. Такие приходы, в силу регулярного проведения церковных богослужений, становились менее подвержены идеологическому давлению большевиков, направленному против Православной церкви.

Руководство Казанским губернским подотделом по делам музеев и охраны памятников, а также Музейной комиссии К. В. Харламповичу пришлось совмещать с руководством Обществом археологии, истории и этнографии. В апреле 1922 г. ученый был избран председателем этого Общества.

В начале января 1923 г. Обществом был выработан проект организации двухгодичных археологических курсов и археологической экспедиции для исследования городищ Билярска, Суvara и могильника близ Свяжска. Стараниями К. В. Харламповича летом того же года были совершены две археологические поездки – в Булгары и Елабугу.

В июле 1923 г. Общество археологии, истории и этнографии составило план своих исследовательских работ на ближайшие пять лет. В области этнографии данный план включал изучение русского населения в пригородных селах Казани. В области истории намечалась публикация писцовых книг Казанского края. В 1924 г. планировалось подготовить к изданию переписную книгу города Казани 1651 г. Одновременно с этим предполагалось начать исследование вопроса казанской торговли с середины XVI в. до новейшего времени, становления фабрично-заводской промышленности.

В 1923 – начале 1924 гг., впервые за послереволюционный период, библиотечные фонды Общества археологии, истории и этнографии пополнились за счет обмена изданиями. Научный обмен литературой возобновился благодаря тому, что с 1919 г. вновь стали выходить «Известия Общества археологии, истории и этнографии».

Под председательством К. В. Харламповича Общество археологии, истории и этнографии развивалось весьма успешно. Количество членов

общества постоянно росло. В 1924 г. оно насчитывало 126 членов, что примерно соответствовало его дореволюционному уровню [9].

В своем руководстве Обществом археологии, истории и этнографии К. В. Харлампович придерживался традиций и целей, которыми оно жило до событий 1917 г. Ученый не хотел, чтобы Общество стало очередным орудием пропаганды. Такой подход историка к руководству Обществом сильно раздражал казанские власти, как, впрочем, и вся его деятельность на посту Музейной комиссии. Последней каплей, переполнившей чашу терпения в отношении К. В. Харламповича, стал отчет Общества археологии, истории и этнографии за январь 1923 – март 1924 гг. На страницах отчета, в частности, в разделе «Издательская деятельность ОАИЭ», была указана причина, по которой Комбинат издательства и печати отказал Обществу в напечатании XXXIII тома «Известий»: «Приготовленный к печати материал для очередного 1-го выпуска XXXIII тома “Известий Общества” не удалось использовать, т. к. <...> Комбинату издательства и печати предложено было “разгрузиться” от издания журналов “Музейный вестник”, “Казанский библиофил”, “Известия Физико-математического общества”, “Известия Общества археологии, истории и этнографии”, “Известия Общества естествоиспытателей”, а экономию от такой разгрузки использовать на удешевление, улучшение и расширение изданий марксистской литературы» [9]. Разглашение Обществом археологии, истории и этнографии данной информации казанские большевики восприняли как попытку подорвать авторитет советской власти в городе. Это послужило толчком к началу репрессий, направленных против Совета Общества и его председателя.

Первой мерой воздействия на К. В. Харламповича как председателя Общества археологии, истории и этнографии было снятие его с должности председателя Музейной комиссии в мае 1924 г. Спустя месяц Татарский отдел Объединенного Государственного Политического Управления при Совете Народных Комиссаров СССР затребовал все протоколы заседаний Музейной комиссии. В них сотрудники ОГПУ надеялись найти все, что могло бы скомпрометировать историка.

Пристальное изучение деятельности К. В. Харламповича на должностях председателя Общества археологии, истории и этнографии и Музейной комиссии позволило ОГПУ 20 сентября 1924 г. возбудить официальное следственное дело против историка и шести ученых, входивших в состав Совета Общества, – И. И. Сатрапинского, С. П. Шеста-

кова, В. Ф. Смолина, С. И. Порфирьева, Н. В. Никольского и И. М. Покровского. В этот же день К. В. Харлампович был арестован и помещен в ОГПУ, а в его доме был проведен обыск.

Вести данное дело было поручено помощнику уполномоченного Секретно-оперативного отделения Татарского отдела ОГПУ Шуклину. Поводом для возбуждения следственного дела против К. В. Харламповича послужили «поступающие сведения о группировке черносотенного элемента в Обществе археологии, истории и этнографии, противопоставляющей современным требованиям общественности именуемую ими “чистую науку”, в которой преобладали элементы рутинности, отсталых идей» [9].

В ходе следствия К. В. Харлампович был признан виновным по четырем статьям Уголовного кодекса СССР. Обвинение, выдвинутое ОГПУ против историка, состояло из трех пунктов. Его обвиняли в том: 1) «что он, состоя председателем Музейной комиссии, всячески пытался препятствовать мероприятиям Соввласти по изъятию некоторых церковных ценностей под видом охраны искусства и старины, а также был заинтересован в сохранении церковного имущества, не имеющего никакой с историко-художественной стороны ценности, каковы деяния предусмотрены ст. 10 и 69 Уголовного кодекса», 2) «что он, Харлампович, состоя председателем Общества археологии, истории и этнографии и пользуясь печатным органом “Известия” указанного Общества, посвящал большую часть издания религиозным вопросам, распространяя эти официальные издания не только среди населения, но и за границей, каковое деяние предусмотрено ст. 72 Уголовного кодекса», 3) «что поместил в отчете Общества сообщение о расторжении Пленумом ОКРКП(б) договора между Обществом и Комбинатом издательства и печати на печатание изданий Общества с целью вызвать недоверие к власти и дискредитирование ее, давая понять, что последняя преследует науку, тормозя ее, т. е. в деянии, предусмотренном ст. 73-й Уголовного кодекса» [9].

Все эти обвинения были построены на показаниях единственного свидетеля, выступившего против К. В. Харламповича. Им оказался казанский ученый, историк, член Общества археологии, истории и этнографии М. Г. Худяков. Что послужило причиной доноса М. Г. Худякова на деятельность Общества археологии, истории и этнографии и его руководителя К. В. Харламповича, сказать сложно, но позиция была непримиримая: «В настоящее время, через 7 лет после Октябрьской рево-

люции как-то странно слышать, что в СССР все еще существует такая организация, которая открыто, под флагом науки, проповедует идеи и взгляды, осужденные марксизмом как вредные и отжившие. Таким идеям и их сторонникам не может быть места в стране, где пролетариат железом и кровью выковывает свое самосознание без всяких предрасудков и заблуждений старого идеализма и суеверия» [9].

В вину К. В. Харламповичу было поставлено и сотрудничество с газетой «Новое казанское слово», печатном органе правительство Комуча. В качестве наказания Шуклиным было предложено приговорить К. В. Харламповича к трехлетней ссылке: «<...> необходимо констатировать, что деятельность Харламповича за время нахождения в должностях председателя Общества археологии, истории и этнографии, Музейной комиссии является крайне контрреволюционной, социально вредной и, признавая дальнейшее пребывание Харламповича в Татарской Республике нежелательным и опасным для местных социальных условий, как крайне реакционного, черносотенного, ведущего скрыто свою преступную работу с целью разжигания национальных страстей, проповедования отсталых идей христианства и внедрение их в массы группирующегося вокруг себя такого же оттенка элемент и руководящий им, старающегося навязать науке отсталые взгляды, тормозящие дальнейший рост культуры, пытающегося дискредитировать власть в глазах трудящихся масс, – ПОЛАГАЛ БЫ: Харламповича Константина Васильевича <...> ВЫСЛАТЬ из пределов Татарской Республики сроком на 3 (три) года» [9].

За смягчение наказания историку хлопотали Народный Комиссар просвещения А. В. Луначарский, Российская и Украинская академии наук. Все было безрезультатно. В сопроводительном письме, отправленном Шуклиным 25 ноября 1924 г. вместе с делом историка на рассмотрение Особого совещания при ОГПУ, говорилось: «<...> (Высылка Харламповича) окажет известное моральное влияние на остающуюся в Татарской Республике старую профессуру и, наконец, еще более выдвинет в глазах реакционной интеллигенции авторитетность и безапелляционность органов ОГПУ, расправляющихся со своими врагами твердо и решительно» [9].

Окончательное решение по делу К. В. Харламповича было принято Особым совещанием при ОГПУ 19 января 1925 г. Историк был приговорен к трем годам ссылки в «Киркрай» (современный Казахстан с тогдашней столицей в Оренбурге). 31 января этого же года ученый был

переведен в пересыльную тюрьму, где состояние его здоровья резко ухудшилось. Из-за болезни историка 2 февраля перевели в тюремную больницу. Вероятней всего, по этой же причине за две недели до отправки в ссылку его выпустили из заключения. Все это время ученый прожил дома. Униженный, лишенный средств к существованию, историк эти две недели жил только за счет общественной благотворительности.

Благодаря хлопотам жены К. В. Харламповича Веры Петровны от ОГПУ удалось добиться разрешения следовать в ссылку не по этапу. Из Казани он выехал 1 марта. Спустя три дня ученый прибыл в Оренбург, где 24 марта снова был арестован. Но после повторного рассмотрения ОГПУ дела ученого 10 июня 1925 г. было принято решение оставить прежний приговор в силе и сослать историка в Актюбинск, а затем в город Тургай, где К. В. Харлампович и провел три года своей ссылки.

Особую заботу о К. В. Харламповиче в ссылке проявлял украинский историк М. С. Грушевский. Вернувшись из-за границы в Украину и узнав о трагической судьбе ученого, М. С. Грушевский приложил немало усилий, чтобы помочь К. В. Харламповичу. Он писал письменные обращения в органы ОГПУ при СНК СССР с просьбой о переводе К. В. Харламповича в Киев. В своей переписке с историком М. С. Грушевский ободрял ученого надеждой на справедливое решение его дела. Чтобы поддержать К. В. Харламповича морально и материально, М. С. Грушевский решил привлечь историка к работе в академических изданиях, присылал ему задания, материалы на рецензии, которые потом печатались, преимущественно в журнале «Украина». Все попытки М. С. Грушевского вернуть К. В. Харламповича из ссылки оказались тщетными [8].

После окончания срока ссылки в 1928 г. К. В. Харлампович вернулся в Казань. Особым совещанием при ОГПУ ученому было запрещено проживание в этом городе. Историк решает переселиться в Киев. Однако на переезд в этот город К. В. Харламповичу не дают разрешение²⁵. Ученый останавливается в Нежине.

Выбор историка не был случайным. В Нежине находился Институт народного просвещения, который в 20–30-х гг. XX в. являлся одним из центров украинской исторической науки. В этом институте наряду с молодыми исследователями работала и дореволюционная профес-

²⁵ Кроме Казани и Киева ученому было запрещено проживать в Ленинграде, Харькове, Одессе и Ростове (это города, в которых были университеты).

сура. Руководством института были установлены научные контакты с различными учреждениями Украинской академии наук. С институтом тесно сотрудничали такие украинские историки, как М. С. Грушевский и Д. И. Багалей, а также те дореволюционные историки, которые по политическим причинам не могли проживать и трудиться в крупных городах.

На решение К. В. Харламповича переехать в город Нежин повлияло еще одно обстоятельство: ученому была обещана должность на кафедре истории [8], но исключение историка из числа действительных членов Украинской академии наук в 1928 г. лишило возможности ученого получить эту должность.

Новым испытанием для К. В. Харламповича стала смерть его супруги в январе 1929 г. Отсутствие работы и материальных средств усугубило положение историка. В этой сложной ситуации К. В. Харламповичу помогли некоторые нежинские ученые – М. М. Бережков, И. Г. Турцевич и М. Н. Петровский. Помощь этих людей позволила историку не только выжить в сложных материальных и психологических условиях, но и вернуться к научной деятельности.

За три года пребывания в Нежине К. В. Харлампович по просьбе М. С. Грушевского написал около 30 рецензий для научного журнала «Украина». Параллельно с этим историк принимал участие в создании «Биографического словаря деятелей Украины», который разрабатывала Украинская академия наук. В Нежине К. В. Харлампович начал работу над новым крупным исследованием, связанным с жизнью и деятельностью нежинской греческой колонии. Материал для своей работы ученый нашел в местном архиве. Результатом этой работы явились «Очерки по истории греческой колонии в Нежине (XVII–XVIII вв.)», первая часть которых была опубликована в «Записках историко-филологического отдела УАН», периодическом издании Украинской Академии наук. Черновики второй, пятой и шестой частей в настоящее время находятся в архиве Украинской Академии наук и личном архиве К. В. Харламповича в городе Нежине. Судьба третьей и четвертой частей исследования ученого неизвестна.

В июне 1930 г. К. В. Харлампович получил официальное разрешение на свободное проживание в любом городе СССР. В 1931 г. историк переехал в Киев, где прожил до конца своей жизни. В Киеве у ученого не было ни постоянной работы, ни квартиры. Он жил за счет средств, получаемых на временных работах. 26 марта 1932 г. К. В. Харлампович

скончался. Спустя 71 год, 4 февраля 2003 г., прокуратура Республики Татарстан реабилитировала К. В. Харламповича.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Каран, Д.* Листи К. В. Харламповича до М. С. Грушевського / Д. Каран // Київська старовина. – 2001. – № 6. – С. 122–144.
2. *Карпук, Д. А.* Церковно-историческая школа Санкт-Петербургской духовной академии (вторая половина XIX – начало XX веков) / Д. А. Карпук // Вестн. Оренбург. духов. семинарии. – 2015. – Вып. 2(4). – С. 280–293.
3. Журналы заседаний Совета Академии за 1893–1894 год // Христианское чтение. – 1895. – Вып. 6. – С. 260–295, 340–256; Журнал заседания Совета Санкт-Петербургской Духовной Академии 11 июня 1897 г. // Христианское чтение. – 1898. – Ч. I. – С. 200–220.
4. *Морозов, А.* Справа академіка К. В. Харламповича. Публ. документів, передм. та комент. Олександра Морозова / А. Морозов // Сіверян. літопис. – 2000. – № 1. – С. 71–87.
5. Нац. архив Респ. Татарстан (НАРТ). – Фонд 977. Оп. 619. Д. 29. – Формулярные списки и документы о службе профессорско-преподавательских и технических работников Казанского Университета. 1921 г.
6. *Насыров, Т.* Пресса комучевской Казани / Т. Насыров // Гасырлар авазы – Эхо веков. Научно-документальный журнал [Электронный ресурс] – 2010. – Режим доступа: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2007_2/03/03_2/&searched=1. – Дата доступа: 28.05.2010.
7. Российский Государственный исторический архив (РГИА). – Фонд 802. Оп. 10. Д. 475. – О службах окончившего в 1894 г. курс кандидата богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии Константина Харламповича. 1909 г.
8. *Самойленко, О. Г.* Он хотел приумножить славу украинской науки / О. Г. Самойленко // Исторический портал [Электронный ресурс] – 2010. Режим доступа: http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/iiv/2008_14/209-218.pdf. – Дата доступа: 30.05.2010.
9. *Сидорова, И.* Поступают «сведения о группировке черносотенного элемента в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете...» (ОАИЭ в первые годы Советской власти, 1917–1924 гг.) / И. Сидорова // Гасырлар авазы – Эхо веков. Научно-документальный журнал [Электронный ресурс] – 2007. – Режим доступа: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazin/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2003_3_4/03/03_1/ – Дата доступа: 23.09.2007;
10. *Синицький, М.* Забутий дослідник України / М. Синицький // Календар Української Православної Церкви в США на 1980. – [Б. м., Б. д.]

11. *Теплова, В. А.* Западное влияние на культуру России XVII века в научном наследии В. О. Ключевского и К. В. Харламповича / В. А. Теплова // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. – Мінск: БДУ, 2016. – Вып. 11. – С. 226–231.

12. *Фефёлова, О. А.* «Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь» К. В. Харламповича и история русской православной церкви в Сибири в XVIII в. / О. А. Фефёлова // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2011. – Вып. 11 (113). – С. 69–74.

13. *Хайрутдинов, Р.* «В церквах и монастырях по возможности ничего не оставлять...» (Кампания по изъятию церковных ценностей в Татарстане в 1922 г.) / Р. Хайрутдинов // Гасырлар авазы – Эхо веков. Научно-документальный журнал [Электронный ресурс] – 2007. – Режим доступа: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2006_2/001/01_2/&searched=1 – Дата доступа: 12.03.2007.

14. *Харлампович, К. В.* Следы латинства и унии в православном населении западного края / К. В. Харлампович // Церков. Вестн. – 1892. – № 18. – С. 45–50.

15. *Харлампович, К. В.* Острожская православная школа. Историко-критический очерк / К. В. Харлампович – Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира Н. Т. Корчак-Новицкого, 1897. – 57 с.

16. *Харлампович, К. В.* К истории западнорусского просвещения. Виленская братская школа в первые полвека своего существования / К. В. Харлампович // Литовские Епархиальные Ведомости. – 1897. – № 16–17. – С. 142–147; № 19. – С. 165–167; № 20. – С. 175–178.

17. *Харлампович, К. В.* К вопросу о просвещении на Руси в домонгольский период / К. В. Харлампович. – Львов: Галиц.-рус. матица, 1902. – 24 с.

18. *Харлампович, К. В.* Борьба школьных влияний в допетровской Руси / К. В. Харлампович // Киевская старина. – 1902. – Т. LXXVIII. – С. 1–76, 358–394.

19. *Харлампович, К. В.* Борьба школьных влияний в допетровской Руси / К. В. Харлампович // Киевская старина. – 1902. – Т. LXXIX. – С. 34–61.

20. *Харлампович, К. В.* Иосиф Курцевич, архиепископ Суздальский, бывший Владимирский Брестский (1621–1642) / К. В. Харлампович. – Почаев, 1900. – 39 с.

21. *Харлампович, К. В.* Известие И. Гмелина о Казани и казанских инородцах / К. В. Харлампович. – Казань, 1904. – 26 с.

22. *Харлампович, К. В.* О миссионерских переводах на инородческие языки. Письма архимандрита Владимира, начальника Алтайской миссии, к Иркутскому архиепископу Вениамину // Православный собеседник. – 1904. – июль-август. – С. 229–253.

23. *Харлампович, К. В.* Архимандрит Макарий (Глухарев), основатель Алтайской миссии и его пребывание в Казани в 1840 г. / К. В. Харлампович // Православный собеседник. – 1904. – Ч. I. – С. 205–230.

24. Харлампович, К. В. Архимандрит Макарий (Глухарев) и тобольские декабристы / К. В. Харлампович // Русский архив. – 1904. – Ч. I. – С. 235–243.

25. Харлампович, К. В. Н. И. Ильминский и Алтайская миссия / К. В. Харлампович. – Казань, 1905. – 77 с.

26. Харлампович, К. В. Св. Иннокентий Иркутский / К. В. Харлампович // Православный собеседник. – 1905. – №11. – С. 512–530.

27. Харлампович К. В. Материалы для истории Казанской Духовной Семинарии в XVIII веке / К. В. Харлампович. – Казань, 1903. – 214 с.; Первые учителя Казанской Семинарии // Известия Общества, Археологии, Истории и Этнографии. – 1904. – Т. XX; PRO DOMO SUA. (По поводу конкурса 1902–1907 годов на кафедру церковной истории в Казанском Университете) / К. В. Харлампович. – Казань, 1908. – 55 с.; Первая публичная библиотека в Казани // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии. – 1907. – Т. XXIII. – С. 365–376; Об изучении церковных древностей Казанской епархии // Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии. – 1909. – Т. XXV. – С. 35–48.

28. Харлампович, К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь / К. В. Харлампович. – Казань: Изд. книж. магазина М. А. Голубева, 1914. – 878 с.

(Дата поступления: 05.05.2021).

УДК 355.257.72(476)+94(476)«17/19»

**ПРОПОВЕДЬ КАК ФОРМА МОДЕРНОЙ
РЕЛИГИОЗНОСТИ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРОПОВЕДИ
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ
ПРАВОСЛАВНЫХ ЕПАРХИЙ В КОНЦЕ XVIII –
НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Шевкун П. В.

Витебский государственный медицинский университет,
Витебск, Беларусь

В работе показано развитие православной церковной проповеди на примере белорусско-литовских епархий в конце XVIII – начале XX в. Дана социально-конфессиональная характеристика региона. Раскрыты способы адаптации православной церкви к процессам трансформации социальной системы Российской империи с учетом региональных особенностей. Выделена роль проповеди как важнейшего способа такой адаптации. Отмечены ее преимущества и указаны пределы возможностей на данном историческом интервале. Рассмотрены этапы эволюции проповеди. Сделан вывод о значении проповеди как фактора формирования современной религиозности.

Ключевые слова: Российская империя; модернизация; СМИ; белорусско-литовские православные епархии; проповедь; православный приход; духовенство.

**PREACHING AS A FORM OF MODERN RELIGIOSITY:
EVOLUTION OF PREACHING ON THE TERRITORY
OF THE BELARUSIAN-LITHUANIAN ORTHODOX DIOCESES
IN THE LATE 18th – EARLY 20th CENTURIES**

Shevkun P.

Vitebsk State Medical University, Vitebsk, Belarus

The paper shows the development of the Orthodox Church preaching by the example of the Belarusian-Lithuanian dioceses in the late 18th - early 20th centuries. The socio-confessional characteristics of the region are given. The ways of adaptation of the Orthodox Church to the processes of transformation of the social system of the Russian Empire, taking into account regional characteristics, are disclosed. The role of preaching is highlighted as the most important way of such adaptation. Its advantages are noted and the limits of possibilities in this historical interval are indicated. The stages of the preaching evolution are studied. The conclusion is made about the importance of preaching as a factor in the formation of modern religiosity.

Keywords: Russian Empire; modernization; mass media; Belarusian-Lithuanian Orthodox dioceses; preaching; Orthodox parish; clergy.

Проповедь²⁶ – неотъемлемый элемент христианства со времени его возникновения. Вместе с тем значение проповеди на разных этапах истории христианства было неодинаковым. В регионах, где христианство утверждалось в качестве уникальной формы трансляции и легитимации социальных отношений, проповедь либо превращалась в своеобразный ритуал, лишь отдаленно напоминавший ее первоначальный смысл, либо вовсе исчезала из повседневной практики. В традиционной системе средневековых обществ она была по существу излишней, так как социальные отношения формировались в соответствии с религиозным идеалом и регулировались на межличностном уровне. Даже в форме проповеди церковь не могла вторгаться в процесс их воспроизводства, не рискуя вызвать дисбалансы отношений в общине.

Такая ситуация была характерна и для православной церкви на территории Российской империи. Огражденная мощью государства, имея привилегии, закреплявшие исключительный статус православия, проповедь развивалась в основном на не христианских окраинах. Включение восточных регионов Речи Посполитой в состав империи, несмотря на их поликонфессиональный характер²⁷, не привело к существенному изменению указанного положения, хотя церковное и светское руководство демонстрировало заинтересованность в развитии поучений. Так, правительство ожидало от духовенства, чтобы оно «учением и примером собственным утверждало бы духовных чад своих в спокойствии, послушании и добрых поступках» [4, л. 12–13]. Особое место в рапортах архиереев о состоянии епархий отводилось сообщением о чтении в церквях поучений [5, л. 27а]. В 1797 г. архиепископ Минский Иов (Потёмкин) распорядился, чтобы все священники в воскресные и праздничные дни читали проповеди, а прихожане знали «хотя первейшие

²⁶ В христианской традиции – это наставление, преподаваемое в рамках церковных правил, имеющее целью разъяснение, распространение и утверждение христианского вероучения. Выделяют литургическую или храмовую проповедь; миссионерскую, обращенную к представителям других конфессий и нерелигиозным людям; и внебогослужбную или собеседования [1, с. 1920–1922].

²⁷ К католицизму принадлежало абсолютное большинство аристократии белорусских земель [2, с. 39]. Податные сословия в основном были униатами, благодаря чему эта конфессия являлась наиболее массовой. К 1791 г. на территории Беларуси и Литвы, оставшихся в составе Речи Посполитой после 1772 г., униатами являлись 1 млн 500 тыс. человек при 250 тыс. православных и 140 тыс. старообрядцев [3, с. 16].

молитвы» [6, с. 450]. Могилевская консистория подготовила в 1799 г. расписание проповедей в кафедральном соборе и списки «духовных», «могущих сочинять проповеди» [7, л. 35]. В указе Св. Синода от 22 марта 1800 г. была подчеркнута обязанность причта «не менее пяти раз в неделю совершать службу, читать ежедневные поучения, а также сочинять и говорить проповеди в воскресные и праздничные дни» [8, с. 380].

Низкая результативность подобных инициатив заключалось не только и не столько в недостаточном уровне образования приходского духовенства, отсутствии эффективной системы контроля, а в первую очередь в сложившейся корпоративно-традиционалистской системе социальных отношений. В ее рамках человек был встроен не только в конкретную общину, но в целую общественную систему, восприятие которой не ограничивалось ныне живущими поколениями и было непосредственно связано с определенной религией, возводившей систему к сакральному авторитету. В силу этого индивидуальные перемены конфессиональной принадлежности были крайне редки, а более массовый переход зависел от лидеров общины, которые менее всего были заинтересованы в нем: помещика и священника. Конфессионально-социальная структура региона существенно ограничила поле для православной проповеди. Привилегии, данные католической аристократии присоединенных земель, делали невозможной и системную государственную поддержку православной миссии, а привилегии церкви позволяли духовенству быть относительно спокойными за целостность своих приходов.

Вместе с тем в последней трети XVIII – начале XIX в. история Европы, в том числе и рассматриваемого региона, ознаменовалась выходом модерных процессов в обществе на политический уровень. Война за независимость в США, Великая Французская революция и Наполеоновские войны стали наиболее явными проявлениями этого. Доктрина прав человека и общественного договора, национальная идея отражали на ценностном уровне происходящие изменения.

Общественные отношения в Речи Посполитой и Российской империи также испытывали непосредственное влияние новых идей. Сакральная тематика начинает применяться с несвойственными для нее секулярными коннотациями, когда религиозная идея важна не только с точки зрения социальной истины, имевшей божественную санкцию, но и для различения одного социального пространства от другого, т. е. в качестве своеобразного маркера идентичности.

Во второй четверти XIX в. современные процессы проявились ярче. Государство стало вмешиваться в жизнь сословий, выстраивать их границы. Начался процесс систематизации и унификации законодательства в империи. Этим законодательная деятельность государства в некоторой степени утрачивала корпоративно-сословный характер и выходила на общеимперский уровень, когда нормы, определявшие жизнь различных корпораций, должны были быть им известны и понятны. По существу шел процесс «овладения» государством общества.

Это свидетельствовало о размывании традиционных связей. В обществе, где можно менять и рационализировать, неизбежно возникает опасение относительно устойчивости священных оснований социальной системы, достаточной легитимности власти. В этих условиях естественной реакцией руководства было стремление к укреплению религиозной идентичности. Хотя опасения эти были скорее страхом верхов, особенно на фоне современных, проявлявшихся временами революциями, процессов в Западной Европе, чем реальным отражением глубинных изменений в обществе.

Показательна в этом отношении инициатива Могилевского гражданского губернатора от 19 сентября 1832 г., в которой видна разница между восприятием реальности образованным столичным чиновником и народной традиционной культурой. В его глазах она уже во многом лишена легитимности. Им предлагались современные способы исправления ситуации. Модерные, поскольку они были ориентированы на индивидуальное восприятие верующих и подразумевали ревизию устоявшихся норм и обычаев. В письме епископу губернатор отмечал замеченные им «в нижнем классе обитателей Могилевской губернии крайнее невежество и безнравственность». Основной способ исправления ситуации он видел в том, чтобы через приходских священников «в детском и юношеском возрасте должно внушать спасительные правила для предлежащей жизни».

Итогом инициативы губернатора стала епархиальная инструкция, составленная благочинным и приходскому духовенству. Среди ряда мер стоит выделить требования проводить регулярные поучения во время службы независимо от количества присутствующих, «нерадивых прихожан штрафовать поклонами», не допускать к совершению бракосочетания, если жених и невеста не выучат молитв Десяти слова и Символ веры [9, л. 1–2 об., 6–9 об.].

Указанная инструкция – лишь одна в ряду мер, обусловленных системным интересом правительства Николая I к православной церкви региона. Возросшие требования к духовенству, адаптация национальной идеи к самодержавной государственности, актуализировавшей вопросы легитимности монархии, обусловили внимание к западным губерниям, где православие значительно уступало позиции католичеству. Это вылилось в ряд указов в сферах материального обеспечения духовенства, его образования и дисциплины.

Наиболее масштабные мероприятия были связаны с политикой присоединения униатов к православию, проводившейся в 1830-х гг. Казалось бы, вот поле для проповеди в ее различных проявлениях. Должны появиться яркие проповедники, образцы поучений и полемик. Генерал-губернатор Н. Н. Хованский и Витебский военный губернатор Н. И. Шрёдер по указаниям центральных властей обязаны были оказать миссионерам государственную поддержку, защитить позиции православной церкви. На лиц, занимавших должности чиновников по особым поручениям при главах губерний (учреждены 7 ноября 1833 г.), возлагалась обязанность координации действий духовенства и администрации [10, с. 428].

Одна из иллюстраций обычных практик присоединения – рапорт чиновника особых поручений Яганова. Он отмечал, что после «внушения о превосходстве православного вероисповедания перед унитским» священником Полоцкого кафедрального собора П. Весниным крестьяне-униаты имения Непадовичи Полоцкого уезда дали подписку о присоединении в присутствии земского исправника, арендатора с «прочими сторонними лицами». В другом отчете Себежского заседателя Кавецкого сказано, что он по распоряжению генерал-губернатора П. Н. Дьякова вместе с благочинным Белинским в сопровождении 4 жандармов и 40 казаков «разъезжая по вотчине (Долоши. – Ш. П.), склоняли крестьян о принятии православия» [11, л. 1–2 об., 54].

Из этих примеров видно, что проповедь не играла значимой роли. Основной упор был сделан на административный нажим. Там, где он ослабевал, присоединения почти прекращались, а в объединившихся приходах зачастую возникали конфликты на почве стремления новоправославных прихожан вернуться в унию. И проблема заключалась вовсе не в недостатках белорусского православного духовенства. Она состояла в том, что никакими проповедями корпоративные связи и традицию преодолеть невозможно. Проповедь имела лишь символический

характер, основной была демонстрация воли государя. Однако даже этого оказалось недостаточно. Униатская церковь выдержала нажим духовно-государственного миссионерства и объединилась с православием в 1839–1840 гг. на определенных условиях и как целостная корпорация.

Более интересна с точки зрения развития проповеди ситуация после объединения. В новоправославных приходах конфессиональные границы оказались размыты, традиция нарушена и корпоративных связей было недостаточно для самосохранения приходов. Поэтому последовали инициативы церковной и государственной администрации с целью привития более четкого православного самосознания. Разумеется, для предотвращения переходов 16 декабря 1839 г. был принят комплекс репрессивно-административных мер «о предупреждении совращений в латинство в девяти Западных губерниях». В нём подтверждались указы от 14 июля 1819 г. и 8 октября 1831 г., ограничивающие строительство католиками новых церквей, указы от 10 июня 1830 г. и 11 июля 1836 г., запрещавшие держать при католических монастырях и белому духовенству православную прислугу. Также предписывалось составить точные списки католических прихожан и духовенства, которые через Департамент духовных дел иностранных исповеданий должны были «секретно» передать православным епископам. Тем не менее, в этом указе есть одна примечательная особенность: православным священникам указали на необходимость читать проповеди «на простом, общепонятном языке» [12, л. 2–10 об.]. То есть проповедь, по существу впервые, мыслится не в обрядовых категориях, а как способ убеждения, где принципиально важным является формирование индивидуальных взглядов.

Внимание к выработке пусть минимальной, но рационализированной православной идентичности в это время приобретает системный характер. Это выразилось в мерах церковного и административного воздействия на прихожан и помещиков в рамках развития проповеднической и катехизаторской деятельности, в использовании клира с целью распространения начального уровня грамотности населения. Так, Минский архиепископ в апреле 1844 г. сделал распоряжение духовенству, чтобы «они озаботились изучением приходских детей Господским молитвам, Символу веры и закону Божьему». Также было дано указание регулярно совершать поучения в праздничные дни [13, л. 1, 1 об.]. От гражданских властей духовенство ожидало помощи «в понуждении» помещиков способствовать доставлению крестьян в церковь в вос-

кресные и праздничные дни. Так, Минский гражданский губернатор сделал распоряжение Речицкому предводителю дворянства и земскому исправнику, чтобы они обязали помещиков уезда содействовать «священникам в доставлении в своё время крестьян в Храмы Господни для изучения нужных молитв, и в исполнение долга христианского» [14, л. 1–2, 12–15 об.]. С целью усиления контроля над проповеднической деятельностью цензурным комитетам 30 марта 1850 г. было предписано «усугубить внимание при рассмотрении проповедей ...» [15, с. 378, 379]. Под надзором церковных и светских властей находился и процесс открытия школ при приходских церквях.

Во второй половине XIX в. модернизационные процессы выходят на качественно новый уровень. Отмена крепостного права, предоставление городского и земского самоуправления, судебная и образовательная реформы, либерализация цензуры стали тем фоном, на котором проходило развитие православной церкви. Поскольку церковь является информационной структурой, то для нее важнейшим проявлением таких процессов были рост грамотности населения и развитие средств массовой информации (СМИ). Именно развитие СМИ было глобальным вызовом для церкви. Немецкий социолог Н. Луман отмечал: «Все, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы узнаём через массмедиа» [16]. Развитие СМИ демонстрировало, что сведения о жизни общества и, соответственно, собственные оценки социальных отношений человек мог получать и делать самостоятельно, без посредства определенной организации. Более того, СМИ были религиозно нейтральны, и та информация, которая поступала о жизни общества, далеко не всегда способствовала формированию конфессиональной идентичности.

Размывание комфортного информационного пространства, в котором церковь была уникальным и единственным источником социально актуальной информации, привело к необходимости корректировки прежних подходов и активизации в формировании нового типа религиозности – индивидуализированного. Как отмечалось в статье одного регионального издания, «если и в нас самих замечается недостаток мира, если в своей жизни и отношениях мы даём место и вражде и нестройностям разнаго рода <...> то отсюда только следует, что настоит для нас нужда озаботиться, чтобы мир Божий всецело царствовал в нас. И этаго мы несомненно при помощи Божией достигнем, если постараемся не казаться только и именоваться, а быть христианами» [17, стр. 58].

Данный тип религиозности ориентирован на поддержание целостности церковной общины в условиях господства секулярной доктрины прав человека, национальных форм самоопределения, демократических институтов представительства, частной собственности, инновационных форм сотрудничества и СМИ. Акцент переносится на индивидуальное восприятие, когда верующий должен самостоятельно связать социальную реальность, свое место в ней с религиозными идеалами и требованиями. Многообразии подходов в трактовке различных событий, непоследовательность и туманность взглядов самого верующего на выходе должны иметь вполне стандартизированные действия, и для этого существует проповедник, который лишь помогает, чтобы из многообразия родилось predetermined единство. Его важнейшая задача заключается в том, чтобы сделать религиозную информацию через индивидуальный выбор вновь актуальной.

Именно с этого времени проповедь в виде слов, поучений, чтений, собеседований становится востребованной на всех уровнях церковной иерархии и перерастает административно-элитарный уровень. Усложняющаяся мозаика социальных отношений все с меньшей очевидностью соответствовала религиозному прототипу, и проповедь была средством демонстрации значимости церкви как отражения реальных принципов взаимодействия. Было важно, чтобы у населения формировались религиозно ангажированные парадигмы поведения в самых разнообразных ситуациях, в условиях религиозно недружественной социальной среды. При этом на уровне сельских общин проповедь была менее актуальна, поскольку изменения в этой среде происходили значительно медленнее, чем в городах. Это видно, например, из отчета по Борисовскому благочинию за 1854 г. В нем отмечалось, что «благочестие приметно возрастает, хотя медленно». Указывались признаки: «прихожане в значительном числе собираются в церкви для слушания богослужения, с усердием исповедуют христианских треб, приглашая для сего в дома свои священников»; «отношения прихожан к своим священникам совершенно благоприятны»; «в большинстве приходах значительные успехи в обучении молитвам». Также указывалось, что катехизические поучения ведутся после литургии в воскресные и праздничные дни «в кратком объеме приспособительно к познаниям их» [18]. Дежурная приписка о «медленном возрастании благочестия» скорее лишь подчеркивает, что в приходах значимых изменений не произошло, а фраза об успехах в обучении молитвам показывает, что уровень индивидуализа-

ции религиозности не превышал первых элементарных шагов, которых было недостаточно для развития индивидуальных религиозно ангажированных парадигм поведения.

В 1850–1870-х гг. в проповедях речь шла, как правило, о вечных вопросах жизни. Они имели в большей степени просветительский характер и были направлены на формирование основ православной идентичности. Проповеди читались еженедельно. Вот пример типичного списка проповедей из отчёта священника Сторожевецкой церкви Мозырского уезда Ф. Сулковского: «Январь: 1. о обрезании спасителя Господа нашего И. Христа; 6. о том, что Бог по существу один, но имеет три лица; 12. о том, чтобы родители уговаривали детей своих ходить учиться молитвам и закону Божию; 19. о повинении к отцам духовным. Февраль: 2. о принесении И. Христа в храм Божий и принятии Его на руки Симоном; 16. о блудном сыне; 19. о том, что всем должно всегда возносить Богу теплые молитвы за Государя нашего Императора Александра Николаевича; 23. о страшном суде. Март: 1. о том, как должно поститься; 8. о том, что Иисус Христос знает не только дела, но и мысли человеческие; 25. о чудесном зачатии Иисуса Христа от Пресвятой девы Марии; 29. о том, что молитвы и пост суть самые необходимые средство к изгнанию злых духов» и т. д. [19].

Вместе с тем уже в это время проповеди содержали некоторые политические и личностные мотивы, хотя и не очень выразительные, поскольку ориентировались на твердость корпоративных связей. Так, в перечне проповедей священника И. Чарнецкого Перуговской церкви Мозырского уезда за тот же год содержались поучения, которые позволяли перенести христианскую доктрину в личную сферу: «о том, как разоряют себя предавшиеся пьянству; о том, как для человека полезно и для Бога заметно мирное и согласное житие христианского семейства; о том, как старики должны подавать пример юношам». Также присутствуют проповеди, которые усиливали связь верующего с храмом: «о том, почему мы христиане неопустительно должны в воскресные и праздничные дни ходить в церковь; о том, как должно проводить праздничные дни; о том, как грешат те, кто делают в праздничные дни; о нелепости верования колдунам и чародеям». Проповеди на политические темы: «о том, как мы должны быть благодарны правительству за заботы его о нашем спокойствии; о том, как должно исполнять распоряжения Высшего начальства, заботящегося о нашем благе» [19, л. 66].

В силу низкого уровня контроля проповедь, с точки зрения властей, представляла и определенную угрозу. Так, в декабре 1878 г. губернатор, по заявлению Велижского исправника, обращался к Полоцкому епископу с просьбой прислать проповедь благочинного священника М. Кравовицкого, сказанную 6 декабря в г. Велиже. Сама проповедь произносилась по поводу покушения 19 ноября 1879 г. на императора в Москве. Священник задавался вопросом: «Как могли в центре России, в Москве, подготовить заговор?» Далее он предполагает, что если чиновников и полицейских в Москве «не заподозрить в прямом участии, то они потворствуют социалистам и нигилистам, т. е. они плохие пастыри. У нас, если человеку вручают высокий пост, то он совсем забывает Бога, ему тяжело поднять руку, чтобы положить на себя крест, люди эти делаются хуже жида, хуже татарина... и развращают ниже их поставленных, отчего волостной писарь жрет по пятницам с мясом? Оттого, что жрет предводитель дворянства. Отчего старшина живет с двумя женами? Оттого, что мировой посредник ведет блудную жизнь. Исправник назначает общественные собрания по праздникам, устраивая облавы на волков для собственного удовольствия.

У нас обвиняют простой народ, что он пьянствует, проводя время по кабакам, но крестьянину это приходится редко, а сам пастырь проводит время в облагороженных кабаках под громким названием Гостиниц, клубов, обращаясь к народу, говорит, что он должен слушать своих начальников, но не подражать им». Пристав отмечает, что «речь эта произвела тяжкое впечатление». Впрочем, реакция епископа была достаточно мягкая. Он распорядился, «чтобы на следующий раз священник этот проповедей своих без предварительной цензуры не проносил» [20].

Очевидно, такую речь в конце XVIII – начале XIX в. представить невозможно. Например, Могилевский архиепископ Афанасий (Братановский) в 1798 г. распорядился Оршанскому духовному правлению, чтобы литургия начиналась не ранее 10 часов 30 минут, так как обер-комендант г. Сенно занят делами по утрам. Остальным правлениям, где «подобные господа управляются государственными должностями», предписывалось литургию начинать не ранее 11 часов 30 минут [21, л. 112]. Можно предположить, что подобная проповедь была бы воспринята как подстрекательство к бунту. Какие бы изъяны ни были, но они были овеяны традицией и не дело «меньших» вмешиваться в жизнь «больших» людей. В противном случае подвергались сомнению сами

иерархические основы общества. В ситуации же последней трети XIX в. традиция была уже несколько размыта, была возможна критика, она носила во многом личностный характер, поэтому на таком же уровне могла быть испрвлена.

Важной вехой на пути развития проповеди как средства выработки индивидуализированной религиозности стало развитие церковных СМИ. Возможность унификации проповедей появилась благодаря опубликованию примеров для чтения. Возрос уровень их актуализации, образовалась площадка для определенного обмена мнением и опытом в данной сфере, произошла своего рода «демократизация» проповеди. Духовенство, поскольку церковные СМИ были рассчитаны преимущественно на клир, получило своего рода оправдание индивидуальному творчеству.

Кроме того, с распространением грамотности и более широкие круги населения могли на регулярной основе воспринимать информацию, позволявшую связать их религиозные убеждения с общественными реалиями. Всё это дало возможность выйти в вопросах формирования православной идентичности на качественно иной уровень, подразумевавший самостоятельную оценку ситуации на основании определенных стандартов. Священнику всё более отводилась роль корректировщика и контролера в оценке происходящих событий с религиозной точки зрения, в отличие от более раннего времени, когда он являлся интерпретатором церковных истин на более простой и понятный язык.

Особое значение в ряду церковных СМИ принадлежит епархиальным ведомостям. В отличие от большинства периодических изданий, они должны были выписываться причтами в обязательном порядке, основывались на региональных особенностях и создавались местным духовенством, что свидетельствовало о его творческом потенциале и являлось определенным стимулом для совершенствования. Именно на страницах ведомостей можно увидеть внешний фон, на котором развивалась проповедь, ее образцы, выделить проблемы и общие задачи, стоявшие перед духовенством. В программе издания Полоцких епархиальных ведомостей (программы были унифицированы) отмечалось, что в неофициальном отделе «предполагается помещать: толкования отрывков и мест из священного писания, преимущественно воскресных и праздничных евангельских чтений, объяснения молитв, символа веры, десятословия, статьи религиозно-нравственного содержания преимущественно по предметам, выяснение которых вызывается духом

времени и местными потребностями, поучения и беседы преимущественно отличающиеся общедоступным изложением, статьи по православному богослужению, описание местных праздников и обычаев религиозного характера» [22].

На страницах ведомостей наглядно отразилось ощущение расширяющегося пространства индивидуальной свободы. Не столько в реальной жизни, сколько в сознании верующих патриархальный уклад разрушался. Так, в проповеди «Слово в неделю О Блудном Сыне на тему: в чём состоит истинная свобода человека?» говорилось: «Мнимые ревнители свободы все свои мечты о свободе останавливают на том, чтобы снять с людей обязанность подчиняться властям и законам, водворить в народах равенство прав и состояний, позволить всем и каждому свободу мысли и слова и независимость в действиях и образе жизни. Истинная ли это свобода? Нет. Бог дал человеку свободу не для своеволия, но для того, чтобы он свободно подчинился закону божеским и человеческим, свободно избирал одно только доброе ...» [23].

В другой статье отмечалось, что «истинная, благотворнейшая свобода человека христианина ... – свобода от греха с рабством правде, с рабством Богу. ... Не так относятся к свободе в наши дни. Почти все громко ратуют за свободу, часто не понимая даже, что такое свобода истинная ... Все толкуют о свободе совести – свободе религиозной, о свободе политической, общественной, семейной, о свободе слова, печати, и ждут от этой всяческой свободы всевозможных благ ... Горькое заблуждение. Печальное ослепление... Слово свобода – часто пишется на знамёнах таких глашатаев свободы, от которых да избавит нас Господь» [24, с. 610–611]. Далее автор восклицает: «Да приобретёт же наш народ сколько возможно скорее истинную, св. свободу внутреннюю, да возродится он, во всех областях своей жизни нравственно, и – тогда внешняя широкая свобода несомненно соделается его достоянием, – дорогим достоянием, залогом его широкого развития» [24, с. 626–627].

В этом тексте очевидна иллюзия, которая подразумевала, что возможен компромисс между религиозным характером социальных отношений и модернизационными процессами, что все расширяющуюся трещину между ними можно заполнить через развитие православной идентичности, когда человек руководствуется религиозными требованиями не только потому, что так требует общество, но и по своему выбору, который помогает внести религиозную составляющую в тех ситуациях, когда она прямо не востребована. Например, в предприни-

мательстве, научном творчестве, т. е. в сферах, в которых нет отсылки к традиции и коллективу. Иллюзию, поскольку принципы социальных отношений имеют тотальный характер. От их соблюдения зависят координация и взаимодействие людей, возможность социального развития. К сфере индивидуальной свободы они не относятся. Тем не менее в этих проповедях отражены надежды властей, что происходящие изменения в обществе можно связать с религиозными принципами. Ввиду таких надежд были четко намечены средство – приходское духовенство и путь, позволявший решить данную проблему, – просвещение.

В прессе, а это значит в наиболее образованной части общества, формировалось представление о должном облике духовенства, шли дискуссии о его роли в воспитании паствы. Священник становился лицом, от примера которого зависел и уровень религиозности верующих. Тексты проповедей отражали ощущение, что давление патриархального уклада ослабевает. Если ранее священник через посредство службы и треб связывал отдельных людей, приходскую общину с социальным целым, и здесь его фигура была не принципиальна, то сейчас эта связь становилась неочевидной или не всегда очевидной. Соответственно, повышалась степень индивидуальных усилий, а приходской священник превращался в ключевую фигуру, от которой зависела ясность этой связи и ее прочность.

На страницах епархиальных ведомостей в форме проповедей и мнений звучит оправдание духовенства, так как у светских публицистов зачастую священник «является самым ужасным кулаком-мироедом, бичем крестьянского люда; способ взимания платы за требоисправления представляется им под формою вымогательства, взяточничества, чуть-чуть не грабежа» [25, с. 101]. Ректор Витебской духовной семинарии архимандрит Паисий (Виноградов) писал: «Излишне доказывать, что никакое другое сословие столько не подвергается злословию, осуждению, зависти и ненависти, как сословие пастырей <...> Но общая и главная причина одна и та же <...> Она заключается в непонимании или забвении величия и святости пастырского служения. <...> Многие не понимают или забывают, что пастыри церкви поставляются Самим Богом для руководства людей ко спасению <...> Потому, что трудно допустить, чтобы человек, понимающий величие и святость пастырского служения, мог оставаться равнодушным к бедности пастыря, а тем более оскорблять его <...> равнодушие и неуважение могут сделаться причиною того, что вовсе не будет достойных пастырей» [26].

В этих словах неявно содержится проблема, на которую автор не находит ответа. Как могло произойти умаление «величия пастырского служения»?! Ведь «уважение» верующего к духовенству должно присутствовать имманентно, само по себе, в силу его веры, на которой основаны общество и власть. Священник – центральная фигура религиозно ангажированного социума. Если «уважения» нет, то, конечно, не будет и «достойных» пастырей, просто потому, что они не нужны. Но эта мысль была за гранью возможных рассуждений. Ведь сан и его носитель с момента принятия сливаются в сознании верующего. А допустить, что это неуважение к сану, значит допустить ненужность веры. Затем автор пытается объяснить происходящее тем, что «не понимают или забывают». Однако это не более чем риторический ход, призванный обосновать необходимость индивидуальных усилий слушателей по восстановлению «уважения к пастырям», хоть какой-то деятельности в этом направлении. Здесь присутствует уже очевидный современный аспект. Можно отметить, что «слово» иллюстрирует состояние общества, в котором традиционные основы были еще крепки и защищались законом, однако в сфере информации, в сфере оценок и интерпретаций различных явлений было сложнее. В головах людей все более явственно проступали черты нового общества, в котором социальные отношения, основанные на традиции и вере, уступали место секулярным. Представителям иерархии было крайне сложно в таких условиях идти дальше простой констатации фактов и поиска официально дозволенных способов реагирования.

Такие способы сводились к воспитанию и образованию. От их уровня зависела способность верующего самостоятельно примирять религиозные и социальные реалии. Поэтому важнейшая роль в проповедях отводилась убеждению прихожан в необходимости воспитания и образования детей: «Воспитание детей в христианской вере и благочестии имеет столь важное значение как для самих детей, так и для окружающих их людей, именно: родителей, общества и даже правительства, что разсуждать о нем всегда и везде полезно» [28, с. 318].

Дети были естественными носителями обновленной религиозности, в которой следование традиционным отношениям должно было не просто совмещаться с осознанием их значимости, но и иметь ясную рациональную привязку к основам веры и благодаря этому становиться фактором воспроизводства религиозно окрашенных отношений даже в тех ситуациях, из которых они с необходимостью не следуют. Напри-

мер, на промышленных предприятиях, масштабных стройках, в университетах и т. д.

Священник И. Капецкий в своей проповеди отмечал: «Недавно я спрашивал одну мать: почему она не отдает дочерей в ученье?... Она мне ответила так: “нашим дочерям не быть ни писарями, ни судьями в волости не идти на службу царскую – на что же им и грамота?” Но разве только для этого и нужна грамота? Для чего Бог дал нам разум? Для того, чтобы человек старался познавать Бога, любить Его, исполнять Его заповеди и тем достигать счастья и вечного спасения. Но как вы можете знать хорошо волю Божию и угождать Богу, если вы не знаете грамоты? ... Если бы ваши дочери были обучены грамоте, то они и молились бы со смыслом, и знали бы, чего требует от нас вера православная, чему учил и что делал Господь наш Иисус Христос, они могли бы читать Св. Евангелие и передавать прочитанное своим домашним» [29, с. 451, 452].

В другой работе говорилось: «Она (грамотность. – Ш. П.) дает возможность поселянам читать святое Слово Божие или слышать это чтение не только в храмах, но и в домах, дает возможность назидаться и другими церковно-учительными писаниями, служащими к духовному просвещению народа, вера которого без этого просвещения так часто оказывается темною и слабою по своему влиянию на нравственную жизнь его» [30, с. 712]. Эти слова иллюстрируют преувеличенную веру руководства церкви и государства в просвещение на фоне утраты значения традиционной народной культуры в формировании религиозной идентичности. Преувеличенную, поскольку знание само по себе не ведет к изменению образа жизни. Оно лишь начальный фактор его становления. Гораздо важнее формирование индивидуальных практик поведения. Однако их развитие могло происходить лишь в условиях утраты детерминирующей роли в поведении народных традиций. В рассматриваемое же время они были еще сильны, а разрушать этот пласт боялись. Поэтому и казалось, что их можно слегка подкорректировать. Очевидно, что в таких условиях модерный потенциал просвещения оставался нереализованным.

Своеобразным итогом воспитательно-образовательной деятельности должно было стать укрепление легитимности социальной системы, прежде всего самодержавия. Проповеди на политические темы становятся актуальны ввиду распространения революционных идей, покушений на Александра II. Церковь стояла в центре долгосрочной

реакции на социальный вызов. «Для борьбы с этими врагами (революционерами. – Ш. П.) правительство обратилось за содействием к обществу», чтобы «с корнем вырвать позорящее русскую землю зло». «Если церковь есть представительница высших нравственных начал, то правительственный призыв прежде всего относится к ней. И православная церковь, всегда чуткая к потребностям государственной жизни, не замедлила откликнуться на этот призыв – деятельностью членов своей иерархии», – говорилось в одной из публикаций епархиальных ведомостей [31, с. 196–199].

Тем не менее показателем недостаточной эффективности действий послужило убийство императора в 1881 г. Из проповедей, следовавших за этим событием, видно, что общество еще во многом мыслится в патриархальных тонах, а революционеры признаются чуждыми ему. Так, в речи Полоцкого епископа Викторина, сказанной 15 марта 1881 г. перед панихидой в день похорон Александра II, отмечалось: «И кто же причинил ему это зло? Иные говорят, что виновата в этом Россия... Напрасное обвинение! Россия вообще страна истинно-христианская, – страна Богу-преданная, всегда чтившая помазанников Его, не только кротких, но и грозных, – страна Царелюбивая, готовая последних сынов своих пожертвовать за жизнь Царей своих. Христианствующая Россия к Цареубийству неспособна! Его убили язычники, эти – новые неверы... Христианствующая Россия не может, не должна признать подобных людей за сынов своих. Русский народ, хотя и называют темным, но он народ верующий, сердцем в правду верующий; он с ужасом отвернется от каждой из этих мыслей...» [32, с. 289–291]. В этих словах проиллюстрированы противоречивые установки руководства. С одной стороны, вера в просвещение, которое лишает легитимности народную культуру, с другой – страх перед его неконтролируемыми политическими последствиями, и тогда вновь возрождается ее значимость как естественное препятствие секулярному видению государственности.

В послании Св. Синода в связи с убийством императора отмечены базовые принципы монархической легитимности: «Для верных сынов отечества Возлюбленный Монарх-Отец наш был всегда Особою Священною и неприкосновенною. Русский народ видел в Нем прирожденного, законного Государя, преклонялся перед Ним, как перед Избранником Божиим, благоговел перед печатью Св. Духа на челе Его...». Отмечается, что «цареубийцы сии чужды народной жизни, они презрители веры и закона; они потеряли человеческий разум и чувство»

[33]. Политическое преступление трактуется однозначно как религиозное, более того, религиозный контекст явно превалирует, что лишь подчеркивает страх властей перед размыванием традиционных основ легитимности.

Также отчерчивается программа активизации религиозной жизни как основания стабильности социальных отношений. В ней очевидный упор сделан на внебогослужебную деятельность духовенства, на выработку индивидуализированной религиозной идентичности путем личного примера и проповеди, на единство всех слоев общества на основе религиозных истин. Простого служения уже очевидно недостаточно. «Пастыри и учителя веры! К вам первое слово наше. <...> Воодушевитесь святою и разумною ревностью, наставляйте вверенную вам паству в истинах веры и в Заповедях Господних. <...> Учите всех свято чтить Царскую власть от Бога поставленную, внушая и разъясняя, что в верности и преданности Царю заключается народное благоденствие <...> Ограждайте словесных овец ваших от волков хищных <...> Отцы! вам вверено Богом воспитание детей ваших <...> Являйте им в себе самих живой образ страха Божия, благочестия, доброго нрава, верности долгу и присяге, повиновения властям, воздержания и порядка. Оберегайте их бдительно от всякого ложного мудрования и соблазна...». Далее идут обращения к «женам и матерям семейств», «наставникам и воспитателям юношества», «правителям и судиям». И в конце – ко всему обществу: «И вы, народ христианский, поселяне <...> Соблюдайте завет Его (императора. – *Ш. П.*) хранить себя яко в свободе чад Божиих, от вражеских лукавых наветов и от всякого развращения. Храните отеческую веру православную и добрые нравы в себе и детях ваших..!» [33].

Такая внешне масштабная программа активизации религиозной жизни носила скорее эмоциональный, декларативный характер. Модель же реакции на происходящие изменения можно описать как догоняюще-консервативную. Она состояла в действиях, направленных на сохранение существовавшей социальной системы, в попытках нахождения способов, препятствующих распространению секулярной культуры. Поэтому мероприятия по формированию современной религиозности носили ограниченный характер и заключались, как было отмечено выше, в воспитании и образовании, во многом путём личного примера и проповеди.

Вместе с тем формы самоорганизации прихожан либо не поощрялись, либо ставились под административный контроль, что вело к вы-

холащиванию их сущности. Так было, например, с открытием народных библиотек и организацией народных чтений [34]. Проявления же индивидуально окрашенной веры либо в виде религиозных исканий и сомнений, либо в виде более глубокой и эмоционально окрашенной приходской жизни воспринимались настороженно, скорее в негативном ключе, как проявления «фанатизма» или «маловерия». Это определялось не столько субъективными причинами: недостатками в образовании клира, его инертностью, материальными проблемами, большой протяженностью приходов, сколько вполне объективными: экзистенциальным консерватизмом православия, впрочем, как и любой религиозной системы, оформившейся в Средневековье, уровнем модернизации социальной системы, в основном сохранявшей традиционный уклад, и государственными функциями духовенства.

Поэтому события начала XX в., такие как предоставление религиозных и политических свобод, были восприняты в церковной среде региона крайне настороженно. На страницах церковной печати иногда прорывались и явно апокалипсические настроения [35, с. 58]. За этим чувствовалась как минимум недостаточная готовность приходов к новой реальности. «Но дальше, в глубине явления, – отмечалось на страницах епархиальных ведомостей по проблемам образования, – лежит нетронутая древняя темнота, самая страшная суеверия и отсутствие самых элементарных сведений» [37, с. 328].

В то же время предоставление прав явилось значимым шагом в признании социальных перемен. Государство было вынуждено (на фоне революционных потрясений) согласиться с тем фактом, что общественные отношения фактически перестали быть конфессионально ангажированы, а общество символически не ограничено стенами храма. «Потребности человека умножились и сделались разнообразны ... Посмотрите в самом деле на жизнь христианских городов. Все куда-то бегут, спешат, перегоняют один другого... Где тут место тем высшим идеалам, сказанным 19 веков назад Божественным Учителем?!» [35, с. 60].

Политические перемены в конфессиральной сфере резко проявились в регионе. Существенно возросла, став легальной, межконфессиональная конкуренция. Православные в массовом количестве переходили в католичество, старообрядчество, временами в протестантские направления [36, с. 113–114]. Церковь стремилась не столько привлечь новых прихожан, сколько сохранить целостность приходов.

Полоцкий епископ Никодим (Боков) отмечал: «Теперь время тяжелое, а потому думать о привлечении других нет возможности, а если где возможно, то это особая благодать» [36, с. 161].

Несколько позднее в прощальном слове к духовенству епархии он же очертил программу своей деятельности и, соответственно, духовной иерархии в регионе: «Научая своих пастырей деланию на ниве Божией, я давал им и устно и письменно указания, как совершать богослужения, как проповедовать слово Божие в церкви, в домах и во всяких случаях жизни паствы, как управлять приходом, направляя жизнь сию по заповедям Господним и установлениям церковным, как научать детей Закону Божию в школах и как и чем бороться с врагами церкви» [38, с. 191].

Не будет преувеличением утверждение об универсальности этой программы для северо-западных губерний. В ней представлен целостный подход, направленный на сохранение общины путем максимальной активизации деятельности духовенства по всем направлениям приходской жизни. Вместе с тем видна и ограниченность этой программы. От духовенства ожидалась работа на максимуме возможностей, что в систематическом режиме исключено. Такая ситуация являлась следствием низкого уровня индивидуализированной религиозности подданных, поскольку ее развитие приводит к активизации деятельности самих верующих, к более широкому участию их в различных аспектах жизни прихода. Однако в условиях конфессиональной конкуренции, давления, хотя и сдерживаемого законом, секулярных идей недостаток инициативы на уровне приходов требовалось компенсировать деятельностью клира.

Одна из ключевых ролей – не просто в развитии церкви, но буквально в ее сохранении – по-прежнему принадлежала проповеди. «Гораздо большее значение в деле ограждения паствы от иноверных влияний ... имеет деятельность пастыря... Самая обычная форма проявления пастырской деятельности в этом смысле – это, конечно, проповедь, в которой, уча своих, пастырь не может не входить в опровержение чужих воззрений [40, с. 141].

Развитие проповеди как фактора формирования индивидуализированной религиозности на данном этапе было связано с реакцией на определенные социальные пороки, прежде всего пьянство, которые носили своего рода «вневременной», а в рассматриваемом контексте и выражено личностный характер. Актуализация связки «вера – социальные пороки» была обусловлена и миссионерской деятельностью.

В статье Полоцких епархиальных ведомостей «Пьянство как причина развития сектантства» отмечалось, что «вожаки сектантства осознали, что проповедью о трезвости ... они сумеют привлечь на свою сторону многия сердца». «Отсюда и естественный вывод, что пьянство православного народа послужит причиною распространения сектантства, если этот народ в самом непродолжительном времени не увидит развития этой абсолютной трезвости под покровом православной церкви, под руководством своих же пастырей». Отмечалось, «что у многих сектантов сомнения в истинах православия не было. Просто они никогда не слышали от православных священников запрета на пьянство». «Как будто слова – “православный” и “пьяница” – синонимы» [41, с. 5, 7].

Проповедь хотя и занимала значительное место в вопросах активизации религиозной жизни, тем не менее, присутствовало и понимание ее ограниченности. «Итак, от личности – обновление. В приходе главное – священник». «Церковь вполне справедливо и убежденно говорит, что жизнь пастыря сильнее проповеди» [42, с. 942].

В статье «Школа и нравственность народа» священник Ст. Яновский отмечал: «Кто любит службы церковные и выстаивает их до конца ... тот не мог не обратить внимание на то, что перед тем, как обыкновенно священник выходит с проповедью, в церкви начинается некоторое движение: старики придвигаются ближе к амвону, а молодежь передвигается к выходным дверям и постепенно исчезает. Такое явление в наше время обыденное». Также он отмечал, что «деревня в наше время интересуется политической жизнью страны», и предлагал больше выписывать в библиотеки «газеты с патриотическим и национальным направлением, каковыя и прочитывать народу в праздничные дни» [43, с. 172, 177]. Очевидно, проповеди как части литургии было недостаточно, остро ощущалась необходимость интерпретации с религиозных позиций социально-политических реалий.

Впрочем, даже в это время и в традиционном понимании проповеди как части службы в храме деятельность приходских священников была по-прежнему далека от желаемого. В статье «Под свежим впечатлением» епархиальный миссионер отмечал: «Но всего грустнее и в современном состоянии этого дела (проповедничества. – Ш. П.) то, что проповедь часто отсутствует в то время, когда народ напряженно ждет ее, потому что любит ее. Конечно, и богослужение поучает вечным истинам и назидает каждого, но оно не отвечает на запросы современной жизни... Это должна, между прочим, делать проповедь. ... В настоящее

же время уста проповедников по большей части замкнуты, с церковной кафедры не раздается живое, сердцем согретое слово ... с церковной кафедры или совсем молчат, или говорят сухо, натянуто, книжно, а часто и прямо читают по книге» [44, с. 584–585]. Несмотря на то, что это не более чем субъективное мнение духовного лица, по роду службы заинтересованного в максимальной активности духовенства, тем не менее, его оценка интересна тем, что он яснее видел вызовы времени и мог оценить, достаточно ли мер, принимаемых с целью сохранения прихода и активизации его жизни.

Таким образом, в конце XVIII – начале XX в. православная церковь на территории белорусско-литовских губерний была включена в процессы социальной модернизации региона и империи. Являясь способом трансляции социально значимой информации, средством легитимации политической системы традиционных обществ, церковь воспринимала процесс секуляризации через призму снижения актуальности своей информации. С целью поддержки собственной исключительности в качестве источника информации о социальных связях и адаптации к происходящим переменам проводились меры государственной поддержки церкви. Также в регионе прошло объединение православных и униатских епархий. В результате этого православие превратилось в численно доминирующую конфессию. Православная церковь предпринимала шаги по формированию выраженной православной идентичности как составляющей процесса индивидуализации религиозности, в рамках которой можно было нивелировать расширяющуюся пропасть между изменениями социальных отношений и сакральной информацией о социуме.

Важнейшая роль в этом отводилась проповеди. Она являлась удобной формой, сочетавшей традицию с модерном. Ее назначение вначале заключалось в актуализации слабеющей сакрально-социальной связи, в демонстрации того, что мир в целом соответствует идеалу. Проповедническая деятельность была ориентирована на формирование начального уровня православной идентичности и иллюстрацию значимости сакральных историй. Это период конца XVIII – первой половины XIX в., на протяжении которого регулярно следовали инициативы государственных и церковных властей по активизации проповеднической деятельности. Тем не менее такие инициативы вызывали тихий саботаж приходского духовенства, что объяснялась прочностью традиционного уклада.

Однако во второй половине XIX в., по мере развития современных процессов в обществе, в проповеди появилась активистская составляющая. Она подразумевала, что от верующего зависит, чтобы этот мир более соответствовал религиозным нормам. Развитие СМИ явилось, с одной стороны, наглядной демонстрацией становления новых информационных реалий общества, с другой – позволило сделать проповедь более демократичной и злободневной. Если в конце XVIII – первой половине XIX в. проповедь являлась по большей части требованием начальства, то в рассматриваемое время она выходит на качественно иной уровень. Проявлялось это в заинтересованности самих прихожан, в поиске активными представителями духовенства новых форм пастырской работы, т. е. в принципиальной ориентации на верующего.

Предоставление религиозных и политических свобод в начале XX в. существенно повлияло не только на ситуацию в целом по империи, но и в регионе. Православная церковь во многом была не готова к такому развитию событий, о чем говорит переход десятков тысяч православных в другие исповедания, прежде всего в католичество. Православная церковь занимает скорее оборонительную позицию. Именно в это время становится очевидным переход сакрального из социального в индивидуальное или, лучше сказать, в индивидуально-корпоративное. Меняется и роль проповеди. Все с большей очевидностью она представляла сакральный мир как индивидуальный стандарт жизни верующего, поскольку общество менялось до неузнаваемости с точки зрения церковных норм. Однако роль проповеди была ограничена рамками формирования индивидуализированной религиозности, поскольку либо не подразумевала вовсе, либо в минимальной форме участие простых верующих. Вместе с тем развитие приходской инициативы, лично окрашенной религиозной позиции имело первостепенное значение в адаптации церкви к реалиям секулярного общества.

Список использованных источников

1. Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. – М.: Концерн «Возрождение», 1992. – Т. 2. – 2464 с.
2. *Луговцова, С. Л.* Политика российского самодержавия по отношению к дворянству Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / С. Л. Луговцова. – Минск, 1999. – 183 с.

3. Филатова, Е. Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси 1772–1860 гг. / Е. Н. Филатова. – Минск: Беларус. навука, 2006. – 192 с.

4. Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (далее – НИАБ). – Ф. 3020. Оп.1. Д. 12. – Указы Могилёвской и Белорусской духовных консистории за 1795–1798 гг.

5. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 796. Оп. 80. Д. 976. – Рапорты епархиальных епископов о состоянии епархий за вторую половину 1798 г. и первую половину 1799 г.

6. Рункевич, С. Г. История Минской архиепископии (1793–1832) / С. Г. Рункевич. – СПб.: Тип. А. Катанского, 1893. – 623 с.

7. НИАБ. – Ф. 3020. Оп. 1. Д. 14. – Указы Белорусской консистории за 1798–1799 гг.

8. О правилах преподавания в церквях учения: Указ Св. Синода, 25 января 1821 г. // Руководственные для православного духовенства Указы Святейшего Правительствующего Синода. 1721–1878 гг. – М.: Тип. М. Н. Лаврова и К., 1879. – С. 380.

9. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 4274. – Дело о мерах к искоренению невежества и безнравственности населения Белорусских губерний. 1833–1834 гг.

10. Письмо епископа Полоцкого Смарагда к князю Н. Н. Хованскому 12 января 1834 г. // Русский архив. – 1891. – Кн. 8. – С. 427–429.

11. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 6318. – Дело о переходе крестьян казённых имений Непадовичи и Улазовичи Себежского уезда из униатской веры в православную. 1837 г.

12. РГИА. – Фонд 797. Оп. 87. Д. 23. – Подлинный журнал Высочайше утверждённого Секретного Комитета о мерах к устранению совращений из православия в латинство. 1839 г.

13. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 14547. – Дело по указу Синода о чтении священниками проповедей в церквях в воскресные и праздничные дни на понятном для прихожан языке и проведении бесед по катехизису. 1840–1843 гг.

14. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 18429. – Дело о получении благочинными и духовными правлениями указа консистории о понуждении помещиков не привлекать крестьян к работам в воскресные и праздничные дни. 1844–1845 гг.

15. О подтверждении духовным цензурным комитетам усугубить внимание при рассмотрении проповедей, слов и речей: Указ Св. Синода, 30 марта 1850 г. // Руководственные для православного духовенства Указы Святейшего Правительствующего Синода. 1721–1878 гг. – М.: Тип. М. Н. Лаврова и К., 1879. – С. 378–379.

16. Луман, Н. Реальность массмедиа / Н. Луман // Отечественные записки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2003/4/realnost-massmedia>. – Дата доступа: 12.02.2021.

17. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1879. – № 2. – С. 52–58.

18. НИАБ. – Ф. 96. Оп. 7. Д. 95. – Краткий обзор о состоянии церквей, духовенства и паствы по благочинию за 1849–1863 гг.

19. НИАБ. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 31219. – Дело о предоставлении благочинными списков катехизисных поучений за 1864 г. 1865–1870 гг.

20. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 36313. – Дело по официальному письму епископа о предоставлении проповеди, произнесённой в Велижской Николаевской церкви священником Красовицким. 1879–1882 гг.

21. НИАБ. – Ф. 3020. Оп.1. Д. 12. – Указы Могилёвской и Белорусской духовных консистории за 1795–1798 гг.

22. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1874. – № 1. – С. 2.

23. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1885. – № 1. – С. 19–20.

24. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1879. – № 18. – С. 609–627.

25. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1881. – № 3. – С. 100–106.

26. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1885. – № 24. – С. 809–813.

27. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1877. – № 5. – С. 130–139.

28. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1879. – № 10. – С. 318–321.

29. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1874. – № 12. – С. 450–452.

30. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1881. – № 20. – С. 711–714.

31. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1879. – № 6. – С. 190–200.

32. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1879. – № 7–8. – С. 287–291.

33. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1881. – № 9. – С. 305–311.

34. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 44564. – Дело о разрешении устройства народных чтений, библиотек и читален. 1901 г.

35. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1901. – № 2. – С. 57–60

36. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / пад. рэд. У. І. Навіцкага [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 340 с.

37. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1903. – №9. – С. 328–331

38. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1913. – №11. – С. 188–292

39. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1913. – № 9. – С. 159–163.

40. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1901. – № 20. – С. 1039–1042.

41. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1913. – № 1. – С. 5–8.

42. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1913. – № 46. – С. 941–944.

43. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1913. – № 9. – С. 171–177.

44. Полоцкие епархиальные ведомости. – 1913. – № 28. – С. 583–587.

(Дата поступления: 29.04.2021).

РАЗДЕЛ 3. СОЦИАЛЬНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ: ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И КОНФЛИКТЫ

УДК 94(476)"1860/1910":628

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ И САНИТАРНО-ГИГИЕНИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ВИТЕБСКА В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Воронич Т. В.

Белорусский государственный экономический университет,
Минск, Беларусь

Первые санитарные обязательные постановления Витебска были приняты в 1878 г. Затем было принято несколько новых редакций санитарных постановлений: в 1880, 1891, 1892 и 1903–1905 гг. Анализ обязательных постановлений Витебска показывает, что в рассматриваемый период происходила санитарно-гигиеническая модернизация города. Произошла регламентация процессов сбора, удаления, хранения и утилизации городских отходов, был установлен санитарный контроль над водными ресурсами города. Вместе с тем очистка и уборка улиц были натуральной повинностью горожан, что стало анахронизмом в условиях промышленной революции и быстрой урбанизации.

Ключевые слова: город; обязательные постановления; городские органы самоуправления; санитария; Витебск; модернизация; последняя треть XIX – начало XX в.

MANDATORY REGULATIONS AND SANITARY AND HYGIENIC MODERNIZATION OF VITEBSK IN THE LAST THIRD OF THE 19th – EARLY 20th CENTURIES

Voronich T.

Belarus State Economic University, Minsk, Belarus

The first mandatory sanitary regulations were adopted in 1878. Then several new editions of sanitary regulations were adopted in 1880, 1891, 1892 and 1903–1905. An analysis of the mandatory decrees of Vitebsk shows that during the period under review the sanitary and hygienic modernization of the city took place. There was a regulation

of the processes of collection, removal, storage and utilization of urban waste, sanitary control over the water resources of the city was established. At the same time, street cleaning was a natural duty of the citizens, which became an anachronism in the context of the industrial revolution and rapid urbanization.

Keywords: city; compulsory ordinances; city authorities; sanitation; Vitebsk; модернизация; second half of the 19th – beginning of the 20th centuries.

В соответствии с Городовым положением городские органы самоуправления имели право издавать по различным вопросам городского хозяйства, в том числе санитарии, нормативные правовые акты – обязательные постановления, подлежащие исполнению всеми горожанами. Санитарное состояние было одной из актуальных проблем, поэтому в городах санитарные обязательные постановления принимались практически самыми первыми. Очистка и уборка городской территории, сбор, удаление и утилизация коммунальных отходов и охрана источников воды были главными задачами, которые стояли перед городскими самоуправлениями. В данной статье будет рассмотрено регулирование этих вопросов городскими нормативными правовыми актами – обязательными постановлениями в Витебске в последней трети XIX – начале XX в.

Первые санитарные обязательные постановления были утверждены Городской Думой 9 марта 1878 г. и полностью посвящались регулированию вопросов очистки и уборки городских территорий. Единого названия для принятого документа не было. В проекте постановления назывались «Правила для жителей г. Витебска» [1, л. 16], в более поздних документах – «Правила для домовладельцев города о содержании дворов, улиц и пр.» [2, л. 1]. Обязательные постановления городские гласные Витебска, как и многие их российские коллеги, ошибочно называли правилами.

Затем было принято несколько новых редакций санитарных постановлений – 25 ноября 1880 г., 23 октября 1891 г. и 25 августа 1892 г. [3, л. 1]. Постановления стали называться «Санитарные правила, обязательные для жителей города Витебска». Вопросы сбора и удаления отходов регулировались в первых двух разделах – I «По содержанию в чистоте улиц, тротуаров, площадей и дворов» и II «По устройству и очистке ретирадных мест и помойных ям». В дальнейшем в «Санитарные правила» вносились новые изменения, появлялись новые разделы, которые расширяли круг регулируемых вопросов. Каждый раздел мог

публиковаться как в составе общего сборника санитарных постановлений, так и в виде отдельных изданий. Кроме того, издавались отдельные обязательные постановления, в том числе по вопросам санитарии, которые не входили в этот сборник. Следующая редакция обязательных постановлений была принята в 1903–1905 гг. [4, л. 1, 10–48].

Выявленные на сегодняшний день обязательные постановления позволяют сделать вывод, что в принятии обязательных постановлений наблюдается определенная цикличность, в некоторой степени обусловленная распространением эпидемий, прежде всего холеры. Принятие новых санитарных обязательных постановлений или усовершенствование действовавших было одной из профилактических мер, направленных на предотвращение появления эпидемии в городе. Так, принятие обязательных постановлений в 1885 г. «О мерах против порчи воды» [5, л. 211–213] совпало с распространением пятой пандемии холеры 1883–1896 гг. [6, с. 247]. В 1892 г. эпидемия холеры начинается в России [6, с. 249], и городские власти Витебска в 1892 г. принимают новую редакцию санитарных постановлений. Следующий этап развития санитарных нормативных правовых городских актов пришелся на 1903 г. и был обусловлен началом шестой волны пандемии холеры (1901–1926 гг.) [6, с. 247]. Новые обязательные постановления были утверждены городской думой 23 февраля 1905 г. [4, л. 1].

Сбор городских отходов. В первых санитарных постановлениях 1878 г. не было требований об обязательном устройстве мест сбора коммунальных отходов. Они появляются лишь в следующей редакции постановлений. К 1893 г. уже действовало правило об обязательном устройстве в каждом доме отдельных ретирдных мест (туалетов) с выгребными ямами (для сбора человеческих экскрементов) и помойных ям (для хозяйственно-бытовых отходов). К их устройству предъявлялось несколько требований. Стены и пол конструкций должны были быть устроены из негниющего материала (но не конкретизировалось, из какого именно) либо из дерева. Помойные ямы должны были закрываться деревянной крышкой, иметь углубление в землю не менее одного аршина и сруб высотой также около одного аршина.

Если ретирдады устраивались внутри здания, то выгреб должны были находиться снаружи, чтобы можно было их свободно очищать. Категорически запрещалось соприкосновение выгребов со стенами жилых домов. Ретирдные места и помойные ямы должны были регулярно очищаться, не допуская их наполнения более чем на $\frac{3}{4}$ объема.

Горожанам, которые не имели достаточно средств либо свободно пространства для устройства требуемых выгребных и помойных ям, разрешалось устраивать ретирадные места с выдвигаемыми ящиками, а вместо помойных ям ставить перерезы или бочки с крышками. Очищаться такие сооружения должны были как можно чаще, «не допуская переполнения» [7, л. 31 об. – 32 об.].

В 1903–1905 гг. разрабатываются и вводятся в действие новые обязательные постановления «Об устройстве и содержании в порядке ретирадных мест, ватер-клозетов, выгребов, сточных труб и хранилищ для хозяйственных отбросов» [4, л. 1, 10–48]. Требования своевременной очистки и недопущения переполнения выгребов и помойных ям остались прежними. Спуск «в уличные канавы загрязненной помоями, а равно загнившей воды» был категорически запрещен. Как и прежде, выгребные ямы должны были находиться во дворах, вне стен жилых помещений. Ужесточились требования к материалам, из которых могли сооружаться выгреба. Теперь для строительства выгребов требовалось использовать цемент, бетон, асфальт и другие непроницаемые материалы. Использование дерева было ограничено. Деревянные выгреба можно было строить только в том случае, если стенки выгреба будут сложены из бревен проконопаченных и осмоленных. Кроме того, такие выгреба должны были ставиться на «слой мытой хорошо утрамбованной глины, толщиной не менее 1 фута (1/2) аршина, таким же слоем глины должны быть окружены и стены выгреба». Кроме того, для строительства деревянных выгребов требовалось специальное разрешение городской управы. Ужесточились и другие требования. Крышка выгреба должна была быть металлической или двойной деревянной. Обязательным стало устройство вентиляции [7, л. 113].

Важно, что появляются требования, обеспечивающие определенный уровень удобства и безопасности в туалетах: в общественных ретирадных местах (это первое упоминание общественных туалетов в постановлениях) обязательным стало освещение и наличие запорных устройств [7, л. 113]. Процесс становится не только комфортным, но и интимным.

В 1905 г. также вводится отдельный сбор жидких и твердых хозяйственно-бытовых отходов: «сухой мусор должен помещаться отдельно от помоев». Требования к устройству помойных ям для жидких отходов были приняты такие же, как и для ретирадных мест. Причем требовалось все существующие помойные ямы перестроить в соответ-

ствии с новыми правилами, если это будет признано необходимым Санитарной комиссией.

Поскольку для города сохраняла актуальность проблема тесной жилой застройки и низкого материального положения определенных слоев горожан, по-прежнему разрешено было устройство выдвижных ящичков в туалетах и перерезов и бочек в качестве помойных ям.

Все санитарно-технические сооружения в городе должны были строиться исключительно в соответствии с установленными чертежами. Если чертеж на какой-либо вид постройки отсутствовал, то на строительство надо было получить разрешение Городской управы [7, л. 113].

Таким образом, за рассматриваемый период наличие мест сбора отходов – туалетов с выгребами и помойных ям – становится обязательным для горожан. Ужесточаются требования к материалам, которые можно было использовать при их строительстве, усложнилась конструкция самих выгребов. Помимо обеспечения санитарной безопасности, появляются требования, определяющие уровень комфорта и удобства горожан пользования общественными туалетами. И фактически официально произошла институционализация самих общественных туалетов в городском пространстве. Вводится в действие типовая проектно-техническая документация для строительства санитарно-технических сооружений, при ее отсутствии строительство должно было согласовываться с городскими органами власти.

Удаление городских отходов. В соответствии с первыми санитарными постановлениями 1878 г. вывоз отходов должен был производиться исключительно в ночное время: с 12 до трех часов ночи [1, л. 16]. К 1893 г. временной интервал вывоза отходов был увеличен с 11 часов вечера до 5 утра в зимнее время (с 1 октября по 1 апреля) и до 4 утра в летнее время [8, л. 29]. Вывоз содержимого ретиральных мест разрешался только в плотно закрытых бочках либо осмоленных ящичках. В зимнее время разрешалось вывозить отходы в замерзшем виде в ящиках или перерезах (кадка, полученная из разрезанной поперек бочки), закрытых рогожей. Правилами 1878 г. также требовалось во время очистки помойных ям и ретирал использовать специальные средства для уничтожения неприятных запахов – «зловония».

Постановлениями 1905 г. были подтверждены ранее существовавшие правила по удалению отходов из города. Но появляется новый способ, которому должно было отдаваться предпочтение – вывоз отходов «по возможности» должен был производиться ассенизаторами с ис-

пользованием пневматических, т. е. герметических бочек. Вывоз отходов такими бочками разрешался в любое время суток [7, л. 113].

Также были приняты правила по содержанию и эксплуатации ассенизационного оборудования. Ассенизационные бочки должны были содержаться «опрятно», раз в неделю дезинфицироваться «известковым молоком» – водным раствором гашеной извести. Размещение ассенизационного обоза возможно было только в специально отведенных местах города.

В 1904 г. в Витебске была проведена частичная канализация, однако спуск в нее содержимого выгребных ям и ватер-клозетов был запрещен. Обязательными постановлениями 1905 г. требовалось использовать специальные устройства в канализационных трубах, которые бы препятствовали проникновению неприятных запахов внутрь жилых помещений.

Таким образом, за рассматриваемый период появляются новые технологии удаления отходов – пневматические бочки, а также канализация. Кроме того, изменилась цель санитарной обработки ассенизационного оборудования. Если первоначально это делалось для устранения неприятных запахов (миазмов), то с 1905 г. – для дезинфекции. В обязательных постановлениях фактически произошла бактериологическая революция. Миазматическая теория была заменена теорией микробов.

Очистка и уборка городских территорий. В соответствии с правилами очистка и уборка улиц и тротуаров города были обязанностью самих горожан. Горожане обязаны были очищать и убирать улицы, на которых располагались их дома. Территория, которая подлежала уборке, определялась в длину по размерам дома либо земельного участка или владения, а в ширину составляла половину улицы. Собственники домов, которые располагались на площадях, бульварах, набережных, бечевниках и других территориях, принадлежащих городу, обязаны были очищать территорию также вдоль своего владения и на ширину до 6 сажень (к 1893 г. это расстояние увеличили до 8 сажень, а в 1899 г. сократилось до 4 сажень) [1, л. 16–16 об.; 8, л. 28 об.; 9, л. 626]. Очистка остальных территорий была обязанностью городского самоуправления. Улицы должны были быть очищены, а мусор вывезен в зимнее время к 9, а в летнее время – к 8 часам утра. Кроме того, к 1893 г. появилось уточнение, что в базарные дни требовалась повторная уборка городских территорий, которая должна была быть завершена к пяти часам дня.

В соответствии с правилами, изданными в 1878 г. и последующими редакциями 1880, 1881 и 1892 гг., запрещено было перебрасывать собираемый мусор и снег с улиц через заборы и решетки (куда именно было запрещено перебрасывать мусор, в документе не уточняется), а также с улиц и дворов на бульвары и площади, на «соседние участки, дворы, сады и огороды». Также запрещено было выбрасывать мусор, выкачивать и выливать на улицы жидкие бытовые отходы («нечистоты из помойных ям и ретирадных мест»).

Чистота на улицах должна была поддерживаться на протяжении всего дня. Весь мусор и навоз должны были убираться немедленно, их вывоз был разрешен в открытых повозках, покрытых рогожами. К 1893 г. было добавлено требование о содержании в чистоте также дворов, сараев и конюшен.

На практике оказалось крайне неудобно немедленно вывозить весь собираемый мусор. Необходимо было найти место для временного хранения мусора, прежде чем он будет вывезен за пределы города. В качестве такого места были определены дворы. И в 1899 г. вводится совершенно новое правило – весь мусор, сметаемый с улиц, складывался на дворах и затем по мере необходимости вывозился [9, л. 626 об.].

Дополнительным источником загрязнения улиц были домашние животные. Поэтому правилами 1878 г. запрещено было выпускать на улицы домашних животных – коров, свиней, коз и пр. К 1893 г. уточнялось – за исключением прогона скота на пастбище, но под обязательным присмотром.

Поскольку главным видом городского транспорта был гужевой, особую актуальность имела проблема удаления навоза с улиц. К 1893 г. появилось требование, запрещавшее сваливать на улицах, площадях и тротуарах навоз для перегорания. В 1905 г. постановлениями «Об устройстве и содержании...» требовалось, чтобы навоз вывозился как можно чаще, длительное хранение навоза во дворах запрещалось. Но при этом оговаривалось, что разрешено складывать навоз «с утилитарной целью при дворах, где имеются сады и огороды» [7, л. 113].

В санитарных правилах 1870 – начала 1890-х гг. детально была прописана уборка снега с улиц в зимнее время [1, л.16 об. – 17; 8, л. 29–30 об.]. Во время гололедицы тротуары должны были быть очищены от снега, а на главных улицах и посыпаны песком. К 1893 г. в обязательных постановлениях был утвержден список главных улиц: в первой части города – Смоленская, Офицерская, Подвинская, Соборная, Бибкина,

Дворцовая, Спасская, Ново-Офицерская, Воропаевская, Богадельная, Резницкий переулок, Грязная и улицы, прилегающие к Смоленской площади; во второй части – Большая-Могилевская, Малая-Могилевская, Замковая, Задуновская, Воскресенская и Духовская; в третьей части – Вокзальная, Верхне-Петровская, Нижне-Петровская, Шоссейная, Грязная, Николаевская и Канатная. В этот период формируются основы природоохранного законодательства. В 1899 г. было введено правило, категорически запрещающее использовать поваренную соль для очистки улиц от снега [9, л. 628].

Правилами 1878 г. снег на улицах собирался в кучи и вывозился в течение суток. К 1893 г. срок вывоза снега был увеличен до трех суток. Поверхность улицы должна была оставаться ровной, без колеи и ям – «ухабы» на улицах должны были разравниваться, а обочины возле тротуаров и канавки – очищаться от снега.

Уборка снега на тротуарах должна была производиться по мере необходимости с тем, чтобы проход был всегда свободен. Первоначально требовалось, чтобы, как и мусор летом, сметаемый снег и скалываемый лед вывозился с тротуаров немедленно. Это требование явно противоречило вышеупомянутому пункту, который допускал, что собранный снег может быть вывезен с улицы в течение суток. К тому же это требование трудно выполнимое даже в условиях современного города с наличием мощной снегоуборочной техники. К 1893 г. речи о немедленном вывозе снега с тротуаров уже не шло.

Особое внимание уделялось очистке крыш от снега. Во время очистительных работ прилегающая территория огораживалась и охранялась дворником для безопасности прохожих. Очистка крыш должна была завершаться к 9 часам утра, а сброшенные с крыши снег и лед немедленно вывезены. К 1893 г. нужно было лишь собрать сброшенные снег и лед в кучи, немедленного вывоза не требовалось.

Весной во время оттепели особую проблему составлял оттаивавший навоз, который нужно было регулярно собирать и вывозить. Лед скалывать с поверхности улицы допускалось лишь тогда, когда образовывались ямы, которые препятствовали передвижению, либо когда оставался уже тонкий слой льда. К 1893 г. скалываемый лед требовалось вывозить немедленно. Для стока талой воды требовалось прорубать канавки вдоль тротуаров.

Первые санитарные постановления содержали противоречия и не всегда были легко применимы в условиях города. В новые редакции

постановлений вносились изменения в соответствии с требованиями жизни города. Очистка и уборка городских территорий были обязанностью жителей и выполнялись за их счет. Это было одно из самых нерациональных постановлений, действовавших на протяжении всего рассматриваемого периода.

Места хранения и утилизация отходов. В соответствии с правилами 1878 г. все городские отходы должны были свозиться на специально определенные территории [1, л.17]. В соответствии с постановлением 1892 г. «О порядке вывоза нечистот» нечистоты выливались в специально вырытые ямы. После наполнения ямы дезинфицировались, закрывались досками и засыпались землей [7, л. 95 об. – 96].

Места свалок определялись ежегодно решением городской управы. В 1905 г. эти места назначались уже совместным решением Городской управы, Санитарной комиссии, полиции и Врачебного отделения [7, л. 113]. Фактически специально обустроенных мест захоронения или утилизации городских отходов не было.

В постановлениях 1905 г. упоминаются новые технологии утилизации городских отходов. Помимо вывоза отходов на свалки с разрешения городской управы, отходы можно было сжигать в специальных аппаратах.

Охрана и использование водных ресурсов. Права на санитарную и чистую воду являются неотъемлемыми правами человека. В первых санитарных постановлениях лишь фрагментарно была обозначена проблема охраны водных ресурсов – категорически запрещалось сбрасывать отходы в реки. Отдельным пунктом запрещались все виды мытья – белья, экипажей и т. д. на улицах [1, л. 17]. Правда, для чего этот запрет был принят – для соблюдения чистоты на улицах или для защиты водных ресурсов, было непонятно.

В 1885 г. Санитарная комиссия составила первые обязательные постановления г. Витебска об охране чистоты воды «О мерах против порчи воды» [5, л. 211–213]. Как и ранее, было запрещено засорять берега рек и сами реки, овраги, ручьи и источники – «запрещается сваливать» «навоз, сор, грязь и другие нечистоты, а равно выбрасывать павших животных и птиц», «ядовитые вещества для травли рыбы или для других целей».

Запрещались некоторые виды деятельности в реках, в том числе вымачивание льна или конопли. Мыть белье в реках можно было только в специально для этого отведенных местах. Запрещалось строить рети-

радные места и помойные ямы на берегах рек, ручьев и оврагов со спуском нечистот в них. Категорически запрещалось спускать из промышленных предприятий неочищенную воду в реки. Спуск отработанных вод был разрешен только после очистки в специальных колодцах или через фильтры. Этот запрет был подтвержден и в 1905 г.

Отдельные требования предъявлялись к содержанию колодцев с питьевой водой. Колодцы должны были закрываться крышкой, а высота сруба должна была быть не менее 1½ аршина. Очистка колодцев должна была производиться не менее одного раза в год.

В 1905 г. в действие вступили новые обязательные постановления «О пользовании водою речной, колодезной и водопроводной» [4, л. 1]. Строго было запрещено брать воду для пищевых целей, а также для мытья в банях из реки Витьбы. Из Западной Двины водовозы могли брать воду только в строго указанных местах, где были сделаны приспособления, позволяющие черпать воду из глубины. Из каких-либо других «сомнительных водоемов», а тем более из луж, воду брать было запрещено. Во время весеннего половодья, периода наивысшего загрязнения реки, воду из Западной Двины брать также запрещалось. Как и ранее, требовалось, чтобы колодцы имели крышки и регулярно очищались. Но к устройству колодцев требования ужесточились – с внешней стороны окружность колодца должна была «быть утрамбована глиной и выложена поверх камнем с откосами для стока грязной воды». Уже ужесточились и требования к качеству воды. Во-первых, все колодцы уже находились под контролем городских органов власти – все городские колодцы, из которых бралась вода для пищевых целей, должны были быть зарегистрированы, во-вторых, качество воды подтверждено «санитарными исследованиями». Городские власти не только ужесточили требования к содержанию источников воды, но и установили регулярный санитарный контроль над ними.

Отдельные требования были разработаны для водовозов – лиц, развозящих воду из реки и водопровода по городу для продажи горожанам. Водовозные бочки, ведра и черпаки должны были содержаться в безупречной чистоте. Бочки должны были иметь плотные крышки и деревянные либо металлические (цинковые или никелированные) краны. Пользоваться тряпками для «прикрытия отверстий в бочках» строго воспрещалось. Все бочки для удобства горожан окрашивались масляной краской. Бочки с речной водой – в зеленый цвет, с водопроводной – в серый. Кроме того, бочки должны были иметь соответству-

ющие надписи: «речная вода» или «водопроводная вода». Водовозные лошади проходили регулярный ветеринарный осмотр, а сами водовозы – осмотр у санитарного врача.

Также были установлены санитарные требования к содержанию водопровода, который был открыт в 1894 г. Очистка фильтров проводилась не менее четырех раз в год, а баков – ежемесячно при обязательном присутствии санитарного врача. Рабочие, проводившие очистительные работы, должны были быть одеты в специальные костюмы. Магистральные трубы должны были прочищаться не менее одного раза в год.

Жесткие требования предъявлялись и к содержанию водоразборных будок, в которых горожане покупали водопроводную воду. Площадка вокруг будок на расстоянии не менее 1½ сажени должна была быть вымощена камнем. Желоба для водопоя делались из водонепроницаемого материала и регулярно очищались. Водопроводные трубы должны были чиститься не менее одного раза в месяц.

Если в каком-либо районе Витебска качество водопроводной воды ухудшалось, на городской санитарной станции немедленно проводился анализ этой воды.

Таким образом, модернизация города обуславливала развитие и совершенствование городской нормативной правовой базы. Как итог модернизации и технологической революции появляются и обостряются экологические и санитарные проблемы города, ставшие результатом развития промышленности и быстрых темпов урбанизации. Санитарные и экологические проблемы становятся одними из самых глобальных. Это потребовало введения и принятия нормативных правовых документов – обязательных постановлений, нацеленных на их решение и предотвращение.

Первые обязательные постановления, принимаемые городскими гласными, были крайне просты, содержали противоречия, принимались с нарушениями норм действовавшего законодательства. В определенной степени это было обусловлено отсутствием достаточного опыта и необходимых компетенций у городских гласных. Первые правила не учитывали все реалии городской жизни, содержали требования, не применимые либо тяжело применимые на практике. С применением правил на практике выявлялись содержащиеся в них недостатки, которые затем устранялись при принятии новой редакции нормативных актов – постановлений. Также расширялась область применения по-

становлений, увеличивался круг вопросов, регулируемых постановлениями.

Анализ обязательных постановлений Витебска показывает, что в рассматриваемый период, несомненно, происходила санитарно-гигиеническая модернизация города. Произошла регламентация процессов сбора, удаления, хранения и утилизации городских отходов нормативными правовыми актами – обязательными постановлениями. Обязательным становится наличие специально оборудованных мест сбора и хранения коммунальных отходов, появляются новые способы и технологии их удаления (пневматические бочки, канализация) и утилизации (сжигание). Требования к устройству и эксплуатации санитарно-технических сооружений усложнились и ужесточились. В санитарно-гигиенической сфере городского хозяйства происходят процессы стандартизации. Строительство санитарно-технических сооружений разрешалось только по утвержденной типовой проектной технической документации либо по согласованию с городскими органами власти. Вместо с тем очистка и уборка улиц являлись фактически натуральной повинностью горожан, что было анахронизмом в условиях промышленной революции и быстрой урбанизации, к тому же неэффективной. Городские службы для очистки и уборки территорий так и не были созданы.

Был установлен санитарный контроль над водными ресурсами города, в том числе введены санитарно-технические требования к устройству колодцев, приняты санитарно-гигиенические требования по эксплуатации водопровода, нормативные правовые акты по охране источников водоснабжения.

Важно отметить, что в рассматриваемый период усиливается роль науки и научных знаний в жизни города – качество воды определяется путем химического анализа, а над процессами доставки воды горожанам установлен ветеринарный и медико-санитарный контроль. Также можно утверждать, что в обязательных постановлениях произошла бактериологическая революция – теория миазмов была заменена теорией микробов. Несомненно, одной из тенденций санитарно-гигиенической модернизации стала сциентизация жизни города.

В ходе санитарно-гигиенической модернизации, с одной стороны, закладываются основы природоохранного законодательства, создаются и развиваются медико-санитарные правила, разрабатывается нормативная техническая документация с требованиями к устройству

санитарно-технических сооружений, которые обеспечивают не только экологическую и санитарную безопасность, но и комфорт и удобство эксплуатации этих сооружений, с другой стороны, появляется регламентация повседневной жизни горожан, усиливается контроль над обществом, над привычками и нормами поведения горожан.

Список использованных источников

1. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Ф. 2496. Оп. 1. Д. 4539.
2. НИАБ. – Ф. 2496. Оп. 1. Д. 4587.
3. НИАБ. – Ф. 2496. Оп. 1. Д. 4643.
4. НИАБ. – Ф. 2496. Оп. 1. Д. 4611.
5. НИАБ. – Ф. 2496. Оп. 1. Д. 4573.
6. История эпидемий в России / под ред. А. И. Метелкина. – М.: Гос. изд. мед. лит., 1960. – 398 с.
7. НИАБ. – Ф. 2496. Оп. 1. Д. 45871.
8. НИАБ. – Ф. 2496. Оп. 1. Д. 4601.
9. НИАБ. – Ф. 2496. Оп. 1. Д. 489.

(Дата поступления: 01.05.2021).

УДК [94(476)+336.226.1(476)(091)]«1812-1819»

ПРАЦЭНТНЫ ПАДАХОДНЫ ЗБОР З ПАМЕШЧЫЦКІХ МАЁНТКАЎ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ (1812–1819 ГАДЫ)

Ерашэвіч А. У.

Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь

У артыкуле раскрыты працэс падаткаабкладання даходаў памешчыцкіх маёнткаў на тэрыторыі Беларусі ў 1812–1819 гг. На аснове комплексу як апублікаваных заканадаўчых актаў, так і неапублікаваных архіўных дакументаў пераважна на прыкладзе Мінскай губерні вызначаны падатковы механізм налічэння і збору надзвычайнага вопытнага добраахвотнага грашовага працэнтнага падаходнага збору з чыстых асабістых грашавых уладальніцкіх даходаў. Дэкларатыўны прынцып абвешчэння даходаў разам з наяўнасцю неабкладаемага мінімуму і ў сувязі з перавагай у беларускіх губернях Расійскай імперыі нязначных па колькасці прыгонных розных відаў землеўладання, а таксама пашырэнне арэнды, спусташальныя вынікі вайны з Напалеонам абумовілі нязначныя фіскальныя вынікі паступлення гэтага збору з памешчыцкіх маёнткаў у дзяржаўны скарб і назапашванне значных недабораў падобнага плацяжу.

Ключавыя словы: беларускія губерні; Расійская імперыя; прамы падатак; падаткаабкладанне памешчыкаў; працэнтны падаходны збор.

INTEREST INCOME TAX ON LANDLORDS ESTATES IN BELARUS (1812–1819)

Yerashevich A.

Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus

The article describes the process of taxation of income of landed estates on the territory of Belarus in 1812-1819. On the basis of a complex of both published legislative acts and unpublished archival documents, mainly on the example of the Minsk province, the tax mechanism for calculating and collecting an emergency experimental voluntary monetary interest income tax from net personal monetary settlement incomes is determined. The declarative principle of declaring income, along with the existence of a non-taxable minimum and due to the advantage in the Belarusian provinces of the Russian Empire of insignificant serfs of various types of land ownership, as well as the expansion of leases, the devastating results of the war with Napoleon led to insignificant fiscal results of the receipt of this fee from landlords estates in the state treasure and the accumulation of significant shortfalls in such payment.

Keywords: Belarusian provinces; Russian Empire; direct tax; taxation of landlords; interest income tax.

Падаходны праэнтны падатак ад сукупнага даходу фізічных асоб адносіцца да асноўнага віду прамых дзяржаўных падаткаў і датычыцца амаль кожнага грамадзяніна Рэспублікі Беларусь. Прынцып прагрэсіўнага падаткаабкладання даходаў і маёмасці фізічных асоб з'яўляецца агульнапрынятым інструментам рэалізацыі сацыяльнай функцыі дзяржаўных падаткаў з мэтай пераразмеркавання прыбыткаў для вырашэння сацыяльных праблем. Адзін з класікаў палітэканоміі канца XIX ст. лічыў, што рацыянальны падаходны прагрэсіўны падатак павінен засноўвацца на рэальным, свабодным даходзе ўсіх жыхароў дзяржавы і вызначацца на аснове ўласных дэкларатыўных паказчыкаў плацельшчыкаў. Да таго ж яго аклад мусіў зніжацца для асоб, якія атрымлівалі часовыя нефундзіраваныя даходы і знаходзіліся ва ўмовах, якія памяншалі іх падатказдольнасць [23, с. 240].

Аб неабходнасці падаходнага абкладання насельніцтва і аб увядзенні ў 1812 г. у Расійскай імперыі падаходнага праэнтнага падатку з абвешчаных памешчыкамі даходаў з сваіх маёнткаў згадвалі многія расійскія гісторыкі-эканамісты канца XIX – першай чвэрці XX ст. [2–4; 24, с. 106–107; 18, с. 27–28]. Іх працы засноўваліся выключна на разглядзе аспекту заканадаўчага рэгулявання падобнага збору. Толькі ў даследаваннях расійскай даследчыцы Г. В. Носавай прыведзены некаторыя звесткі аб практычнай рэалізацыі падаходнага падаткаабкладання дваранскіх маёнткаў у 1812–1819 гг. на прыкладзе цэнтральных вялікарасійскіх губерняў Расійскай імперыі [16, с. 72; 17].

Мэта артыкула заключаецца ў раскрыцці механізму і інструментаў падаткаабкладання памешчыцкіх даходаў у беларускіх губернях Расійскай імперыі з прычыны адсутнасці даследаванняў па гэтай тэматыцы ў сучаснай айчынай гістарыяграфіі.

Крыніцы артыкула складаюцца з комплексу як апублікаваных заканадаўчых актаў, так і неапублікаваных архіўных дакументаў, якія пераважна раскрываюць працэс вылічэння і збору праэнтнага збору з памешчыцкіх даходаў у Мінскай губерні. Аўтар выкарыстоўвае агульнанавуковыя і традыцыйныя спецыяльна-гістарычныя метады даследавання (гісторыка-параўнаўчы, гісторыка-сістэмны). Аналіз розных колькасных звестак праводзіўся з дапамогай фармальнага статыстычнага метаду.

Першыя няўдалыя спробы падаходнага абкладання звязаны з Англіяй (1449, 1472, 1641 гг.). Асабісты прамы падаходны падатак быў упершыню ўсталяваны ў Англіі ў сувязі з барацьбой з напалео-

наўскай Францыяй (у 1799–1816 г. часовы (за выключэннем 1802 г.), з 1842 г. – пастаянны) і ў Прусіі (у 1811 г. быў уведзены асабісты збор па 0,5 талера з кожнага сельскага жыхара, дасягнуўшага 12 год, а ў 1820–1821 г. – новы «разрадны падатак» як дапаўненне да прамысловага і пазямельнага збораў), але сістэматычнае і агульнае падаходнае абкладанне фізічных асоб канчаткова ўкараняецца ў канцы XIX – пачатку XX ст. у ЗША (1861–1872, 1913 гг.), Прусіі (1873, 1891 гг.), Японіі (1887, 1897 гг.), Францыі (1914, 1917 гг.), Расіі (06.04.1916 г. быў прыняты закон аб яго заснаванні з 1917 г., але яшчэ ў 1862 г. у падатную камісію быў пададзены праект аб увядзенні падаходнага падатку ў памеры 2–5 % агульнападаходнага прагрэсіўнага збору на аснове самапаказанняў плацельшчыкаў з усіх даходаў нерухомай і рухомай маёмасці, гандлёвых устаноў і прамысловых прадпрыемстваў, інтэлектуальнай дзейнасці (навуковых, літаратурных, мастацкіх заняткаў), розных відаў узнагарод за службовую працу) [25, с. 139]. Папярэднікам падаходнага падатку служыў гільдзейскі збор з купецтва. Сурагатам падаходнага падаткаабкладання былі кватэрны збор і пенсійныя вылікі з утрымання дзяржаўных служачых [3, с. 170].

У пошуках дадатковых грашовых сродкаў для пагашэння казённага доўгу, папаўнення крыніц даходнай базы дэфіцытнага дзяржаўнага бюджэту перад пачаткам ваеннага супрацьборства з напалеонаўскай імперыяй царскі ўрад здолеў знайсці адмысловыя часовыя дадатковыя крыніцы прыросту сум дзяржаўнага казначэйства. У капітал пагашэння дзяржаўных даўгоў павінны былі ўвайсці фінансавыя сродкі, атрыманыя ў выніку продажу часткі нерухомай дзяржаўнай маёмасці, а таксама зноў усталяваныя часовыя дадатковыя дзяржаўныя падаткі і пошліны. Шэрагам указаў былі ўзняты існуючыя віды і нормы дзяржаўных падаткаў і ўстаноўлены дадатковыя. Узраслі падатковыя стаўкі з купецкіх капіталаў, падушны падатак з казённых, памешчыцкіх сялян і мяшчан. Указам ад 20.02.1812 г. вольныя людзі, якія складалі значную частку насельніцтва прыгранічных губерняў, былі абкладзены, акрамя падушнага падатку, дадатковым зборам у 5 руб. з кожнай душы мужчын [8, спр. 12, арк.115; 15, арк. 85; 19, т. 32, № 24999, с. 195]. Задэклараваны прынцып, што «в уплате государственных долгов все состояния имеют равную обязанность участвовать по мере их достояния» [19, т. 32, № 24992, с. 184], прывёў імператарскі ўрад да думкі аб распаўсюджванні дзяржаўных фінансавых абавязацельстваў і на памешчыкаў. Заўважым, што спробы памаёснага абкладання

землеўласнікаў былі і раней. Так, у 1797 г. імператар Павел I вырашыў прымусяць прывілеяванае дваранскае саслоўе расхадаваць грашовыя сродкі на ўтрыманне прысутных устаноў у губернях. У межах рэалізацыі фінансавага плана М. М. Спяранскага ў 1810 г. быў уведзены аднаразовы збор з усіх маёнткаў у 50 кап. з кожнай рэвізскай душы мужчын. Але памешчыкі фактычна перавялі гэтыя часовыя фінансавыя выплаты на сваіх сялян.

У сувязі з рэарганізацыяй Камісіі пагашэння даўгоў, згодна з Маніфэстам ад 11.02.1812 г. за подпісам старшыні Дзяржаўнага Савета графа М. П. Румянцава, уведзіўся часовы грашовы працэнтны збор з даходаў памешчыцкіх і ўдзельных маёнткаў для ўплаты дзяржаўных даўгоў. У гэтым дакуменце вызначаліся парадак абвяшчэння даходаў і правілы раскладкі часовага збору з абвешчаных прыбыткаў, усталёўваліся тэрміны абвесткі даходаў і выплаты падатковых плацяжоў. Кожны ўладальнік нерухамага маёнтка павінен быў сам ці ад імя ўпраўляючага даставіць у губернскі дваранскі дэпутацкі сход звесткі аб памерах сапраўдных сукупных атрымліваемых даходаў з усіх галін, у тым ліку за кошт аброку, сялянскіх адпрацаваных павіннасцей, лясоў, млынаў, аброчных галін, фабрык, заводаў, сенажацей і г. д., без падзелу і размеркавання на асобныя артыкулы. Пазней было ўнесена ўдакладненне, што пошлінай з уладальніцкіх даходаў павінны былі абкладацца не толькі нерухомыя маёнткі, але і ўсе даходныя дамы [19, т. 32, № 25011, с. 204].

Устанаўленне ўзроўню даходаў з нерухамай уласнасці ўладальнікаў недваранскага паходжання і вызначэнне адпаведных сум плацяжу часовага працэнтнага збору адпавядалі правілам, якія адносіліся да памешчыцкіх маёнткаў [19, т. 39, № 30157, с. 655]. Сабраныя губернскімі дваранскімі дэпутацкімі сходамі дадзеныя аб штогодных памешчыцкіх даходах таксама паступалі ў казённыя палаты. Акладныя кнігі, складзеныя губернскімі дваранскімі дэпутацкімі сходамі, накіроўваліся ў казённыя палаты і ў Камісію пагашэння даўгоў. Землеўласнікі, якія мелі маёнткі ў розных паветах адной губерні, мусілі паказваць непадзельны даход, а тыя, хто валодаў зямельнай уласнасцю ў розных губернях, абвяшчалі даход у адной з іх. З сапраўды паказанага даходу вылічваліся штогодныя працэнты, якія плаціліся па дзяржаўных і прыватных даўгах з закладзеных маёнткаў. Такім чынам, трэба было занатоўваць агульны чысты, свабодны, а не валавы даход без падзелу крыніц за вылікам працэнтаў па закладных даўгах. Велічыня сукупнага

абвешчанага даходу залежала ад добрай волі і сумленнасці землеўласніка: «правильность сих показаний утверждается на доброй вере и чести» [19, т. 32, № 24992, с. 192]. Ад плацяжу часовага збору вызваліліся ўладальнікі, якія мелі менш за 500 руб. гадавога даходу. Ад абкладання зборам выключаліся даходы з земляў і ўгоддзяў праваслаўнага духавенства. Памер збору залежаў ад велічыні даходаў землеўласнікаў і меў прагрэсіўны характар (павялічваўся па меры росту падатковай базы). Неабкладаемы мінімальны даход складаў, як адзначалася раней, 500 руб. у год. Як пацвярджаюць архіўныя звесткі, памешчыкі, якія абвешчалі сукупны даход памерам ад 500 да 1 тыс. руб., павінны былі ўносіць у дзяржаўны скарб 1 %, ад 1001 да 2 тыс. руб. – 1,5 %, ад 2001 руб. да 3 тыс. руб. – 2 %, ад 3001 да 4 тыс. руб. – 2,5 %, ад 4001 да 5 тыс. руб. – 3 %, ад 5001 да 6 тыс. руб. – 3,5 %, ад 6001 да 7 тыс. руб. – 4 %, ад 7001 да 8 тыс. руб. – 4,5 %, ад 8001 да 9 тыс. руб. – 5 %, ад 9001 да 10 тыс. руб. – 5,5 %, ад 10001 руб. да 12 тыс. руб. – 6 %, ад 12001 да 14 тыс. руб. – 7 %, ад 14001 да 16 тыс. руб. – 8 %, ад 16001 да 18 тыс. руб. – 9 %. Калі сума добраахвотна паказанага самім плацельшчыкам уладальніцкага даходу перавышала 18 тыс. руб., то часовы збор з прагрэсіўнага пераўтвараўся ў прапарцыянальны з неабходнасцю ўзнос 10 % ад задэклараванага сукупнага даходу [19, т. 32, № 24992, с. 193].

Землеўласнікі, якія добраахвотна пражывалі за мяжой Расійскай імперыі больш чатырох месяцаў штогод і не знаходзіліся на службе, павінны былі ўносіць збор з прыватнай уласнасці ў дваіным памеры. У выпадку спазнення дэкларавання памешчыцкіх даходаў у пэўны тэрмін з неплацельшчыкаў спаганяўся дваіны збор, але не прадугледжваліся меры адказнасці за недэклараванне прыбыткаў і адмаўленне ад уплаты працэнтнага падаходнага збору. Тым не менш уладальнік, які не падаў аб'явы аб штогодным даходзе ў тэрмін, не меў права паказваць даход пасля тэрміну, а павінен быў плаціць працэнтны збор па прызначэнні дваранскага дэпутацкага сходу на аснове паказанняў навакольных памешчыкаў. Аб значным памяншэнні штогоднага даходу і адпаведна аб скарачэнні працэнтнага збору памешчык павінен быў рабіць хадайніцтва ў дваранскі дэпутацкі сход, які прымаў, у выпадку абгрунтаванасці просьбы землеўласніка, патрэбнае рашэнне. Тэрмін падачы звестак аб памешчыцкіх даходах скончваўся 01.05.1812 г., а ў наступных гадах – 15 лістапада. Пазнейшае ўдакладненне апавяшчала, што аб'явы аб даходах землеўладальнікі былі абавязаны ўносіць не прама ў губернскі дваранскі дэпутацкі сход,

а даваць да 15 кастрычніка павятовым прадвадзіцелям дваранства ці маршалам [19, т. 32, № 25703, с. 1019–1020].

Збор з памешчыцкіх даходаў выплочваўся ў бягучым 1812 г. у два тэрміны: з 1 мая па 1 верасня і з 1 верасня да 1 студзеня, а ў наступных гадах – за першую і другую паловы года. Нявыплата ў належны тэрмін у поўным аб’ёме праэнтнага падаходнага збору караўся накладаннем пені ў памеры 1 % у месяц. Мэтавы часовы збор з памешчыцкіх даходаў, які паступаў у казённую палату, павінен быў адсылацца з яе непасрэдна ў Камісію пагашэння даўгоў [19, т. 32, № 24992, с. 191–193; 9, арк. 17–27].

Такім чынам, у 23 параграфх Палажэння аб часовым зборы з памешчыцкіх даходаў для ўплаты дзяржаўных даўгоў [19, т. 32, № 24992, с. 191–193] былі вызначаны пэўныя элементы падатковага механізму праэнтнага падатку (стаўка, перыяд, агульны парадак (правілы) вылічэння, утрыманьня, уплаты), але не ўсе падрабязна і ў дастатковай ступені. Асабліва гэта датычылася статусу асобных суб’ектаў (непасрэдныя падаткаплацельшчыкі-памешчыкі, іх рэзідэнты, агенты) і аб’ектаў падаткаабкладання, падатковай базы (поўнае і дакладнае пазначэнне відаў даходаў у грашовай і натуральнай формах (напрыклад, вылічэнне памераў даходаў, якія вынікалі з асабістай працы непасрэдных вытворцаў), вызначэнне правоў распараджэння маёмасцю, матэрыяльнай выгады), праблемы падатковых вылікаў (сістэма льгот) пры падаткаабкладанні асобных крыніц даходаў у грашовай форме.

Заўважым, што крыніцамі рэальнага падаходнага абкладання маглі выступаць прыбыткі з нерухомай (зямля рознай якасці, будынкі рознага прызначэння) і рухомай маёмасці, капіталу (праэнты па пазыковых абавязацельствах усялякага роду, дывідэнты ад акцый, праэнты па іпатэчных пазыках і дзяржаўных даўгавых абавязацельствах), заробку, розных сфер і відаў дзейнасці (земляробчай, гандлёва-прамысловай, арэнда, прыватная служба і інш.). Найбольш эканамічна рэальным і магчымым было падаходнае абкладанне службовых даходаў чыноўнікаў, асабістых пазямельных прыбыткаў, пазыковых капіталаў, прадпрымальніцкага прыбытку альбо права на дазвол займацца камерцыйнай гандлёва-прамысловай дзейнасцю. Падаходны падатак мог збірацца як самастойны з усёй сукупнасці даходаў, а не як дадатковы фіскальны збор з пэўнага аб’екта падаткаабкладання. Дакладнае вызначэнне колькасці падаткаплацельшчыкаў, ацэнка асабістых крыніц,

наменклатуры і ўзроўню іх даходаў (як нефундзіраваных, часовых, непастаянных, так і фундзіраваных ці пастаянных) ажыццяўляліся адміністрацыйна-бюракратычным ці дэкларацыйным спосабам.

Адміністрацыйна-бюракратычны метад збору інфармацыі інвентарызацыі даходаў забяспечваў найбольшую гарантыю прытрымлівання казённых фінансавых інтарэсаў, але яго істотным недахопам была небяспека залішняга фіскальнага абцяжарвання падаткаплацельшчыкаў. Існуючыя малалікія колькасна афіцыйныя мясцовыя органы дзяржаўнай улады і кіравання былі мала знаёмы альбо зусім не ведалі лакальныя асаблівасці і асабістыя матэрыяльныя ўмовы жыцця патэнцыяльных суб'ектаў падаткаабкладання, а заснаванне асобных ацэначных камісій з ліку мясцовых жыхароў, якія лепш ведалі маёмасны стан домагаспадарак, мелі ўяўленні аб прыблізных даных даходаў, маглі выправіць канцылярскія памылкі і прадухіліць нераўнамернасць размеркавання падатковага ярма, вымагала значных арганізацыйных намаганняў, часу і фінансавых сродкаў.

Перавагай дэкларацыйнага шляху паказання даходаў было скарачэнне выдаткаў адміністравання. Але гэта абумоўлівала такія непазбежныя аб'ектыўныя і суб'ектыўныя недахопы, як імкненне будучых падаткаплацельшчыкаў да падману, змяншэння падатковай базы абкладання, іх неўсвядомленыя недакладнасці ў рэгістрацыі звестак аб даходах у выніку недастатковага знаёмства з эканамічнымі паняццямі і парадкам фінансавага рахункаводства. На аснове прыёму ўласнага дэкларавання розных крыніц даходаў было магчыма ўвесці прагрэсіўнае падаходнае абкладанне свабодных, чыстых прыбыткаў усіх сааслоўна-сацыяльных груп насельніцтва, у той час як прынцып пастаянства акладу не ўлічваў умовы, якія змяншалі падатказдольнасць суб'ектаў абкладання (наступствы эпідэміяў, пажараў, неўраджаяў, сацыяльных канфліктаў, узброеных выступленняў і г. д.). Адным словам, для арганізацыі і ўладкавання працэсу ўліку, збору і кантролю за паступленнем у дзяржаўнае казначэйства падаходных збораў было неабходна папярэдне дакладна і поўна вызначыць спосабы вылічэння крыніц даходаў, зафіксаваць сапраўдны свабодны мінімум з чыстага прыбытку, які не падлягаў урадаваму фіскальнаму ціску, зрабіць падатковыя выняткі ці льготы з аб'екта падаткаабкладання для пэўных катэгорый пацярпелых ад розных абставін землеўласнікаў, устанавіць велічыню вылікаў на выдаткі падатковай вытворчасці ці адміністравання збораў,

прадумаць механізм перакладання падатковых абавязкаў у выпадку неабходнасці і г. д.

Да таго ж памешчыкі вылучаліся сваім матэрыяльным станам з-за розніцы ў маштабах карыстання розных па прызначэнні зямельных угоддзяў, валодалі рознай колькасцю прыгонных у маёнтках, часам раскіданых у пэўных паветах некалькіх губерняў, адрозніваліся з пункту гледжання ўмоў валодання розных відаў зямельнай маёмасці з прычыны распаўсюджвання ў беларускім краі часовай арэнды. Напрыклад, у 1810 г. у Гродзенскай губерні ўлічылі 1840 уладальнікаў, 50 893 дымоў (138 446 рэвізскіх душ мужчын) у прыватнаўладальніцкіх уласных маёнтках, 16 750 дымоў (42 248 рэвізскіх душ мужчын) – у часовых уладаннях, 9 428 дымоў (24 037 рэвізскіх душ мужчын) – у казённых маёнтках, 7 536 дымоў (21 436 рэвізскіх душ мужчын) – у духоўных маёнтках [20, л. 290б. –30, 38–298]. Частка пазямельнай шляхты зусім не карысталася працай паднявольных сялян. Так, згодна з ведамасцю абвешчаных жыхарамі Мазырскага павета даходаў на 1815 г., якія плацілі тэрміновыя працэнтныя зборы, толькі 80 землеўласнікаў мелі прыгонных, а ў 92 асоб з ліку шляхты зусім не было сялян [7, спр. 858, арк. 7–8].

Прынцып добраахвотнасці сведчанняў уладальнікаў маёмасці абумовіў тое, што задэклараваныя сумы даходаў землеўласнікаў не правяраліся. Змяняльны наступны выпадак. У Гродзенскі дваранскі дэпутацкі сход у належны тэрмін паступілі абвесткі некаторых памешчыкаў (князя Сапегі аб маёнтку ў Магілёўскай губерні, графа Паца, памешчыка Калінскага, князя Любецкага), быццам яны не атрымоўвалі зусім ніякіх даходаў з сваіх маёнткаў за 1817 г. Перапіска гродзенскага і магілёўскага грамадзянскіх губернатараў з Міністэрствам фінансаў выявіла факты няскончанага працэсу вызначэння ўладальніцкіх даходаў, іх няправільныя вылічэнні. Але за апальных памешчыкаў заступіўся намеснік у Царстве Польскім цэсарэвіч Канстанцін Паўлавіч. У выніку Камітэт міністраў 07.04.1825 г. пастанавіў вызваліць ад плацяжу працэнтнага збору з уладальніцкіх даходаў тых памешчыкаў, якія не абвясчалі ніякіх прыбыткаў [19, т. 40, № 30427, с. 379–380].

Тым не менш зафіксаваны выпадкі, калі павятовыя прадвадзіцелі дваранства рабілі разлікі працэнтных даходаў за землеўладальнікаў, якія дэкларавалі свае даходы са спазненнем. Так, паколькі граф Караль Чапскі падаў аб'яўленне аб даходах на 1819 г. па сваіх маёнтках у Мінскім

павеце пасля належнага тэрміну, прызначанага ўказам ад 08.10.1814 г., мінскі павятовы маршал выявіў структуру даходаў (асноўныя артыкулы прыбыткаў заключаліся ў грошах ад рэалізацыі жыта, чыншу, арэнды) і выдаткаў (асноўныя фінансавыя сродкі ішлі на выплату даўгоў, утрыманне землеўласніка, выдачу жалавання служыцелям панскага маёнтка) гэтага памешчыка і паказаў чысты прыбытак у 1766 руб., з якога вылічваліся сумы працэнтнага падаходнага збору [8, спр. 43, арк. 20–21].

У першае дзесяцігоддзе XIX ст., як правіла, ні павятовыя, ні губернскія прадвадзіцелі дваранства не мелі дакладных звестак аб колькасці пазямельных дваран і розных катэгорый шляхты (ваколічнай, чыншавай, служачай), а тым больш не маглі ацаніць велічыню розных крыніц прыбыткаў у маёнтках памешчыкаў. Звычайна ў гэты час у пэўным павеце у адной з беларускіх губерняў Расійскай імперыі было ад 100 да 300 землеўласнікаў.

У вялікарасійскіх губернях стала практыкай тое, што землеўладальнікі, асабліва буйныя, заніжалі эканамічныя грашовыя даходы, не паказвалі ўсе крыніцы прыбыткаў [17, с. 60]. Гэтая ж з'ява была характэрнай і для беларускіх губерняў, тым больш, што большая частка памешчыкаў у прыгранічных губернях праяўляла пранапалеонаўскія настроі і намагалася прыхаваць капіталы напярэдадні ваеннага сутыкнення Расійскай і напалеонаўскіх імперый. Па асобных паведах Мінскай губерні (Барысаўскі, Бабруйскі, Вілейскі, Ігуменскі, Мінскі, Мазырскі, Слуцкі) захаваліся першасныя, складзеныя ў красавіку-маі 1812 г., рэестры абвешчанага памешчыкамі штогоднага даходу з іх нерухомых маёнткаў за 1812 г., якія, аднак, вылучаюцца непаўнотай звестак. Паводле няпэўных даных, па нашых падліках, менш падаткаабкладаемага мінімуму ў 500 руб. агульную суму даходаў у памеры не менш 8188 руб. задэкларавалі з сваіх уладанняў 38 памешчыкаў Барысаўскага, не менш чым на 3667 руб. – 13 землеўласнікаў Бабруйскага, 3486 руб. – 14 прадстаўнікоў высакароднага саслоўя Ігуменскага, 10 429 руб. – 45 асобы з наблітэту Мінскага, 14 798 руб. – 46 дваран Мазырскага, 10 696 руб. асігнацыямі – 53 памешчыка Слуцкага павеатаў. Сярод зарэгістраваных у ведамасці 149 землеўладальнікаў Вілейскага павеата з паказанай імі супольнай сумы даходаў больш чым на 121 тыс. руб. абсалютная большасць (107 чал., альбо 71,8 %) паказалі штогодны памер даходу ад 500 да 1000 руб. уключна, больш чым у 1001 руб. – толькі 28 чал. (18,8 %), менш за 500 руб. – 14 чал. (9,4 %)

[7, спр. 827, арк. 1–23; спр. 828, арк. 1–93; спр. 829, арк. 1–163; спр. 830, арк. 1–24; спр. 831, арк. 1–114; спр. 832, арк. 1–60; спр. 833, арк. 1–109].

Напалеонаўскае нашэсце і яго вынікі ўскладнілі сітуацыю з вызначэннем паменшаных штогодных даходаў у большасці спустошаных ад наступстваў мінулаай вайны маёнткаў. Напрыклад, за 1813 г. было абвешчана даходаў з памешчыцкіх маёнткаў у Мінскім павеце на суму ў 57360 руб., у Слуцкім – у 57360 руб. [9, арк. 164–207]. У Мазырскім павеце люстрацыя 1813 г. зарэгістравала 20954 сялян у 66 памешчыкаў (3494 душы ў самым буйным Давыд-Гарадоцкім маёнтку Радзівіла) [7, спр. 858, арк. 10]. Сукупна паказаныя 26 памешчыкамі гэтага павега даходы на 1815 г. неабкладаемага мінімуму пасля аплаты працэнтаў па асобных даўтах, склалі суму толькі ў 4241 руб. [7, спр. 858, арк. 11–73]. У Ігуменскім павеце 18 землеўласнікаў задэкларавалі да выплаты даходы на агульную суму ў 32645 руб. [7, спр. 857, арк. 1–33], у Барысаўскім павеце толькі 5 памешчыкаў – у 23871 руб., з якіх 17121 руб. прыпадаў на маёнтак Барысаўшчызна Міхала Радзівіла [7, спр. 855, арк. 1–11]. У Бабруйскім павеце 11 асоб засведчылі штогодных даходаў памерам менш чым у 500 руб. на агульную суму ў 4128 руб., а астатні 41 памешчык – у 37608 руб. з 18804 сялян [7, спр. 854, арк. 3, 7–7 адв.].

З-за аб'ектыўных умоў пачасціліся затрымка абвестак памешчыцкіх прыбыткаў, практыка невылічэння ўладальніцкіх даходаў павятовымі прадвадзіцелямі дваранства, несвоечасовае дастаўленне акладных кніг у казённыя палаты. З-за няведання ці немагчымасці дастаўкі патрэбных звестак аб памешчыцкіх даходах з прычыны мінулых ваенных дзеянняў Камітэт міністраў 17.01.1813 г. выдаў пастанову (абнародавана Сенатам 17.03.1813 г.), згодна якой тэрмін падачы аб'яў уладальнікамі аб даходах па ўсім губерням працягваўся да 01.05.1813 г. [19, т. 32, № 25525, с. 736]. З Віцебскага, Мінскага і Магілёўскага дваранскіх дэпутацкіх сходаў акладныя кнігі аб уладальніцкіх даходах на 1814 г., да моманту выхаду з друку маніфеста 30.08.1814 г., зусім не былі дастаўлены ў казённыя палаты. Дваранскія сходы, скарыстаўшыся маніфестам ад 30.08.1814 г., спынілі справаводства па працэнтнаму збору з памешчыцкіх даходаў. Таму павятовым прадвадзіцелям дваранства ці маршалам было загадана неадкладна вызначыць класы даходаў і прызначыць да выплаты працэнтныя сумы з маёнткаў уладальнікаў, якія не падалі аб'яў аб даходах. Тэрмін падачы абвестак аб памешчыцкіх даходах у дваранскія сходы ўстанаўліваўся да 15.11, а акладныя кнігі ў казённыя палаты было

прадпісана даслаць не пазней 01.01.1815 г. [19, т. 33, № 26419, с. 1004, 1007–1008].

Штогодны даход памешчыкі вызначалі механічна з разліку 2 руб. асігнацыямі з кожнай рэвізскай душы мужчынскага полу ў 1815 г. [7, спр. 854, арк. 7–7 адв.]. Большасць землеўласнікаў паказвала штогодныя даходы велічынёй менш за мінімальны неабкладаемы мінімум у 500 руб. у залежнасці ад колькасці сялянскіх душ у сваіх уладаннях з разлікам іх у 1819 г. у 5 руб. асігнацыямі з кожнай рэвізскай душы мужчын [7, спр. 891, арк. 45–50].

Аналіз размеркавання сум абвешчаных памешчыцкіх даходаў і вылічаных з іх працэнтаў у асобных паведах Мінскай губерні (на 1816 і 1820 гг.) дазваляе сцвярджаць, што памешчыкі ў цэлым з цягам часу абвясчалі ўсё менш даходаў з сваіх уладанняў. У асобных паведах дэклараваныя прыбыткі значна розніліся: прынамсі, у Дзісенскім павеце яны выраслі ў 4,7 разы, а ў Пінскім, наадварот, паменшыліся ў 25,8 разы. Працэнтныя падаходныя зборы з 1816 да 1820 гг. знізіліся ў 3,3 разы. У 1816 г. найбольшыя сумы даходаў абвясцілі землеўласнікі ў Пінскім (94935 руб.), Мінскім (87960 руб.) і Слуцкім (83061 руб.) паведах, найменшыя – у Дзісенскім (7956 руб.) і Мазырскім (17044 руб.) [7, спр. 80, арк. 91 адв., 10, арк. 58–58 адв.]. На 1820 г. у Мінскай губерні штогодных даходаў для плацяжу часовых працэнтаў абвясцілі толькі 262 чал., у тым ліку найбольш у Слуцкім (57 чал.) і Дзісенскім (56 чал.) паведах, найменш – у Пінскім (5 чал.) [7, спр. 891, арк. 56–57, 66, 68–69 адв.]. Частка памешчыкаў дэкларавала даходы ў іншых губернях і паведах. У той жа час даходы памерам менш чым у 500 руб. асігнацыямі, якія вызвалілі іх носьбітаў ад плацяжу працэнтнага падаходнага збору, у Мінскім павеце прад'явілі на 1820 г. 105 чал. (пры 33 плацельшчыках), у Ігуменскім павеце – 67 чал. (пры 14 плацельшчыках) і толькі ў Слуцкім павеце – 30 чал. (пры 57 плацельшчыках) [7, спр. 891, арк. 51–52, 60, 71–73 адв., 75–76, 77–78 адв.]. Ніводны з домаўладальнікаў Мінска не прадэманстравалі свае даходы за 1819 г. для выплаты працэнтнага падаходнага збору [7, спр. 896, арк. 1–708]. У наяўнасці праяўляўся добраахвотны, непрымусовы і некантралюемы нікім прыныцый абвесткі даходаў.

Дынаміку налічаных паступленняў часовага працэнтнага збору з прыватнаўласніцкіх маёнткаў за ўсе гады дзеяння плацяжу, які залічваўся ў ведамства Дэпартаменту розных падаткаў і збораў Міністэрства фінансаў, магчыма прасачыць у Мінскай губерні на

падставе матэрыялаў акладных кніг, накіраваных у мясцовую казённую палату. За 1812–1819 гг. у дзяржаўны скарб у Мінскай губерні намячалі сабраць 131 502,91 руб. працэнтнага збору з уладальніцкіх даходаў, але налічаная да паступлення ў дзяржаўную казну супольная сума была неаднолькавая і значна вагалася за асобныя гады (ад 5,3 % (1819 г.) і 5,7 % (1813 г.) да 19,8 % (1816 г.) і 22,9 % (1812 г.) [7, спр. 80, арк. 133 адв.; 9, арк.37, 39].

Ва ўсіх беларускіх губернях працэнтныя зборы з памешчыцкіх даходаў збіраліся ў няпоўным аб'ёме, таму назапашваліся значныя нядоімкі. Першая вызначаная за 1812 г. працэнтная сума аднаразовага збору з памешчыцкіх даходаў у Мінскай губерні склала 30 146,91 руб. [9, арк. 37.] і была амаль цалкам сабрана (30 127 руб.) [11, спр. 186, арк. 338]. Аднак у далейшым, нягледзячы на тое, што, паводле імператарскага маніфеста ад 30.08.1814 г., ранейшыя спагнанні дараваліся (усе без розніцы нядоімкі працэнтнага збору абвешчаных уладальніцкіх даходаў з нерухомах маёнткаў, якія накапіліся да другой паловы 1814 г.) [19, т. 39, № 30157, с. 654–655; 11, спр. 696, арк. 71–80], а ў Мінскай губерні да 1814 г. было спісана 32 798,25 руб., за першую палову 1814 г. – яшчэ 9010,19 руб. працэнтнага збору з памешчыцкіх даходаў; згодна з генеральнай справаздачай Мінскай казённай палаты за 1814 г., з улічаных 25 301,25 руб. выключалася з рахункаў за 1813 і першую палову 1814 гг. 16 507,19 руб. працэнтнага збору з памешчыцкіх даходаў) [11, спр. 726, арк. 345–345 адв., 408, 551–552 адв.], запазычанасці гэтага ўзносу нарасталі. Да сакавіка 1819 г. у Мінскай губерні нядоімкі ранейшых год і недабор першай паловы бягучага года працэнтнага даходу з уладальніцкіх маёнткаў склаў 19 871,225 руб. [6, арк. 53–53 адв.; 12, арк. 170]. За першую палову 1819 г. у Мінскай губерні налічылі 4561,57 руб. нядоімкі з абвешчаных памешчыцкіх даходаў, альбо 1,2 % недабору акладных даходаў [22, с. 290]. Падобная ж сітуацыя са зборам з задэклараваных памешчыкамі даходаў была і ў іншых беларускіх губернях. З нерухомай маёмасці памешчыкаў Віцебскай губерні да 01.05.1812 г. было неабходна сабраць у даход дзяржаўнай казны 34 076 руб. [14, арк. 96–96 адв.]. Згодна з ведамасцю Віцебскай казённай палаты аб дараванні нядоімак, налікаў і спагнанняў па маніфесту ад 30.08.1814 г., за 1812 і 1813 гг. было спісана 75 537 руб., за першую палову 1814 г. – 17 038 руб. (за 1814 г. – 34 076 руб.) працэнтнага збору з памешчыцкіх даходаў, альбо 11,9 % з 918 977,71 руб., выключаных з рахункаў нядоімак і спагнанняў у Віцебскай губерні [13, арк. 2–9, 1144–

1145]. Нягледзячы на гэта, нядоімкі па зборы заставаліся. Практыка спагнання запазычанасцей працягвалася і пасля скасавання часовага збору з памешчыцкіх даходаў. Так, на 01.01.1825 г. у Віленскай губерні нядоімка прыбыткаў дзяржаўнага казначэйства за кошт працэнтнага збору з даходаў уладальнікаў разам з пені дасягала 15461,05 руб. (да 01.11.1825 г. яна паменшылася да 12767,31 руб.). У Гродзенскай губерні звесткі не былі паказаны [1].

Яшчэ ў жніўні 1814 г. міністр фінансаў Расійскай імперыі Д. А. Гур'еў склаў запіску, у якой прапанаваў імператару Аляксандру I скасаваць збор з уладальніцкіх даходаў з прычыны малалікасці ад яго казённага даходу і паколькі ён заключаў «разныя неудобства по взысканию» [5, с. 88]. Сапраўды, у Расійскай імперыі працэнтныя зборы з уладальніцкіх даходаў у 1812–1819 гг. займалі нязначнае месца ў структуры даходных паступленняў дзяржаўнага бюджэту (ад 0,5 % у 1819 г. да 1,5 % у 1813 г.). Іх збіралі менш, чым было запланавана па штогодных сметах: нядоімка да будучага года складала ад 41,8 % у 1812 г. да 59,3 % у 1814 г. Пасля скасавання часовага збору з уладальніцкіх даходаў у 1820–1825 гг. недаборы па гэтым плячэжы амаль не ліквідаваліся: запазычанасці складалі ад 85,4 % (1824 г.) да 98,3 % (1820 г.) належнай да збору сумы [21, с. 219, 221, 230, 233, 239, 242, 247, 249, 255, 258, 264, 268, 274, 277, 462, 473, 482, 491, 501, 510, 520, 530, 542, 552, 562, 575, 586, 598].

Урэшце імянным указам ад 12.12.1819 г. прынцып дэкларавання плацельшчыкамі сваіх даходаў быў адменены, і з 1820 г. збор з ацэненых прыбыткаў нерухомай маёмасці усіх уладальнікаў, уведзены як часовы надзвычайны падатак для фінансавання ваенных расходаў, скасоўваўся [19, т. 36, № 28028, с. 416]. Часовы збор з уладальніцкіх даходаў быў адменены з прычыны нязначнасці яго фіскальных вынікаў, увядзення ліберальнага мытнага тарыфу, аховы дзяржавай маёмасных інтарэсаў памешчыкаў-прыгоннікаў. Нядоімкі з працэнтнага збору з уладальніцкіх даходаў ліквідаваў маніфест ад 22.08.1826 г.

Такім чынам, пошук дадатковых крыніц фінансавых сродкаў для папаўнення дэфіцытнага дзяржаўнага бюджэту Расійскай імперыі з мэтай задавальнення ваенных расходаў напярэдадні вайны з Напалеонам вымусіў царскі ўрад пашырыць сацыяльную базу падаткаплацельшчыкаў за кошт памеснага дваранства – прывілеяванага саслоўя, вызваленага ад дзяржаўных абвязковых грашовых плацяжоў падатковага кшталту. Аднак арганізацыя, формы, метады і парадак падаткаабкладання даходаў дадзенай катэгорыі фізічных асоб насілі

выпадковы, часовы, надзвычайны, эксперыментальны, пробны, нетрывалы характар. Часовы фінансавы працэнтны збор з чыстых асабістых грашовых даходаў нерухомых памешчыцкіх маёнткаў і ўсіх даходных дамоў іх уладальнікаў у гарадах без падзелу на пэўныя крыніцы быў «скорее добровольным приношением, основанным на гражданской чести, чем принудительным налогом, основанным на гражданской обязанности» [2, с. 11]. Фактар падатказдольнасці плацельшчыка вызначаў дэкларатыўны метада ацэнкі даходаў. Адсутнічаў механізм рэалізацыі падатковага ўліку за дакладнасцю вылічэння даходаў уладальнікаў і кантролю за ўплатай часовага адвольнага працэнтнага збору, не былі вылучаны дакладныя магчымыя крыніцы грашовых прыбыткаў (з відаў ацэненай маёмасці, заняткаў, грашовага ўтрымання асоб без розніцы і г. д.). Фінансавы збор з даходаў нерухомай маёмасці збіраўся ў 1812–1819 гг. у Расійскай імперыі ў складаных сацыяльна-эканамічных і ваенна-палітычных умовах эпохі вайны 1812–1814 гг. з Напалеонам і яе спусташальных наступстваў. У ім праяўляліся рысы прамога падаходнага абкладання, спалучаліся прынцыпы прагрэсіўнасці падаткаабкладання, усталёўваўся памер неабкладаемага мінімуму даходаў. У той жа час выгады прагрэсіўнасці падаткаабкладання нівеліраваліся тым, што прагрэсіўная шкала падаткаабкладання не датычылася асабліва буйных канцэнтраваных даходаў землеўласнікаў, для якіх дзейнічаў прапарцыянальны спосаб налічэння працэнтнага збору. У беларускіх губернях Расійскай імперыі частка памешчыкаў праяўляла пранапалеонаўскія настроі і таму не спяшалася дзяліцца фінансавымі прыбыткамі з сваіх маёнткаў на карысць імперскага скарбу. Да таго ж у краі пераважалі нязначныя па колькасці прыгонных розныя віды землеўладання, буйная зямельная уласнасць драбілася з прычыны панавання арэнднай сістэмы, а прафіцыт даходаў памешчыцкіх маёнткаў быў невялікім з-за ваеннага ліхалецця і яго вынікаў. Гэтыя абставіны абумовілі нязначны фіскальны эффект гэтага працэнтнага падаходнага збору пры выдучай наяўнасці запазычанасцей і яго сціплую ролю ў фарміраванні даходнай часткі дзяржаўнага бюджэту.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Срочные ведомости и донесения разных присутственных мест и лиц о взыскании разных государственных недоимок в Литовском военном

губернаторстве за 1825 г. // Адзел рукапісаў, рэдкай кнігі і старадрукаў Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі (Мінск). – 2088 л.

2. *Алексеенко, М. М.* Подоходный налог и условия его применения. Речь, произнесенная в торжественном собрании императорского Харьковского университета 17 января 1885 года / М. М. Алексеенко. – Харьков: Тип. М. Ф. Зильберберга, 1885. – 35 с.

3. *Болдырев, Г. И.* Подоходный налог на Западе и в России / Г. И. Болдырев. – Л.: Изд. Северо-Западного Промбюро ВСНХ, 1924. – [4], 274 с.

4. *Вербицкий, А. И.* Основные формы подоходного обложения в их историческом развитии и система законодательства о подоходном налоге в России: с приложением текста закона 6 апреля 1916 г. и библиографического указателя / А. И. Вербицкий. – Иркутск: Коммерч. электро-тип., 1916. – [2], II, 87 с.

5. Министерство финансов 1802–1902: исторический очерк / под ред. Н. К. Бржеского. – СПб.: Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1902. – Ч. 1. – X, 640 с.

6. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі г. Мінск (далей – НГАБ). – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 138.

7. НГАБ. – Ф. 319. Воп. 1. Спр. 80, 827–833, 854–855, 857–858, 891, 896.

8. НГАБ. – Ф. 320. Воп. 1. Спр. 12, 43.

9. НГАБ. – Ф. 320. Воп. 2. Спр. 10^а.

10. НГАБ. – Ф. 320. Воп. 3. Спр. 9.

11. НГАБ. – Ф. 333. Воп. 1. Спр. 186, 696, 726.

12. НГАБ. – Ф. 333. Воп. 25. Спр. 29.

13. НГАБ. – Ф. 1416. Воп. 2. Спр. 5562.

14. НГАБ. – Ф. 1416. Воп. 6. Спр. 897.

15. НГАБ. – Ф. 1730. Воп. 1. Спр. 442.

16. *Носова, Г. В.* К вопросу о роли прямого налогообложения в системе государственных доходов в 1812–1814 гг. / Г. В. Носова // Финансы. – 2013. – № 3. – С. 68–72.

17. *Носова, Г. В.* О взимании подоходного налога с дворянских имений в 1812–1819 годах / Г. В. Носова // Финансы. – 2014. – № 2. – С. 59–63.

18. *Покровский, Н. Н.* О подоходном налоге / Н. Н. Покровский. – Пг.: Тип. ред. период. изд. М-ва финансов, 1915. – [6], 184, 129 с.

19. Полное собрание законов Российской империи: собрание 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. 2-го отд. собствен. его император. величества канцелярии, 1830. – Т. 32, 33, 36, 39, 40.

20. Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург. – Ф. 1409. Оп. 1. Д. 450. Ч. 2.

21. Сборник императорского Русского исторического общества: в 148 т. – СПб.: Тип. В. Безобразова и К^о, 1867–1916. – Т. 45. – 1885. – 623 с.

22. Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной его императорского величества канцелярии: в 16 вып. / под ред. Н. Дубровина, В. Строева. – СПб., Пг.: Гос. тип., 1876– 1917. – Вып. 13. – 1906. – IV, 398 с.

23. *Свиричевский, А. Р.* Подоходный налог / А. Р. Свиричевский. – 2-е изд. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 256 с.

24. Труды Комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов: в 23 т. – СПб., 1862–1877. – Т. 16, ч. 1: О подоходном налоге / М. П. Веселовский. – 1869. – [VI], 197, 386 с.

25. *Ходский, Л. В.* О подоходном налоге в России. Сообщение, сделанное в императорском Вольном экономическом обществе 17 октября 1892 года / Л. В. Ходский // Труды императорского Вольного экономического общества. – 1893. – Кн. 5. – С. 137–164.

(Дата поступления: 15.05.2021).

ПРОБЛЕМЫ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ НА ЗЕМЛЯХ ИВАНОВЩИНЫ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Милач Т. М.

Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Брест, Беларусь

В статье рассмотрены проблемы землепользования на землях Ивановщины в конце XVIII – первой половине XIX в. Основное внимание уделено изменениям, произошедшим после вхождения белорусских земель в состав Российской империи. Значительное место отведено истории имений и их владельцам, жизни крестьян.

Ключевые слова: землепользование; крепостное право; помещики; крестьяне; повинности; барщина; оброк.

PROBLEMS OF LAND USE ON THE LANDS OF IVANOVO DISTRICT AT THE END OF THE 18th – FIRST HALF OF THE 19th CENTURY

Milach T.

Brest State A. S. Pushkin University, Brest, Belarus

The article is devoted to the consideration of the problem of land use on the lands of the Ivanovo district at the end of the 18th – the first half of the 19th century. The author paid the main attention to the changes that took place after the entry of the Belarusian lands into the Russian Empire. A significant place in the article is devoted to the history of estates and their owners, the lives of peasants.

Keywords: Land use; serfdom; landlords; peasants; duties; corvée; quitrent.

Система земельных отношений общество интересовала в разные времена. Современность в этом плане не исключение. Информационное общество больше интересуется исторические ситуации и то, как человек из этих ситуаций выходил. Алгоритм выхода всегда многопланов. Именно он и составляет актуальность практически любого исторического исследования. Региональная история в этом плане интересна и потому, что здесь фигурирует не обобщенная картина истории, а люди, их судьбы, их переживания.

Третий раздел Речи Посполитой в 1795 г. стал отправной точкой для изменений в системе землепользования на территории Ивановщины,

которая, как и остальные части Беларуси, была включена в состав Российской империи. Коренные преобразования, начатые царским правительством, затронули все стороны жизни общества. Ивановщина была вовлечена в общероссийскую хозяйственную систему и стала существовать по новым установленным правилам. Основной отраслью экономики было сельское хозяйство.

Первоначально после присоединения белорусских земель были сохранены все существовавшие ранее формы собственности, земельное право Устава 1588 г., был восстановлен Литовский Трибунал. Это объясняется политикой царского правительства, стремившегося заручиться поддержкой местной знати. Ситуация менялась постепенно. Изменения сначала коснулись социальной структуры. Еще в период царствования Екатерины II началось ограничение прав мелкой шляхты. Основным средством стала проверка родоводов. У всех, кто не мог подтвердить свое происхождение соответствующими документами, шляхетские права отбирали. В результате сокращалось количество представителей этого социального слоя. Шло перераспределение земельной собственности.

На протяжении первой половины XIX в. продолжался пересмотр шляхетских прав, начатый в конце XVIII в. После восстания 1830–1831 гг. процесс был ускорен, он сопровождался конфискацией имений у участников восстания. Царское правительство продолжало осуществлять дарование земель русским вельможам, военным и общественным чиновникам, насаждая русское землевладение в Беларуси. Таким образом правительство стремилось создать опору и поддержку в борьбе с национально-освободительным движением. Часть конфискованных имений возвращались владельцам, которые присягнули на верность царизму [1, с. 70].

Местечко Мотоль по ревизии 1816 г. находилось во владении княгини Дейгоролии Рыль [2, с. 17]. По ревизским сказкам указывается, что в нем проживало около 402 мужских душ мещан. Среди жителей местечка были и иностранцы: Иоган Вандлик (36 лет) (жена Роса 30 лет, дочь Маруся 3 года). Ежегодно крестьяне пополняли сельские запасные магазины на случай неурожая. Частью имения владела французская принцесса де Броли-Ревель до конца 1827 г., а 30 декабря 1827 г. департамент государственного имущества Министерства финансов Российской империи направил Гродненской казначейской палате царский указ о принятии местечка Мотоль в казенное ведомство с 12 апреля 1828 г.

Своим указом император Николай I ликвидировал право владения местечком Мотоль французской принцессой де Броли-Ревель. В указе отмечалось, что государственное казначейство должно ежегодно выплачивать принцессе 1217 руб. серебром до ее смерти.

27 января 1828 г. император подписал очередной указ «О пожаловании командиру 1-й бригады 25-й пехотной дивизии генерал-майору Бройко в Гродненской губернии местечка называемого Мотоль на 12 лет с платежом в казну квартowych денег по 217 руб. в год серебром». В связи с передачей Мотоля генерал-майору Бройко в 1828 г. был составлен очередной инвентарь местечка [2, с. 17].

Староство Псыщевское, как и местечко Мотоль, указом императора от 11 декабря 1819 г. было пожаловано на 12 лет в аренду вице-адмиралу Быченскому. По люстрации 1798 г. имение состояло из 122 дворов, насчитывало 340 душ мужского пола, имело годовой доход 1516 руб. серебром. По условиям аренды Быченский должен был выплачивать в казну квартowych по 516 руб. в год и в свою пользу оставлять 1000 р. Продолжая арендовать имение, Быченский в 1828 г. обратился в палату госимуществ об отмене арендной ставки из-за значительного сокращения дохода от содержания имения и сохранении за ним дохода 900 руб. в связи с тем, что этот доход является единственным для его семьи [3, л. 1, 9, 14].

Участь конфискации постигла имение Вороцевичи, которое с начала XVII в. принадлежало Ордам. В начале XIX в. владельцем был Михаил Орда, инженер-фортификатор, маршалок шляхты Кобринского уезда, женатый на Юзефине Бутримович (1775–1859), единственной дочери Матеуша (1745–1814). В семье Ордов выросли сын Наполеон и две дочери, которые породнились с известными землевладельцами Скирмунтами. За участие в восстании имение Наполеона Орды, которое ему перешло от отца в пожизненное владение, подлежало конфискации после смерти матери. 2 марта 1834 г. Юзефина Орда подала прошение на пожизненное владение имением Вороцевичи, указав на то, что она им владеет с 1802 г. [4, л. 1, 5].

При инвентарном описании конфискованного имения Вороцевичи Наполеона Орды было отмечено, что в 1835 г. урожаем озимой ржи составил 5 четв., пшеницы – 5 четв., яровой пшеницы – 1 четв., ячменя – 10 четв., овса – 9 четв., гречихи – 2 четв., гороха – 4 четв. Количество крестьян в Вороцевичах составляло 442 человека, среди них дворовых было 15. Барщина составляла 3 мужских и 3 женских дня в неделю. По-

винности выполняли по необходимости, а дань требовалась с каждого дома, ее размер составлял: ржи озимой – 4 четв., овса – 4 четв., грибов – 2 копи, яиц – 20 штук, курей – по 4 штуки. По решению Кобринского уездного суда в декабре 1833 г. были признаны свободными 5 домов – 40 чел. От свободных крестьян помещица Орда тоже требовала чиншевых выплат. И в связи с этим крестьянин Савицкий подал жалобу в государственные органы о неправомерности сбора податей помещицей Ордой в сумме 100 руб. [5, л. 1–4]. Наполеону Орде после конфискации было дано право на аренду трех ферм, на которые было разбито имение.

Участь конфискации постигла часть имения Пешково Пинского уезда в связи с участием его владельца Ожешко в восстании 1830–1831 гг. [6, л. 1]. В связи с конфискацией имения сестрам дали по 1000 серебром [7, л. 1]. Однако клеймо участника восстания будет фигурировать в документах различного характера и сказываться на отношении государственных структур к его родным и близким [8, л. 2].

Земля в деревне Кротово принадлежала нескольким владельцам: Петру Чаплицу [8, л. 331] и И. В. Ширме [8, л. 334]. Имение И. В. Ширмы было конфисковано по причине участия его хозяина в восстании 1830–1831 гг. [9, л. 1]. В 1836 г. за номером 6344 было составлено хозяйственное описание лесной дачи имения Кротово. В связи с тем, что имение перешло в казну, имели место случаи незаконной рубки леса (под лесом находилось 213 дес. 2194 саж., 5 саж., под угодьями – 582 дес. 505 саж., неудобной земли – 99 дес. 450 саж.) жителями деревни [9, л. 6]. Поэтому были выбраны крестьяне, которые должны были вести надзор: Григорий Брыкович, Федор Полховский. Значительная часть леса, как следует из описания, может быть употреблена на дрова. Основная порода деревьев – дуб, граб, сосна, осина, ольха, береза, орешник. Господствующие деревья были высотой от 5 до 10 аршин и от 6 до 13, в возрасте от 30 до 120 лет. Ежегодные вырубki в лесу не проводились, в связи с этим наблюдалось оскудение прироста строевого леса – всего около 90 штук пригодных деревьев [9, л. 9].

Судьба имения Сочивки была более благоприятна. Участь быть конфискованным его не постигла лишь по причине того, что оно напрямую не принадлежало Игнатию Домейко, участнику восстания. Сочивки – владение Родовицких. В 1771 г. его купил Адам Анцута, городской судья, а затем берестейский земский, женатый на Анне Володковичевой. По наследству перешло самому младшему, шестому, сыну Станиславу. По духовному завещанию от 25 ноября 1820 г. владелицей имения ста-

ла его родная сестра Каролина Домейко, по втором браке Бересневич (умерла в 1832 г.). После поражения восстания 1830–1831 гг. было заведено дело о конфискации имения Сочивки за участие Игнатия в восстании. Однако оказалось, что оно не принадлежало «мятежнику» [10, с. 327].

Жизнь крестьян в помещичьих имениях и на казенных землях была достаточно сложной. Помимо тяжелых условий труда ситуацию усложняли природно-климатические условия: частым климатическим явлением были град и ураган. Размеры убытков зачастую были очень большими. Крестьян ожидал голод, да и хозяева имений из-за потери урожая несли убытки.

Неблагоприятные природно-климатические условия не были единственной проблемой для крестьян и жителей местечек. В 1833 г. казенные крестьяне местечка Мотоль в палату госимуществ подали жалобу на выборных старшин и писаря по причине излишнего сбора денег и растрат. В связи с этим в период с 1833 по 1839 г. комиссия от казенной палаты во главе с Задунайским осуществляла ревизию книг местечка и проводила следствие. По окончании работы было сделано заключение, что выборные старшины и писарь незаконно расходовали деньги, и эта сумма составила 2487 руб. 9 коп. [11, л. 26]. Дело было передано в суд, который принял решение о взыскании денег с избранных старейшин и предписал избрать более благонадежных людей на эту должность [11, л. 27].

Жизнь помещиков тоже не лишена была проблем. В конце 30-х гг. XIX в. Скирмунт столкнулся с финансовыми трудностям. Чтобы выйти из кризисного положения, он вынужден был обратиться к государственным органам для получения ссуды. В связи с этим в марте 1839 г. было сделано обследование поместья для получения помещиком денежной ссуды под залог имения в Петербургском попечительском совете. В 1842 г. палатой госимуществ был поднят вопрос о торгах на отдачу в арендное содержание местечка Мотоль по истечении 12-летнего срока аренды, поскольку на арендаторе Скирмунте накопилось большое количество недоимок арендной платы в сумме 1091 руб. 58 коп. серебром [12, л. 2,3].

На протяжении первой половины XIX в. представители белорусской шляхты доказывали свои права на дворянство. Зачастую, если у претендентов не было документов, к делу подключались жители имений. К делу по установлению дворянства Годембов-Годдебских были под-

ключены 6 крестьян (Гаврилович, Майкевич, Кузевич и др.) из имений Теребунь и Бродница, которые 4 декабря 1846 г. свидетельствовали о том, что «они помнят от старых людей, что имение Бродница в 16 крестьянских дворов была продана шляхтичем Годебским по купчей Скирмунтам» [13, л. 20]. По данным самих представителей рода Годебских, впервые Теребунь была приобретена в 1558 г. предком рода Иваном Васильевичем Годебским, а Бродница в 1653 г. приобретена Константином Ивановичем Годебским от родного брата Павла Иванова Годебского, на этом основании и базируется просьба автора письма о необходимости составления удостоверения на 3 января 1846 г. [13, л. 3].

В декабре 1839 г. Николай I подписал «Положение о люстрации государственных имуществ в западных губерниях и Белостокской области». В государственных имениях начала проводиться люстрация, основными целями которой были точное описание государственных имений, определение крестьянского землепользования и повинностей, повышение платежеспособности деревни. Следующий этап люстрации составлял основу перевода крестьян с барщины на оброк. Однако надо отметить, что на территории Ивановского района было незначительное количество государственных хозяйств, и основную массу крестьян составляли частнособственнические. Люстрация стала отправной точкой для изменения подходов правительства в отношении частнособственного крестьянства.

В апреле 1844 г. Николай I утвердил положение о создании дворянских комитетов в западных губерниях для составления обязательных инвентарей помещичьих имений. Инвентари должны были содержать описание помещичьих имений, перечень всех земельных угодий, деревень и крестьянских дворов. Кроме того, в инвентаре закреплялись все повинности крестьян и нормы наделения их землей. На территории района инвентари всех имений были составлены в течение 1844–1848 гг. Согласно им за каждым крестьянским двором закреплялись участок земли пахотной, усадебной и сенокосы. Пастбищные угодья закреплялись за всеми крестьянскими дворами в общее пользование. По инвентарю крестьяне не получали лес, единственным его хозяином был помещик. А это давало ему возможность требовать с крестьян дополнительные поборы. Обычно сельскохозяйственный сезон считался с марта по октябрь, рабочий день начинался с пяти часов утра, средняя продолжительность была 16 часов, а в летнее время доходило до 20 часов. В осенний период рабочий день длился от рассвета до заката. Когда

не было сельскохозяйственных работ, крестьяне выходили на строительство новых зданий, ремонт мостов, гатей. Разрешалось в рабочий день только одному взрослому человеку оставаться для ухода за детьми и хозяйством.

Земельные отношения определяли нормы для хозяйственных крестьянских работ, которые осложняли положение крестьян. Помещики имели почти неограниченную власть над ними (продавали, пороли плетью, могли сослать в Сибирь). Главной феодальной повинностью крестьян являлась барщина. Размеры барщины определялись соответственно размером надела земли, которым пользовался крестьянин. Кроме этого, крестьяне должны были ходить на так называемые сгоны – работы в период жатвы, сенокоса.

Расширение помещичьего землевладения обуславливало увеличение количества дней барщины и количества сгонов. Повинности крестьян в имении Одрижин, принадлежавшем Ипполиту Дормидонту Толубееву в 1846–1848 гг., были следующие: барщина – 3 дня в неделю, всего в год – 150, по 15 коп., пеших – 2 дня, по 9 коп., сгонов – 12 дней по 5 душ на один двор, всего пеших дней – 60, дополнительных, строительных, упряжных – 3 дня; оброк составлял: куриц 2 шт. по 20 коп., яиц 10 по 5 коп., грибов $\frac{1}{2}$ копы, ржи 2 четв. 65 коп. за четв., овса 2 четв. по 32 $\frac{1}{2}$ коп., сена 20 пудов по 13 коп. за пуд [14, л. 10]. Основными культурами, которые выращивались на земле помещика, были: рожь (урожай составлял 6 четв.), пшеница (6 четв.), ячмень (6 четв.), овёс (5 четв.), просо (1 четв.), горох (6 четв.), картофель (11 четв.). На крестьянских землях урожай несколько не уступал урожаю в помещичьих угодьях [14, л. 2].

Повинности крестьян на землях Ивановщины практически не отличались. В среднем на барщине с упряжью крестьяне должны были отработать 2 дня, пеших 1 день в неделю, всего со двора в среднем получалось около $18\frac{1}{2}$ в год, под упряжью 104, по 15 коп, пешего 1 и 52 дня в год, по 9 коп., сгонов 8 дней по 4 души со двора, пеших дней 32. Оброк составлял: гусей $\frac{1}{4}$ – $7\frac{1}{2}$ коп, кур 3–30 коп, яиц $15-7\frac{1}{2}$ коп., добавочные $\frac{1}{8}$ гуся, $3\frac{1}{2}$ кур [14, л. 29].

В 30–40-е гг. XIX в. количество сгонов на территории Гродненской губернии составляло 6–12 дней в год с рабочей души. В большинстве имений губернии устанавливалось 12 дней сгонов. К дополнительным повинностям относились работы на строительстве хозяйственных зданий в господском дворе, ремонт дорог, строительство мостов, гужевая

повинность (обязанность крестьян перевозить своими лошадьми продукты помещичьего хозяйства для продажи). Крестьяне должны были выполнять работы на господском дворе: занимались заготовкой дров, ухаживали за животными, по очереди несли ночную вахту в помещичьем дворе. Во многих поместьях существовала обязанность женщин прясть лен или шерсть для помещика. Достаточно сложным периодом в году были весна и осень: время посадки и сбора урожая. В это время на барщине крестьяне работали почти половину недели, а вторую половину недели они работали на поле помещика. Все это не способствовало процветанию крестьянских хозяйств. Урожай с крестьянских полей зачастую собирался не вовремя, некоторая его часть погибала из-за дождей или просрочки времени сбора.

Частым явлением на территории Ивановщины были волнения крестьян, которые были недовольны существующей системой земельных отношений. Местечко Мотоль считалось государственным, крестьяне платили налоги царской казне и не так зависели от помещиков, как жители соседних деревень. Мотоляне имели небольшие полоски земли. Луга в пойме Ясельды принадлежали крупным землевладельцам. Приходилось просить разрешения косить сено, а затем его выкупать. Часть жителей брала в аренду землю у церкви, за что платила третью часть урожая. Цены постоянно росли и на заготовку сена, дров. Мотольское озеро тоже находилось во владении помещиков: одна его часть принадлежала Юргенсону, вторая – церкви. Нередки были случаи захвата земель у крестьян. В 1840 г. крестьяне пожаловались на захват у них земельных наделов. Выяснилось, что помещик Анихимовский или его вотчинники в период с 1796 по 1838 г. забрали в м. Мотоль 365 десятин земли. 37 десятин было изъято помещикам Максимилианом Колбой в период с 1796 по 1836 г. Кроме этого, было отнято 250 возов сена. Однако жалобы ничего не давали. Помещики не соблюдали закон. Терпение мотолян закончилась, и они решили действовать самостоятельно, силой. Павел Романович, Вакула Бобрикович, Григорий Пташиц, Каленик, Минюк, бывший дьяк Иван, которого священник мотольской приходской церкви снял с должности, Павел Мацукевич и его родственники собрали до 1000 крестьян и напали на земли поместья Заозерье, которые были засеяны овсом. Они собрали чуть более 200 коп еще не совсем зрелого зерна. Мотоляне расправились и с управителем, который прибыл из усадьбы, чтобы защищать свои интересы. Выступление крестьян ничего не изменило в ситуации произвола помещиков.

Основу сельского хозяйства Ивановщины в середине XIX в. составляло земледелие с господством трехпольной системы. Пахотные земли каждой деревни были разделены на три поля, на которых поочередно засеивали озимые, яровые и делались пары. Такое распределение пахотных земель фиксировалось в инвентарях. Чтобы получить высокий урожай на белорусских почвах, необходимо было хорошо их удобрить. Из-за недостатка сенокосов крестьяне держали мало скота. Согласно имеющимся расчетам, крестьяне могли обеспечить удобрениями не более 30 % пашни. Дополнительно там, где это было возможно, на поле вывозили ил, торф. Многие крестьяне вовсе не удобряли поля, а рассчитывали только на самовоспроизводство плодородия на парах. Техническое оснащение хозяйства было непрактичное: зерна и травы собирались вручную серпами и косами, молотили зерно цепью; крестьяне использовали бороны и плуги, в качестве тягловой силы были волы, реже – лошади. Волы в качестве тягловой силы имели свои преимущества, их содержание обходилось дешевле для крестьянского хозяйства, они были более выносливые.

До отмены крепостного права в западном регионе Беларуси господствовала фольварочно-барщинная система феодального хозяйства, крестьяне пользовались надельной землей подворно, феодальные собственники и зажиточное крестьянство намного шире прибегали к найму рабочей силы. Крестьянские повинности в пользу государства и помещиков в основном были фиксированы в инвентарях имений и исчислялись с подворного земельного участка [15, л. 5].

Государственные крестьяне платили феодальную ренту в виде денежного оброка, заменившего барщину в 1844–1857 гг. Поземельную оброчную подать в 1858 г. обязаны были вносить ревизские души из государственных крестьян. Они занимали промежуточное положение между помещичьими крепостными и свободными людьми. Государственные крестьяне признавались субъектами гражданского и публичного права и в то же время целиком зависели от государства. Они были лично свободными, по собственному усмотрению распоряжались своей рабочей силой [15, с. 32].

Государственные крестьяне должны были подчиняться полиции и чиновникам, могли быть подарены дворянами вместе с казенными землями, на которых проживали. Правовое положение крестьян являлось непрочным [15, с. 32]. Имели место случаи, когда крестьяне кончали жизнь самоубийством из-за наказаний управляющими поместий.

Так, в деревне Вулька, которая принадлежала князю Юлиану Гедройцу, крестьянин Александр Детко лишил себя жизни, перерезав горло, за то, что по приказу эконома имения Гродского его избили розгами и ремнями [16, л. 10–24].

Отдельную категорию представляли собой удельные крестьяне, прикрепленные к имениям царской фамилии. Они занимали промежуточное положение между помещичьим и казенным крестьянством и по сравнению с первым пользовались относительно большей свободой. Удельные крестьяне платили поземельный [15, с. 32] денежный оброк. В конце 50-х гг. XIX в. они были освобождены от крепостной зависимости. В результате произошло обезземеливание крестьянства, и количество вольных людей значительно возросло, что привело к усилению крестьянского движения, в том числе борьбы вольных людей за землю [15, с. 34].

На землях Ивановского района крестьяне в основном занимались хлебопашеством и ведением сельского хозяйства. Другие занятия и промыслы развивались слабо. В годы удовлетворительного урожая благосостояние крестьян было обеспечено, в неурожайные годы другие занятия и промыслы не в должной мере давали возможность смягчить несчастья. К этому добавлялась и проблема раздробленности участков [17, л. 208 оборот]. Крестьяне вынуждены были прибегать к постоянным заработкам. Значительная часть подрабатывала у местных помещиков: обработка полей, сенокосы и жниво. Этими работами крестьяне были заняты примерно 15 дней в году и получали от 30 до 50 копек в день на своей еде. Этот заработок чаще всего привлекал безземельных крестьян или крестьян-арендаторов [17, л. 208].

Таким образом, после вхождения белорусских земель в состав Российской империи произошли существенные изменения как в земельных отношениях, так и в жизни помещиков и крестьян. Значительное влияние оказало восстание 1830–1831 гг., реформы царского правительства. Ситуация перераспределения земельного фонда, изменения в социальном составе населения не способствовали благоприятному развитию экономики региона. Страдала также психология населения.

Список использованных источников

1. *Люты, А. М.* Сацыяльна-эканамічнае развіццё Беларусі ў другой палове XVIII – першай палове XIX ст. / А. М. Люты. – Мінск: БДПУ, – 2004. – С. 70.

2. Горбацкий А. А. Мотоль в исторической памяти / А. А. Горбацкий // Вестн. Брест. ун-та. Сер. 2. – 2013. – № 1.

3. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (далее – НИАБ в Гродно). – Ф. 1. Оп. 2. Д. 1405. – Об отдаче в 12-летнее содержание староства Псыщевское вицеадмиралу Быченскому. 4 сентября 1826 г. – 13 апреля 1828 г.

4. НИАБ в Гродно. – Ф. 1. Оп. 19. Д. 561. – Об установлении прав владения им. Вороцевичи Кобринского уезда помещицы Юзефы Орда. 2 марта 1834 г. – 16 июня 1834 г.

5. НИАБ в Гродно. – Ф. 1. Оп. 11. Д. 13. – Дело об установлении права на свободу от крепостной зависимости крестьянином Савицким. 24 марта 1837 г. – 20 июля 1837 г.

6. Национальный исторический архив в г. Минске (далее – НИАБ). – Ф. 299. Оп. 2. Д. 2358. – Дело об исполнении указа Сената о доставлении сведений на часть им. Пешково Пинского уезда участника польского восстания 1831 г. Оржешко. Начато 1 декабря 1845 г.

7. НИАБ. – Ф. 299. Оп. 2. Д. 3150. – Дело об исполнении указа Сената о выдаче денег сестрам участника польского восстания 1831 г. помещика Оржешко с конфискованного им. Пешково Пинского уезда. 5 ноября 1847 г. – 16 ноября 1847 г.

8. НИАБ. – Ф. 299. Оп. 2. Д. 4078. – Дело о взыскании с наследников имени Пешково Пинского уезда, конфискованного у участника Польского восстания в 1831 г. Оржешки, хлеба в Оховский сельский запасный магазин. 3 сентября 1852 г. – 28 декабря 1866 г.

9. НИАБ. – Ф. 333. Оп. 24. Д. 198. – Дело о хозяйственном описании лесов им. Кроново, Пинского уезда, конфискованных у участника восстания 1831 г. И. В. Ширмы. 29 января 1837 г. – 24 апреля 1837 г.

10. Федорук, А. Т. Старинные усадьбы Берестейщины. / А. Т. Федорук; ред. Т. Г. Мартыненко. – 2-е изд. – Минск: БелЭн, 2006.

11. НИАБ в Гродно. – Ф. 1. Оп. 5. Д. 112. – О ревизии книг местечка Мотоль и о злоупотреблении старшины этого имения, собиравшего с крестьян подати и присвоившего их себе. Сент. 1841 г. – 1842 г.

12. НИАБ в Гродно. – Ф. 1 Оп. 5. Д. 279. – Переписка с палатой госимуществ о торгах на отдачу в арендное содержание оброчных статей в м. Мотоль. 11 сентября 1842 г. – 21 сентября 1842 г.

13. НИАБ. – Ф. 299. Оп. 2. Д. 2587. – Дело о рассмотрении материалов об отыскании им. Теребунь и Бродницы Пинского уезда для доказательства дворянского происхождения рода Годзембов-Годебских.

14. НИАБ в Гродно. – Ф. 96. Оп. 1. Д. 1264. – Инвентарь Одржина, принадлежащего помещику Толубееву. 1846–1848 гг.

15. Панютнич, В. Н. Социально-экономическое развитие белорусской деревни в 1861–1900 гг. / В. Н. Панютнич; науч. ред. П. Г. Козловский. – Минск: Навука і тэхніка, 1990.

16. НИАБ в Гродно. – Ф. 1. Оп. 5. 1058. – Дело о самоубийстве крестьянина Детко Александра последовавшем от избияния его розгами и ремнями эконом именя Гродским.

17. НИАБ в Гродно. – Ф. 24. Оп. 1. Д. 202. – О предоставлении в департамент окладных ведомостей по окладным сборам с приложениями.

(Дата поступления: 14.05.2021).

РАЗДЕЛ 4. ВОЕННЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ЗАПАДНОГО РЕГИОНА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

УДК 94(476)"1918/1919"

ПИНСКИЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИЙ БАТАЛЬОН: ИСТОРИЯ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ²⁸

Малишевский Н. Н.

Республиканский институт высшей школы, Минск, Беларусь

В статье рассматриваются история и военно-политические аспекты формирования Пинского добровольческого батальона (Пинско-Волинского добровольческого батальона) – первого «полностью белогвардейского» подразделения, созданного и воевавшего в 1918–1919 гг. на белорусской земле.

Ключевые слова: Пинский добровольческий батальон; Пинско-Волинский добровольческий батальон; боевые действия Пинско-Волинского добровольческого батальона; капитан Бохенский; белорусские белогвардейцы.

PINSK VOLUNTEER BATALION: HISTORY AND POLITICAL-MILITARY ASPECTS OF FORMATION

Maliszewski N.

National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus

The article examines the history and military-political aspects of the formation of the Pinsk Volunteer Batalion (Pinsk-Volyn Volunteer Batalion) – the first and only «completely White Guard» unit, created and fought in 1918–1919 on the Belarusian land.

Keywords: Pinsk-Volyn volunteer battalion; Pinsk volunteer battalion; military operations of the Pinsk-Volyn volunteer battalion; captain Bohensky; Belarusian White Guards.

Пинский добровольческий батальон (в русскоязычной историографии известен под более поздним названием – «Пинско-Волинский

²⁸ Автор выражает благодарность потомку рода Бохенских – Михаилу Константиновичу Кузьмичу – за помощь в подготовке данной публикации.

добровольческий батальон», в польских документах 1919 г. батальон именуется «Пинский добровольческий») – первое белогвардейское формирование, созданное и воевавшее в 1918–1919 гг. на белорусской земле. Ядром Пинского добровольческого батальона стала белогвардейская офицерская дружина, сформированная на Пинщине из уроженцев белорусского Полесья, противников советской власти. На пике деятельности (май – лето 1919 г.) численность личного состава подразделения превышала 1100 человек (перевод наш. – М. Н.) [1].

Возглавил формирование энергичный офицер, капитан императорской армии Бохенский. Польскоязычные источники [2, р. 21] называют его Иосифом (пол. Józef Bocheński), поляком и жителем Пинска, русско- и белорусскоязычные источники – Антоном, уроженцем Столинщины («столинским помещиком») и владельцем поместья Видибор [3, с. 175; 4, с. 101]. И те и другие ошибаются. Среди рожденных на Пинщине пяти братьев Бохенских не было людей с такими именами. Отряд появился благодаря сразу двум братьям Бохенским. Де-юре его возникновению способствовал старший, крупный чиновник Владимир, де-факто – младший, боевой офицер Евгений, который стал непосредственным командиром отряда.

В состав дружины вошли военнослужащие бывшей Русской императорской армии, в том числе служившие в военных формированиях Украинской Народной Республики (УНР) и так называемой Украинской Державы (гетманат Скоропадского), а также бывшие «царские» офицеры польского происхождения, по тем или иным причинам не вступившие в ряды Войска Польского. Помимо них отряд пополнялся за счет добровольцев из местных жителей, групп офицеров из Мозыря и других близлежащих городов, пленных «красных» и участников восстаний на территории белорусских губерний – как антибольшевистских (Гомельского «Стрекопытовского», март 1919 г.), так и пробольшевистских (Полесского, 1918–1919), которых в ряды дружины «привлекли свобода и лучшее содержание»(перевод наш. – М. Н.) [1].

Советская власть, против которой стали бороться эти люди, появилась на белорусском Полесье в октябре 1917 г. Фактически в те же дни линия фронта Первой мировой войны остановилась между Пинском и Луниным. В марте 1918 г. большевики ушли в подполье, так как Пинский уезд Минской губернии оказался в составе созданной под кайзеровским протекторатом Украинской Державы. С согласия ее властей Германия оккупировала большую часть Украины, а также белорусское

Полесье. К этому времени линия фронта уже фактически прекратила существование. На железнодорожных станциях Лунинец, Видибор, Горынь и других были размещены немецкие гарнизоны. Гетманские власти сделали центром округа Давыд-Городок, разместив здесь большой военный гарнизон.

Город Пинск, оккупированный немецкими войсками, стал центром Полесского повета, в составе которого находилась вся восточная часть современной Брестской области, т. е. Столинский, Лунинецкий и Ивановский районы. Здесь же была расположена резиденция старосты. Несмотря на немецкую оккупацию и дислокацию украинских частей, на Пинщине активно действовали просоветские партизанские формирования. Офицерский отряд Бохенского, став первым белогвардейским формированием на территории, входящей в состав современной Беларуси, принял в 1918 г. активное участие в боях против них.

Одной из крупнейших операций августа-октября было взятие Столина, захваченного просоветскими партизанами летом. Большевицкая разведка, действовавшая в направлении железной дороги Горынь – Лунинец и на тракте Столин – Пинск, заранее сообщила о подготовке белогвардейцами и немцами контрнаступления на Столин со стороны Видибора. Большевики срочно перебросили из Турова в Столин основные силы и подготовились к обороне города. С этой целью были использованы окопы и укрепления вокруг города, созданные еще царскими войсками в начале Первой мировой войны.

Однако удержать город «красные» не смогли – были выбиты офицерской дружиной, поддержанной немцами и гетманцами, после чего отступили в направлении Струга – Переброды, где лесные массивы в окрестностях этих деревень позволили им «надежно укрыться» [5, с. 104].

События 11 октября 1918 г. привели к коренному изменению ситуации на международной арене в целом и на Полесье в частности. Германия, где началась революция, была вынуждена заключить перемирие, по которому обязалась покинуть все захваченные территории. Это дало мощный толчок пробольшевицкому Полесскому восстанию (1918–1919), начавшему стремительно развиваться вдоль железной дороги Лунинец – Сарна. Просоветские партизаны взяли Горынь и Речицу, после чего развернули наступление на Столин.

Офицерская дружина ввиду значительного превосходства сил противника в бой вступать не стала и отошла в сторону Пинска. Так же поступили гетманцы и гайдамаки, располагавшие более значительными

возможностями. Это стало стимулом для дальнейшего развития просоветского выступления. Почти бескровная победа «красных» в Столине оказала мобилизующее воздействие на местное население, поспособствовав росту рядов просоветских формирований и дав толчок начавшемуся 14 ноября 1918 г. «антигетманскому восстанию» в Пинске.

В те дни, а затем в декабре 1918 г. офицерская дружина оказала при обороне Пинска успешное сопротивление как просоветским повстанцам, так и петлюровцам. В январе 1919 г. отряд Бохенского вступил в схватку непосредственно с советскими войсками, обороняя город от частей 152-го полка 17-й бригады Красной Армии и Полесских повстанческих коммунистических полков Рязановича и Казубовского [3, с. 175]. К этому времени регулярных немецких частей в Пинске уже не было. Перед тем как немцы покинули город, командование «красных» выдвинуло им ряд требований. Из них, по словам участника событий, «только одно условие немецкое командование не выполнило: белогвардейцы не были переданы нам» [6, с. 182].

В ночь на 22 января, выгрузившись на вокзале в Пинске, советские части, по словам участника, «внезапно и бесшумно разоружили посты петлюровцев. Другая группа красноармейцев и повстанцев захватила караульное помещение вместе со сменой караульных. Третья группа окружила бывшие немецкие бараки, пленив в них до 200 гайдамаков <...> Нам оставалось взять с боем здание реального училища, за кирпичными стенами которого засели офицеры с пулеметом и винтовками...» [6, с. 182].

23 января передовые части 17-й стрелковой дивизии «красных», уже занявшие железнодорожную станцию Пинск и пленившие украинское воинство, были отброшены добровольцами дружины «белых». Однако вскоре под давлением многократно превосходящих сил офицерский отряд Бохенского был вынужден оставить город и отойти на запад вдоль железной дороги Кобрин – Пинск. Здесь добровольцы соединились с наступавшими польскими войсками, чтобы вместе с ними выбить большевиков из Пинска. «Не знаю, кого осудит история, кого оправдает, но мы, сражаясь против большевиков, желали добра только России и считали, что главными ее врагами являются большевики, а не поляки», – писал впоследствии один из офицеров батальона [7].

Сами поляки, которые в то же время вели бои против войск УНР на «Холмском [Полесском] фронте», первоначально настороженно отнеслись к русскому отряду и намеревались его разоружить. Но вместо

этого, после переговоров, присоединили 10 февраля в Кобрине отряд к польским войскам. По мнению А. Кручинина [8, с. 92–96], это могло быть обусловлено общностью позиции по отношению как к петлюровцам, так и к большевикам [8, с. 92–96].

Из сводки польского Генерального штаба: «Варшава. 12. II. 1919 Литва и Беларусь: Группа генерала Листовского: Дня 10 февр. 0 часов. В 10 часов утра уланы 5-го и 2-го полков взяли Кобрин. Личный состав украинской дивизии разоружен. Русская офицерская дружина поступает под польское командование, выражая готовность совместной борьбы с большевиками и предоставляя польскому правительству 1000 винтовок, 150 000 патронов, 8 пулеметов и 3 миномета» [9, с. 35].

На тот момент отряд из Пинска, по информации А. Кручинина [8, с. 92–96] (приводимые им данные из российских архивов полностью совпадают с цифрами, озвучивавшимися в польских сводках того времени) [7], имел значительные запасы вооружения, возможность пополнения рядов за счет новых добровольцев и насчитывал около 150–200 человек. Соединившись с поляками генерала Антония Листовского, «русские добровольцы сохранили свой командный состав, русскую воинскую форму и образовали “батальон Белорусско-Литовского фронта”», – отмечали белогвардейские издания [10, с. 19].

«В течение многих месяцев эти люди сражались с большевиками под высшим польским командованием, с польским одноглавым орлом над русской кокардой; батальон принимал участие во всех наиболее тяжелых боях и проявил большую доблесть», – напишет чуть позже русский эмигрантский автор [10, с. 19].

В оперативных планах генерала Листовского направлению Брест-Литовский – Кобрин – Пинск придавалось большое значение. Именно здесь белорусские белогвардейцы и отличились – 19 февраля при взятии Антополя, а затем 5–7 марта – при наступлении на Пинск и взятии его после упорного боя [11, с. 11, 318; 22, с. 55, 60]. Сводки польского Генерального штаба зафиксировали: «После упорного сражения с превосходящими силами большевиков, наши войска заняли Антополь (35 км на восток от Кобрина). Враг отошел к Дрогичину, оставив на поле боя около 100 убитых и раненых. С нашей стороны потери незначительные. Во время этой акции отличились II батальон Бельского полка, эскадроны 2-го полка уланов, а также Русская офицерская дружина» [9, с. 40].

В польских документах того времени помимо названия «Русская офицерская дружина» встречается еще одно, равноправное ему – «Рус-

ский легион». В начале совместной с поляками борьбы против большевиков «Русский легион» насчитывал лишь около 200 человек, в основном офицеров и унтер-офицеров [11, с. 11]. Однако прецедент – фактически союзной русской части на польском фронте – был, по словам А. Кручина [8, с. 92–96], очевидно, слишком важным, и русскоязычная газета «Варшавская Речь» уже с 20 февраля начала публиковать призывы вступить в ряды «русских партизанских отрядов, формирующихся с разрешения польских властей». Должно быть, это не очень хорошо согласовывалось с речью премьер-министра И. Падеревского на открытии Законодательного Сейма того же 20 февраля: ратуя за создание сильной армии, премьер подчеркивал, что «польский Минск, Пинск и Вильно – в большевицких руках» [12, с. 166]. А потому неудивительна и реакция Сейма на объявления в русской газете.

27 февраля социалист М. Недзялковский безапелляционно объявил «боевое братство» русских и польских войск «ненужным и вредным для обороны наших границ». Иные голоса, отмечавшие, например, что в польской армии создаются национальные татарские части, и ставившие вопрос, почему русских признают менее достойными боевого братства с поляками, чем татар [13, с. 118–119], услышаны не были. Как следствие, позиция польских «левых», озвученная Недзялковским, владела.

4 марта был отдан приказ о расформирования дружины Бохенского. Однако выполнен он не был, и ликвидация отряда как боевой единицы весной 1919 г. не состоялась.

Среди причин исследователи называют симпатии генерала А. Листовского и военного министра генерала И. Лесневского – бывших офицеров Российской Императорской Армии, а также успешное наступление оперативной группы «Полесье» Листовского на Пинск 5–7 марта и роль белорусских белогвардейцев в его взятии (они первыми ворвались в город) [14, с. 3]. Сводки Генерального штаба поляков зафиксировали: «В битве с польской стороны особенно отличились прежде всего батальоны Бельского полка, Русская офицерская дружина и партизанский отряд поручика Замечка» [9, с. 53].

В то же время скандал в Варшаве заставил официально сменить названия «Русская офицерская дружина» и «Русский легион» на более унифицированно-нейтральное. Официально русское формирование оперативной группы «Подлясье» (Podlasie), позже «Полесье» (Polesie), было переименовано польским командованием в «Пинский доброволь-

ческий батальон» в марте 1919 г. [1]. Название «батальон», по мнению А. Кручинина, приходится считать условным и не уничижительным, поскольку вся оперативная группа генерала А. Листовского, действовавшая на выделенном поляками в отдельное направление Полесском фронте, насчитывала 6 батальонов, 5 эскадронов и «партизанский отряд» [11, с. 317].

22 марта в Давыд-Городке произошли события, позволяющие некоторым современным белорусским и украинским авторам рассматривать город как место создания Пинско-Волынского добровольческого батальона. В белорусской историографии их именуют «мятежом, поднятым бывшими офицерами царской армии при поддержке части местного населения, недовольного советской властью» [5, с. 117]. Повстанцам удалось ликвидировать местные органы советской власти и установить контроль над городом.

Советские разведсводки (во время восстания в Давыд-Городке находился конный отряд разведчиков 145-го стрелкового полка Красной Армии) зафиксировали события следующим образом: «22.03. Началось контрреволюционное выступление в Давыд-Городке бывших царских офицеров, поднявших часть населения. На его ликвидацию посылался отряд из Лунинца. Мятежники даже обращались к петлюровцам за помощью. Разведчиков, которые оказались в тот день в Давыд-Городке, «окружили и хотели обезоружить, разрушив в их тылу мост. Однако им удалось исчезнуть, потеряв одного тяжелораненого и одного убитого <...> Днями выезжаю сам туда с отрядом <...> Военком 145-го полка Малявский. 07.04.19 г.» [15, с. 226].

Находившиеся неподалеку петлюровцы, к которым взявшие власть в Давыд-Городке послали делегацию с просьбой о поддержке, помощи восставшим не оказали. Тем не менее те удерживали город в течение нескольких недель, противостоя превосходящим силам отряда военкома 145-го полка И. В. Малявского [5, с. 117], сумевшего с большим трудом восстановить советскую власть, после того как основные силы защитников покинули Давыд-Городок и пополнили ряды Пинского добровольческого батальона.

В мае, когда польское командование утвердило штат батальона, его численность составила «в сумме 1116 солдат и 8 пулеметов» (перевод наш. – М. Н.) [1]. При этом ряды батальона продолжали постоянно расти за счет новых добровольцев. Особенно интенсифицировался этот процесс летом 1919 г. В июне советские разведсводки зафиксировали,

что в Пинске существует «Лига русских офицеров», занимающаяся вербовкой добровольцев для пополнения белогвардейских рядов, попутно отметив, что для укрепления офицерской дружины прибыли 80 «стрекопытовцев», которые «в свое время восстали против советской власти в Гомеле» [15, с. 232]. Информацию о стрекопытовцах подтвердил советскому командованию 27 июня и польский перебежчик. Он рассказал о дислоцированных в Пинске частях группировки генерала Листовского, назвал улицы, где и какая размещена, а также сообщил о формировании «белогвардейской офицерской дружины», в которую вошли и «бывшие мятежники-стрекопытовцы, которые носили теперь серую немецкую и желтую американскую форму» [15, с. 233].

19 июля рапорт руководства Пинского добровольческого батальона сообщил полякам, что в его рядах «в боеспособном состоянии» насчитывается «755 штыков и 13 пулеметов» (перевод наш. – М. Н.) [1]. Однако польское командование не хотело верить этим цифрам, аргументированно считая, что «в боеспособном состоянии в Русском Легионе находится намного больше сил» и что рапорты руководства батальона по этому вопросу не соответствуют действительности.

Обосновывая эту точку зрения в своем рапорте польскому руководству от 17 августа, полковник В. Сикорский ссылаясь помимо прочего на то, что «Лига русских офицеров» начала вербовать новых добровольцев в белогвардейские ряды уже после официального утверждения штаба батальона в мае 1919 г. Помимо них ряды «Русского Легиона» существенно пополнились благодаря транспортам с пленными большевиками, а также русским из Ковеля, служившим у украинцев» (перевод наш. – М. Н.) [1].

В то время вся польская группировка, сосредоточенная Листовским для взятия стратегически важного железнодорожного узла Лунинец, в конце июня насчитывала около 4200 человек [11, с. 246]. Таким образом, даже очень сильно заниженная, по мнению поляков, численность белогвардейцев Бохенского составляла на этом участке около 18 % живой силы.

В начале июля части под общим командованием Листовского перешли в наступление на ряде участков фронта. Бои начались под Плотницей, Стахово, Городищем, Лыщей. Пинские белогвардейцы Бохенского, ряды которых пополнились гомельскими стрекопытовцами, по советским оценкам, в совокупности «около тысячи человек», были направлены на логишинский участок. Донесения командиров «красных»

полков свидетельствовали: «Противник сильно напирает. Если еще сутки – напора противника не выдержим». Упорные бои шли под Хатыничами, «красные» отряды отошли из Доброславки, Чухово и Нового Двора [15, с. 233].

К этому времени (конец июля – начало августа 1919 г.), согласно советским разведсводкам, относятся:

- появление на фронте многочисленных «познанских поляков» и укрепление польских войск 70-тысячной армией генерала Иосифа Галлера, в значительной степени состоявшей из американцев польского происхождения, что позволило полякам перейти в наступление на ряде направлений, в том числе на Лунинец, из района Ганцевичи – Логишин, где сражались белорусские белогвардейцы, и от Видзибора;

- визит в Пинск Пилсудского (также сообщалось, что начальником штаба у поляков является князь Радзивил);

- «формирование отряда из интеллигенции и полка русских офицеров» [15, с. 236].

Благодаря в том числе дошедшим до наших дней фотоснимкам известно, что личный состав Пинского добровольческого батальона принес освященную молебном присягу и получил собственный штандарт (знамя) трехцветной имперской расцветки «с польским орлом, гербом Пинска и названием формирования» [2, с. 21]. В качестве обмундирования личный состав батальона носил старую походную русскую форму с «царской» кокардой на околыше и «польским» орлом на тулье фуражки. Организационная структура батальона полностью, вплоть до малейших деталей, воспроизводила ту, что была в армии Российской империи. Это же относилось ко всей уставной внутрибатальонной деятельности.

В первых числах августа из военных сводок польского Генерального штаба исчезает словосочетание «Полесский фронт», в то время как вместо единого «Галицко-Волынский фронт» все чаще используются два термина: «Волынский фронт» и «Галицкий фронт» [9, с. 146–153]. Боевые действия на белорусском Полесье относятся поляками теперь в основном к действиям их Волынского фронта.

Скорее всего, к этому же периоду относится и акцентировка в названии «белорусского» батальона на «украинской» составляющей. Примерно с октября в русскоязычных источниках Пинский добровольческий батальон начинают именовать «Пинско-Волынским» [10, с. 19; 16; 17]. Быть может, разгадку следует искать в сентябрьском сообщении

киевской газеты: «...В середине лета был сформирован второй русский добровольческий отряд из находившихся в германском плену русских офицеров и солдат. Этот отряд, насчитывающий около 5000 человек, сражается с большевиками в рядах польской армии на Волыни» [14, с. 3]. Возможно, соединение «пинских» и «волынских» формирований произошло осенью в лагерях в Повонзках (под Варшавой) и Седлеце (с ноября) [7]. Кроме того, известно о пополнении в то время отряда на вербованными в лагерях петлюровцами и военнопленными красноармейцами [13, s. 122].

Существенную роль в судьбе батальона сыграл рапорт от 17 августа полковника, затем генерала В. Сикорского, в июле принявшего у ушедшего на повышение Листовского командование 9-й пехотной дивизией, в которую была 12 июня преобразована Полесская группа. Сикорский предупреждал польское командование, что Пинский батальон является «неслыханно вредным с политической точки зрения», и настаивал на незамедлительном его расформировании [13, s. 123–124]. Также он обращал внимание руководства на абсолютную «проимперскость» структуры и обмундирования батальона, а также на отсутствие у польского командования каких-либо средств воздействия на внутреннюю организацию батальона.

«Идеологическая неоднородность» личного состава, зачастую идущая в разрез с устремлениями поляков, заключалась, по мнению автора рапорта, помимо прочего, в том, что «господство Польши на кресовых территориях Беларуси и Литвы является временным» (перевод наш. – М. Н.) [1]. Еще одним отмеченным в рапорте преступлением личного состава батальона стали факты срывания с фуражек польских орлов и негативных высказываний в адрес Войска Польского, участвовавшие по мере сообщений об успехах войск А. И. Деникина в борьбе с большевиками.

Сикорский потребовал от военно-политического руководства Польши как можно более быстрого расформирования и ликвидации Пинского батальона, при этом отметив, что, с его точки зрения, целесообразно «отправить пророссийски настроенные элементы батальона, отдав им соответствующие воинские почести, в армию Деникина... местных уроженцев (белорусского Полесья. – М. Н.) добровольно влить в ряды Войска Польского или отправить по домам» (перевод наш – М. Н.) [1]. В результате к концу лета судьба батальона была решена – ему предстояло отправиться в Варшаву для расформирования,

причем по дороге он был разоружен [7] и интернирован в польских военных лагерях.

По мнению А. Кручинина [8, с. 92–96], некоторую роль здесь мог сыграть личностный фактор: в отличие от русского офицера Листовского, Сикорский – давний соратник Пилсудского – в этом качестве должен был болезненнее относиться к любым «великорусским» тенденциям. К тому же присутствие на польско-советском фронте сильных русских отрядов должно было затруднять политическую игру как большевикам, мешая им разыгрывать «национальную», «оборонческую» карту, так и полякам «пилсудчикам», не позволяя отождествить угрожавший Польше большевизм с русским национальным движением или наследием «традиционной русской политики». Возможно, именно это и обусловило в целом несчастливую судьбу «Русского легиона» в Польше.

Судя по тексту рапорта В. Сикорского, поляки явно опасались существенно выросшей мощи батальона и возможности его сопротивления. Поэтому уже на момент составления рапорта (август 1919 г.), по словам Сикорского, командир батальона капитан Бохенский был отдан под «тайное следствие за неслыханные сверхзлоупотребления грабежами и насилиями». 26 ноября 1919 г. командующий 9-й пехотной дивизией Войска Польского отправил командованию (И. Пилсудскому) еще один рапорт, из которого следует, что «судебная расправа [дело] против бывшего капитана Бохенского и его товарищей, невзирая на очень хорошо организованную защиту, окончилась решением приговаривающим бывшего капитана Бохенского к разжалованию и полуторугодам заключения» (перевод наш. – М. Н.) [18]. Представители командования Войска Польского предложили Бохенскому обратиться напрямую к Пилсудскому с просьбой о помиловании. Однако тот отказался это сделать.

Осенью 1919 г. численность личного состава Пинско-Волынского батальона стала снижаться. Как отмечает А. Кручинин [8, с. 92–96], чины батальона столкнулись в польских лагерях практически с тем же, с чем два года спустя столкнутся русские солдаты и офицеры в военных лагерях близ Галлиполи и на Лемносе: предложения «распыляться» (в том числе поступать в Войско Польское), демонстрации силы со стороны «хозяев», ухудшение пайков и даже работа большевицкой агентуры, предлагавшей тайно переправлять желающих в РСФСР. Польские власти настояли еще и на снятии погон и кокард, что дополнительно способствовало деморализации русского контингента и, воз-

можно, вследствие этого уменьшению его численности (почти вдвое, по мнению участника событий) [7]. Тем не менее численность батальона и к декабрю 1919 г., несмотря на все лишения, оставалась немалой.

К концу осени 1919 г. неудачи армий генерала А. И. Деникина, а затем П. Н. Врангеля стимулировали польское командование к номинальной помощи белогвардейцам Вооруженных Сил Юга России для затягивания их сопротивления («продления агонии»). В результате белогвардейские формирования, оказавшиеся на территории Польши, начали перевозить через Румынию на Юг России, в Крым.

Из личного состава Пинско-Волынского батальона в декабре на Юг России успели прибыть не менее 120 человек [19, с. 35]. Еще около 700 солдат и офицеров были возвращены с полдороги ввиду отказа румынских властей пропустить их через свою территорию [20, с. 59]. В январе 1920 г. «очень сильно поредевшее до 120 человек» [2, с. 17] формирование было влито в Крым в состав 3-го армейского корпуса Русской армии генерала П. Н. Врангеля, которым командовал генерал-майор Я. А. Слащов. Белорусские добровольцы сразу же приняли участие в обороне полуострова: «Только что прибывший в Крым Пинско-Волынский батальон был в последние дни 1919 г. брошен в бой; в дальнейшем он сражался на Перекопе, а весной 1920 г. был влит в 50-й пехотный Белостокский полк» [7].

Генерал-майор Я. А. Слащов описал один из первых боев белогвардейцев из Пинска в Крыму следующим образом: «13 января 1920 г. был вызван бой под Ново-Алексеевкой, которую занимали красные. Желая задержать их движение, я двинул отряд в составе только что прибывшего в Крым Пинско-Волынского батальона (120 штыков), Сводно-чеченского полка (200 шашек), конвоя штакора-3 (100 шашек), всех исправных танков (3 средних) и всех исправных бронепоездов 3 (один с морскими орудиями) под командой начальника конвоя капитана Мезерницкого и сам выехал туда же. Отряду было приказано от Салькова атаковать Ново-Алексеевку. Движение началось около 9 часов утра и вызвало волнение у красных. К 12 часам станция Ново-Алексеевка была взята. Произведено было все это очень шумно: наступали танки и бронепоезда, скакала лава» [19, с. 35].

24–28 февраля (8–12 марта) Пинско-Волынский батальон принял участие в бою под Юшунью, победа в котором не допустила падения белого Крыма уже весной 1920 г., так как, по словам Я. А. Слащова, «поражение Деникина и Шиллинга у Одессы окрыляло все антибелые эле-

менты. Предстоящий бой под Юшунью рассматривался как конец защиты Крыма» [19, с. 35].

История единственного «полностью белогвардейского» белорусско-го формирования завершилась 16 апреля 1920 г., когда приказом Главнокомандующего Вооруженных Сил Юга России барона П. Н. Врангеля № 3012 батальон был расформирован, а его бойцы влились в состав 13-й пехотной дивизии 2-го армейского корпуса Русской армии [21, с. 43].

Список использованных источников

1. Рапорт под грифом «Секретно» от 17.VIII.1919 из Пинска командующего 9-й дивизией Войска Польского В. Сикорского командующему Литовско-Белорусским фронтом в Лиде [Электронный ресурс] // Архив Института им. Пилсудского в Нью-Йорке / Józef Piłsudski Institute of America. – N.Y., 2002–2011. – С. 1. – Режим доступа: <http://archiwa.pilsudski.org/dokument.php?nonav=1&nrrar=701&nrrzesp=2&sygn=6&handle=701.180/6727>. – Дата доступа: 29.04.2021.
2. *Jaworski, J.* Mało znane sztandary polskich oddziałów wojskowych w latach 1917–1920 / J. Jaworski // *Biuletyn PTW FLAGA*. – 2020. – № 25 (49). – 21 s.
3. Памяць. Пінск: гіст.-дакум. хроніка. – Мінск: Белта, 1998. – 557 с.
4. *Шэляхаў, М. У.* Палескае паўстанне / М. У. Шэляхаў, Ю. С. Юркевіч // Памяць. Столінскі раён: гіст.-дакум. хроніка. – Мінск, 2003. – С. 100–101.
5. *Юркевіч, Ю. С.* Палескае паўстанне / Ю. С. Юркевіч, І. Я. Краўцоў // Памяць. Столінскі раён: гіст.-дакум. хроніка. – Мінск, 2003. – С. 101–118.
6. *Кравцов, И.* Как был освобожден Пинск [1919 г.] / И. Кравцов // Памяць. Пінск: гіст.-дакум. хроніка. – Мінск: Белта, 1998. – С. 180–183.
7. Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 152. Лл. 14 об.–16 об.
8. *Кручинин, А. С.* Пинско-Волынский батальон: добровольческая часть на фоне русско-польских отношений / А. С. Кручинин // 1919 год в судьбах России и мира. – Архангельск, 2009. – С. 92–96.
9. *Pierwsza wojna polska (1918–1920): zbiór wojennych komunikatów prasowych Sztabu Generalnego (za czas od 26. XI. 1918 r. do 20. X. 1920 r.), uzupełniony komunikatami Naczelnej Komendy W.P. we Lwowie (od 2. XI. 1918 r. do 23. XI. 1918 r.) i Dowództwa Głównego W.P. w Poznaniu (od 11. I. 1919 r. do 14. XI. 1919 r.) / Zebrał, opracował, wstępem i skorowidzem opatrzył Stefan Pomarański. – Warszawa: Główna Księgarnia Wojskowa, 1920. – 355 s.*
10. *Касимов.* Польская ориентация / Касимов // Двуглавый Орел. – Вып. 2. – Berlin, 15/28 дек. 1920. – С. 19.
11. *Odziemkowski, J.* Leksykon wojny Polsko-Rosyjskiej, 1919–1920 / J. Odziemkowski. – Warszawa, [2004]. – 524 s.

12. Иностранная военная интервенция в Белоруссии, 1917–1920 / И. М. Игнатенко [и др.]; отв. ред. И. И. Минц. – Минск: Навука і тэхніка, 1990. – 342 с.

13. *Juzwenko, A. Polska a «biała» Rosja* / Adolf Juzwenko. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1973. – 296 s.

14. Русские добровольцы в польской армии // Вечерние Огни. – Киев, 1919. – № 14, 3/16 сент. – С. 3.

15. Палыхала чырвоная зарыва: [Палескае паўстанне] // Памяць. Лунінецкі раён: гіст.-дакум. хроніка. – Мінск: Беларусь, 1995. – С. 217–226.

16. *В. П[отапов?]*. 38 против 1500 // Варшавская Речь. – Варшава, 1919. – № 58 (137), 2 октября. – С. 3

17. *Потапов, В.* Большевики в Лунинце / В. Потапов // Варшавская Речь. – 1919. – № 65 (144), 10 окт. – С. 2.

18. Рапорт командуючага 9-й дывізіяй Войска Польскаго В. Сикорскаго начальнику государства И. Пилсудскому от 26.XI.1919, Лунинец – Варшава [Электронный ресурс] // Архив Института им. Пилсудского в Нью-Йорке / Józef Piłsudski Institute of America. – N.Y., 2002–2011. – С. 1. – Режим доступа: <http://archiwa.pilsudski.org/dokument.php?nonav=1&nrgar=701&nrzesp=2&sygn=6&hand le=701.180/6727>. – Дата доступа: 29.04.2021.

19. *Слащов, Я. А.* Крым в 1920 г. / Я. А. Слащов. – М.; Л., [1924]. – С. 35.

20. *Karpus, Z.* Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy w Polsce w latach 1918–1924 / Z. Karpus. – Toruń: Wydaw. Adam Marszałek, 1991. – 159 s.

21. *Дерябин, А. И.* Гражданская война в России, 1917–1922. Белые армии / А. И. Дерябин; худ. Р. Паласиос-Фернандес. – М.: АСТ: Астрель, 2003. – 43, [3] с.: ил.

22. *Łukomski, G.* Wojna Polsko-Bolszewicka, 1919–1920 / G. Łukomski, B. Polak, M. Wrzosek. – Koszalin, 1990. – Т. 1. – 168 s.

(Дата поступления: 04.05.2021).

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОТРАЖЕНИИ ПУБЛИКАЦИЙ ВОЕННОГО И МЕЖВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Чикалова И. Р.

Белорусский государственный педагогический университет имени
Максима Танка; Институт истории НАН Беларуси, Минск, Беларусь

В статье обобщены основные направления работы по фиксации событий, связанных с боевыми событиями на территории Беларуси в годы Первой мировой войны и их отражением на страницах популярных брошюр, появившихся в России в годы войны, в мемуарной и научной литературе, опубликованной в межвоенный период в Советском Союзе (труды российских специалистов, переводы иностранных работ на русский язык), а также эмигрантскими издательствами за рубежом.

Ключевые слова: Первая мировая война; Беларусь; историография; мемуары; исследования; историографические источники.

COMBAT ACTIONS IN THE TERRITORY OF BELARUS DURING THE FIRST WORLD WAR IN THE MIRROR OF THE PUBLICATIONS OF THE WAR AND INTER-WAR TIME

Chikalova I.

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank;
Institute of History of the NAS of Belarus, Minsk, Belarus

The article summarizes the main directions of work on recording events related to military events on the territory of Belarus during the First World War, and their reflection on the pages of popular brochures that appeared in Russia during the war years, in memoirs and scientific literature published in the interwar period in the Soviet Union (works of Russian specialists, translations of foreign works into Russian), as well as emigrant publishing houses abroad.

Keywords: World War I; Belarus; historiography; memoirs; research; historiographic sources..

Война пришла на территорию Беларуси в результате отступления русской армии, длившегося почти полгода летом – осенью 1915 г. Фронт, стабилизировавшись, протянулся почти на два с половиной года, вплоть до марта 1918 г. по линии Рига – Двинск – Поставы – Сморгонь –

Крево – Барановичи – Пинск – Дубно – Тернополь. Ставка Верховного Главнокомандующего находилась в Барановичах с 16 (29) августа 1914 г. по 8 (21) августа 1915 г., затем переехала в Могилев. На конец 1917 г. штаб Западного фронта находился в Минске, штаб его 2-й Армии – в Слуцке (до этого – в Несвиже), 3-й Армии – в Полоцке, 10-й Армии – в Молодечно (до этого – в Минске), штаб 5-й Армии Северного фронта – в Двинске.

Боевые действия на территории Беларуси вели армии Северо-Западного фронта (оборона крепости Осовец, 1915 г.), а после его разделения – Западного фронта, на счету которого крупные сражения: противодействие Виленской операции немецких войск (сентябрь – октябрь 1915 г.), в результате которого были остановлены их наступление в глубь России и ликвидация Свенянского прорыва немецкой кавалерии, что обеспечило стабилизацию фронта; Нарочская операция (март 1916 г.), проведенная по просьбе Франции с целью помочь осажденному Вердену и ставшая первой попыткой выбить немецкие части с территории Беларуси; Барановичская операция (июль 1916 г.), предпринятая с целью нанести решительное поражение германским войскам; Кревская операция (июль 1917 г.), приведшая к уничтожению артиллерийским огнем оборонительных рубежей противника.

В той или иной степени эти боевые действия нашли освещение в публикациях, вышедших еще в годы войны. Так, ежедневные записи сотрудника журнала «Голос Руси» О. Козельского за 22 августа 1914 г. – 21 декабря 1914 г. составили книгу «Записки батареинного командира» [11]. Дневник открывается записью от 22 августа 1914 г.: «В ночь на сегодня пришли в Вильну. Здесь узнали, бесконечно ошастливившую всех нас, радостную весть <...> о поражении миллионной австрийской армии, вошедшей в Люблинскую и Холмскую губернии и в Галиции; австрийцы отступают в полном беспорядке, бросая легкие и тяжелые орудия, артиллерийские парки и обозы. Наши трофеи огромны» [11, с. 3].

11 сентября 1914 г. Козельский сделал запись: «Передают, что немцы идут к Неману в составе не менее девяти корпусов, занимая по фронту линию от Ковно до Гродно. У нас собраны кажется тоже большие силы и, надо думать, неприятелю не поздоровится. <...> Сейчас перед нами открывается величественная и страшная картина. На горизонте, а в некоторых местах кажется и совсем близко пылают пожары. Это германские полчища освещают проходимый ими путь. В воздухе стоит неумолчный гул, в котором смешивается и отдаленная пальба орудий,

и легкая ружейная трескотня, ... и скрип наших обозов в тылу, и вдруг пронзающее эту своеобразную тишину близкое ржанье лошади. А все это покрывает сознание близости врага и смертельной борьбы с ним. <...> Вспоминается наш путь сюда, деревни, через которые мы вчера шли, люди, которые нас там встречали, и вся эта мирная сельская природа. Все это затянуто в водоворот кровавой войны, все это должно испытать ее ужасы – разорение, разрушение и смерть...» [11, с. 23, 24]. В дневнике Козельского – фронтовые будни, бои у деревни Броды, в Серских лесах, на Немане, а также под Варшавой и Лодзью, где его автор был ранен, попал в госпиталь и был отправлен домой.

После окончания войны действия Северо-Западного и Западного фронтов на территории Беларуси в ее этнических границах нашли отражение в общих трудах о Первой мировой войне – в исследованиях В. Н. Клембовского «Стратегический очерк войны 1914–1918 гг.» и А. М. Зайончковского «Первая мировая война», а также в мемуарах бывшего офицера Ставки М. К. Лемке. Помимо них, специально к этой теме обращались Д. В. Баланин, Н. Евсеев, Н. Подорожный, М. С. Свечников, В. Я. Буняковский, С. А. Хмельков, А. Н. Де-Лазари.

В ряде работ нашла отражение знаменитая оборона крепости Осовец. 24 июля (6 августа) 1915 г. ее защитники подверглись газовой атаке германских войск. Впервые о ней упомянул П. Ф. Губер, который с начала войны служил в Красном Кресте, а затем был военным корреспондентом газеты «Plain Dealer» (США) и переводчиком в штабе. Под псевдонимом «Арзубьев» он опубликовал книгу военных зарисовок «Дела и люди военного времени», охватывающую события ноября 1914 – мая 1915 г. [1]

Один из очерков посвящен наблюдениям о первых днях боев за Осовец: «Проходя по улицам Белостока, вы ни за что не почувствуете, что враг у ворот этого города. Жизнь течет нормально, нигде не видно возбуждения и суеты, и только огромное количество обозных телег на улицах и площадях напоминает вам о войне. Правда, река Бобр, под защитой которой находится Белосток, представляет собою весьма серьезную преграду, имеющую на этом участке только одно сравнительно слабое и открытое для нападения место. Но место это, словно калитка замком, заперто осовецкой крепостью. И вот уже скоро неделя, что немцы упорно, хотя и бесплодно, ударяют по этому замку, постепенно увеличивая калибр своей осадной артиллерии. Когда я уезжал из Варшавы, знакомые хором убеждали меня, что до Осовца мне не добраться: кре-

пость обложена со всех сторон. Но все это оказалось вздором. Ни один немец не вступил еще на восточный берег Бобра, и говорить об осаде крепости, во всяком случае, преждевременно. Можно говорить лишь об обстреле, который производится с немецкой аккуратностью ежедневно от восхода солнца до заката. По ночам немцы не стреляют, опасаясь, должно быть, вспышками выстрелов обнаружить местонахождение своих батарей. Когда я подъезжал в поезде к Осовцу, меня поразил специфический шум, какого ранее мне не доводилось слышать. Он был протяжен, длился каждый раз около полуминуты и походил на грохот железного листа, по которому ударяют молотком... То рвались снаряды знаменитых 42-сантиметровых мортир, решивших в своё время участь Льежа, Мобёжа и Антверпена... Артиллерия фортов отвечала на огонь противника. Её резкие, отчетливые выстрелы врывались в железный лязг и грохот, производимый взрывами. Облака сверкали золотом над снежными полями, вершины далёких сосен розовели. И грохот всё продолжался, не увеличиваясь, и не ослабевая, как шум морского прибоя, ударяющего в утёсы» [1, с. 108–111].

В 1917 г. появилось описание обороны Осовца, сделанное непосредственными ее участниками М. С. Свечниковым и В. Я. Буняковским [21]. Авторы, «пережившие все перипетии ее, и по своему служебному положению имевшие полную возможность проследить за всеми действиями командного состава и войсковой работой», предваряя книгу, заявили о своем долге сохранить в памяти народа боевую работу доблестного гарнизона. Кем были эти авторы? Свечников – подполковник, начальник штаба Осовецкой крепости, Буняковский – генерал-майор, командир Ливенского пехотного полка. Это действительно осведомленные военные, положившие в основу книги свой личный опыт. Авторы описывают стратегическое значение крепости: «...лежит на болотистом, лишенном других переправ участке р. Бобра, пересекаемом в районе крепости железной и разработанной грунтовой дорогой, ведущей из пределов Восточной Пруссии... к важному Белостокскому железнодорожному узлу», вместе с тем Осовец «позволял оперировать на обоих берегах реки, являясь исходным пунктом для дебуширования²⁹ из-за Бобра в сторону противника» [21, с. 5]. В книге дано подробное описание защиты крепости.

²⁹ Дебуширование – выход войск из теснины, закрытой местности на более широкое пространство.

После войны очерк о газовой атаке под Осовцом в сборнике «Военная наука и революция» опубликовал В. Никитский [15]. Раздел о ней в своей книге о химическом оружии на фронтах войны посвятил А. Н. Де-Лазари [5]. По его утверждению, сами немцы в ходе атаки потеряли от отравления газовым облаком до 1000 человек [5, с. 32]. Еще одно исследование обороны Осовца принадлежит С. А. Хмелькову [25]. Он – выпускник Николаевской инженерной академии, военный инженер, в годы Первой мировой войны участвовал в обороне Осовца, в боях был дважды контужен и перенес газовую атаку. В 1918 г. перешел на службу в РККА, с 1919 г. преподавал в Военно-инженерной академии РККА. В 1920 г. защитил диссертацию, посвященную обороне Осовца. Стал профессором, генерал-лейтенантом инженерных войск, основоположником теории построения фортификационных оборонительных сооружений, занимал должность начальника кафедры сухопутной фортификации и укрепленных районов Военно-инженерной академии. Опубликованная им в 1939 г. книга «Борьба за Осовец» [25] является сокращённым и переработанным изложением ее материалов.

Как отметил С. А. Хмельков, фортификационная подготовка крепости страдала существенными недочетами, не была мощной и на много лет отставала в этом отношении от таких крепостей, как Верден, Антверпен, Гродно. Тем не менее немецкие части потерпели неудачу в попытке принудить крепость к сдаче массированными обстрелами силами тяжелой артиллерии. Стремясь любой ценой открыть путь на Белосток, немцы 6 августа 1915 г. открыли сильнейший артиллерийский огонь и одновременно провели газовую атаку, рассчитывая на успех, поскольку гарнизон крепости не имел никаких средств химической защиты. Потери гарнизона Осовца были тяжелыми: «Газы нанесли огромные потери... 9, 10 и 11 роты Землянского полка погибли целиком, от 12 роты осталось около 40 человек при одном пулемете; от трех рот, защищавших Бялогронды, осталось около 60 человек при двух пулеметах... Все живое на открытом воздухе на плацдарме крепости было отравлено насмерть... не участвующие в бою люди спаслись в казармах, убежищах, жилых домах, плотно заперев двери и окна, обильно обливая их водой» [25, с. 78, 80]. Однако сопротивление не было сломлено: по приказу коменданта крепости «батареи крепостной артиллерии, несмотря на большие потери в людях отравленными, открыли стрельбу», а «13 и 8-я роты, потеряв до 50 % отравленными, развернулись по обе стороны железной дороги и начали наступление; 13-я рота, встретив

части 18-го ландверного полка, с криком “ура” бросились в штыки. Эта “атака мертвецов”, как передает очевидец боя, настолько поразила немцев, что они не приняли боя и бросились назад, много немцев погибло на проволочных сетях перед второй линией окопов от огня крепостной артиллерии» [25, с. 79].

Причина поражения германцев, отмечает С. А. Хмельков, «заключается в огромной выносливости русского солдата, его поразительной выдержке, стойкости и беззаветной храбрости» [25, с. 80]. После 190 дней сопротивления в связи с общим отступлением войск Северо-Западного фронта гарнизон крепости по приказу командования прекратил сопротивление, взорвал укрепления и отошел, соединившись с основными силами.

Еще в годы войны в публикациях были отмечены противодействие Виленской операции германских войск и Свенцянский прорыв. Несколько страниц (40–46) описанию Виленской операции отведено в безымянной брошюре «Великая война 1915 г.» [2]. Более информативна брошюра А. А. Носкова. Она целиком посвящена Виленской операции [16], в ходе которой, как отмечал ее автор, скрывавшийся под псевдонимом «Вещий», недостатки снабжения русской армии «достигли наивысшего предела», но «вступление с началом операции в Верховное командование всеми силами страны» императора «послужило новым толчком в проявлении войсками полного напряжения сил физических и моральных, помогшего им с честью выйти из тяжелого испытания» [16, с. 3–4].

О действиях на территории Беларуси упоминает генерал-фельдмаршал Гинденбург: «1 сентября удастся смелое нападение, и русские части под нашим подготовительным огнем покидают свои позиции на берегу Двины. А гарнизон большой фланговой позиции на запад от реки отступает, маршируя день и ночь на восток и, к сожалению, во время избегая таким образом плена» [3, с. 51]. «К сожалению» – это для Гинденбурга, для российских же войск, наоборот, к полному удовлетворению. Срыв в сентябрь – октябрь 1915 г. Виленской операции немецких войск остановило их наступление в глубь России.

Вскоре после войны драматизм этой операции раскрыл в воспоминаниях «250 дней в царской Ставке» известный журналист М. К. Лемке, в 1915–1916 гг. служивший военным цензором в Ставке Верховного главнокомандующего. Он показал разительный контраст между официальными сообщениями штаба Верховного главнокомандующего и реальным положением на фронте. Сообщения успокоительно ин-

формировали: «в общем наши армии твердо и точно выполняют свое планосообразное движение и уверенно смотрят в будущее» (27 августа), «в общем мы продолжаем выполнять наш план, с каждым днем улучшающий положение наших армий» (30 августа), «действия австро-германцев направлены к стремлению сохранить за собой видимость наступательных действий, что стоит им несоразмерных с результатами потерь» (31 августа). Постепенно сообщения становятся более тревожными, но все еще не вызывающими опасений: «В Виленском районе наши войска, после боев на переправах средней Вилии, отодвинулись несколько на восток. В районе с. – в. линии Вилейки – Молодечно во многих местах бои за переправы на реке Вилии продолжаются. Во встречных боях с германцами наши войска постоянно выказывают высокие боевые достоинства, действуя спокойно и уверенно в самых тяжелых обстоятельствах» (7 сентября). «Удар германцев в направлении Вилейки был решительно отбит, и план их расстроен. В многодневных тяжелых боях... противник был последовательно остановлен, поколеблен и, наконец, отброшен. Глубокий клин германцев, примерно по линии фронту Солы – Молодечно – Глубокое – Видзы, был последовательно уничтожен, причем зарвавшегося врагу нанесен огромный удар. Планомерный переход наших войск от отступления к наступлению был совершен с умением и настойчивостью, доступными лишь высоко блестящим войскам» (19 сентября) [12, с. 52–54].

Однако реальная ситуация была сложнее, нежели представленная в сообщениях Ставки. М. К. Лемке характеризует ее следующим образом: «Стык Западного и Северного фронтов в районе озера западнее Свенцяны был занят только слабыми отрядами кавалерии... Естественно, ими (германскими войсками. – И. Ч.) был предпринят прорыв в направлении железной дороги Вильна – Двинск, на Свенцяны. Нам поневоле пришлось загнать во внутрь обнажившиеся фланги. В образовавшийся коридор немцами была брошена вся масса кавалерии. 1 сентября она захватила ст. Свенцяны, а вскоре сеть ее разъездов, поддержанных конной артиллерией, была уже на железном пути Молодечно – Полоцк... Мы, однако, успели занять Молодечно и, как бы игнорируя окружение этого узла с трех сторон и бомбардировку его немецкой артиллерией, задерживали их наступление и отстаивали занятое... Каждый понимает, что грозило армиям Западного фронта: они должны были бы пробиваться в узкий проход между Минском и Полесьем, неся страшные потери» [12, с. 55].

По оценке М. К. Лемке, срыв в сентябре – октябре 1915 г. Виленской операции и Свенцянского прорыва немецких войск был «лебединой песней» русской армии, которая после нее «уже не знала ни побед, ни удачных выходов из трудных положений» [12, с. 70].

После окончания войны Виленскую операцию немецких войск в ее хронологической последовательности воспроизвел А. М. Зайончковский [8–10]. По его описанию, на виленском направлении 10-я германская армия, взяв 22 августа Ковно, начала продвигаться главными силами к Вильно, а остальными частями взаимодействовала с наступавшей вдоль Августовских лесов на Гродно 8-й армией. В то же время левофланговая Наревская германская армия продвигалась к Гродно вдоль реки Бобр. Обе армии вошли в тесную маневренную связь и 2 сентября заняли Гродно. 10-я русская армия и виленская группа развернулись западнее железной дороги Вильно – Гродно, но после ряда упорных боев и под угрозой обхода флангов к 18 сентября отошли на линию Михалишки – Лида, оторвавшись от левого фланга 5-й армии, отошедшего к Двинску и закрепившегося вдоль железной дороги.

Германское командование, использовав после отхода 10-й русской армии образовавшийся между Двинском и Вильно разрыв, бросило в направлении Свенцяна кавалерийские части. 9 сентября германский конный корпус из 3-й дивизий под начальством генерала Гарнье прорвался в тыл 3-го корпуса и развил наступление в глубокий тыл русских в районе Вилейка – Молодечно – Сморгонь с целью разрушения железных дорог и захвата Молодечно.

Германская кавалерия 14 сентября заняла Вилейку, 19 сентября достигла линии Минск – Смоленск, разрушила путь в районе ст. Смоленчи, уничтожила склады и разогнала этапные батальоны. В качестве ответной меры главнокомандующий Западным фронтом генерал Эверт перебросил части 2-й армии от Лиды на фронт Ошмяны – Молодечно, что позволило начать вытеснение германской кавалерии из района Молодечно. 21 сентября русские войска заняли Сморгонь, в районе Вилейки захватили германскую конную артиллерию. Ко 2 октября немецкий Свенцянский прорыв был окончательно ликвидирован, русские войска прочно заняли фронт по линии озеро Дрисвяты – озеро Нарочь – Сморгонь – Делятичи на Немане.

В результате противодействия со стороны русских Виленской операции немецких войск (сентябрь – октябрь 1915 г.) было остановлено их наступление в глубь России, но Литва была потеряна. Обе стороны

перешли к позиционной войне на всем фронте: от Балтийского моря до румынской границы.

Свенцяньскому прорыву посвящены очерки А. Певнева о роли конницы в Свенцяньском прорыве [18; 19] и специальное исследование Н. Евсеева «Свенцяньский прорыв (1915): Военные действия на восточном фронте мировой войны в сентябре – октябре 1915 г.» [7]. Последний, комбриг, преподаватель Военной академии имени М. Фрунзе, детально исследовал ход боевых действий, сконцентрировав внимание на чисто военных аспектах операции: соотношении сил, обеспечении войск, эффективности руководства ими, конечных результатах. Но книга интересна и показом нараставших в ходе войны трудностей, с которыми пришлось столкнуться военному руководству обеих сторон. «Свенцяньский прорыв» отличался от других операций мировой войны прежде всего тем, что войска обеих сторон вели эту операцию в условиях серьезного истощения сил. Н. Евсеев пишет: «Немцы задались целью окружить 10-ю русскую армию и правый фланг 1-й армии, т. е. окружить десять русских корпусов, до того уже истощенных и представляющих, в общем, примерно десять дивизий по числу штыков, пулеметов и орудий, если сравнить со штатной их численностью. Для этой операции немцы располагали, примерно, такими же силами и, примерно, в такой же степени истощенными» [7, с. 226]. Исчерпание резервов стало острой проблемой воюющих армий.

Отражение Свенцяньской наступательной операции немцев, по оценке Ю. Д. Данилова, помогло и союзникам России: немцы «приступили к оттяжке части своих сил обратно на западный фронт, чтобы обеспечить там свое положение от готовившегося против них наступления наших союзников» [4, с. 388].

Если сражение у Сморгони, важное событие в истории войны, привлекло внимание исследователей только в наше время, то Нарочанской операции в литературе уделено пристальное внимание. Следует отметить, что в марте 1916 г. шли напряженные бои у Вердена, из-за этого германское командование, нуждаясь в резервах, надеялось взять их на русском фронте, но не смогло этого сделать в связи с наступлением русской армии в районе Нарочи.

Книги, написанные военными историками, критичны в разборе этой операции, возлагают вину за неуспех на высший командный состав, но подчеркивают стойкость и храбрость русского солдата. А. М. Зайончковский в работе «Мировая война 1914–1918 гг.» отметил, что

климатические условия марта делали невозможным ведение в России каких-либо наступательных операций, тем не менее «русское верховное командование решило провести таковую в широком размере для отвлечения на себя сил с французского фронта и для дальнейшего развития наступления в случае удачи до пределов вытеснения германской армии за русскую границу» [8, с. 254]. Наступательная операция была плохо подготовлена, войска действовали несогласованно. А. М. Зайончковский пишет: «Атака началась <...> несмотря на то, что сосредоточение к этому времени не было закончено, а артиллерию не успели даже подтянуть к фронту. Наступление велось в большую весеннюю распутицу разрозненно, отдельными корпусами, без общей связи друг с другом, так что, когда один корпус атаковал, то другой подготавливал атаку артиллерийским огнем или закреплялся, и, как и следовало ожидать, при подобном способе ведения операций, оно не привело ни к чему, несмотря на значительное упорство, по свидетельству Людендорфа, русских войск в бою» [8, с. 255]. Смысл этой операции А. М. Зайончковский усматривал в помощи Франции в больших размерах: «Немцы увидели, что они ошиблись в ожидаемом ими ослаблении боеспособности русской армии, почему вопрос об уменьшении германских войск на русском фронте отпал» [8, с. 256].

Книги, подготовленные военными историками, акцентированы на критическом разборе хода боевых действий, подчеркивают стойкость и храбрость русского солдата и резко критичны по отношению к высшему командному составу. Это видно не только из приведенной выше оценки А. М. Зайончковского, но и из выводов всех тех аналитиков, кто занимался историей боевых действий русской армии. Н. Подорожный, судя по обозначенному на обложке майорскому званию, преподаватель военной академии, в работе о Нарочанской операции особо отмечает: «Атаки русских у озера Нарочь в марте 1916 года окончились неудачно. Их отбили не немцы, а по существу русские генералы, которые погубили операцию в самом процессе ее организации. Немцы лишь подтолкнули то, что падало и без них» [20, с. 174]. Его характеристики генералитета, причастного к Нарочанской операции, уничижительны. Операция закончилась неудачей, потому что генералы плохо подготовили войска к выполнению задач по прорыву, выбрали неудачный участок местности для атаки, войска не были ознакомлены с местностью, необходимое количество снарядов определили наугад, оборудование местности на участках решительной атаки не обеспечили, маневр артиллерии от-

существовал и ей ставились непосильные задачи, атаки пехоты отличали бессознательная храбрость и недостаточная осторожность, что приводило к большим потерям. Позитивным, как считал Н. Подорожный, было лишь то, что нарочанский опыт позволил стряхнуть беспечность и неповоротливость в руководстве войсками, что позволило в Брусиловской операции под Луцком добиться большого успеха.

Развернутое описание боев у озера Нарочь оставил Э. Людендорф, который признал, что «германское фронтальное наступление (весной 1916 г. – И. Ч.) медленно продвигалось вперед», в результате «еще хватило сил достигнуть района непосредственно западнее Сморгони, Западной Березины и района Барановичей и Пинска». Здесь немецкие части «должны были устраиваться на зиму, и нашли выгодную опору на линии озер Вишнев – Нарочь – Дрисвяты». Этот район и стал театром русской наступательной Нарочанской операции в марте 1916 г. Э. Людендорф признает: «10-я армия подверглась сильному удару восточнее озера Нарочь» [13, т. 1, с. 137]. И хотя Нарочанская операция не принесла русским войскам успеха, была достигнута ее стратегическая цель – ослабить натиск немецких войск на французский Верден. Высокую оценку этой союзнической помощи дал главнокомандующий французской армии Жоффри. В телеграмме русскому командованию 1 (14) апреля 1916 г. он признал: «Последнее русское наступление заставило немцев, располагающих лишь незначительными общими резервами, ввести в дело все эти резервы и, кроме того, притянуть этапные войска и перебросить целые дивизии, снятые с других участков» [14, с. 45].

События Барановичской операции впервые нашли отражение на страницах очерка «Барановичи» В. Фогеля, переведенного с немецкого языка и вышедшего в серии «Мировая война в отдельных операциях» [24]. В нем представлен взгляд немецкой стороны на военную операцию, отражены тактические детали боевых действий, дан анализ душевного состояния бойцов. Упоминается Барановичская операция в «Стратегическом очерке войны 1914–1918 гг.» [23] и во втором томе книги А. М. Зайончковского «Мировая война 1914–1918 гг.» [10]. В 1935 г. вышла работа В. И. Оберюхтина «Барановичи. 1916. Военно-исторический очерк» [17].

В. Н. Клембовский, в то время начальник штаба Юго-Западного фронта, впоследствии так оценил итоги операции: «За 9 дней три артиллерийских подготовки, три перегруппировки, три штурма, четыре

отсрочки штурмов, захват и удержание за собой небольшого участка неприятельской позиции... – вот в какой форме вылилось наступление Западного фронта. Общая цифра потерь доходила до 80 000 человек». К тому же «вопреки предположениям главкозапа (главнокомандующего Западным фронтом. – И. Ч.) противник не перешел в наступление ни на Полоцком, ни на Молодечненском направлении, и не усилил ни одной частью свои войска в Барановичском районе, точно угадав, что здесь серьезная опасность ему не грозит» [23, с. 66]. Как неудачную расценивал Барановичскую операцию и офицер управления генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего Западным фронтом В. И. Оберюхтин: «В результате атак наступающий овладел 1–2 рядами окопов на нескольких участках обороны, но ни удержать, ни развить успеха не мог. Обороняющийся удержал свои укрепленные позиции, успев собрать необходимые резервы и средства, Общие потери сторон: русских – до 120 000 человек убитыми, ранеными и пленными, из которых до 50 000 человек убитыми» [17, с. 128–129]. Барановичи остались за немецкими и австро-венгерскими войсками. Поражение имело далеко идущие последствия. Ими, по словам того же Оберюхтина, был отказ от всяких активных действий на Западном фронте и расширявшееся революционное движение, захватившее все части.

Сражение под Крево 27 июля 1917 г. 10-й русской армии – последняя крупная операция русской армии на Западном фронте в ходе Первой мировой войны. Согласно плану действий на 1917 г. на участке Западного фронта от Крево до Сморгони был предпринят масштабный удар по германским позициям с тем, чтобы, прорвав оборону противника, выйти к Вильно. Несмотря на то, что мощная артиллерийская подготовка была проведена наилучшим образом и укрепленная оборонительная линия противника была разрушена, в целом операция закончилась неудачно, так как линию фронта сдвинуть не удалось. Главнокомандующий армиями Западного фронта генерал А. И. Деникин в связи с этим вспоминал: «Никогда еще мне не приходилось драться при таком перевесе в числе штыков и материальных средств. Никогда еще обстановка не сулила таких блестящих перспектив. На 19-верстном фронте у меня было 184 батальона против 29 вражеских, 900 орудий против 300 немецких, 138 моих батальонов введены были в бой против перволинейных 17 немецких. И все пошло прахом» [6, вып. 2, с. 180–181]. Потери 10-й армии в Крево были очень значительны: 30 000 раненых было эвакуировано, около 6000–7000 человек были убиты и пропали без вести.

Из числа раненых примерно 30 процентов были ранены в пальцы или кисти рук, т. е. оказались «самострелами». Впервые в истории позиционной войны Западного фронта, продолжавшейся два года, в Крево удалось прорвать укрепленную полосу обороны противника, но из-за сложной ситуации в армии и революционных настроений в войсках не удалось не только продолжить атакующие действия, но даже сохранить отвоеванные позиции, несмотря на значительное численное преимущество русской армии. Русское командование было разочаровано провалом блестяще подготовленной операции. И Брусилов, и Деникин, и многие другие генералы были сняты со своих постов.

Первая мировая война сыграла исключительную роль в исторических судьбах Беларуси и ее народа. Именно белорусская земля стала одним из ведущих театров военных действий на Восточном фронте (Западном фронте русской армии). В массиве литературы, посвященной мировой войне, военному и межвоенному времени, нашлось место и для описания боевых событий на территории Беларуси, хотя и явно недостаточное на фоне тех разрушительных последствий, которые принесла ей война.

Список использованных источников

1. *Арзубьев, П. К.* Дела и люди военного времени: (ноябрь 1914 – май 1915) / П. К. Арзубьев. – Пг.: Б-ка великой войны, 1915. – 178 с.
2. Великая война 1915 г.: очерк главн. операций Рус. зап. фронт: с прил. 2-х схем в тексте и Заметки «Кавказ. фронт» со схемой. – 2-е изд., доп. – Пг.: Изд-во Суворина, 1916. – 60 с.
3. *Гинденбург, П.* Воспоминания Гинденбурга / П. Гинденбург; сокращ. пер. с нем. Л. Щегло. – Пг.: Мысль, 1922. – 120 с.
4. *Данилов, Ю. Н.* Россия в мировой войне. 1914–1915 гг. / Ю. Н. Данилов. – Берлин: Слово, 1924. – 396 с.
5. *Де-Лазари, А. Н.* Химическое оружие на фронтах мировой войны 1914–1918 гг.: крат. ист. очерк / А. Н. Де-Лазари; под ред. и с предисл. Я. Л. Авиновичского; Хим. акад. РККА им. К. Е. Ворошилова. – М.: Гос. воен. изд-во, 1935. – 144 с.
6. *Деникин, А. И.* Очерки русской смуты. [В 5-ти т.] / А. И. Деникин. – Париж; Берлин: Я. Поволоцкий; Слово, 1921–1926. – Т. 1: Крушение власти и армии (февраль – сентябрь 1917 г.). – Париж, 1921. – Вып. 1–2.
7. *Евсеев, Н.* Свенцянский прорыв (1915): военные действия на восточном фронте мировой войны в сентябре – октябре 1915 г. / Н. Евсеев. – М.: Гос. воен. изд-во, 1936. – 272 с.

8. *Зайончковский, А. М.* Мировая война 1914–1918 гг. Общий стратегический очерк / А. М. Зайончковский. – М.: Воениздат, 1924. – VI, 457 с.

9. *Зайончковский, А. М.* Мировая война 1914–1918 гг. / А. М. Зайончковский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Воениздат, 1931. – 456 с.

10. *Зайончковский, А. М.* Мировая война 1914–1918: в 2 т. / А. М. Зайончковский. – М.: Воениздат, 1938–1939.

11. *Козельский, О.* Записки батареиноного командира: составлены по письмам, заметкам и рассказам участника войны / О. Козельский. – Пг.: Изд-во Б. А. Суворина, 1915–1916. – Вып. 1–2.

12. *Лемке, М.* 250 дней в царской Ставке: (25 сентября 1915 – 2 июля 1916 гг.) / М. Лемке. – Пг., 1920. – 859 с.

13. *Людендорф, Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг.: в 2 т. / Э. Людендорф; пер. с 5-го нем. изд. под ред. [и с предисл.] А. Свечина. – М.: Высш. воен. ред. сов. Гос. изд., 1923–1924.

14. Наступление Юго-Западного фронта в мае – июне 1916 г. Сборник документов. – М.: Воениздат, 1940. – 548 с.

15. *Никитский, В.* Отражение газовой атаки под Осовцом 24.7.15 г. / В. Никитский // Военная наука и революция: в 2 кн. – М., 1921. – Кн. 2.

16. *Носков, А. А.* Вильна-Молодечненская операция, август – сентябрь 1915 г.: (схема) / А. А. Носков (Вещий). – Пг.: Б. А. Суворин, 1916. – 15 с., [1] л. схем.

17. *Оберюхтин, В. И.* Барановичи. 1916. Военно-исторический очерк / В. И. Оберюхтин. – М.: Науч.-ист. отд. Воен. акад. РККА им. М. В. Фрунзе, 1935. – 156 с.

18. *Певнев, А.* Конница в Свенцяном прорыве / А. Певнев // Война и революция. – 1929. – № 12. – С. 74–92.

19. *Певнев, А. Л.* Конница: по опыту мировой и гражданской войн / А. Певнев. – М.: Гос. воен. изд-во, 1924. – 39 с.

20. *Подорожный, Н.* Нарочская операция в марте 1916 г. на русском фронте мировой войны / Н. Подорожный. – М.: Воениздат, 1938. – 180 с.

21. Приказания по войскам X Армии за 1916 год. № 1–327. – Минск: [б. и.], 1916. – 649 с.

22. *Свечников, М. С.* Оборона крепости Осовец во время второй, 6 1/2-месячной осады ее / М. С. Свечников, В. Я. Буняковский. – Пг.: Гл. упр. Ген. штаба, 1917. – 59 с.

23. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 1–7 / сост. В. Н. Клембовский. – М.; Пг.: Высш. воен. ред. совет, 1920–1923.

24. Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. / сост. В. Н. Клембовский. – М.; Пг.: Высш. воен. ред. совет. – Ч. 5: Период с октября 1915 г. по сентябрь

1916 г. Позиционная война и прорыв австрийцев Юго-Западным фронтом. – М., 1920. – 123 с.

25. Фогель, В. Барановичи 1916 г. / В. Фогель; пер. с нем. изд. Герман. гос. архива А. И. Далина; под ред. П. И. Измestьева. – Пг.: Гос. изд-во, 1921. – 57 с.

26. Хмельков, С. А. Борьба за Осовец / С. А. Хмельков. – М.: Воениздат, 1939. – 96 с.

(Дата поступления: 11.04.2021).

РАЗДЕЛ 5. ПОСЛЕ «ДОЛГОГО XIX ВЕКА»: НОВЫЕ НАЦИИ И НАСЛЕДИЕ ИМПЕРИЙ

УДК 94:314.174(476+438)"1921/1939"

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ЧИСЛЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПОЛЬШЕ И ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ В 1921–1939 ГОДАХ

Швайко В. Г.

Республиканский институт высшей школы, Минск, Беларусь

В статье на основе широкой источниковой базы представлен анализ численности, правового положения, социальной структуры русского населения Польши и Западной Беларуси в 1921–1929 гг. Определены факторы, влияющие на существование двух категорий русского населения – национального меньшинства и представителей эмиграции, показаны их правовые и социальные отличия.

Ключевые слова: национальное меньшинство; русская эмиграция; беженцы; юридический статус; Западная Беларусь; социальный состав.

LEGAL STATUS, NUMBER AND SOCIAL COMPOSITION OF THE RUSSIAN POPULATION IN POLAND AND WESTERN BELARUS IN 1921–1939

Shvaiko V.

National Institute For Higher Education, Minsk, Belarus

Based on a wide range of sources, the article presents an analysis of the size, legal status, and social structure of the Russian population of Poland and Western Belarus in 1921–1929. The article identifies the factors influencing the existence of two categories of the Russian population – national minorities and representatives of the emigration, shows their legal and social differences.

Keywords: national minority; Russian emigration; refugees; legal status; Western Belarus; social composition.

Впервые русские (великороссы, россияне – как их называют различные источники) появились на территории Польши и Западной Беларуси примерно в XVI в. Позже по мере развития отношений с Московским княжеством великороссийский элемент постепенно проникал на терри-

торию восточных областей Речи Посполитой. Как указывает В. И. Пичета, первыми русскими переселенцами на эти земли были князья-феодалы, недовольные централизаторскими тенденциями в политике московских государей [1, с. 47]. Особенно значительным был наплыв беженцев в период Ливонской войны, когда террор Ивана Грозного заставил часть князей и бояр покинуть родные земли. Некоторая часть русских осталась на территории восточной Речи Посполитой после похода туда в 1667 г. войск Алексея Михайловича [1, с. 48]. В конце XVII в. в связи с церковной реформой в России и утверждением Никонианской церкви в восточные земли Речи Посполитой начали переселяться русские старообрядцы. Кроме того, сюда в XVI–XVIII вв. переселялись бежавшие от крепостничества русские крестьяне.

После разделов Речи Посполитой на присоединенных к Российской империи землях стало активно насаждаться русское землевладение: целый ряд польских и белорусских имений был конфискован и передан во владение русским помещикам. Во второй половине XIX в. сюда стали переселяться и русские чиновники. Проживали они в основном в крупных городах – Варшаве, Вильно, Бресте, Гродно и др. [2, с. 34]. Кроме того, большинство офицеров, которые служили в дислоцировавшихся российских воинских частях, были русскими по национальности. Как указывают В. И. Пичета, а также российский исследователь С. Ткачев, количество русских, проживавших в XIX – начале XX в. на присоединенных к Российской империи бывших землях Речи Посполитой, было не очень большим и составляло около 3–4 % (таблицы 1, 2). Но благодаря своему высокому социальному положению – чиновники, помещики, офицеры, православные священнослужители – русские жители в данный период имели достаточно большое влияние на западнобелорусских землях.

Таблица 1

**Национальный состав населения западных белорусских губерний
Российской империи по данным переписи 1897 г., в % [1, с. 48]**

Губерния	Белорусы, украинцы	Русские	Поляки	Евреи	Литовцы, латыши
Виленская	56	4,9	8,2	12,7	17,6
Гродненская	66	4,6	10,1	17,4	0,2
Минская	76	3,9	3,0	10	–

Таблица 2

**Соотношение численности национальных групп населения
Западной Беларуси в 1897 и 1921 гг., в % [3, с. 161]**

Национальная группа	1987 г.	1921 г.
Белорусы	63,7	77
Евреи	15,1	12
Поляки	8,3	6
Русские	4,4	2
Прочие	8,5	3

Первая мировая война и развал Российской империи повлекли за собой серьезные изменения в судьбе русских, проживавших на западнорусских и польских землях: они утратили статус титульной нации, многие из них оказались на правах беженцев.

В независимом польском государстве в 1920–1930-е гг. русские жители получили статус национального меньшинства либо статус эмигрантов. Некоторую часть русского национального меньшинства в Польше составляли старообрядцы, которые проживали компактными группами в двух регионах: в районе г. Вильно и г. Сувалки (Белостокское воеводство). Жили они в основном в деревнях, сохранив русский язык и церковную обрядность. И если в 1920-е гг. старообрядцы не допускали отождествления их с другими группами русского населения, то уже с начала 1930-х гг. вынуждены были пойти на сотрудничество с ними с целью защиты прав русскоязычных учебных заведений [4, с. 792].

Значительную часть русского национального меньшинства составляли лица православного вероисповедания. Среди них можно выделить русских «по происхождению» (великороссов) и так называемых «местных русских», т. е. белорусов или украинцев по происхождению, которые сами себя называли русскими (указывали эту национальность в документах). По замечанию белорусского исследователя В. Н. Черепицы, при подобном самоопределении большую роль играли этнокультурные и конфессиональные представления данной категории населения (они считали себя носителями русского языка, русской культуры, исповедовали православие) [5, с. 337].

Первой проблемой, с которой столкнулись русские жители в независимой Польше, стало получение ими гражданства. В соответствии с междуна-родным и польским законодательством польское граждан-

ство автоматически получили только те из них, кто до Первой мировой войны проживал на землях, впоследствии вошедших в состав нового польского государства. Это было продекларировано в Дополнительном протоколе к Версальскому договору от 28 июня 1919 г.: «...польская государственная принадлежность признается без соблюдения каких-либо формальностей в числе других и за лицами русской государственной принадлежности, которые в момент вступления Трактата в силу имели постоянное жительство на территориях, входящих в состав Польши, или которые будут в нее включены позже» [6, л. 47; 7, с. 1940]. 20 января 1920 г. в Польше был принят Закон о гражданстве Польской Республики, который подтверждал это положение: «Польское гражданство принадлежит каждому лицу, кто на основании международного договора признается польским гражданином <...>, а также тому, кто был внесен или имеет право быть внесенным в книги постоянного народонаселения бывшего Царства Польского» [8, с. 82–84].

Те русские жители Польши, которые переселились на западно-белорусские и польские территории из других российских губерний накануне или во время войны, а также прибыли в Польшу после советско-польской войны – русские репатрианты, могли получить польское гражданство по ходатайству. В соответствии с циркуляром МВД Польши № 72 от 6 июня 1924 г. им необходимо было выполнить ряд условий: проживать на польских землях в течение 10 лет; хорошо знать польский язык; доказать лояльность к польскому государству и вести безупречный образ жизни; иметь средства на содержание семьи [6, л. 47; 9, с. 909]. Собрать все необходимые документы было очень сложно, при этом не было гарантии, что польские власти решат вопрос положительно. Приведем обращение в МВД Польши настоятеля одного из православных храмов Полесского воеводства, русского по национальности, написанное им после многократных отказов в предоставлении польского гражданства: «Я всегда вел и веду безукоризненный образ жизни (к суду никогда не привлекался); на протяжении всей жизни (59 лет) проживал на землях, после 1921 г. вошедших в состав Второй Речи Посполитой; знаю польский язык в совершенстве. Я считаю, что воеводские власти не вправе отказывать мне в получении польского гражданства. Если я и все мои предки жили на землях, в нынешнее время входящих в Польшу, то я должен быть гражданином Польши. В противном случае возникает вопрос: гражданином какого государства я являюсь?» [10, л. 17].

Проблема приобретения польского гражданства для русских жителей оставалась острой на протяжении всего межвоенного периода. Например, в 1932 г. в Верхней Силезии из 150 проживавших здесь русских 75 % не имели польского гражданства. При этом большинство из них были уроженцами этого края, но так и не смогли получить положительные ответы на прошения о получении гражданства [11, л. 66 об.].

Права национальных меньшинств, проживавших в Польше, регулировались международным и польским законодательством. 28 июня 1919 г. в Версале была подписана Конвенция о правах национальных меньшинств. Ее двенадцать статей гарантировали представителям национальных меньшинств Польши свободу вероисповедания, свободу употребления родного языка в частных отношениях, в прессе и т. п., право избирать своих представителей в законодательные органы, свободу создания и содержания различных благотворительных, религиозных и общественных организаций, право учреждения и содержания национальных школ [12, с. 71–74]. Выполнение этих требований контролировалось Лигой Наций: они не могли отменяться или изменяться без ее согласия. Все указанные в Конвенции положения были закреплены в статьях польской Конституции 1921 г. и практически без изменений были перенесены в Конституцию 1935 г. В Конституции декларировалось, что «...польские граждане, которые принадлежат к национальным, религиозным или языковым меньшинствам, имеют равные права учреждения за свой собственный счет благотворительных, религиозных, общественных организаций, школ, свободного употребления там своего родного языка и религиозной обрядности; имеют право свободы вероисповедания» [13, с. 19]. Кроме того, права русского, белорусского и украинского населения Польши оговаривались в Рижском мирном договоре от 17 марта 1921 г., семь статей которого регламентировали языковые, религиозные и культурные права этих национальностей в Польше [13, с. 90].

Надо отметить, что русское национальное меньшинство в Польше юридически имело все вышеперечисленные права, но реализовать их в полной мере не могло. В результате определился ряд проблем:

1. В соответствии с законом о школах для национальных меньшинств 1924 г. в тех местностях, где национальные меньшинства составляли более 25 % от численности населения, создавались школы на родном языке, которые финансировались государством [14, с. 68]. В силу своей малочисленности и распыленности по всей стране русские не могли превысить

этот барьер, в результате чего их школы не получали государственного финансирования (исключение составляли начальные школы в г. Вильно для старообрядцев). В результате в Польше действовали главным образом частные русскоязычные школы.

2. Русский язык не был включен в перечень языков национальных меньшинств в Законе о языках 1924 г., а его употребление часто подвергалось преследованию. При этом русский язык использовался в школах на уроках Закона Божьего, в Православной церкви при чтении проповедей и ведении документации, а в восточных воеводствах – в административных учреждениях. Последнее обстоятельство особо заботило польские власти. В 1927 г. в обращении к Виленскому, Новогрудскому, Полесскому и Белостокскому воеводам министр внутренних дел Польши С. Складовский заявил, что «...употребление русского языка во время приема населения является недопустимым <...> с населением необходимо говорить в первую очередь на государственном языке, или на языке, указанном в Законе о языках от 31 декабря 1924 г.» [15, с. 46]. В 1930-е гг. русский язык стал вытесняться из употребления в Православной церкви. В итоге сохранение русского языка и придание ему надлежащего статуса стало главной заботой в деятельности русских организаций в Польше.

3. Русские жители Польши имели ограничения при приеме на работу на государственные должности, а выпускники русских школ не могли поступать в те учебные заведения, которые осуществляли подготовку чиновников. Кроме того, имелись случаи увольнения русских учителей из польских школ [16, с. 289].

В результате наличие подобных проблем сформировало цели и основные направления работы русских общественно-политических и культурно-просветительских организаций в Польше, задачей которых стала борьба за наиболее полную реализацию прав русского национального меньшинства.

Вторую группу русских жителей Польши составляли эмигранты. В силу своего географического положения Польша была одним из главных направлений русской эмиграции «первой волны». По данным российских исследователей, в 1919–1920 гг. через ее территорию прошло около 1 млн беженцев из России [17, с. 51]. Подавляющее большинство из них переселились в Западную и Юго-Восточную Европу или же вернулись в Россию, но многие остались, составив польскую часть русского зарубежья.

В польских и русских документах начала 1920-х гг. упоминаются две категории лиц, прибывших из России: гражданские беженцы и военнослужащие бывших русских армий. Последние до 1923–1924 гг. находились либо в фильтрационных лагерях в восточных воеводствах (Барановичи, Молодечно, Львов), либо в лагерях для интернированных солдат и офицеров на западе Польши (Тухоля, Стржалково, Калиш и др.) [18, л. 3, 19. л. 185].

До середины 1920-х гг. в Польше для удостоверения личности русских беженцев выдавались так называемые «карты азилия» и «карты побыта». «Карты азилия» предоставляли право политического убежища и выдавались интернированным и военнопленным, а также гражданским лицам, прибывшим в Польшу до подписания советско-польского перемирия 12 октября 1920 г. Прибывшие после обозначенной даты могли получить политическое убежище, предоставив доказательства своей принадлежности к анти-большевистским партиям, службе в «белых» армиях или доказав, что в России они подвергались преследованиям по политическим мотивам [20, л. 8]. «Карты побыта» выдавались лицам, которые находились в Польше временно: тем, кто следовал через ее территорию транзитом и ожидал получения заграничных виз, либо тем, кто незаконно пересекал границу (их чаще всего ждала высылка обратно) [21, л. 102]. В 1927 г. Правление Русского попечительского комитета направило в МВД Польши Меморандум по вопросу о правовом положении русских эмигрантов, в котором потребовало установления единого документа для них. Лучшим вариантом был назван так называемый «нансеновский паспорт», который служил удостоверением личности владельца и подтверждал его статус лица без гражданства – апатрида. Этот документ был создан по инициативе Ф. Нансена в 1925 г. как временное удостоверение личности для выходцев из бывшей Российской империи, которое с 1926 г. выдавалось более чем в 30 государствах [22, с. 127]. В соответствии с Декларацией Лиги Наций, подписанной в 1928 г., страна, признавшая паспорт Нансена, принимала его владельца под свою защиту и должна была предоставить ему право на трудоустройство. С 1926 г. эти паспорта стали выдавать в Польше для выезда русских эмигрантов за границу, а с 1929 г. – для постоянного проживания в стране [23, л. 152].

Правовое положение русских эмигрантов в Польше было достаточно сложным. В соответствии с польским законодательством они не имели права заниматься политической деятельностью, кроме того,

существовал ряд ограничений в возможности выбора ими места жительства и профессии. В начале 1920-х гг. им запрещалось проживание в восточных воеводствах, поэтому многие из русских эмигрантов обосновались в Варшаве и западных воеводствах Польши [24, л. 103]. Многие эмигранты, имевшие высококвалифицированные специальности инженеров, юристов, учителей, врачей, не могли устроиться на работу, которая бы соответствовала их квалификации. Например, Закон о школах, принятый в 1924 г., разрешал работать учителями только польским гражданам. В итоге многие учителя русскоязычных школ, которые имели статус эмигрантов, вынуждены были трудиться лаборантами, библиотекарями и т. п. Ремеслом русские эмигранты могли заниматься только по специальному разрешению Министерства торговли и промышленности Польши, при этом каждый случай рассматривался отдельно [23, л. 7]. Но необходимо отметить, что открытой дискриминации со стороны польских властей по отношению к русским эмигрантам не наблюдалось. В соответствии с нормами международного права русские эмигранты в Польше находились под покровительством Комитета по делам российских и армянских беженцев под председательством Ф. Нансена, действовавшего при Лиге Наций. До 1 ноября 1934 г. в Польше работала Делегация этой организации, ее возглавлял Эдуард Галлати. В сферу деятельности организации входила правовая защита русских беженцев, содействие им при переезде на постоянное место жительства, оказание материальной помощи. После ликвидации этой организации заботу о русских эмигрантах взял на себя Польский Красный Крест.

И русское национальное меньшинство, и русская эмиграция в Польше были представлены практически всеми социальными слоями дореволюционной России: главным образом это были представители интеллигенции (бывшие царские чиновники, учителя, юристы), бывшие офицеры и солдаты царской армии, православные священники, а также немногочисленная группа крестьянства [25, л. 72].

Русское население Польши было немногочисленным и распыленным по всей стране. Нами была сделана попытка проанализировать его численность в разные периоды, представив различные категории русского населения (беженцы, репатрианты, местные жители и т. п.). При этом точно определить численность русского населения практически невозможно, так как имела место постоянная его динамика, особенно в период 1921–1924 гг. В ходе исследования удалось установить следующее:

1. В указанный период через территорию Польши прошло огромное количество русских беженцев: около 70–80 тыс. в 1920 г.; от 400 тыс. летом – до 200 тыс. осенью 1921 г.; около 80–85 тыс. в начале 1922 г.

2. В рамках репатриации в период с 1918 по 1924 г. в Польшу прибыло около 122 тыс. русских, в том числе только в 1922 г. 66 тыс.

3. В начале 1920-х гг. в Польше находилось большое количество русских военнопленных времен советско-польской войны. По данным польского исследователя В. Станиславского, в апреле-мае 1920 г. их было около 18 тыс., в ноябре 1920 г. – около 110 тыс. При этом 66 тыс. из них вернулись домой, около 20 тыс. умерли в плену, около 20 тыс. вступили в ряды добровольческих отрядов, воевавших на стороне Польши против Советской России (позже были интернированы) [26, с. 30]. По данным Русского попечительского комитета, в 1922 г. интернированных русских солдат и офицеров в Польше насчитывалось около 17 тыс. человек. Тот же комитет в 1926 г. указывает, что около 3 тыс. из них после объявленной амнистии вернулись в Советскую Россию, около 2–3 тыс. уехали на работы в Германию и Францию, около 10 тыс. остались проживать в Польше на правах русских эмигрантов.

4. Польская перепись 1921 г. зафиксировала 56,2 тыс. русских жителей Польши, при этом она не учитывала русских репатриантов, беженцев и военнопленных [14, с. 46]. В данном случае речь шла только о представителях русского национального меньшинства.

Начиная с 1924 г. можно говорить о более-менее стабильном количестве русского населения в Польше. К этому времени практически прекратился выезд русских беженцев за рубеж или возвращение их на родину, были закрыты лагеря для военнопленных и интернированных. Но небольшая динамика численности (особенно среди эмигрантов) все же сохранялась, так как имел место процесс высылки и добровольного отъезда русских за пределы Польши. Нам удалось собрать следующие данные о русских эмигрантах, проживавших в Польше в 1924–1939 гг.:

1. В 1926 г. (по подсчетам РПК) их было около 20–25 тыс.: около 10 тыс. политических эмигрантов, до 10 тыс. бывших военнослужащих, около 5 тыс. репатриантов, не получивших гражданство [27, л. 184–185]. В 1935 г. тот же комитет в своих отчетах называет цифру в 30 тыс. человек.

2. Польские исследователи Я. Замойский, Г. Халупчак, В. Станиславский называют количество русских эмигрантов в указанный период

в пределах 50–80 тыс. Примерно такие же данные – 80–85 тыс. человек – приводят и многие российские исследователи. При этом они ссылаются на данные отчетов Нансеновского комитета, а также на цифры так называемого «рапорта Симпсона».

3. Перепись 1931 г. определила численность русских жителей в 138,7 тыс. человек: сюда уже были включены и эмигранты, и представители русского национального меньшинства [28, с. 44].

При анализе географии расселения русских в Польше выделяются три центра: Варшава, восточные воеводства и несколько городов в западных воеводствах. Из них по численности и активности общественной жизни явно выделялась Варшава. В 1921 г. здесь проживало около 6–7 тыс. русских эмигрантов, а в 1931 г. – около 6000 (из них 3976 человек в городе, 2000 – в воеводстве). Высокая численность эмигрантов в Варшаве объясняется, во-первых, тем, что с начала 1920-х гг. здесь действовал ряд общественно-политических русских эмигрантских организаций; во-вторых, тем, что многие эмигранты, особенно из высших слоев общества, стремились жить именно в столице. Вторым центром расселения русских эмигрантов стали города и местечки, расположенные вблизи бывших лагерей для интернированных и репатриантов. Как указывает польский исследователь В. Станиславский, после ликвидации лагерей русские эмигранты появились в Александрове, Барановичах, Молодечно, Стржалкове, Щипирно, Тухоле, Вадовицах. Позже некоторые из них переехали в более крупные города: из Тухолы и Стржалкова – в Быдгош и Познань, из Вадовиц – в Краков, из Молодечно – в Вильно и Брест [26, с. 33].

Представители русского национального меньшинства проживали главным образом в восточных воеводствах Польского государства. Это было обусловлено тем, что данные территории долгое время находились под властью Российской империи и сюда еще в XIX – начале XX вв. активно переселялись русские чиновники, учителя, священники. По данным переписи 1931 г. большие группы русского населения проживали в Виленском (3,5 %), Белостокском (2 %), Полесском (1,4 %), Новогрудском (0,6 %), Волынском (1,1 %) воеводствах, при этом в остальных воеводствах численность русских не превышала 0,2 % [29, с. 78].

Русские проживали как в городах, так и в деревнях. По данным переписи 1931 г. наибольшее их количество было в следующих городах: Вильно – 7372 (3,8 %), Варшава – 3979 (0,3 %), Гродно – 3730 (7,5 %), Белосток – 3263 (3,6 %), Пинск – 2866 (9,0 %), Ровно – 2792 (6,9 %), Брест –

2575 (5,3 %), Луцк – 2284 (6,4 %), Ковель – 1954 (7,1 %), Барановичи – 1006 (4,4 %) [30, с. 268–270]. Если сравнивать данные двух переписей, то необходимо отметить, что за 10 лет количество русского городского населения возросло больше чем в два раза. Обращает на себя внимание и тот факт, что в Виленском и Белостокском воеводствах среди русского населения явно преобладают жители деревни – главным образом старообрядцы, которые традиционно селились в сельской местности.

Что касается западнобелорусских земель, то в Новогрудском воеводстве в 1931 г. проживало 6794 русских. Наибольшее их количество было в Барановичском (1997 или 1,2 %) и Слонимском (1011 или 0,8 %) поветах. В остальных поветах этого воеводства численность русского населения не превышала 900 человек. На современных белорусских территориях Белостокского воеводства проживало следующее количество русских: в Гродненском повете – 6,1 тыс. человек (2,9 %), в Волковысском – 2,8 тыс. (1,6 %). Наибольшее количество русских в белорусских поветах Виленского воеводства проживало в Браславском и Дисненском поветах (старообрядцы), а также в Поставском повете – 1,4 тыс. (1,4 %). В остальных белорусских поветах Виленского воеводства количество русских не превышало 900 человек [30, с. 116–117].

При определении численности русского населения Полесского воеводства нами отмечены разночтения. П. Эберхард указывает, что общее их количество здесь равнялось 24,3 тыс. человек. Архивные документы (отчеты Полесского воеводы) называют цифру в 16 346 человек. На наш взгляд, причиной этому явился языковой критерий определения национальности, который был главным во время переписи населения 1931 г. Многие местные жители, т. н. «тутэйшыя», назвали родным языком русский. Воеводские власти изъяли из списков жителей русской национальности такие группы, проживавшие в м. Давид-Городок, а также в некоторых деревнях Лунинецкого, Пинского и Столинского поветов, указав количество лишь так называемого «великорусского» населения. Но в отчеты в Варшаву статистика пошла без изменений. По этому поводу воевода указывал, что количество русских жителей возросло с 16 346 человек до 25 050, и составило не 1,4 %, а 2,2 %».

Таким образом, на основании вышеизложенного нами были сделаны следующие выводы.

В соответствии с международным и польским законодательством русские граждане Польши имели юридический статус национального меньшинства. При этом они находились в двойственном положении:

с одной стороны, международные и польские законы гарантировали им всевозможные права и свободы, с другой – местные власти препятствовали их реализации. Главными причинами сложившейся ситуации, на наш взгляд, стали антирусская направленность национальной политики Польши, особенно в ее восточных воеводствах, а также оставшиеся в наследие от Российской империи стереотипы негативного отношения поляков к русским. В дальнейшем эти обстоятельства способствовали направленности деятельности организаций русского национального меньшинства в Польше на сохранение русских культурных традиций.

Правовой статус русских эмигрантов в Польше соответствовал нормам международного права по проблемам беженцев. Польское государство соблюдало все законодательные акты, принятые международным сообществом по правам русских беженцев, в стране действовало представительство соответствующего Комитета Лиги Наций. Но при этом имел место ряд ограничений для русских эмигрантов в праве устройства на работу и передвижения по стране, существовала постоянная угроза высылки за пределы Польши. В соответствии с польскими законами русские эмигрантские организации не имели права заниматься политической деятельностью, что, в свою очередь, заставило их сосредоточиться на решении культурно-просветительских и благотворительных задач.

Грань между представителями русского национального меньшинства и русскими эмигрантами четко определялась польским законодательством, которое запрещало им взаимодействовать в рамках общественно-политических организаций. Но на бытовом уровне это разделение было условным. Во-первых, эти две группы с середины 1920-х гг. чаще всего компактно проживали в одних и тех же городах, их дети учились в одних и тех же школах, что способствовало их сближению в повседневной жизни. Во-вторых, многие беженцы со временем получали польское гражданство, вливаясь в группу «национального меньшинства», но не теряли при этом связи с русской эмиграцией. В-третьих, их объединяли общие проблемы, которые касались культурно-просветительской жизни. Таким образом, разделение русских жителей Польши на две группы является только юридической категорией.

При определении численности русского населения в Польше существует целый ряд проблем, которые не дают возможности установить их точное число: постоянная динамика количества русских беженцев-

эмигрантов; проблемы, связанные с самоидентификацией так называемых «местных русских»; различное понимание польскими и российскими исследователями категорий «эмигрант», «беженец», понятий «русский», «российский»; разные данные в статистике, представленной польскими государственными органами, международными организациями и русскими эмигрантскими организациями.

Список использованных источников

1. Пичета, В. И. Исторические судьбы Западной Белоруссии / В. И. Пичета // Западная Белоруссия: сб. ст. – Минск: Белорус. гос. издат., 1927. – С. 45–52.
2. Пичета, В. И. Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии / В. И. Пичета. – М.: Моск. рабочий, 1939. – 40 с.
3. Ткачев, С. Российская эмиграция в межвоенной Польше / С. Ткачев // Emigracja rosyjska. Losy i idee. Pod redakcją naukową R. Backego i Z. Karpusa. – Łódź, 2002. – S. 195–245.
4. Sprawy narodowościowe. – Warszawa: Instytut Badań Spraw Narodowościowych. – 1929. – № 5.
5. Черепица, В. Н. Очерки истории Православной Церкви на Гродненщине (с древнейших времен до наших дней): в 2 ч. / В. Н. Черепица. – Гродно: ГрГУ, 2005. – Ч. 2. – 440 с.
6. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. Р-5814. Оп. 1. Д. 6.
7. Traktat między Główniemi Mocarstwami sprzymierzonymi i stowarzyszonymi a Polską, podpisany w Wersalu 28 czerwca 1919 r. // Dziennik ustaw Rzeczypospolitej. – 1920. – № 110. – S. 1933–1946.
8. Ustawa z dnia 20 stycznia 1920 r. O obywatelstwie państwa Polskiego // Dziennik ustaw Rzeczypospolitej. – 1920. – № 7. – S. 82–84.
9. Rozporządzenie Ministra Spraw Wewnętrznych o wykonaniu ustawy z dnia 20 stycznia 1920 r. // Dziennik ustaw Rzeczypospolitej. – 1920. – № 52. – S. 907–913.
10. Государственный архив Брестской области (далее – ГАБО). – Ф. 2059. Оп. 2. Д. 279.
11. ГАБО. – Ф. 114. Оп. 1. Д. 20.
12. Sworokowski, W. Międzynarodowe zobowiązania mniejszościowe Polski. Komentarz do art. 12-go Małego Wersalskiego Traktatu / W. Sworokowski. – Warszawa: IBSN, 1935. – 232 s.
13. Канстытуцыя Польскае Рэспублікі ад 17 сакавіка 1921 г. Закон 20 студзеня 1920 г. аб польскім грамадзянстве. Рыжскае пагадненне ад 18 сакавіка 1921 г. – Вільня: Друкарня С. Бэкера, 1924. – 60 с.
14. Mauersberg S. Szkolnictwo powszechne dla mniejszości narodowych w Polsce w latach 1918–1939 / S. Mauersberg. – Wrocław: Ossolineum, 1968. – 230 s.

15. Sprawy narodowościowe. – Warszawa. Instytut Badań Spraw Narodowościowych. – 1932. – № 6.

16. Sprawy narodowościowe. – Warszawa: Instytut Badań Spraw Narodowościowych. – 1927. – № 2.

17. Соничева, Н. Е. На чужом берегу: к истории русской эмиграции в послеоктябрьский период / Н. Е. Соничева. – М.: Знание, 1991. – 64 с.

18. ГАБО. – Ф. 2001. Оп. 4. Д. 4714.

19. ГАРФ. – Ф. Р-5814. Оп. 2. Д. 14.

20. ГАРФ. – Ф. Р-5814. Оп. 1. Д. 35.

21. ГАРФ. – Ф. Р-5854. Оп. 1. Д. 2.

22. Серапионова, Е. П. Российские эмигранты в Чехословакии в межвоенные годы / Е. П. Серапионова // Вопросы истории. – 1997. – № 5. – С. 124–133.

23. ГАРФ. – Ф. Р-5814. Оп. 1. Д. 112.

24. ГАБО. – Ф. 114. Оп. 1. Д. 2.

25. ГАБО. – Ф. 1. Оп. 9. Д. 1670.

26. Stanisławski, W. Emigracja i mniejszość rosyjska w II Rzeczypospolitej: próba charakterystyki społeczności / W. Stanisławski // Sprawy narodowościowe. Sena nowa. – 1996. – Z. 2 (9). – S. 23–60.

27. ГАРФ. – Ф. Р-5814. Оп. 2. Д. 17.

28. Tomaszewski, J. Ojczyzna nie tylko polaków. Mniejszości narodowe w Polsce w latach 1918–1939 / J. Tomaszewski. – Warszawa: MAN, 1985. – 224 s.

29. Sprawy narodowościowe. – Warszawa: Instytut Badań Spraw Narodowościowych. – 1937. – № 4–5.

30. Krysiński, A. Struktura narodowościowa miast polskich // Sprawy narodowościowe / A. Krysiński. – 1937. – № 3. – S. 232–290.

31. Chojnowski, A. Koncepcje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921–1939 / A. Chojnowski. – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk: Wydawnictwo Polskiej AN, 1979. – 262 s.

(Дата поступления: 14.05.2021).

УДК 94:351.74:930.2(476)"1921/1939"

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МИЛИЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ БССР В 1919–1934 ГОДАХ: ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Мамайко И. А.

Республиканский институт высшей школы, Минск, Беларусь

В статье рассматриваются вопросы историографии деятельности правоохранительных органов в системе государственной власти БССР в период 1917–1934 гг. Представлен анализ архивных источников, а также нормативных правовых актов указанного периода, регулирующих деятельность милиции.

Ключевые слова: историография; источники; Западная Беларусь; Народный комиссариат внутренних дел; рабоче-крестьянская милиция; исторический формуляр.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF POLICE IN THE SYSTEM OF STATE ADMINISTRATION OF THE BSSR IN 1919–1934: SOURCES AND HISTORIOGRAPHY

Mamaiko I.

National Institute For Higher Education

The article deals with the issues of historiography of the activities of law enforcement agencies in the system of state administration of the BSSR in the period 1917–1934. The article presents an analysis of archival sources, as well as normative legal acts of the specified period, regulating the activities of the police.

Keywords: historiography; sources; Western Belarus; People's Commissariat of Internal Affairs; Workers' and Peasants' Militia; Historical Form.

В 1917 г. в результате революционных событий на территории Беларуси начался процесс становления новых организационных форм охраны общественного порядка, многие из которых продолжают существовать в современном белорусском государстве.

Однако в отечественной истории вопросы становления и развития одного из центральных звеньев сил правопорядка – милиции – остаются малоисследованными. Частично это объясняется специфичностью самой структуры и ограниченным доступом к необходимым источникам, в первую очередь документам архивов МВД и КГБ.

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 17 июля 2003 г. «Об органах внутренних дел» милиция – «система подразделений орга-

нов внутренних дел, которая предназначена оборонять жизнь, здоровье, честь, права, свободы и законные интересы граждан, права и законные интересы организаций, интересы общества и государства от преступных и иных противоправных покушений». Она является составной частью системы органов внутренних дел – «государственных правоохранительных органов, которые осуществляют борьбу с преступностью, охрану общественного порядка и обеспечивают общественную безопасность».

В недействующем уже Законе Республики Беларусь от 26 февраля 1991 г. № 637-ХІІ «О милиции» милиция определяется как «государственный правоохранительный орган, призванный оборонять жизнь, здоровье, права, свободы и законные интересы граждан, общества и государства от преступных и других противоправных покушений».

Как отмечает ученый-историк И. А. Сороковик, «учреждения внутренних дел (милиция) в силу своей специфики более всего подвергнуты тенденциям самостоятельности и отчужденности. А специфика обозначается военизированностью системы, закрытостью или полужакрытостью ряда направлений ее деятельности, по большей части принудительным характером деятельности, которая затрагивает интересы многих граждан» [1]. С другой стороны, данная тема может представляться исследователям неприглядной и узкой в общественно-политическом контексте и с точки зрения истории.

В научных трудах и многочисленных публикациях, в которых Беларусь рассматривается во времена революционных преобразований и в условиях тоталитарной системы, не остается без внимания и деятельность органов, которые выполняли правоохранительные функции: суда, прокуратуры, органов государственной безопасности, к которым обычно относят Чрезвычайную комиссию (ЧК), Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) и Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), составной частью которого являлась милиция.

В Беларуси республиканский НКВД был образован в январе 1919 г., но в марте того же года в связи с образованием Литовско-Белорусской советской республики (ЛитБел) прекратил свою деятельность, передав свои функции отделу Управления милиции Минского губвоенревкома и Народному комиссариату внутренних дел ЛитБел. 17 декабря 1920 г. по решению II Всебелорусского съезда Советов Комиссариат внутренних дел Военревкома был преобразован в Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) ССРБ.

НКВД ССРБ в 1920-х гг. занимался вопросами советского строительства, административно-территориального устройства, коммунального хозяйства, в его структуру входили милиция и органы записей актов гражданского состояния (ЗАГС). В декабре 1930 г. НКВД БССР был ликвидирован, а его функции были переданы другим органам власти (ЦИК, Наркомюсту БССР и другим). В 1934 г. был вновь образован НКВД БССР, но уже с новой структурой, где ведущими подразделениями являлись Управление государственной безопасности (УГБ) и Управление рабоче-крестьянской милиции (УРКМ). На районном уровне единым аппаратом, который выполнял задачи органов НКВД, было районное отделение (РО) НКВД. Начальник отделения милиции РО НКВД БССР одновременно являлся помощником начальника РО НКВД БССР по милиции.

Что же касается истории возникновения непосредственно самой милиции, то первоначально милиция в Беларуси была образована в марте 1917 г. после Февральской революции, когда Временное правительство провозгласило «замену полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления». Днем основания белорусской милиции считается 4 марта 1917 г. В этот день в соответствии с приказом гражданского коменданта города Минска Б. Самойленко на должность временного начальника милиции Всероссийского Земского Союза по охране порядка в городе был назначен служащий Всероссийского Земского Союза Михаил Михайлов (под этим псевдонимом прятался большевик Михаил Фрунзе).

Учитывая социально-политические обстоятельства, отсутствие конкретного административно-территориального деления, а также временную оккупацию немецкими, а затем польскими войсками, говорить о формировании на территории Беларуси штатной структуры милиции до ноября 1920 г. не приходится.

Первое положение о Главном управлении рабоче-крестьянской милиции (Главмилиции) Социалистической Советской Республики Беларуси (ССРБ) было утверждено 30 ноября 1920 г. Комиссариатом внутренних дел Военревкома Беларуси, в распоряжении которого находилась Главмилиция.

В 1920 г. в состав Главмилиции как отдел следственно-розыскной милиции входил уголовный розыск (Главрозыск). 26 апреля 1922 г. в соответствии с приказом НКВД БССР его вывели из подчинения милиции. В центре было образовано Управление уголовного розы-

ска, непосредственно подчиненное наркомун внутренних дел. 22 марта 1924 г. Управление уголовного розыска ликвидируется, а его функции передаются Главмилиции БССР, которую переименовывают в Управление милиции и уголовного розыска НКВД БССР. В 1927–1930 гг. это Административное управление НКВД БССР, а в 1930–1934 гг. – Главное управление милиции и уголовного розыска при Совете народных комиссаров (СНК) БССР.

В полном объеме становление, развитие и функционирование правоохранительной системы советской Беларуси в отечественной историографии не освещалось. Оно подается в основном фрагментарно. Примером могут послужить обстоятельные работы Т. Протьюко «Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.)» и М. Костюка «Большевистская система власти на Беларуси», посвященные утверждению советской тоталитарной системы в Беларуси.

Деятельность же милиции в советский период до Второй мировой войны наиболее изучена профессором А. Ф. Вишневым, который первый поднял тему участия милиции Беларуси в осуществлении карательной политики советского государства.

Насчет ценности исследований истории милиции в заданных хронологических рамках отметим, что милиция как административно-военизированный орган советской власти с самого начала своей деятельности являлась одним из важнейших механизмов становления и укрепления этой власти в Беларуси. К примеру, именно как административно-военизированный орган советской власти обозначалась милиция в соответствии с Положением о рабоче-крестьянской милиции и уголовном розыске БССР, утвержденным 27 февраля 1930 г. В соответствии с Положением о рабоче-крестьянской милиции, которое было утверждено СНК СССР 25 мая 1931 г. и действовало до 1962 г., милиция определялась как административно-исполнительный орган советской власти, главной задачей которого являлась охрана революционного порядка и общественной безопасности, необходимых для социалистического строительства.

После реорганизации структуры и управления ею, которое произошло на границе 1920–1930-х гг., милиция преобразовалась, как подчеркнул А. Ф. Вишневский, «в еще одну дополнительную силу, направленную на уничтожение политических противников Сталина и тем самым – на усиление режима его личной власти, на разгром крестьянства, которое сопротивлялось коллективизации, на то, чтобы

привести страну и каждого человека в отдельности в онемение перед страхом быть в любое время наказанным не только за нежелательное действие или бездействие, но и инакомыслие» [2, с. 86].

Именно в это время произошло становление профессиональной советской милиции и были заложены основы организационного построения милиции, которые до сегодняшнего дня развиваются и совершенствуются, а также принципы двойственного подчинения милиции, когда, с одной стороны, начальники местных органов милиции по работе являются непосредственно подчиненными и подотчетными начальникам вышестоящих милицейских органов, а с другой – руководствуются указаниями местной исполнительной власти и также подотчетны ей.

В рассматриваемый период наряду с репрессивной деятельностью милиция (в отличие от органов государственной безопасности) проводила большую работу по предотвращению и раскрытию убийств, грабежей, краж, конокрадства, занималась розыском уголовников, обеспечивала охрану общественного порядка. В это время произошло становление подразделений милиции, которые сейчас не только функционируют, но и не сменили свои основные направления деятельности и даже название, как, например, уголовный розыск и Государственная автомобильная инспекция.

Очевидно, что многочисленные вопросы становления, развития и деятельности белорусской милиции в советский период требуют более основательных исследований и оценок, избавленных от идеологической предвзятости. В этом контексте важно не обойти вниманием проблему исторического отображения, четко обозначенную авторами первого учебника по истории милиции в независимой Беларуси А. Ф. Вишневым, Н. И. Ильинским и И. А. Сороковиком: «К сожалению, среди современных ученых встречаются крайние подходы при освещении указанной проблематики. Под воздействием новейших исторических, в том числе историко-правовых знаний, появления в прессе публикаций мало известных страниц из истории милиции, особенно негативного плана, некоторые из них считают, что, по сути, нет научной истории милиции, а поэтому все надо начинать сначала.

Однако, при всех оправданных критических отношениях к предыдущим работам, нельзя не признать, что в накопленном научном арсенале есть исследования, которые в целом выдержали проверку временем, доказали свою значимость и ценность. Это, правда, еще не означает, что они всесторонне раскрыли грани изучаемой проблемы.

Существует и другая крайность среди ряда ученых: они не признают новейших положений, подходов к изучению прошлого милиции, считают предыдущие оценки и выводы непоколебимыми. Понятно, что такая крайность консервирует прежний уровень знаний, подает его в препарированном, урезанном, искаженном, подкрашенном розовыми красками виде, не позволяет увидеть и осмыслить исторический процесс во всем многообразии, в различных взаимосвязях и взаимозависимостях.

Как первый, так и второй подходы с научной точки зрения являются неприемлемыми» [3, с. 5, 6].

К источникам по изучению истории милиции указанного периода мы можем отнести документальные (материалы архивов и музеев), законодательные акты и статистические сведения.

Что касается архивов Беларуси, то материалы о милиции довоенного времени хранятся в фондах Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), областных исторических архивах, архивах МВД и КГБ. Среди фондов, где данные документы наиболее сконцентрированы и систематизированы по хронологически-структурному принципу, в первую очередь необходимо назвать следующие фонды НАРБ: НКВД БССР (ф. 34), Главного управления милиции и уголовного розыска (ф. 35), Школы милиции имени М. Фрунзе при Главном управлении милиции и уголовном розыске НКВД БССР (ф. 37).

В делах этих фондов хранятся постановления, циркуляры, инструкции НКВД РСФСР и БССР, протоколы заседаний коллегий и совещаний НКВД БССР, протоколы общих собраний сотрудников милиции, отчеты о работе основных служб центрального аппарата НКВД БССР и отделов Главмилиции БССР, отчеты уездных милиций, сведения о личном составе Главмилиции БССР и уездных милиций, документы о белорусизации милиции, статистические сведения о деятельности милиции и уголовного розыска, сводки о происшествиях, материалы о культурно-просветительской деятельности в органах милиции, программа Школы милиции имени М. Фрунзе и автобиографии ее курсантов.

В архивах МВД накоплены документы, первые по времени из которых датируются 1932 г. В фондах они систематизированы по хронологическому принципу. Постановления, циркуляры и приказы сконцентрированы в 50-м фонде. В особый фонд выделены личные дела сотрудников.

Определенное количество интересных материалов хранится в центральном музее МВД Республики Беларусь. Это в основном фотодокументы, а также некоторые ценные вещественные экспонаты, среди которых, например, уникальностью выделяется первый и единственный республиканский знак «Почетному милиционеру», которым награждались в 1920-е гг. лучшие сотрудники белорусской милиции.

Музеи милиции действуют во всех областных управлениях и некоторых районных отделах внутренних дел. Во всех управлениях, отделах внутренних дел в городах и районах ведутся исторические формуляры, куда заносятся сведения, касающиеся образования, формирования и реорганизации данного органа внутренних дел, помещаются фотографии и библиографические данные его руководителей.

Порядок ведения исторического формуляра регламентирован Инструкцией о порядке ведения исторического формуляра, утвержденной приказом МВД Республики Беларусь от 5 декабря 2005 г. № 377.

Исторический формуляр состоит из восьми разделов, первый из которых – «История формирования и развития органа внутренних дел». Исторические формуляры предписано также вести в управлении внутренних дел на транспорте, в Департаменте охраны и подчиненных ему областных, городских управлениях и районных отделах, Департаменте исполнения наказаний и подчиненных ему учреждениях уголовно-исполнительной системы, учреждениях образования МВД.

В изучении нормативно-правовой базы деятельности милиции хорошим помощником является сборник «Милиция Беларуси. Документы и материалы (1917–2007)» [4], в котором, в частности, содержатся исторически ценные законодательные акты 1920–1930 гг. и «Хронологический справочник», подготовленный И. А. Сороковиком [5], где сделан краткий исторический обзор основных документов органов внутренних дел Беларуси, а также об участии общественных организаций в охране общественного порядка и борьбе с преступностью за период с 1917 по 2002 гг.

В 2007 г. вышел из печати справочник «Даты образования органов и подразделений внутренних дел Республики Беларусь» [6], подготовленный Главным управлением кадров МВД. В нем представлены даты образования всех областных, городских, районных управлений (отделов) органов внутренних дел; отделов (отделений) органов внутренних дел на транспорте; учреждений Департамента исполнения наказаний (следственных изоляторов, исправительных учреждений и тюрем); об-

ластных управлений и районных отделов (отделений) Департамента охраны. В справочник также помещены приказы МВД об установлении дней основания подразделений, служб и учреждений органов внутренних дел Беларуси.

При обзоре источников по изучению истории милиции 1917–1934 гг. стоит особо остановиться на некоторых изданиях. Так, в 1927 г. был издан «Кароткі нарыс гісторыі міліцыі Беларусі (1917–1927)» [7] – книга, которая вышла тиражом 1000 экземпляров под общей редакцией и с предисловием народного комиссара внутренних дел Олеса Сташевского, составителями которой являлись сотрудники НКВД БССР. Это была первая книга по истории белорусской милиции, написанная на белорусском языке. Ее авторы смогли систематизировать и в хронологическом порядке изложить материалы о организационном устройстве милиции, ее штатах, материальном обеспечении, раскрытых преступлениях. Вместе с тем в книге отсутствуют теоретические выводы, научный анализ исторического материала. Несмотря на эти недостатки, издание имеет достаточный эмпирический материал для научного обобщения.

Ещё ранее, в 1924 г., в Минске вышел справочник «Белорусская Социалистическая Советская Республика в 1922–1923 гг.», подготовленный к V Съезду Советов Беларуси. В разделе «Органы охраны порядка и борьбы с преступностью» была отражена информация, которая характеризовала личный состав милиции и уголовного розыска, направления их деятельности, а также содержались статистические сведения о преступности в республике.

В 1967 г. под грифом «Для служебного пользования» коллективом авторов (А. Ф. Атрощенко и др.) была издана книга «История милиции Белорусской ССР (1917–1967). Краткий очерк». В 1987 г. под таким же грифом вышло из печати наиболее фундаментальное исследование советского периода – «Очерки истории милиции Белорусской ССР. 1917–1987» [8]. Несмотря на излишнюю идеологизированность, издание ценно богатым и разносторонним фактическим материалом.

Проводя обзор научных изданий по истории милиции обозначенного периода, нельзя обойти вниманием труды профессора А. Ф. Вишневого, который еще в советское время защитил докторскую диссертацию «Организация и деятельность милиции Советской Белоруссии в годы строительства социализма (1917–1939 гг.)», а также подготовил и издал под грифом «Для служебного пользования» ряд учебных по-

собий: «Минская милиция в первые годы советской власти (1917–1920 гг.)» [9], «Милиция советской Белоруссии в период иностранной интервенции и гражданской войны» [10], «Организационное укрепление милиции советской Белоруссии в годы восстановления народно-го хозяйства и создания фундамента социализма» (1921–1932 гг.) [11], «Совершенствование деятельности милиции Белорусской ССР по защите интересов советского государства и охране общественного порядка (1921–1937 гг.)» [12].

К сожалению, во времена независимости Беларуси комплексная, многоаспектная проблема становления, развития и деятельности милиции в 1917–1934 гг. не нашла должного отображения в исторических исследованиях, не считая упоминавшегося выше изданного в 1995 г. первого учебника по истории милиции в независимой Беларуси (1917–1994 гг.), подготовленного А. Ф. Вишневым совместно с Н. И. Ильинским и И. А. Сороковиком, монографии А. Ф. Вишневого «Организация и деятельность милиции Беларуси. 1917–1940 гг.: историко-правовые аспекты» [2] и вышедшего в свет в 2010 г. учебного пособия «История органов внутренних дел Беларуси. Курс лекций» [13] под редакцией А. Ф. Вишневого. По этой теме не было защищено ни одной диссертации.

С начала 2000-х гг. были подготовлены к печати издания, приуроченные к знаковым датам со дня образования подразделений МВД. В частности, «Есть такая служба» [14] – к 65-летию подразделений по борьбе с экономическими преступлениями, «Белорусский уголовный розыск» (издания 2003 и 2008 гг.) [15; 16] – к 85-летию и 90-летию уголовного розыска, «Служба финансов и тыла МВД Беларуси. История и современность 1920–2010» [17] – к 90-летию подразделений финансовых и тыловых служб, «Внутренние войска МВД Республики Беларусь. История и современность» [18] – к 88-летию внутренних войск МВД, «90 лет информационным подразделениям НКВД, МВД Беларуси» [19] – к 90-летию информационного центра МВД, «На страже правопорядка: (к 90-летию белорусской милиции)» [20] – единственный библиографический справочник, в котором собран перечень наиболее значимой литературы о белорусской милиции, в том числе и художественные произведения, помещены библиографические описания монографий, материалов конференций, статей из журналов и сборников.

В 2018 г. к столетию уголовного розыска была подготовлена книга «Белорусский уголовный розыск = Беларускі крымінальны вышук»

[21], в которой на русском и белорусском языках, помимо исторического обзора, исследователем в области исторических наук и археологии Ю. В. Курьяновичем были использованы документы и фотографии из фондов Национального архива Беларуси, Национального исторического архива Беларуси, Президентской библиотеки Республики Беларусь, музея Центра культурно-воспитательной работы МВД Республики Беларусь и Центрального музея МВД России.

В этот же период был подготовлен и издан ряд книг, посвященных юбилейным датам образования территориальных управлений и отделов внутренних дел, например: «Милиция Минской области» (издания 2009 и 2014 гг.) [22; 23] – к 70-летию и 75-летию милиции Минской области, «Столбцовский РОВД – к 80-летию отдела внутренних дел» [24]. В этих изданиях впервые деятельность соответствующих структурных подразделений МВД, управлений и отделов территориальных органов внутренних дел Беларуси рассматривается в широких хронологических рамках, приводятся малоизвестные архивные документы довоенного периода, послужные списки руководителей милицейских структур, дается подборка белорусской прессы (статьи из республиканских, областных и районных газет и журналов за 1917–2017 гг.) о милиции.

Таким образом, анализ существующей литературы и источников истории милиции в 1917–1934 гг. позволяет сделать вывод, что в разработке данной темы сделан определенный задел, однако говорить о ее достаточной изученности не стоит.

Во времена независимости Беларуси появились исторические исследования, избавленные узких идеологических рамок, но, к сожалению, в этот период, как уже было отмечено выше, не была защищена ни одна диссертация, в которой отображалась бы комплексная, многоаспектная проблема становления, развития и деятельности милиции в 1917–1934 гг. Тема требует дальнейшей научной разработки.

Список использованных источников

1. *Саракавік, І.* Да пытання пра перыядызацыю гісторыі міліцыі Беларусі ХХ ст. / І. Саракавік // Гістарычны альманах на старонках камунікату [Электронны рэсурс]. – 2002. – Рэжым доступу: <http://kamunikat.fontel.net/www/czasopisy/almanach/07/07sarakavik.htm>. – Дата доступу: 08.08.2011.

2. *Вишневский, А. Ф.* Организация и деятельность милиции Беларуси. 1917–1940 гг.: историко-правовые аспекты / А. Ф. Вишневский. – Минск: Тесей, 2000. – 224 с.

3. Вишневский, А. Ф. История милиции Беларуси (1917–1994 гг.): учебник / А. Ф. Вишневский, Н. И. Ильинский, И. А. Сороковик. – Минск: Акад. милиции МВД Респ. Беларусь, 1995. – 208 с.

4. Милиция Беларуси. Документы и материалы (1917–2007) / сост.: К. И. Барвинок [и др.]; под ред. К. И. Барвинка, А. Ф. Вишневского. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – 352 с.

5. Саракавік, І. Гісторыя органаў унутраных спраў Беларусі: хранал. давед. / І. Саракавік. – Мінск: Акад. МУС Рэсп. Беларусь, 2002. – 200 с.

6. Даты образования органов и подразделений внутренних дел Республики Беларусь (1917–2007): справочник. – Минск: УИИВР ГУК МВД Респ. Беларусь, 2007. – 51 с.

7. Кароткі нарыс гісторыі міліцыі Беларусі. 1917–1927 / І. Крэўнін [і інш.]; пад агул. рэд. А. Сташэўскага. – Менск, 1927. – 227 с.

8. Очерки истории милиции Белорусской ССР, 1917–1987 / М-во внутр. дел. БССР, Мин. высш. шк. милиции; В. Н. Савичев [и др.]; под общ. ред. В. А. Пискарева. – Минск: Беларусь, 1987. – 535 с.

9. Вишневский, А. Ф. Минская милиция в первые годы советской власти (1917–1920 гг.) / А. Ф. Вишневский; Мин. высш. шк. МВД СССР, Упр. по политико-воспитат. работе МВД БССР. – Минск: Мин. высш. шк. МВД СССР, 1980. – 47, [1] с.

10. Вишневский, А. Ф. Милиция Советской Белоруссии в период иностранной военной интервенции и гражданской войны: учеб. пособие / А. Ф. Вишневский; М-во внутр. дел СССР, Мин. высш. шк. – Минск: Мин. высш. шк. МВД СССР, 1981. – 47 с.

11. Вишневский, А. Ф. Организационное укрепление милиции Советской Белоруссии в годы восстановления народного хозяйства и создания фундамента социализма (1921–1932 гг.): учеб. пособие / А. Ф. Вишневский; М-во внутр. дел СССР, Мин. высш. шк. – Минск: Мин. высш. шк. МВД СССР, 1982. – 71, [1] с.

12. Вишневский, А. Ф. Совершенствование деятельности милиции Белорусской ССР по защите интересов советского государства и охране общественного порядка (1921–1937 гг.): учеб. пособие / А. Ф. Вишневский; М-во внутр. дел СССР, Мин. высш. шк. – Минск: Мин. высш. шк. МВД СССР, 1988. – 76, [3] с.

13. История органов внутренних дел Беларуси: курс лекций / А. Ф. Вишневский [и др.]; под общ. ред. А. Ф. Вишневского; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, УО Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск: Акад. МВД, 2010. – 218 с.

14. Есть такая служба: воспоминания. Очерки. Публицистика / авт.-сост. Ю. В. Курьянович. – Минск: Бонем, 2002. – 478 с.

15. Белорусский уголовный розыск / авт.-сост. Ю. В. Курьянович. – Минск: Бонем, 2003. – 600 с.

16. Белорусский уголовный розыск: справочное издание / сост. Ю. В. Курьянович. – Минск: Друк-С, 2008. – 496 с.

17. Служба финансов и тыла МВД Беларуси: история и современность 1920–2010. 90-летию посвящается / С. В. Юрьев. – Минск: Рифтур, 2010. – 344 с.

18. Внутренние войска МВД Республики Беларусь. История и современность / А. М. Литвин [и др.]; под общ. ред. В. Г. Рожнева. – Минск: ФУАинформ, 2006. – 304 с.

19. 90 лет информационным подразделениям НКВД, МВД Беларуси: юбилейное издание. – Минск: Полиграф. центр МВД, 2011. – 79 с.

20. На страже правопорядка: (к 90-летию белорусской милиции): библиогр. указатель / М-во внутрен. дел, Акад. МВД; сост. Ж. Б. Швед (рук.) [и др.]. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – 68 с

21. Беларускі крымінальны вышук = Белорусский уголовный розыск / аўт. тэксту і ўкл. Ю. У. Курьяновіч – Мінск: Беларусь, 2018 – 391 с.: іл.

22. Милиция Минской области. 1939–2009. – Минск: УП «РИФТУР», 2009. – С. 120.

23. Милиция Минской области. 1939–2014. – Минск: УП «РИФТУР», 2014. – С. 192.

24. Столбцовский РОВД. Летопись событий / авт. текста: И. А. Мамайко. – Столбцы: КПУП «Столбцовская типография», 2019.

(Дата поступления: 14.05.2021).

ПОДГОТОВКА УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ В БССР В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Никулина Ю. В.

Республиканский институт высшей школы, Минск, Беларусь

В статье дан анализ документальных материалов Национального архива Республики Беларусь, составляющих источниковедческую базу изучения вопросов подготовки партийных и советских кадров в БССР в послевоенный период. Архивные документы характеризуются с точки зрения контекста (социально-политического, организационного) их возникновения, состава и полноты ретроспективной информации. Дана оценка информационного потенциала комплекса ретроспективной документации для изучения различных аспектов кадровой политики в БССР в послевоенный период. Раскрыты особенности организации образовательного процесса. Охарактеризован профессорско-преподавательский состав и контингент обучающихся. Показаны основные проблемы в подготовке новой управленческой элиты.

Ключевые слова: архив; источниковедческая база; Высшая партийная школа; идеология; кадровая политика; подготовка кадров; партийная номенклатура; ретроспективная документация.

TRAINING OF PUBLIC ADMINISTRATION PERSONNEL IN THE BSSR IN THE POST-WAR PERIOD: ANALYSIS OF SOURCES

Nikulina Y.

National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus

The article contains analysis of documentary materials of National archives of the Republic of Belarus that presents the resource base of study of the problem of training party workers in the BSSR in the post-war period. The archive documents are characterized through the context (social and political, organizational) of their origin, through the composition and fullness of retrospective information. The estimate of information potential of complexes of retrospective documentation for the study of different aspects of to study various aspects of personnel policy in the BSSR in post-war period is given. The features of the educational process organization are revealed; the teaching staff and the contingent of students are characterized; the main problems in ideological preparation of new administrative elite are shown.

Keywords: archive; source database; Higher party school; ideology; personnel policy; training; party nomenclature; retrospective documentation.

Вопросы подготовки управленческой элиты, ее реального места в системе институтов власти, а также механизм комплектования кадров входили в разряд важнейших корпоративных интересов КПСС, не подлежащих официальной огласке. По этой причине практически все опубликованные исследования о работе и кадровой политике органов ВКПБ(б)-КПСС в незначительной степени отражали суть происходивших процессов, содержали общеизвестные факты и ограничивались комментариями к текущим партийным постановлениям.

Историки в советский период крайне редко подходили к изучению проблемы в целом, уделяя внимание отдельным ее аспектам, прежде всего официальной кадровой политике партии. Текущие ориентиры зависели как от объективных, так и субъективных факторов развития СССР и КПСС в послевоенный период [1, с. 5]. Поэтому в полном соответствии с классической периодизацией советской истории можно выделить четыре этапа в эволюции изучения рассматриваемой нами проблемы:

- 1) вторая половина 1940-х – середина 1950-х гг.;
- 2) конец 1950-х – первая половина 1960-х гг.;
- 3) середина 1960-х – середина 1980-х гг.;
- 4) середина 1980-х – начало 1990-х гг.

Несмотря на особенности каждого из выделенных этапов, общим для исследований советского периода было то, что изучение вопросов перестройки организационно-партийной работы, улучшения методов и стиля руководства, проблем кадровой работы проходило под влиянием выступлений партийных и государственных деятелей, а также решений КПСС. Классические формулировки о подборе кадров, выдвижении на руководящую работу молодежи и женщин, борьбе с бюрократизмом, сочетании партийно-политической и хозяйственной работы, выведенные еще в 1930-х гг., использовались и в последующие годы.

В постсоветский период различными учеными (историками, политологами, социологами, экономистами) были проведены глубокие исследования природы советской власти, механизмов ее осуществления, места и роли партийных органов в ней, обстоятельно изучена эволюция партийно-государственной бюрократии (партноменклатуры). Исследователей особо привлекали периоды генезиса (1920-е – 1930-е гг.) и кризиса (вторая половина 1960-х – середина 1980-х гг.) административно-командной системы.

Однако сейчас становится очевидной необходимость изучения также и периода первых послевоенных лет. Эти годы стали переломной эпохой, когда соперничество различных властных структур завершилось окончательной победой партийных органов и вместе с тем победой «номенклатурной» тенденции в партийном аппарате над тенденцией «демократической» [1, с. 10]. Изучение этого периода позволит сформировать цельную мировоззренческую позицию, позволяющую объяснить процессы, происходившие в советском обществе и государстве. Кроме того, это даст возможность глубже исследовать функционирование республиканских партийных органов, осветить вопросы взаимоотношения центра и регионов.

Здесь следует отметить, что за годы войны потребность в гражданских управленческих кадрах возросла. Однако в источниках тех лет отмечается медленный рост первичных партийных организаций, частая сменяемость руководящих работников, особенно председателей Сельских советов, секретарей райкомов, что значительно снижало уровень организаторской и руководящей работы на местах. Отмечались также недостаточная теоретическая подготовка многих руководящих работников и отсутствие у многих опыта практической работы [8, с. 114]. Поэтому уже с 1944 г. на освобождаемой от захватчиков территории стали воссоздаваться партийные учебные заведения.

Партийная школа при Центральном комитете Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии начала свою работу 26 сентября 1944 г. Уже в 1946 г. было принято специальное постановление ЦК КПСС «О подготовке и переподготовке партийных и советских работников», согласно которому создавалась система партийных учебных заведений, включавшая в себя Высшую партийную школу при ЦК КПСС (далее – ВПШ), республиканские, областные и краевые партийные школы, курсы переподготовки при ВПШ и при местных партийных школах, Академию общественных наук при ЦК КПСС [2, с. 56]. В соответствии с этим постановлением Партийная школа при ЦК КП(б)Б в Минске была преобразована в Республиканскую партийную школу при ЦК КП(б)Б (с октября 1952 г. – при ЦК Коммунистической партии Белоруссии).

Реформы Н. С. Хрущева не могли не затронуть сферу расстановки, подготовки и переподготовки кадров. На XX съезде КПСС в 1956 г. Н. С. Хрущев потребовал решительной перестройки системы партийного обучения. Учитывая, что часть политических кадров уже прошла

подготовку, ЦК решил сократить существовавшую сеть партийных школ и создать ряд крупных межобластных и республиканских партийных школ, которые давали бы слушателям законченное высшее партийно-политическое образование [3, с. 81].

Задача ВППШ состояла в первую очередь в теоретической подготовке и повышении квалификации партийных кадров. Система партийного образования строилась по номенклатурному принципу и имела закрытый характер. Прием слушателей в школы происходил по направлению соответствующих партийных комитетов и в зависимости от занимаемой абитуриентом должности. Учебные планы партийных школы подчинялись задаче идеологической подготовки слушателей.

Обращаясь к историографии вопроса, приходится констатировать, что многие материалы, представляющие значительный источниковедческий интерес в рамках данного исследования, не опубликованы. Они хранятся в Национальном архиве Республики Беларусь, в фонде советского времени № 580 «Институт политологии и социального управления КПБ, г. Минск» (архивный шифр ВУ НАРБ ф. 580, хронологический период коллекции документов – 1944–1992 гг.).

Анализ документов фонда показывает, что подавляющее большинство материалов, содержащихся в нем, – это делопроизводственные материалы. Последние являются важным видом исторических источников, поскольку главная их функция – документное обслуживание различных управляющих систем (государственное делопроизводство, делопроизводство учебного заведения и т. п.). В целом архивный фонд по изучаемой проблематике представлен следующим перечнем документов делопроизводства:

- штаты и сметы расходов партийной школы;
- протоколы заседаний Ученого совета и государственных экзаменационных комиссий партийной школы, документы к ним;
- ведомости сдачи государственных экзаменов слушателями партийной школы;
- регистрационные книги выдачи дипломов;
- документы по личному составу (приказы, лицевые счета, ведомости на выдачу заработной платы и стипендии, личные и аттестационные дела, учетные карточки, списки, удостоверения, невостребованные трудовые книжки);
- документы о работе первичной парторганизации школы (протоколы, планы, характеристики, списки, персональные дела).

Особый вид организационно-распорядительной документации составляют протоколы партсобраний, заседаний Ученого совета, работы государственных экзаменационных комиссий и т. п. Они занимают центральное место в исследуемом комплексе источников. Протоколы заседаний Ученого совета содержат отчеты о работе за учебный год, планы работы, справки по итогам проверки кафедр, постановления Ученого совета. Анализ представленных документов позволяет сделать вывод, что Ученый совет играл важную роль в жизни школы и его деятельность нуждается в пристальном анализе [4, оп. 1].

Как известно, партийные собрания и выносимые ими решения – одна из ярких особенностей жизни в СССР. Поэтому протоколы партийных собраний учебных групп, педагогического коллектива и административно-хозяйственного персонала являются важным источником информации в рамках данной темы. Они содержат сведения о выборах партторгов, протоколы о выдвижении кандидатур в члены партии; о дисциплине и успеваемости слушателей, о партийной дисциплине и выполнении поручений, о культурно-досуговой работе. В протоколах фиксируются меры по повышению учебной и партийной дисциплины, минимизации прогулов и опозданий. Также в протоколах отмечаются имеющиеся в работе недостатки и вырабатываются меры по их устранению.

Анализ документов показывает, что собрания в большинстве проходили с достаточной активностью, вопросы обсуждались злободневные. Это важный источник информации, дающий представление не только об общественно-политической жизни Высшей партийной школы, но и об организации учебного процесса, научной и воспитательной работы [4, оп. 8].

Протоколы государственных экзаменационных комиссий дают представление о качестве подготовки в ВПШ, уровне подготовленности слушателей, о содержательном наполнении учебного процесса. Примечательно, что в протоколах фиксируются отдельные случаи неудовлетворительных оценок слушателей на государственных экзаменах [4, оп. 3].

Важным источником информации являются приказы руководства, которые позволяют проследить кадровые перемещения в ВПШ (прием на работу, увольнения и их причины, назначения на должности, объявление выговоров и благодарностей). Приказы об отчислении дают информацию о его причинах, в основном за неуспеваемость и по со-

стоянию здоровья. Вместе с тем встречаются и такие формулировки, особенно в послевоенные годы, как «неискренность перед партией». Приказы о командировках позволяют проследить научные связи школы, участие профессорско-преподавательского состава в научной и общественно-политической жизни не только республики, но и страны в целом [4, оп. 4].

Планы работы ВПШ дают представление об организации работы школы на учебный год – организации учебного процесса, качестве работы преподавателей, планировании и организации научной работы и т. п. Анализ документов показывает, что учебный процесс включал в себя чтение лекций, семинарские занятия, консультации и самостоятельную работу с рекомендованной преподавателями литературой. Лекционный курс, являясь основой образовательного процесса, должен был дать не просто систематическое, но и партийно-выдержанное изложение предмета [4, оп. 8].

Особую ценность представляют отчеты о работе. Они содержат важные исторические сведения о кадровом обеспечении учебного процесса по кафедрам, об учебно-методической, воспитательной и партийно-идеологической работе, о выпускных и вступительных экзаменах, о направлении на работу выпускников. В отчетах освещается также научная работа, проводимая в школе: организация семинаров, конференций, работа Ученого совета и т. п. [4, оп. 1].

Общеизвестно, что качество учебного процесса определяется научным потенциалом вуза, наличием и квалификацией научно-преподавательских кадров. В архивных фондах содержатся очень важные материалы, отражающие контингент сотрудников Высшей партийной школы. Анализ документов показывает, что проблема привлечения высокопрофессиональных кадров школы являлась одной из важнейших, особенно в послевоенный период. Постепенно кадровый голод был преодолен. Отчетные документы свидетельствуют, что значительное внимание уделялось повышению квалификации профессорско-преподавательского состава – общепринятой практикой, помимо курсов повышения квалификации, были стажировки в партийных органах республики [4, оп. 1].

Важной для настоящего исследования является содержащаяся в отчетах информация о функционирующих в разные годы отделениях и факультетах школы, а также учебные планы специальностей. Учебные планы подготовки кадров и состав кафедр ВПШ менялись в зависимо-

сти от конкретных условий (состава, образовательного уровня слушателей, требований политического момента). В учебные планы ВПШ включались такие дисциплины, как история КПСС, марксистско-ленинская философия, политэкономия, партийное строительство, основы научно-коммунизма; блок экономических дисциплин – планирование народного хозяйства, экономика и организация промышленного производства и строительства, экономика и организация сельскохозяйственного производства, а также ряд специальных дисциплин. Анализ сводных ведомостей позволяет отметить неплохую успеваемость слушателей [4, оп. 8].

Существенный интерес представляют содержащиеся в отчетах социально-демографические характеристики обучаемых. Есть разбивка по полу (подавляющее большинство – мужчины), по возрасту (средний возраст слушателей – 26–35 лет), по национальности (большинство – белорусы), по партийному стажу, образованию, занимаемой должности [4, оп. 1]. Анализ документов позволяет сделать вывод, что партийное образование постепенно становилось необходимым атрибутом должности. Абсолютное большинство получивших его уже находилось на руководящей партийной или советской работе довольно высокого уровня или же благодаря этому имело хорошие перспективы. В целом соотношение количества управленцев, имеющих высшее «гражданское» и партийное образование, в послевоенные годы характеризовалось явным преобладанием «партийцев».

Архивные материалы содержат также отчеты о работе действующих в школе кафедр, о партийных и общественных организациях школы, о библиотечных фондах. Как следует из документов, кафедры создавались в целях обеспечения партийно-выдержанного преподавания, планомерного руководства учебным процессом и объединения преподавателей вокруг задач, которые стояли перед школой. Кафедры разрабатывали и утверждали программы, учебные планы, проверяли качество преподавания закреплённых дисциплин. Кафедры, особенно ее заведующие, несли ответственность за партийно-выдержанную подготовку слушателей, организацию самостоятельной работы обучаемых [4, оп. 1].

Архивные документы проливают свет и на вопросы организации быта слушателей, проблемы и трудности, с которыми сталкивалось руководство школы в части материально-технического обеспечения. Анализ документов показывает, что было много нерешенных проблем – не

хватало высококвалифицированных преподавателей, учебников, методических разработок и т. п. Также в фонде содержатся материалы, отражающие усилия, которые предпринимались руководством школы по развитию учебно-материальной базы.

Ценным источником информации являются личные дела преподавателей и слушателей. Они позволяют использовать историко-биографический метод в рамках изучения темы. Реконструкция и анализ обстоятельств жизни отдельных преподавателей и слушателей позволит составить портрет целой социальной группы – советской номенклатуры. Личные дела содержат такие документы, как автобиографии, характеристики, листки по учету кадров, копии дипломов, заявления, ходатайства, выписки из протоколов, в рамках которых рассматривались конкретные вопросы (о присвоении ученой степени и звания сотрудникам, о награждении, переводе на другую должность и т. п.). Эти материалы дают представление о социальном положении, образовательном уровне, возрастном составе преподавателей и слушателей высшей партийной школы на протяжении послевоенной истории подготовки управленческих кадров в БССР [4, оп. 2; оп. 5].

Отметим, что не все желающие могли поступить в высшую партийную школу. Работа по отбору кандидатов для направления на учебу проводилась партийными комитетами на основе перспективных планов подготовки и переподготовки партийных и советских работников, составлявшихся отделами кадров райкомов, горкомов и обкомов партии. Для зачисления в ВППШ поступающим нужно было соответствовать необходимым критериям (занимаемая должность, стаж партийной и советской работы, возраст). Эти сведения отражены в имеющихся в архивном фонде характеристиках слушателей. Последние носят в основном формальный характер – практически все характеризуются положительно, в стандартной форме. Наибольший интерес здесь представляют сведения об уровне образования слушателей – в послевоенный период многие имели за плечами только девять или даже семь классов. В последующие годы образовательный уровень слушателей повышался [4, оп. 2].

Проведенный анализ архивных источников показывает, что в послевоенный период в БССР сложилась достаточно стройная система партийно-политической подготовки. Центром руководства партийно-политического просвещения руководящих кадров была Минская высшая партийная школа. Поэтому привлечение в качестве источника

исторической информации обширного круга архивных материалов позволит существенно расширить знания по исследуемой проблематике, а также ввести в научный оборот новые неопубликованные данные.

Список использованных источников

1. Федоров, А. Н. Функции и кадровый состав партийных органов Урала в первые послевоенные годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. Н. Федоров; Юж.-урал. гос. ун-т. – Челябинск, 2006. – 26 с.

2. Розенбаум, Ю. А. Теоретические проблемы подготовки, подбора и расстановки управленческих кадров государственного аппарата СССР (социально-правовой аспект): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / Ю. А. Розенбаум; Моск. гос. у-нт. – М., 1982. – 363 с.

3. Савчук, Д. А. Обзор основных направлений формирования и профессиональной подготовки кадров государственного управления советской и современной кадровой политики / Д. А. Савчук // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2015. – № 4 (26). – С. 80–84.

4. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 580: Институт политологии и социального управления КПБ, г. Минск, 1944–1992.

(Дата поступления: 12.05.2021).

УДК 342.519

РАЗРАБОТКА ВОПРОСОВ АДМИНИСТРАТИВНОГО И СУДЕБНОГО ОБЖАЛОВАНИЯ НЕПРАВОМЕРНЫХ ДЕЙСТВИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ И ИХ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ НАУКЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Шабуневич С. Н.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
Минск, Беларусь

Автором на основе анализа отечественной правовой доктрины и законодательства советского периода исследована проблема разработки и реализации организационно-правового механизма обжалования неправомерных действий должностных лиц государственных органов, которыми нарушались законные интересы граждан; проанализирована возможность правоприязнаний граждан к государственным органам и их должностным лицам на предмет защиты своих законных прав и свобод; отмечено влияние советской юридической доктрины и практики на дальнейшую разработку вопросов обжалования неправомерных действий должностных лиц государственных органов.

Ключевые слова: права и свободы граждан; административный способ обжалования; судебный способ обжалования; государственные органы; должностные лица; жалоба.

DEVELOPMENT OF ISSUES OF ADMINISTRATIVE AND JUDICIAL COMPLAINTS OF ILLEGAL ACTIONS OF STATE BODIES AND THEIR OFFICERS IN LEGISLATION AND DOMESTIC LEGAL SCIENCE OF THE SOVIET PERIOD

Shabunovich S.

Academy of Public Administration under the aegis of the President
of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

The author, on the basis of an analysis of the legal doctrine and legislation of the Soviet period, investigated the problem of developing and implementing an organizational and legal mechanism for appealing against unlawful actions of officials of state bodies, which violated the legitimate interests of citizens; analyzed the possibility of citizens' claims to state bodies and their officials for the protection of their legal rights and freedoms; the influence of the Soviet legal doctrine and practice on the further development of issues of appeal against illegal actions of officials of state bodies is noted.

Keywords: rights and freedoms of citizens; administrative appeal; judicial appeal; government bodies; officials; complaint.

В первые годы советского периода спорные отношения, возникающие между гражданами и должностными лицами государственных органов по различным вопросам, регулировались как общесоюзными, так и республиканскими актами. Необходимо отметить, что с 1917 г. развитие законодательства в сфере обжалования неправомерных действий должностных лиц государственных органов носило строго ограниченный характер ввиду «возможного ущемления авторитета государственной власти» [1, с. 49]. Указанная догматика оказывала влияние на развитие всего отечественного законодательства в указанной сфере. Подтверждением тому служит факт длительного отсутствия как в конституциях СССР, так и в конституциях БССР положений о праве граждан на обжалование неправомерных действий должностных лиц и государственных органов. При этом неверно акцентировать внимание исключительно на негативной оценке правового регулирования исследуемых отношений.

Важным фактором развития законодательства в исследуемой сфере стала разработка вопросов административного и судебного обжалования неправомерных действий государственных органов и их должностных лиц, о чем свидетельствовали первые акты советского гражданского и конституционного законодательства. Так, Декрет ВЦИК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» предусматривал возможность обращения граждан в суд в случае отказа в заключении брака органами ЗАГСа [2, ст. 5]. Кодексом законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР 1918 г. был установлен судебный порядок рассмотрения споров между гражданами и органами управления по различным вопросам [3, ст. 15, 63, 116, 118]. Постановлением ВЦИК от 8 ноября 1918 г. «О точном соблюдении законов», было закреплено право каждого гражданина «в случае волокиты или неудовлетворения законных претензий» требовать составления протокола, а также возможность привлечения должностного лица к народному суду за «явно неосновательный отказ от составления протокола» [4, п. 3, 5].

Получившие законодательную регламентацию вопросы административного обжалования действий должностных лиц последовательно решались на практике. Так, в целях реализации положений Декрета ВЦИК и СНК от 9 апреля 1919 г. «О государственном контроле» при Народном комиссариате государственного контроля (далее – НКГК) было образовано Центральное бюро жалоб и заявлений [5]. Компетен-

ция Бюро была установлена п. 5 постановления НКГК «О Центральном бюро жалоб и заявлений при НКГК», согласно которому рассмотрению подлежали все жалобы и сообщения, где содержались указания на незаконность, нецелесообразность и несогласованность обжалованных действий с декретами, распоряжениями и общим направлением политики центральной власти, а также жалобы на злоупотребления, канцелярскую волокиту, грубое обращение и т. п. При этом заявления могли подаваться не только потерпевшими ущерб, но также лицами, не понесшими ущерба от действий должностных лиц [6, ст. 271, 272]. Впоследствии постановлением НКГК «О местных отделениях Центрального бюро жалоб и заявлений» было принято решение о создании местных Бюро жалоб [7, ст. 272], вошедших в 1920 г. в состав Рабочекрестьянской инспекции, однако в 1924 г. деятельность Бюро жалоб была прекращена.

Гражданский кодекс РСФСР 1922 г., действие которого распространялось и на территорию БССР, включал отдельную главу «Обязательства, возникающие вследствие причинения другому вреда» [8, ст. 403]. Наряду с закреплением общих принципов ответственности в данном кодексе устанавливалась ответственность государственных учреждений в строго определенных законодательством случаях, в частности, за «вред, причиненный неправильными служебными действиями должностного лица» [8, ст. 407].

Одновременно в 1920-е гг. специалисты начали высказывать предложения о необходимости принятия законов об административных судах. М. Д. Чечот отмечал, что «создание административных судов не противоречило основным принципам, на которых строилась советская юстиция» [9, с. 60]. Однако судебный контроль над публичной администрацией, государственным и местным управлением, должностными лицами не стал предметом нормативно-правовой регламентации. С середины 1920-х и до второй половины 1930-х гг. разработка законопроектов об административной юстиции не велась по причине административно-командной системы управления.

Во второй половине 1930-х гг. вопросы административного производства нашли закрепление в конституционном законодательстве. Конституционно-правовой основой для издания правовых актов о судебном контроле над администрацией стала ст. 113 Конституции СССР 1936 г., возложившая на Генерального прокурора СССР «высший надзор за точным исполнением законов всеми Министерствами и подве-

домственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами» [10]. Аналогичная норма содержалась в Конституции БССР 1937 г. [11, ст. 89]. Положения союзной Конституции стали основой для принятия постановления ЦИК и СНК от 11 апреля 1937 г., установившего контроль за законностью в деятельности органов управления со стороны «народного суда» [12, п. 2]. Это имело большое значение для защиты прав граждан и пресечения административного произвола, поскольку жалоба гражданина на незаконное действие или решение органа исполнительной власти в отношении принудительного обращения имущества являлась основой для обращения в суд и применения мер ответственности к должностным лицам.

Несмотря на репрессивный характер советской государственной политики в целом, во второй половине 1930-х гг. сфера действия административного искового процесса была существенно расширена. Так, в соответствии с п. 7 постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 30 марта 1931 г. «Об издании местными исполкомами и советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке» в судах рассматривались иски граждан по отношению к должностным лицам, неправильно оформившим ордер на получение жилой площади [13], предусматривалась также возможность обжаловать действия лиц, исполняющих отдельные административные решения (п. 44 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г. «О судебной практике по применению постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах») [14] и др. В установленных данными актами случаях должностные лица подлежали уголовной и дисциплинарной ответственности [14].

Таким образом, несмотря на общее отрицание концепции юридической ответственности государства за нарушение прав и свобод личности в советской легальной доктрине 1920–1930-х гг., на основе конституционных норм и отдельных положений административного и гражданского законодательства была сформирована правовая основа судебного и административного контроля за деятельностью должностных лиц органов государственного управления, нарушающих своими действиями права и свободы граждан. Однако административное судопроизводство как отдельная форма правосудия, направленная на рассмотрение управленческих споров, так и не была создана в силу сформировавшейся на данном историческом этапе развития страны

командно-административной системы. Судебная защита прав и свобод граждан от неправомерных действий и решений органов публичной власти была регламентирована законодательством, но вопросы административного судопроизводства в законодательстве в последующий период (1940–1950-е гг.) не разрабатывались.

В 1960-е гг. сфера юридической ответственности государственных органов и должностных лиц за нарушение прав граждан была значительно расширена посредством разработки вопросов гражданского производства. Д. М. Чечот назвал такой вид гражданско-процессуального судебного производства неискowym, поскольку «на практике гражданин не мог выступать истцом по отношению к органам государственного управления и их должностным лицам, при этом ему разрешалось обжаловать действия должностных лиц» [15, с. 7]. Своеобразной спецификой судебного рассмотрения жалоб на незаконные действия органа управления или должностного лица стало сочетание гражданско-процессуальной и административно-процессуальной форм, что предусматривалось п. 7 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1961 г. «О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке» [16]. Положения данного Указа получили развитие в принятом позже постановлении Совета Министров БССР от 17 декабря 1963 г. «О признании утратившими силу и об изменении решений Правительства БССР в связи с ограничением применения штрафов, налагаемых в административном порядке» [17]. Данными актами были упорядочены основные вопросы административного процесса при взыскании штрафов, что способствовало усилению контроля за деятельностью государственных органов, налагающих штрафы, и, как результат, обеспечению законности при реализации конституционных гарантий прав личности.

Расширение сферы решения вопросов обжалования неправомерных действий должностных лиц органов государственной власти произошло в 1961 г. с принятием Основ гражданского законодательства СССР, нормами ст. 6, 88 и 89 которых была создана правовая основа развития института судебного контроля в сфере защиты прав граждан [18]. Аналогичные нормы закреплялись в ГК БССР [19, ст. 6] и ГПК БССР [20, ст. 87]. При этом ГК БССР расширил защиту как имущественных, так и неимущественных прав граждан. В частности, в данном кодексе впервые была введена гражданско-правовая защита чести и достоинства граждан, более тщательно разработаны нормы, касающиеся

охраны и защиты личной собственности, закреплены общие основания ответственности за причинение вреда [19, ст. 7, 136, 442]. Кроме того, в ГК БССР в качестве общего правила была установлена ответственность государственных учреждений «за вред, причиненный гражданам неправильными служебными действиями их должностных лиц в области административного управления» [19, ч. 1, ст. 444]. Часть 2 ст. 444 указанного кодекса закрепляла: «За вред, причиненный неправильными служебными действиями должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, соответствующие государственные органы несут имущественную ответственность» [19]. В свою очередь в ГПК БССР был предусмотрен порядок рассмотрения судами дел, возникающих из административно-правовых отношений (ст. 1), порядок обжалования в суд действий нотариусов и других органов, выполняющих нотариальные действия [20, гл. 7].

Конституционно-правовое закрепление вопросы обжалования неправомерных действий должностных лиц органов государственной власти за их незаконные действия получили в связи с принятием Конституции СССР 1977 г., установившей право граждан, чьи права были ущемлены, обжаловать в суд «действия должностных лиц, совершенные с нарушением закона, с превышением полномочий» (ч. 2), а также «на возмещение ущерба, причиненного незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей» [21, ч. 3, ст. 58]. Аналогичная норма была закреплена ст. 56 Конституции БССР 1978 г., значительно расширившей сферу защиты конституционных прав граждан, установленных в разделе 2 «Государство и личность» [22].

В развитие приведенных конституционных норм в 1980-е гг. был принят ряд нормативных правовых актов, фактически расширивших основания обжалования неправомерных действий должностных лиц органов государственной власти. Реализация конституционных положений получила практическое применение с закреплением в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. «О возмещении ущерба гражданину, причиненного незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении служебных обязанностей» нормы о том, что «ущерб, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, незаконного

наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ, возмещается государством в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда» [23, ч. 1, ст. 2]. Судебному обжалованию не подлежали наиболее распространенные решения, нарушающие права граждан, принимаемые коллегиально, поскольку Указ предусматривал возможность обжалования только единоличных действий должностных лиц. Не расширил сферу ответственности государственных органов и принятый 30 июня 1987 г. Закон СССР «О порядке обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан», в котором устанавливалось право граждан обжаловать лишь «действия, единолично осуществленные должностными лицами от своего имени или от имени представляемого органа» [24, ч. 2, ст. 1].

Значимым шагом в развитии республиканского конституционно-го законодательства в сфере ответственности должностных лиц государственных органов стало внесение в Конституцию БССР 1978 г. изменений и дополнений от 27 октября 1989 г. Конституция закрепила норму: «Любое должностное лицо может быть досрочно освобождено от занимаемой должности в случае ненадлежащего выполнения им своих служебных обязанностей» [25, ч. 5, ст. 80]. Дополнил и развил данную норму Закон СССР от 2 ноября 1989 г. «О порядке обжалования в суд неправомερных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан», которым устанавливалось, что «к действиям органов государственного управления и должностных лиц, подлежащим судебному обжалованию, относятся коллегиальные и единоличные действия» [26, ч. 1 ст. 2]. Данный Закон расширил сферу применения юридической ответственности публично-властных субъектов. Так, В. И. Ремнев отмечал, что с момента его принятия «судебная практика в общесоюзном масштабе свидетельствовала о возросшем количестве дел по сравнению с периодом, когда рассматривались жалобы только на действия должностных лиц» [27, с. 31]. Вместе с тем указанным Законом не предусматривалась всеобщность принципа юридической ответственности государства за нарушение прав и свобод личности.

Одним из последних общесоюзных актов, закрепивших общие основания обжалования неправомερных действий должностных лиц органов государственной власти, стала Декларация прав и свобод человека 1991 г., содержащая ряд важнейших положений в сфере консти-

туционных гарантий прав и свобод личности, будь то: «Все государственные органы обязаны обеспечивать и охранять права и свободы человека как высшие социальные ценности»; «все права и свободы, закрепленные в Декларации, подлежат судебной защите»; «каждый имеет право судебного обжалования незаконных действий должностных лиц, государственных органов и общественных организаций, а также право на возмещение морального и материального ущерба»; «человек имеет право на благоприятную окружающую среду и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическими нарушениями» [28, ст. 1, 2, 22, 29]. Данные положения составили основу конституционно-правового регулирования юридической ответственности государства за нарушение конституционных прав и свобод личности в переходный (1990-е гг.) и последующие периоды.

Список использованных источников

1. Малицкий, А. Л. Советское государственное право. Очерки / А. Л. Малицкий. – Киев: Юрид. изд-во Наркомюста УССР, 1926 г. – 321 с.
2. О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния: Декрет ВЦИК, СНК РСФСР, 18 дек. 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. – 1917. – № 11. – Ст. 160.
3. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве: [принят на сес. ВЦИК, 16 сент. 1918 г.] // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. – 1918. – № 76/77. – Ст. 818.
4. О точном соблюдении законов: постановление VI Всерос. Чрезвычайн. Съезда Советов, 8 нояб. 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. – 1918. – № 90. – Ст. 908.
5. О государственном контроле [Электронный ресурс]: Декрет ВЦИК и СНК, 9 апр. 1919 г. // НЭБ – Национальная электронная библиотека. Режим доступа: http://xn--90ax2c.xn--p1ai/catalog/000202_000006_RuPRLIB00060590/viewer/?page=60&positionpart=1. – Дата доступа: 14.04.2021.
6. О Центральном Бюро жалоб и заявлений при Народном Комиссариате Государственного Контроля: постановление Нар. Комиссариата Гос. Контроля, 4 мая 1919 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. – 1919. – № 23. – Ст. 271.
7. О местных отделениях Центрального Бюро Жалоб и Заявлений (Положение): постановление Нар. Комиссариата Гос. Контроля, 24 мая 1919 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства. – 1919. – № 23. – Ст. 272.

8. Гражданский кодекс РСФСР: принятый на IV сес. Всерос. центр. исполн. ком. – М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. – 100 с.

9. Чечот, Д. М. Субъективное право и формы его защиты / Д. М. Чечот. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 72 с.

10. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс]: утв. Чрезвычайн. VIII съездом Советов Союза ССР, 5 дек. 1936 г. (с послед. изм. и доп.) // Исторический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1936.htm>. – Дата доступа: 18.04.2021.

11. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики: утв. 19.02.1937. – Минск : Белпартиздат ЦК КП(б)Б, 1937. – 28 с.

12. Об отмене административного порядка и установлении судебного порядка изъятия имущества в покрытие недоимок по государственным и местным налогам, обязательному окладному страхованию, обязательным натуральным поставкам и штрафам с колхозов, кустарно-промысловых артелей и отдельных граждан [Электронный ресурс]: постановление ЦИК СССР № 94, СНК СССР, 11 апр. 1937 г., № 603 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4105.htm. – Дата доступа: 18.04.2021.

13. Об утверждении Положения об издании местными исполкомами и советами обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке [Электронный ресурс]: постановление ВЦИК, СНК РСФСР, 30 марта 1931 г. // Правовая Россия. – Режим доступа: <http://lawru.info/dok/1931/03/30/n1198447.htm>. – Дата доступа: 18.04.2021.

14. О судебной практике по применению постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. «О сохранении жилищного фонда и улучшении жилищного хозяйства в городах» [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верхов. Суда СССР, 12 дек. 1940 г., № 46/23/у // Сейчас.ру. – Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/sss/15221>. – Дата доступа: 18.04.2021.

15. Чечот, Д. М. Неисковые производства / Д. М. Чечот. – М.: Юрид. лит., 1973. – 168 с.

16. О дальнейшем ограничении применения штрафов, налагаемых в административном порядке: Указ Президиума Верхов. Совета СССР, 21 июня 1961 г. // Собрание действующего законодательства СССР. – 1961. – № 35. – Ст. 368.

17. О признании утратившими силу решений Правительства БССР в связи с постановлениями ЦК КПБ и Совета Министров БССР от 17 июля 1962 г. № 402 и Совета Министров СССР от 11 сентября 1963 г. № 957 [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Белорус. ССР, 30 дек. 1964 г., № 561 // Новости Беларуси. – Режим доступа: <http://laws.newsby.org/documents/sovetm/pos21/sovmin21249.htm>. – Дата доступа: 18.04.2021.

18. Основы гражданского законодательства СССР и Гражданский кодекс РСФСР. 1961–1964 г. [Электронный ресурс] // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина. – Режим доступа: <http://xn--e1aaejmenosqx.xn--p1ai/node/13894>. – Дата доступа: 18.04.2021.

19. Об утверждении гражданского кодекса Белорусской ССР [Электронный ресурс]: Закон, 11 июня 1964 г. // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.pravo.by/ImgPravo/pdf/GK_BSSR_1964.pdf. – Дата доступа: 18.04.2021.

20. Грамадзянскі працэсуальны кодэкс Беларускай ССР = Гражданский процессуальный кодекс Белорусской ССР: [зацв. і ўведз. у дзеянне 01.01.65]. – Мінск: Беларусь, 1965. – 355 с.

21. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс]: принята на внеочеред. седьмой сес. Верхов. Совета СССР, 7 окт. 1977 г. от 14.03.1990 г. // История, основы философии, безопасность жизнедеятельности: сайт преподавателя колледжа. – Режим доступа: http://lector.svvpvs.ru/files/istoriya_2/K-SU.pdf. – Дата доступа: 12.04.2021.

22. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики, 14 апр. 1978 г. – Минск: Беларусь, 1980. – 63 с.

23. О возмещении ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении служебных обязанностей: Указ Президиума Верхов. Совета СССР, 18 мая 1981 г. // Свод законов СССР: [в 10 т.] / Президиум Верхов. Совета СССР, Совет Министров СССР. – М., 1984. – Т. 2. – С. 60–64.

24. О порядке обжалования в суд неправомερных действий должностных лиц, ущемляющих права граждан [Электронный ресурс]: Закон СССР, 30 июня 1987 г., № 7287-ХІ // Семерка: Рос. правовой портал. – Режим доступа: <http://7law.info/ussr/act0k/n501.htm>. – Дата доступа: 18.04.2021.

25. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики [Электронный ресурс]: принята на внеочеред. девятой сес. Верхов. Совета БССР девятого созыва 14 апр. 1978 г. с изм. и доп., внес. Законом БССР от 27.10.1989 г. // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomnikigistoriyi-prava-belarusi/kanstytutsyyinae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/konstitutsiya-1978-goda-s-izmeneniyami-i-dopolneniyami/#constitution>. – Дата доступа: 18.04.2021.

26. О порядке обжалования в суд неправомερных действий органов государственного управления и должностных лиц, ущемляющих права граждан [Электронный ресурс]: Закон СССР, 2 нояб. 1989 г., № 719-1 // Правовая Россия. – Режим доступа: <http://lawru.info/dok/1989/11/02/n117533.htm>. – Дата доступа: 18.04.2021.

27. Ремнев, В. И. Право жалобы и административная юстиция в СССР / В. И. Ремнев // Совет. государство и право. – 1986. – № 6. – С. 22–32.

28. Декларация прав и свобод человека [Электронный ресурс]: утв. Съездом Нар. Депутатов СССР, 5 сент. 1991 г., № 2393-1 // Консультант Плюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=10030#0>. – Дата доступа: 19.04.2021.

(Дата поступления: 12.05.2021).

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ В СБОРНИКЕ НАУЧНЫХ ТРУДОВ «ДОЛГИЙ XIX ВЕК» В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ИССЛЕДОВАНИЯ ПО НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ»

Язык изложения материала публикации – русский или белорусский, текст должен соответствовать критериям научности, правилам грамматики и орфографии.

Объем статьи – до 40 000 знаков, текстовый редактор – Microsoft Word.

Статья должна включать следующие элементы:

- обязательно код УДК;
- название статьи на русском (белорусском) и английском языках;
- фамилия, имя и отчество автора полностью на русском (белорусском) и английском языках;
 - место работы (название организации в соответствии с уставными документами) и должность на русском (белорусском) и английском языках;
 - аннотация до 1000 знаков на русском (белорусском) и английском языках;
 - ключевые слова на русском (белорусском) и английском языках, отделяются друг от друга точкой с запятой;
 - список использованных источников, порядковые номера ссылок на источники в тексте приводятся внутри квадратных скобок [1, с. 23; 2, л. 10]. Список источников дублируется в транслитерации;
 - дата поступления статьи в редакцию, подпись автора.

Текст статьи подается на бумажном или электронном носителе. Электронный вариант подается в формате xxxxxx.doc (название файла – фамилия автора).

Подача статьи рассматривается как согласие автора на ее размещение в электронных библиотеках. Автор заключает лицензионный договор с РИВШ на право использования научного произведения в данном сборнике.

Для аспирантов (doctoral candidate) обязательна рецензия научного руководителя или рекомендация кафедры.

Авторы несут ответственность за содержание предоставленных в статьях материалов, гарантируют, что они публикуются впервые и являются оригинальными.

Статьи, не соответствующие предъявляемым требованиям, с многочисленными орфографическими, грамматическими ошибками могут быть отклонены на любом этапе формирования сборника. Рукописи, не прошедшие рецензирование, не возвращаются и не обсуждаются.

Статью подавать лично по адресу: г. Минск, ул. Московская, 15, к. 729 либо на e-mail: LongXIXcnt@mail.ru.

Более подробную информацию можно получить на официальном сайте РИВШ: <https://nihe.bsu.by/index.php/ru/sbornik-nauchnykh-trudov-dolgiy-xix-vek>.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ..... 3

Богданович Т. В. Ежегодные отчеты архива Динабургской коллегии иезуитов в контексте рекатолизации территории Латгалии (XVII–XIX века)..... 3

Денисенко Е. П. Белорусские книги начала XX века (1900–1914) в фондах ЦНБ НАН Беларуси..... 15

Любы А. У. Jagiellonica як гістарыяграфічная праблема ў працах аўтараў XIX – пачатку XX стагоддзя..... 26

Шимукович С. Ф. Профессура и студенчество XIX – начала XX века в российских диссертациях: поиск белорусского содержания..... 37

РАЗДЕЛ 2. ИДЕНТИЧНОСТИ И КУЛЬТУРА ЭЛИТ И НАСЕЛЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ..... 57

Бусько С. И. Канцелярия В. Н. Воейкова и проблема физического воспитания населения в белорусских губерниях в начале XX века 57

Ляневич А. С. Яўрэйскія спартыўныя таварыствы на тэрыторыі Усходніх Крэсаў у складзе Польскай рэспублікі ў 1920–1930-я гады..... 67

Снапкоўскі Ю. М. «Прамяністая зорка на гарызонце чалавецтва»: род немцаў Гіндэнбургаў у гісторыі Беларусі..... 75

Теплова В. А. Константин Васильевич Харлампович (1870–1932): жизнь историка на переломе эпох 102

Шевкун П. В. Проповедь как форма современной религиозности: эволюция проповеди на территории белорусско-литовских православных епархий в конце XVIII – начале XX века 122

РАЗДЕЛ 3. СОЦИАЛЬНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ: ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И КОНФЛИКТЫ..... 146

Воронич Т. В. Обязательные постановления и санитарно-гигиеническая модернизация Витебска в последней трети XIX – начале XX века 146

Ерашэвіч А. У. Працэнтны падаходны збор з памешчыцкіх маёнткаў на тэрыторыі Беларусі (1812–1819 гады)..... 159

Мілач Т. М. Проблемы землепользования на землях Ивановщины в конце XVIII - первой половине XIX века..... 175

РАЗДЕЛ 4. ВОЕННЫЙ ФАКТОР В ИСТОРИИ ЗАПАДНОГО РЕГИОНА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ..... 187

Малишевский Н. Н. Пинский добровольческий батальон: история и военно-политические аспекты формирования 187

Чикалова И. Р. Боевые действия на территории Беларуси в годы Первой мировой войны в отражении публикаций военного и межвоенного времени 201

РАЗДЕЛ 5. ПОСЛЕ «ДОЛГОГО XIX ВЕКА»: НОВЫЕ НАЦИИ И НАСЛЕДИЕ ИМПЕРИЙ..... 216

Швайко В. Г. Правовое положение, численность и социальный состав русского населения в Польше и Западной Беларуси в 1921–1939 годах.... 216

Мамайко И. А. Становление и развитие милиции в системе государственной власти БССР в 1919–1934 годах: источники и историография 230

Никулина Ю. В. Подготовка управленческих кадров в БССР в послевоенный период: источниковедческий анализ 242

Шабуневич С. Н. Разработка вопросов административного и судебного обжалования неправомерных действий государственных органов и их должностных лиц в отечественной правовой науке и законодательстве советского периода 251

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ В СБОРНИКЕ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ««ДОЛГИЙ XIX ВЕК» В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ИССЛЕДОВАНИЯ ПО НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ» 262

CONTENT

SECTION 1. SOURCES AND HISTORIOGRAPHY OF HISTORY AND CULTURE OF NEW TIME..... 3

Bogdanovica T. Annual reports of the Archive of the Dinaburg college of Jesuits in the context of the recatolization of the territory of Latgale (17th – 19th centuries)..... 3

Denisenko E. Belarusian books from the beginning of the 20th century (1900–1914) in the collection of the Central Science Library of NAS of Belarus 15

Liuby A. Jagiellonica as a historiographical problem in the works of authors of the 19th – early 20th centuries 26

Shymukovich S. Professor and students 19th – early 20th centuries in Russian dissertations: search for Belarusian content 37

SECTION 2. IDENTITIES AND CULTURE OF ELITES AND POPULATION IN EASTERN EUROPE..... 57

Busko S. Office V. N. Voeykov and the problem of physical education of the population in Belarusian provinces in the early 20th century..... 57

Lianeovich A. Jewish sports associations on the territory of the Eastern borders in the company of the Polish Republic in 1920–1930's..... 67

Snapkouski Y. «A shining star on the horizon of the humankind»: german Hindenburg family in the history of Belarus 75

Teplova V. Konstantin Vasilievich Kharlampovich (1870–1932): the life of a historian on the fracture of eras 102

Shevkun P. Preaching as a form of modern religiosity: evolution of preaching on the territory of the Belarusian-Lithuanian orthodox dioceses in the late 18th – early 20th centuries..... 122

SECTION 3. SOCIAL AND ECONOMIC MODERNIZATION IN BELARUSIAN LANDS: DAILY AND CONFLICTS..... 146

Voronich T. Mandatory regulations and sanitary and hygienic modernization of Vitebsk in the last third of the 19th – early 20th centuries..... 146

<i>Yerashevich A. V.</i> Interest income tax on landlords estates in Belarus (1812–1819).....	159
<i>Milach T.</i> Problems of land use on the lands of Ivanovo district at the end of the 18th – first half of the 19th century	175

**SECTION 4. MILITARY FACTOR IN THE HISTORY
OF THE WESTERN REGION OF THE RUSSIAN EMPIRE** 187

<i>Maliszewski N.</i> Pinsk Volunteer Batalion: history and political-military aspects of formation.....	187
<i>Chikalova I.</i> Combat actions in the territory of Belarus during the First World War in the mirror of the publications of the war and inter-war time.....	201

**SECTION 5. AFTER THE «LONG 19th CENTURY»:
NEW NATIONS AND THE HERITAGE OF EMPIRE.....** 216

<i>Shvaiko V.</i> Legal status, number and social composition of the Russian population in Poland and Western Belarus in 1921–1939.....	216
<i>Mamaiko I.</i> Formation and development of police in the system of state administration of the BSSR in 1919–1934: sources and historiography.....	230
<i>Nikulina Y.</i> Training of public administration personnel in the BSSR in the post-war period: analysis of sources.....	242
<i>Shabunevich S.</i> Development of issues of administrative and judicial complaints of illegal actions of State bodies and their officers in legislation and domestic legal science of the soviet period	251

**ARTICLE REQUIREMENTS IN THE COLLECTED
OF SCIENTIFIC WORKS «“LONG 19th CENTURY”
IN THE HISTORY OF BELARUS AND EASTERN EUROPE:
RESEARCH ON MODERN AND RECENT HISTORY».....** 262

Научное издание

**«ДОЛГИЙ XIX ВЕК»
В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО НОВОЙ
И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 5

Ответственный за выпуск *С. Ф. Шимукович*

Редактор *Н. В. Боярова*

Компьютерная верстка *К. А. Капустиной*

На обложке: картина «Домик с козочкой» (1920-е гг.)

Юдея Моисеевича Пэна (1854–1937)

Подписано в печать 25.08.2021. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 15,6. Уч-изд. л. 16,7. Тираж 100 экз. Заказ 70.

Издатель и полиграфическое исполнение
государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/174 от 12.02.2014.

Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.